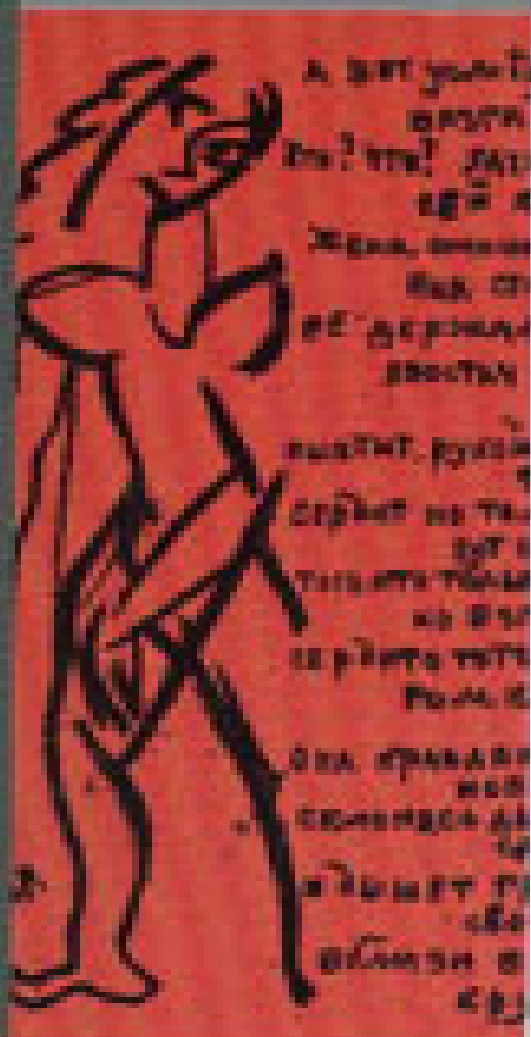

ХЛЕБНИКОВ

София
Старкина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Поэт Велимир Хлебников (1885–1922), «вечный узник созвучия», «председатель земного шара», «будетлянин» (от слова «будет»), как он себя называл, действительно оказался человеком будущего. Его творческие поиски во многом определили развитие не только русской, но и мировой культуры XX века, а найденные им «законы чисел», «законы времени», другие открытия оказались провидческими. Его короткая жизнь окружена легендами, за которыми скрываются факты еще более фантастические, нежели сами легенды. София Старкина, исследователь русского авангарда, специалист по творчеству В. Хлебникова, впервые предприняла попытку целостного жизнеописания поэта. Помимо строго документированной хроники жизни Хлебникова и анализа основных произведений, биография включает многочисленные воспоминания современников поэта, его письма и дневники.

- [София Старкина](#)
 - [НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)

- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. В. ХЛЕБНИКОВА

- БИБЛИОГРАФИЯ[133]

- notes

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- 8

- 9

- 10

- 11

- 12

- 13

- 14

- 15

- 16

- 17

- 18

- 19

- 20

- 21

- 22

- 23

- 24

- 25

- 26

- 27

- 28

- 29

- 30

- 31

- 32

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
 - [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
-

София Старкина

Велимир Хлебников

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Велимир Хлебников — поэт, во многом определивший пути развития русской литературы и всей русской культуры XX века. Его жизнь, короткая и стремительная, насыщена событиями, окружена легендами, за которыми стоят факты еще более удивительные, чем сами легенды. Хлебников был не только поэтом, но и лингвистом, орнитологом, математиком, историком, философом. Многие из его прозрений казались современникам утопией, но теперь, через восемьдесят четыре года после смерти поэта, его идеи начинают находить признание. Хлебников говорил о связи времени и пространства, о цикличности исторических процессов, о влиянии лунных и солнечных циклов на человека и природу, о закономерностях расселения народов в Европе. Он размышлял о происхождении и развитии языка, об условности языкового знака. В своих статьях Хлебников рассуждал об экономическом и политическом развитии России, о строительстве железных дорог, о современной архитектуре, о значении кино и радио. Он высказывался по проблемам экологии и атомной энергии, но в то же время оставался поэтом, удивительным и неповторимым. В 1912 году он дважды предупреждал в печати, что в 1917-м следует ждать «падения государства».

Хлебников сознавал, что опередил свое время, и глубоко чувствовал свое трагическое одиночество — одиночество поэта в мире. В стихах он называет себя «одиноким лицедеем», «вечным узником созвучия»,

«других миров ребенком», «звонким вестником добра», «священником цветов», «сеятелем очей», «русским дервишем», а чаще всего — «будетлянином» (от слова «будет»).

«От него пахнет святостью», — сказал о Хлебникове Вячеслав Иванов, а Владимир Маяковский в некрологе Хлебникову заявил: «Его биография — пример поэтам и укор поэтическим дельцам... <...> Считаю долгом черным по белому напечатать от своего имени и, не сомневаюсь, от имени моих друзей, поэтов Асеева, Бурлюка, Крученых, Каменского, Пастернака, что считали его и считаем одним из наших поэтических учителей и великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе».

Практически сразу после смерти Хлебникова началось изучение его жизни и творчества. Друзья и знакомые написали ряд воспоминаний о поэте, но возможности для их публикации почти не было. Официальное советское литературоведение свысока относилось к экспериментам Хлебникова, хотя его имя не было под запретом, как имена Гумилёва или Цветаевой.

В 1927 году в Кабинете современной поэзии при Государственном институте истории искусств в Ленинграде возникла мысль издать сборник произведений Велимира Хлебникова. «Пробивать» эту идею взялся писатель и историк литературы Юрий Тынянов. Его помощником стал молодой литературовед Николай Степанов. От имени издательства «Academia» они вели переговоры с друзьями Хлебникова по поводу публикации рукописей, но через год стало ясно, что «Academia» издавать книгу не будет. Тынянов и Степанов обратились в «Издательство писателей в Ленинграде», и им удалось заключить договор на подготовку трехтомника Хлебникова. Согласились помочь многие друзья Велимира, у которых оставались

его рукописи, прежде всего художник Петр Митурич, который де-факто остался хранителем основного корпуса хлебниковских автографов. Работа продвигалась очень медленно, и наконец в 1928 году вышел первый том уже не трехтомного, а пятитомного собрания произведений. Вступительную статью к нему написал Тынянов. Эта статья до сих пор не утратила своей научной ценности и остается основополагающей в хлебниковедении. Дальнейшая работа — собирательская, текстологическая, редакторская, организационная — осуществлялась практически полностью Степановым.

В течение 1928–1933 годов все пять томов были изданы. В них вошли поэмы, стихотворения, драматургия, проза, статьи, письма и записные книжки поэта. Это издание дает хорошее представление о творчестве Велимира Хлебникова. До недавнего времени оно оставалось единственным собранием его сочинений. Конечно, Степанов не мог решить всех вопросов, связанных с хлебниковским наследием, — многие из них остаются открытыми до сих пор. Подготовленный им пятитомник вызвал шквал критики, порой справедливой, порой откровенно злобной. Издание Н. Степанова критиковал Н. Харджиев (в статье «Ретушированный Хлебников»), критиковали с вульгарно-социологической точки зрения И. Поступальский и Б. Арватов. Критика Харджиева отчасти была обоснованной. Действительно, редакция допустила довольно много текстологических ошибок, некоторые произведения оказались не включены, не всегда были выдержаны принципы издания, оставляли желать лучшего комментарии.

В последующие годы Степанов продолжал пропагандировать творчество Хлебникова. Ему удалось издать сборники произведений поэта в самые тяжелые для русской культуры годы: том «Избранного» вышел в

1936 году, том стихотворений и поэм в Малой серии «Библиотеки поэта» — в 1940-м. Все эти книги моментально расходились, несмотря на то, что изданы были довольно большими тиражами. Так, маленький томик «Библиотеки поэта» вышел тиражом десять тысяч экземпляров. И тем не менее, по свидетельству Степанова, в «Книжной лавке писателей» в Ленинграде из-за него возникла настоящая драка.

Практически одновременно с пятитомным изданием Степанова стали выходить маленькие сборники «Неизданного Хлебникова». Каждый выпуск состоял из пятнадцатидвадцати страниц и был напечатан тиражом от пятидесяти до ста экземпляров. Почти для каждого выпуска текст был написан от руки и затем воспроизведен на стеклографе. В выходных данных указывалось, что издание осуществляет «Группа друзей Хлебникова». На самом деле и замысел, и его воплощение почти целиком принадлежали Алексею Крученых. Этими книжечками он продолжал традицию футуристических литографированных изданий 1910-х годов. Всего Крученых издал тридцать выпусков. Некоторые из них были даже не стеклографированы, а напечатаны на машинке в нескольких экземплярах. Последняя такая брошюрка вышла в 1935-м.

В 1940 году Теодор Гриц и Николай Харджиев, в свое время критиковавший Степанова за его работу, выпустили том «Неизданных произведений» Хлебникова. Это издание было подготовлено более тщательно, чем издание Степанова, однако оно охватывало лишь ничтожно малую часть хлебниковского наследия. В последующие годы Харджиев продолжал критиковать работу Степанова, равно как и работу всех остальных издателей и исследователей Хлебникова.

В 1940- 1970-е годы отдельными книгами стихи Велимира Хлебникова не выходили. Лишь в 1960-м

вторым изданием вышел том в Малой серии «Библиотеки поэта», да в антологиях и учебниках литературы появлялись стихотворения «Заклятие смехом» и «Бобэоби» — как пример буржуазного, упаднического искусства. Несмотря на то что официального запрета на публикацию произведений Хлебникова не было, они оказались почти недоступными целому поколению читателей.

Опасность подстерегала произведения Хлебникова и с другой стороны. В 1930-е годы Маяковский был объявлен «лучшим и талантливейшим поэтом нашей эпохи», а поскольку игнорировать роль Хлебникова и футуризма в творческой биографии Маяковского было невозможно, то произведения Хлебникова приходилось «подверстывать» под соцреализм, партийность и народность. У читателя это могло вызвать скорее неприязненное отношение к творчеству «будетлянина».

«Поворот к Хлебникову» в нашей стране произошел только в конце 1970-х — начале 1980-х годов. К тому времени серьезными изысканиями в хлебниковедении уже занимались В. П. Григорьев, Р. В. Дуганов, А. Е. Парнис и другие исследователи. В 1985 году отмечалось столетие со дня рождения поэта, и к этой дате был приурочен выход нескольких новых книг. Стараниями В. П. Григорьева и А. Е. Парниса был издан большой том «Творений» Хлебникова, куда вошли почти все основные произведения поэта. Несколько сборников в Москве, Волгограде и Элисте в 1980-е годы издал Р. В. Дуганов. Тогда же он начал готовить новое собрание сочинений Хлебникова, но, к сожалению, не дожил до выхода в свет этого издания. В 1998-м Дуганов безвременно скончался. Работу над новым собранием продолжил Е. Р. Арензон. К настоящему времени издание почти завершено (вышло уже пять томов и первый полутом шестого). В 1990-е годы интерес к Велимиру Хлебникову необычайно возрос. С появлением

в России частных издательств его стихи стали издаваться во многих городах.^[1]

Творчество Хлебникова изучают литературоведы в разных странах. В Астрахани, на родине поэта, регулярно проводятся Международные Хлебниковские чтения. Там же учреждена Литературная премия имени В. Хлебникова. Конференции, посвященные творчеству «будетлянина», проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Хельсинки, Стокгольме, Амстердаме. Хлебниковское общество, созданное еще в 1980-е годы, выпускает «Вестник Общества Велимира Хлебникова». Поэтические встречи и вечера регулярно проходят в Доме-музее В. Хлебникова в Астрахани. Там же стараниями директора музея А. А. Мамаева выходит газета «Хлебниковская веранда».

В конце 1980-х и в 1990-е годы были опубликованы многочисленные воспоминания друзей и современников Хлебникова. Так, вышли написанные еще в 1930-е годы «Фрагменты из воспоминаний футуриста» Д. Бурлюка, мемуары А. Крученых «Наш выход». Ранее были опубликованы воспоминания В. Каменского «Путь энтузиаста», Б. Лившица «Полутораглазый стрелец». Много новых фактов творческой биографии поэта выявили А. Е. Парнис, Р. В. Дуганов, другие исследователи. И все же биография Хлебникова так и не была написана. Лишь в 1975 году вышла книга Н. Л. Степанова «Велимир Хлебников», где жизнь и творчество поэта рассматривались с позиций официального советского литературоведения.

Таким образом, предлагаемая читателям книга была бы невозможна, если бы не работы указанных выше исследователей, а также Х. Барана, Р. Вроона, В. П. Григорьева, А. Т. Никитаева, Н. Н. Перцовой и многих других «велимироведов». Особую благодарность автор испытывает к памяти Рудольфа Валентиновича

Дуганова. Автор благодарит сотрудников музеев, архивов и библиотек, и прежде всего заведующего Домоммузеем В. Хлебникова в Астрахани А. А. Мамаева, хранителя книжного фонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (Петербург) Н. П. Пакшину. Неоценимую помощь в написании книги оказали представители семьи Митуричей-Хлебниковых, а также А. Е. Парнис, А. В. Крусанов и А. М. Мирзаев.

Произведения Хлебникова цитируются по изданиям: Собрание произведений в 5 т. / Под ред. Н. Степанова. Л., 1928-1933; Неизданные произведения / Под ред. Н. И. Харджиева и Т. С. Грица. М., 1940; Творения / Под ред. А. Е. Парниса и В. П. Григорьева. М., 1987; Утес из будущего / Под ред. Р. В. Дуганова. М., 1988; Собрание сочинений в 6 т. / Под ред. Р. В. Дуганова и Е. Р. Арензона. М., 2000-2004 (т. 1-5).

В тех случаях, когда тексты цитируются по рукописям, они сопровождаются ссылкой на архивную единицу хранения.

После выхода книги в издательстве «Вита Нова» ценные замечания и уточнения были сделаны А. А. Мамаевым, Н. В. Перцовым, А. Россомахиным. Приношу им свою искреннюю благодарность.

Глава первая

«НУЖНО ЛИ НАЧИНАТЬ РАССКАЗ С ДЕТСТВА?..» 1885-1907

*Судьи, вы изумленно
остановились: кто я?
Покой смущен, не знает совесть.
Я предлагаю вашему вниманию
повесть,
Чтоб, вольные карать или
оправдать, вы выбрали любое.*

«Нужно ли начинать рассказ с детства?» — спрашивает Велимир Хлебников, приступая в 1917 году к автобиографическому повествованию. Вопрос риторический, потому что и до этого и после именно к первым своим воспоминаниям Хлебников обращался неоднократно. Его детство в чем-то похоже на детство других русских поэтов, выросших, по выражению Анны Ахматовой, в прохладной детской молодого века, а в чем-то очень и очень отличается.

В упомянутом автобиографическом рассказе появляется «второе я» поэта — монгольский мальчик, задумавшийся о судьбах своего народа. Мальчик стоит перед ламаистским монастырем — хурулом, с ворот которого на него смотрят вырезанные из дерева слоны. «Тогда у меня было поручение достать монгольских кумиров, но я его позорно не выполнил, — пишет Хлебников. — Я помню себя очень маленьким, во время

детского спора: могу ли перелезть через балясину? Я перелезаю и вызываю похвалу старшего брата. Прикосновение телом к балясине до сих пор не исчезло из памяти». Это подлинные детские воспоминания Велимира Хлебникова. Он вырос в необъятной калмыцкой степи среди кочевников-ламаистов. В Малодербетовском улусе (улус — административно-территориальная единица в Калмыкии), где родился будущий поэт, было несколько больших и малых хурулов. Современный исследователь так описывает внешний вид ламаистского святилища: «Уже издали перед паломником возникал нарушающий монотонный степной пейзаж сложный архитектурный комплекс монастыря с четкими линиями его белоснежных стен, с блестящими на солнце золочеными крышами храмов. Главный храм обязательно обнесен побеленной кирпичной, реже бревенчатой оградой. В плане она — правильный прямоугольник, в углах которого на высоких шестах развеваются разноцветные лоскуты материи с начертанными на них магическими текстами. Это так называемые дарцоки, призванные отгонять злые силы от территории монастыря. По обе стороны ограды тянутся ряды „молитвенных колес“ (маниин-хурдэ). Это насаженные на вертикальную ось большие металлические или деревянные цилиндры, заполненные молитвенными текстами. С помощью гладких от прикосновений многих тысяч ладоней рукояток паломники вращают эти цилиндры. Считается, что один поворот цилиндра равнозначен прочтению всех заложенных в маниин-хурдэ молитв. Только обойдя таким образом вокруг всего монастыря и совершив этот обряд, паломник решается проникнуть за его ограду. Внутри ограды ведут несколько калиток и расположенный посередине южной стены главный вход, который открывается лишь в дни торжественных богослужений. В крупных монастырях этот главный

вход имеет вид храма, в нижней части которого устроен закрываемый воротами проход. Ворота обычно красного цвета, часто украшены изображением драконов и „охраняются“ фигурами богов — покровителей четырех стран света». [2]

Буддийский мир, калмыцкий быт, калмыцкие мифы и предания прочно вошли в сознание Велимира Хлебникова. Знаменательно, что последнее его произведение, труд нескольких лет его жизни, назван «Доски судьбы». Доски судьбы используют при вычислении времени и в гаданиях калмыцкие и тибетские астрологи.

О месте своего рождения Хлебников писал: «Родился... в стане монгольских исповедующих Будду кочевников — имя „Ханская ставка“, в степи — высохшем дне исчезающего Каспийского моря». Его отец, Владимир Алексеевич Хлебников (1857-1934), служил попечителем Малодербетовского улуса управления калмыцким народом. В зимней ставке, в доме попечителя, и родился будущий поэт. [3] Первые воспоминания Хлебникова связаны также с природой этого края:

Меня окружали степь, цветы, ревучие
верблюды,
Круглообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица однообразно худы,
Огнем крыла пестрящие простор удода —
Пустыни неба гордые пожитки.

Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков.
Порой под охраной надежной казаков
Углублялся в глушь степную караван.
Разбои разнообразили пустыни мир,

И вороны кружили, чуя пир,
Когда бряцала медь оков.
Ручные вороны клевали
Из рук моих мясную пищу,
Их вольнолюбивее едва ли
Отроки, обреченные топорщику.
Досуг со мною коротая,
С звенящим криком: «сирота я»,
Летел лебедь, склоняя шею,
Я жил, природа, вместе с нею.
Пояс казаков с узорной резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек,
Порой зарницей вспыхнувший разбой —
Вот что наполняло мою душу, человек.

Владимир Алексеевич Хлебников немало сделал для России. Ученый, орнитолог, лесовед, он был основателем и директором Астраханского заповедника — первого заповедника в России. Всю жизнь отец поэта много и тяжело работал, чтобы содержать семью. Своих сыновей он тоже хотел видеть учеными, но вышло все иначе. Он был человеком необычайной честности и щепетильности. Так, однажды во время охоты Владимир Алексеевич случайно подстрелил птицу, на которую охота была запрещена. После этого он сам себе выписал штраф. Семья отнеслась к этому как к совершенно естественному поступку.

В. А. Хлебников происходил из старинного купеческого рода. Дед Владимира Алексеевича, купец первой гильдии Иван Матвеевич Хлебников, добился для себя, своих детей и внуков звания потомственных почетных граждан города Астрахани. Это звание давало некоторые привилегии. Все почетные граждане освобождались от рекрутской повинности, подушной

подати и телесных наказаний, имели право участия в городском самоуправлении. Разумеется, почетное гражданство было сопряжено и с обязанностями по отношению к родному городу. Хлебниковы исправно трудились на благо Астрахани и всей России. Дядя поэта Лаврентий Алексеевич во время наводнения уговорил купцов пожертвовать мешки с мукой для спасения города. Велимир Хлебников вспомнил об этом в поэме «Хаджи-Тархан» (Хаджи-Тархан — старое название Астрахани).

Когда осаждался тот город рекой,
Он с нею боролся мешками с мукой.

Другой дядя, Петр Алексеевич, профессор московской Военно-медицинской академии, написал книгу «Физика земного шара». В семейной библиотеке Хлебниковых сохранилась эта книга с пометами Велимира Хлебникова. Двоюродный дядя поэта, Харлампий Николаевич, открыл в Астрахани женское четырехклассное училище, добивался проведения железной дороги между Астраханью и Царицыном. В двух учебных заведениях Астрахани была учреждена его именная стипендия. Его сын, Петр Харлампиевич, — автор труда «Астрахань в старые годы». Она тоже сохранилась в семейной библиотеке (ныне — в Доме-музее В. Хлебникова в Астрахани).

Велимир Хлебников гордился своими предками, но выделял и некоторые семейные черты, которые трудно назвать положительными. «При поездке Петра Великого по Волге мой предок угощал его кубком с червонцами разбойничьего происхождения. В моих жилах есть армянская кровь (Алабовы) и кровь запорожцев

(Вербицкие), особая порода которых сказалась в том, что Пржевальский, Миклухо-Маклай и другие искатели земель были потомк<ами> птенцов Сечи». «Многие Хлебниковы отличаются своенравием и самодурством», — пишет он с явной симпатией к этому «самодурству». Такая характеристика вполне подходит прадеду поэта Ивану Матвеевичу, который, несмотря на то что был купцом первой гильдии, дважды побывал под судом. В первый раз — за «нанесение им дворовому человеку побоя с сорвaniem при том с головы его шапки», второй — «за проживание у него с не явленным в полицейское ведомство паспортом казенного крестьянина».

Отец поэта не унаследовал буйного нрава предков и не пошел по торговой части. Он окончил Санкт-Петербургский университет (отделение биологии естественного факультета). «Отец — поклонник Дарвина и Толстого, большой знаток царства птиц, изучавший их целую жизнь», — писал Хлебников. Владимир Алексеевич служил по ведомству Министерства земледелия и государственного имущества, опубликовал девятнадцать научных работ, собрал уникальную коллекцию птиц Астраханской губернии, за что получил Большую серебряную медаль на Казанской промышленной выставке 1890 года, возглавлял Петровское общество исследователей Астраханского края.^[4] Он вышел в отставку в чине статского советника, имел ордена Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 3-й и 2-й степени. В табели о рангах этот чин соответствовал 5-му классу и давал право на получение личного дворянства. Следующий чин — действительный статский советник — уже дал бы право на потомственное дворянство.

В 1882 году, выйдя из университета со степенью кандидата естественных наук, Владимир Алексеевич

Хлебников женился на Екатерине Николаевне (1849–1936), дочери капитана гвардии, действительного статского советника Николая Иосифовича Вербицкого. Она училась в Смольном институте, затем в детском приюте обучала сирот русскому языку, арифметике, географии и естественной истории; в 1877 году во время Русско-турецкой войны ухаживала за ранеными. Она была близка к «Народной воле», ее двоюродный брат — известный народоволец Александр Михайлов, за участие в заговоре приговоренный к смертной казни. Через Екатерину Вербицкую шла переписка арестованных народовольцев с родными. Образ матери отразился в поэме Хлебникова «Ночь перед Советами» (1921).

В Смольном девицей была, белый носила передник,
И на доске золотой имя записано: первую шла.
И с государем раза два или три, тогда был наследник,
На балу плясала в общей паре.
После сестрой милосердия спасала больных
В предсмертном паре, в огне.
В русско-турецкой войне
Ходила за ранеными, дать им немного ласки и нег.
Терпеливой смерти призрак, исчезни!
И заболела брюшною болезнью,
Лежала в бреду и жажде.
Ссылным потом помогала, сделалась красной,
Была раз на собраньи прославленной «Воли Народной» —
опасно как! —
На котором все участники позже
Каждый

Качались, удушены
Шеями в царские возжи.
Билися насмерть, боролись
Лучшие люди с неволей.
После ушла корнями в семью:
Возилась с детьми, детей обучала.
И переселилась на юг.

Правда, Екатерина Николаевна не окончила Смольный институт, но ее сестра Варвара действительно окончила его с золотой медалью. Когда Е. Н. Вербицкая вышла замуж за В. А. Хлебникова и уехала с ним из Петербурга в калмыцкую степь, ей было тридцать три года, мужу — двадцать пять лет. Ни друзья, ни родители молодоженов не одобряли этот брак. Несмотря на то что и материальные и прочие трудности преследовали Хлебниковых всю жизнь, брак их был посвоему счастливым. Их письма во время вынужденных разлук всегда полны нежности и тревоги.

Виктор (Велимир — литературный псевдоним) Хлебников родился 28 октября (9 ноября по новому стилю) 1885 года. Его крестили 1 августа 1886 года в Тундутовской Вознесенской церкви Черноярского уезда Астраханской губернии. Восприемниками стали Борис Лаврентьевич Хлебников и Екатерина Петровна Левитова. Б. Л. Хлебников приходился двоюродным братом Виктору, но он был старше его. К тому времени у Владимира Алексеевича и Екатерины Николаевны уже родились дочь Катя (1883) и сын Борис (1884). Затем в 1887-м родился Александр, а в 1891-м — Вера. В поэме «Ночь перед Советами» Хлебников дает такую характеристику своим братьям и сестрам:

Дети росли странные, дикие,
Безвольные, как дитя,
Вольные на всё,
Ничего не хотя:
Художники, писатели,
Изобретатели.

Эта характеристика больше подходит к нему самому и двум младшим. Вера стала впоследствии известной художницей, Александр проявил себя как талантливый изобретатель. Он окончил естественное отделение Московского университета, увлекался ихтиологией и физиологией и мог бы прославиться, но пропал без вести на польском фронте во время Гражданской войны. У родителей до последних дней была надежда узнать что-нибудь о судьбе младшего сына... Старший брат Борис умер рано. Это случилось в 1908 году в Казани. Катя умерла в 1924-м, через два года после Велимира. Ее судьба тоже сложилась несчастливо. С большим трудом ей удалось стать зубным врачом (видимо, учеба ей давалась очень тяжело), на свои деньги она оборудовала в Астрахани, в квартире родителей, зубоврачебный кабинет. После установления советской власти государство конфисковало все дорогостоящие инструменты, а сама Екатерина была направлена на работу в астраханскую степь, в тяжелейшие условия. Все это подорвало ее здоровье. Из всех детей только одна Вера пережила родителей и была им опорой и поддержкой в старости. Виктор, несмотря на нередкие ссоры, всегда с нежностью относился к своим родным. «Твой брат до конца земных ошибок, близок он или далек» — так подписал он однажды письмо к Александру. Лучше всех его понимала младшая сестра. «Я тронут, — писал

Хлебников семье в 1912 году после выхода книги „Учитель и ученик“, — что Вера не присоединилась к семейной дрожи за потрясение основ». «Уверяю вас, — обращается он к остальным, — что там решительно нет ничего такого, что бы позволило трепетать подобно зайцам за честь семьи и имени. Наоборот, я уверен, будущее покажет, что вы можете гордиться этой скатертью-самобранкой с пиром для духовных уст всего человечества, раскинутой мной». К сожалению, отец придерживался другого мнения. Он хотел видеть Виктора ученым-естественником или математиком и не смог простить ему измены науке ради сомнительной литературной стези. Несмотря на это, долгие годы он продолжал поддерживать сына материально.

Сначала средний сын радовал отца. Естественно, круг общения с людьми у маленького Виктора Хлебникова был ограничен родителями, братьями и сестрами. Это сильно повлияло на формирование его характера. Он, как пишет младшая сестра Вера, был красивым, кротким, рассудительным, но очень упрямым ребенком. Когда Виктору не было еще шести лет, семья переехала в другой конец России: в село Подлужное Волынской губернии, куда отец был назначен управляющим. «Там было приволье: река Горынь, чудный парк, запущенные цветники, всевозможные развалины... Это заставляло работать детское воображение, и Витя упорно утверждал изумленным братьям, что у него свое королевство и каждый день за ним прилетает белый лебедь...»^[5] Ощущение покоя, приволья, слитности с природой осталось и у самого поэта: ему вспоминаются «старый сад, столетние яворы, гора обломков камней, поросшая деревьями, — сгоревший во время восстания дворец польского пана: во время этой зари жизни мы были мудрецами, и проводить день в теплой речке было законом наших

дней». Вместе с отцом он с удовольствием возился с гнездами, яйцами, зверьками, бабочками.

Екатерина Николаевна часто болела, ей было тяжело справляться с детьми, и, пока дети были маленькими, она по несколько месяцев в году проводила в Петербурге у родственников, где можно было рассчитывать на помощь родителей, братьев и сестер. В Петербурге детей водят в Эрмитаж, в Казанский и Исаакиевский соборы, в Зоологический сад и Зоологический музей. Виктор уже тогда проявляет большую любознательность и интерес к учебе, увлекается рисованием.

Варвара (сестра Екатерины Николаевны) пишет из Петербурга Владимиру Алексеевичу: «На долю Шуры, Вити и Веры выпадает больше похвал, чем на долю старших. Витя всегда занят чем-нибудь. На него произвел впечатление в Мурине художник, срисовывавший с натуры, и он часто спрашивает, будет ли и он уметь рисовать, когда вырастет. Мне кажется, что у него есть способность к рисованию — от тебя унаследовал. Дети решили, что он будет художником, а Боря музыкантом». Забегая вперед, можно сказать, что Хлебников действительно стал вполне профессиональным художником, подобно многим своим друзьям-футуристам и поэтам предшествующей эпохи. Сохранились и очень точные зарисовки птиц, и портреты, и пейзажи, выполненные Хлебниковым. В другом письме Варвара Николаевна снова пишет: «Витя готов целые дни рисовать или слушать рассказы и чтение. Мне бывает часто жаль, что нет времени, чтоб уделить ему — так ему хочется учиться. Он вырос больше других и иногда бывает очень мил».^[6]

Вскоре Владимира Алексеевича переводят на новое место службы, и вся семья переезжает в село Помаево Симбирской губернии. Виктору уже одиннадцать лет, и

его начинают всерьез готовить к поступлению в гимназию. Перед родителями встал существенный вопрос: где учить сына? Ясно было, что у него хорошие способности, что он сам стремится к учебе. Варвара Николаевна (к тому времени она вышла замуж за Николая Рябчевского) еще раньше предлагала привезти Виктора к ним в Черкассы. Можно было бы обучать его и в Петербурге, где оставалась жить еще одна сестра матери, Софья Николаевна, а также ее родители и брат, но этот вариант по каким-то причинам не устраивал ни Хлебниковых, ни Вербицких. Тем не менее мальчика серьезно готовят к поступлению в классическую гимназию. С ним занимается француженка Адриенна Роже, а зимой 1896/97 года — Александр Сергеевич Глинка, в будущем известный критик, писавший под псевдонимом Волжский. Тогда же Глинке было всего восемнадцать лет и его только что выгнали из гимназии. Вероятно, сочувствие юного Глинки народничеству, его увлечение идеями Н. К. Михайловского повлияли на выбор Хлебниковых. Из Помаева в августе 1897-го Виктора привезли в Симбирск, где он поступил в третий класс гимназии.

Незадолго до этого состоялся его «литературный дебют»: первое стихотворение «Птичка в клетке» датировано 6 апреля 1897 года.

О чем поешь ты, птичка в клетке?
О том ли, как попалась в сетку?
Как гнездышко ты вила?
Как тебя с подружкой клетка разлучила?
Или о счастье твоем
В милом гнездышке своем?
Или как мушек ты ловила
И их деткам носила?

Это также первое стихотворение Хлебникова на орнитологическую тему. Несмотря на то что он не стал профессиональным орнитологом, как того хотел отец, птичий мир является важнейшей составляющей его творчества — от раннего стихотворения «Там, где жили свиристели...» до «птичьего языка» в последней, написанной незадолго до смерти свержповести «Зангези». К примерам, темам, образам, взятым из птичьего мира, Хлебников обращался и в своих теоретических построениях. В этом детском стихотворении интересно и то, что юный поэт как бы предчувствует скорое расставание с деревенским привольем и переезд в чужой незнакомый город. В Симбирске Виктору пришлось жить одному в чужой семье, и он сильно тосковал по дому, тяготился гимназической обстановкой и товарищами. Катя — старшая сестра — в тот год тоже училась в Симбирске, но жили брат с сестрой отдельно.

Уже в следующем году Владимир Алексеевич получил новое назначение: его перевели в Казань на должность управляющего Казанским удельным имением, и туда же переехала вся семья. Конечно, крупный университетский город для продолжения образования детей был предпочтительнее. С Казанским университетом были связаны имена Лобачевского, Бутлерова, Льва Толстого. В Первой казанской гимназии когда-то учились Державин, Аксаков, Шишкин. Во Второй гимназии учился сам глава семьи Владимир Алексеевич Хлебников. В Казани прошла юность Шаляпина и Горького. Через несколько лет Горькому — признанному литературному мэтру — Хлебников отправит на отзыв свое первое произведение.

Виктор поступил в четвертый класс Третьей казанской гимназии. Многие ее преподаватели были тесно связаны с университетом. Выпускниками

Казанского университета были учитель истории и географии В. А. Белинин, учитель математики Н. Н. Парфентьев. Размер платы за учебу составлял 46 рублей в год (плата за семестр в университете — 22 рубля). Годовой доход семьи Хлебниковых тогда складывался следующим образом: жалованье отца — 1250 рублей в год, столовые — еще 1250, квартирные — 600, разъездные — 300.^[7]

Хлебников особо не выделялся своими успехами среди одноклассников. По успеваемости к окончанию гимназии он был десятым из двадцати пяти учеников. Тихий и замкнутый, он близко сошелся только со своим одноклассником Борисом Денике, в будущем крупнейшим специалистом по восточному искусству. Денике рассказывает о литературных успехах Виктора Хлебникова в гимназии: «...преподаватель словесности сказал, что прочтет лучшее сочинение. Оно поразило нас оригинальностью языковых оборотов и очень свободным подходом к теме. „Это написал Виктор Хлебников“, — сказал преподаватель. Хлебников во время чтения сидел с равнодушным видом, как будто это его не касалось. Вскоре, однако, преподаватель словесности разочаровался. Он сказал, что у Хлебникова есть способности, но он их губит стремлением к необычным выражениям».^[8]

Но все же Хлебников пока отдает предпочтение другим областям знаний. В аттестате зрелости написано, что он с большим увлечением занимался математикой. Родители поощряли занятия детей музыкой и рисованием. На дом приглашались лучшие учителя, среди которых были художники П. Беньков и Л. Чернов-Плесский. В качестве вольнослушателя Виктор посещает рисовальный класс Казанской художественной школы, в которой училась и Вера. В семье была прекрасная библиотека, где дети могли

познакомиться с произведениями Дидро, Канта, Спенсера, Конта, Тейлора, Спинозы, Дарвина, А. Богданова. Можно сказать, что образование, которое давала семья, было широким, но в то же время несколько специфическим. Поощрялись занятия наукой, поощрялось чтение серьезной классической литературы. Новейшие течения в литературе, прежде всего символистов, отец не одобрял и даже настойчиво исключал из семейного чтения.

Это наложило отпечаток на формирование Хлебникова: Спинозу и Лейбница он прочел раньше, чем Сологуба и Брюсова. Можно сказать, что та культурная среда, к которой принадлежала семья Хлебниковых, была неразрывно связана с позитивизмом, с религиозным вольнодумством, либерализмом, народничеством. Отход от этой культуры Хлебников ощутит как разрыв, как ее преодоление. Сходный путь проделал за несколько лет до Хлебникова и Александр Блок, порвавший с «бекетовской» культурой, и Андрей Белый, сын профессора Н. Бугаева, студент физико-математического факультета. Все они независимо друг от друга идут в русской литературе и русской культуре по тому пути, который за полвека до них прошел Владимир Соловьев, ключевая фигура русского культурного ренессанса: преодолевая позитивизм и материализм, соединяя доселе несоединимое, — к «новому строю слов и вещей», «новому зрению», по выражению Юрия Тынянова.

Конечно, серьезное чтение, серьезные занятия наукой относятся уже к студенческим годам Хлебникова. В 1903 году Виктор окончил гимназию. На экзамене по русскому языку он получил «удовлетворительно», по русской словесности — «хорошо» за ответ о понятии драмы, истории развития драмы и о греческом театре; по геометрии — «отлично» (такой результат был всего у двух из восемнадцати

выпускников), по алгебре — «хорошо». По истории Виктор получил «хорошо» за ответ о царствовании Михаила Федоровича и о борьбе плебеев и патрициев за уравнение прав, по Закону Божьему — тоже «хорошо» за ответ о внешнем богочитании. На экзамене по греческому языку ему досталось читать десятую главу «Одиссеи», рассказывать об особенностях «гомеровского диалекта» и о содержании «Илиады». Его ответ также был оценен на «хорошо». Наконец, по французскому языку Виктору поставили «отлично». По этим оценкам едва ли можно было предположить, что получивший их станет вовсе не математиком, не ученым, а поэтом, реформатором русского стиха.

Получив аттестат зрелости, Хлебников подал прошение о приеме в Казанский университет на математическое отделение физико-математического факультета. Такое решение далось ему не сразу. Об этом можно судить по тому, что ранее в его опросном листе в графе о продолжении учебы было написано: «специальное учебное заведение», а затем — «Петербургский Политехнический институт». Вероятно, на окончательный выбор повлиял отец, не желавший слишком рано выпускать детей в самостоятельную жизнь.

Летом Хлебников уехал в геологическую экспедицию в Дагестан, а осенью приступил к занятиям. Он записался на следующие курсы: богословие, неорганическая химия, аналитическая геометрия, введение в математический анализ, физика, сферическая тригонометрия, история математики, английский язык. Хлебников попадает в новую для себя среду, казалось, гораздо более близкую ему, хотя позже выяснится, что это не так. Уже тогда Хлебников выделялся среди студентов. А. В. Васильев, профессор математики Казанского университета, вспоминал (в разговоре с С. Я. Маршаком): «Мы, профессора, в те

годы, как и нынешние педагоги, стремились общаться с нашими студентами не только на лекциях и экзаменах, а также вне стен университета. Мы устраивали с их помощью встречи на частных квартирах, где студенты выступали с рефератами на интересующие их темы, вступали в жаркие споры. Мы принимали участие в таких обсуждениях. Иногда на эти интересные встречи приходил и Хлебников. И, удивительно, при его появлении все почему-то вставали. И совсем непостижимо, но я тоже вставал. А ведь я уже многие годы был профессором. А кем был он? Студентом второго курса, желторотым мальчишкой! Я до сих пор не понимаю, почему же я вставал все-таки вместе со всеми студентами? Это что-то такое, чему нет объяснений!»^[9] Такие же ощущения при встрече с Хлебниковым испытывали многие его современники. Но в среде университетских товарищей Хлебников по большей части чувствовал себя одиноким. «Нельзя, плывя против течения, искать у него поддержки», — записал он как-то раз после студенческой вечеринки. Ему же были близки именно те люди, кто, как и он сам, «плыл против течения».

Одним из таких людей был Николай Иванович Лобачевский (1792–1856), создатель неевклидовой геометрии, в прошлом — ректор Казанского университета. Лобачевский пересмотрел пятый постулат Евклида, то есть построил свою геометрию на том, что через одну точку можно провести бесконечное множество прямых, параллельных данной. Правда, когда Лобачевский впервые выступил с докладом на эту тему, он был освистан, и на долгие годы его деятельность была предана забвению. Имя Лобачевского много раз встречается в произведениях Хлебникова. «И пусть пространство Лобачевского / Летит с знамен ночного Невского», «Пусть Лобачевского

кривые / Украсят города», — призывает он в поэме «Ладомир». Сам Хлебников сделает со словом нечто похожее, создаст по образцу «воображаемой геометрии» свою «воображаемую филологию».

Не прошли мимо Хлебникова и революционные увлечения. Сестра Вера вспоминает: «...он как-то запер свою комнату на крюк и торжественно вынул из-под кровати жандармское пальто и шашку, так, по его словам, он должен был перерядиться с товарищами, чтоб остановить какую-то почту, затем это было отложено. И однажды он с моей детской помощью зашил все это в свой тюфяк подальше от взоров родных!»

Казанский университет еще с 1880-х годов считался «беспокойным». Кстати, именно здесь учился самый известный русский революционер В. И. Ульянов. В начале XX века вольнодумство студентов проявлялось по-разному. Хлебников описывает, например, такой эпизод: «Кто-то в коляске быстро подъехал к толпе. „Урра! Урра!“ — загремело в черной, цеплявшейся возле коляски толпе. „Спасибо, спасибо“, — задумчиво и несколько наклонив голову произнес их превосходительство. Лицо его выражало совершенное удовольствие. Я в недоумении огляделся. „Как же так?“ — удивленно соображал я. И вдруг чей-то тонкий голосок, отделившись от толпы, прозвенел: „Дуррак!“ И я тогда понял и вместе с другими закричал радостно и весело: „Дурра! Дуррак!“ Их превосходительство несколько смущенно махнул ручкой и велел отъехать».

[\[10\]](#)

Неизвестно, чем кончился этот эпизод, но другая студенческая сходка закончилась для многих, в том числе для Хлебникова, печально. 5 ноября 1903 года в актовом зале университета состоялся музыкальный вечер, посвященный 99-й годовщине со дня основания

университета. Хлебников присутствовал на этом вечере. О том, что случилось дальше, мы можем узнать из протокола, составленного помощником казанского полицмейстера: «Из здания Казанского университета в 10 часов вечера, по окончании концерта, вышла толпа студентов около 250 человек и направилась с возгласами „К театру. К театру! Там споем“. Я подошел к толпе студентов и предложил разойтись. Часть студентов послушалась и стала расходиться, а группа человек 100, имея в своей среде заметно выпивших, с криками „К театру. К театру“, двинулась по направлению к Николаевской площади, где и были оцеплены. После этого подстрекатели в числе пяти человек были взяты и отправлены в 1-ю Полицейскую часть, остальные же стали расходиться в разные стороны. После этого через полчаса из Университета вновь вышли запоздавшие студенты с вторично собравшимися в здании Университета на ступени и площадку подъезда и запели „Gaudeamus“, „Дубинушку“ и „Из страны, страны далекой“ не общим хором, а группами — всякий свое, а затем из среды студентов раздался властный возглас „Споем вечную память Симонову. Шапки долой“^[11] и вся толпа запела „Вечную память“. На требование мое прекратить пение и разойтись исполнения не последовало и пение продолжалось, почему мною отдан был приказ оцепить и задержать находившихся на площадке подъезда Университета. Когда стали задерживать нарушителей порядка, то большинство студентов бросилось внутрь здания Университета через главный ход, причем разбили стекла в дверях. Об этом было дано знать г. Полицеймейстеру, находившемуся в театре, который тотчас явился к зданию Университета, потребовал прекращения шума, очистить площадь от публики, стоявшей на тротуарах, а студентам предложил или

вернуться в Университет, или же разойтись, но студенты продолжали кричать „Вон. Долой“. Тогда г. Полицеймейстер приказал задерживать нарушителей порядка, и когда несколько человек было задержано, то толпа студентов хлынула в Университет и затворили дверь, причем один из студентов палкой выбил стекло в дверях. Вслед за этим порядок был восстановлен».^[12]

Помощник полицмейстера не упомянул о том факте, что студентов разогнали конные казаки с нагайками. В числе тридцати пяти задержанных оказался и Виктор Хлебников. По воспоминаниям Екатерины Николаевны, отец пошел и стал уговаривать Витю уйти, но тот остался. Когда начали арестовывать, многие убежали чуть ли не из-под копыт конной полиции. Но Виктор опять остался. Как он объяснил потом: «Надо же было кому-нибудь и отвечать». Через год Хлебников вспоминал: «Нас не била плеть, но плеть свистала над нашей спиной. Четвертого <ноября> прошлого года мы мирно беседовали в этот час у самовара, пятого мы пели, мы стояли спокойно у дверей нашей Alma Mater, а шестого уже мы сидим в Пересыльной тюрьме. Вот то мое прошлое, которым я горд. Гулко падали ноги казацких коней на мерзлую землю, когда мерно скакал на нас отряд казаков. Ближе, ближе... кони растут, становятся огромными... Я упал на локти, меня втащили на помост, под высокие колонны. Не так ли? „Это вы? — окликнули меня. — Идите сюда, голубчик“. С суками в руках, в тулупах, стояли вокруг нас дворники, бесстрастные и неподвижные, образовывая вокруг нас кольцо неодухотворенного человеческого мяса, с душою в потемках, не озаренной сознанием. А после две огромные неповоротливые руки, взяв под мышки, почти повели, а иногда несли, в старый каменный ящик с черной доской над входом, рядом с которым высилась пожарная каланча».

В тюрьме Хлебников провел месяц. Оттуда он пишет родителям бодрое письмо: «Дорогая мама и дорогой папа! Я не писал оттого, что думал, что кто-нибудь придет на свиданье. Теперь осталось уже немного — дней пять, — а может, и того еще меньше, и время идет быстро. Мы все здоровы, на днях был выпущен один чахоточный — студент Кибардин, ему устроили шумные проводы, я недавно занялся рисованием на стене и срисовал из „Жизни“ портрет Герцена и еще две головы, но так как это оказалось нарушением тюремных правил, я их стер. У меня есть одна новость, которую я после расскажу. Я занимался на днях физикой и прошел больше 100 страниц, сегодня читаю Минто. Один из нас, математик 1-го курса, написал Васильеву письмо, спрашивал, как быть с репетициями. Васильев отвечал, что последние репетиции будут 18 декабря, так что к ним всегда можно будет подготовиться. Из анализа я прошел больше половины. Здесь есть несколько с хорошим слухом и голосом, и перед вечерним распределением по камерам мы их слушаем, а иногда поем хором».

Несмотря на такое боевое настроение, пребывание в тюрьме потрясло Хлебникова. С ним, как вспоминают его родные, произошла неузнаваемая перемена. Вся его жизнерадостность исчезла, он с отвращением ходил на лекции или совсем их не посещал и вскоре после этого подал прошение об увольнении.

Впрочем, с университетом он не порывает. В конце лета 1904 года он вновь подает прошение о приеме его в Казанский университет, но уже на естественное отделение. Владимир Алексеевич иногда брал с собой сыновей на заседания Общества естествоиспытателей Казанского университета, где часто выступал с докладами, и поэтому профессора естественного отделения хорошо знали Виктора задолго до его поступления в университет. Виктор записался на курсы

общей зоологии и зоологии позвоночных, анатомии человека, систематики растений, гистологии.

В то же время Хлебников все настойчивее стремится к самостоятельной жизни. В августе 1904 года он совершает первый «вылет» из дома: на несколько дней уезжает в Москву. Родители были категорически против такой пусть даже кратковременной поездки, и с годами взаимное непонимание между Виктором и отцом росло. В Москве Хлебников осматривал Третьяковскую галерею, Румянцевский и Исторический музеи. «В Третьяковской галерее, — пишет он домой, — мне больше всего понравились картины Верещагина, некоторые же вещи меня разочаровали. В Румянцевском музее очень хороша статуя Кановы „Победа“ и бюсты Пушкина, Гоголя». В следующем письме он рассуждает о русском стиле в архитектуре: «Сегодня я опять ходил и второй раз осмотрел Московский исторический музей и дом Игумнова. Дом Игумнова построен в стиле боярского терема и очень художественен с пузатыми колонками, изразцовыми плитками, чешуйчатой крышей. Я спросил извозчика, где этот дом, он ответил и добавил: „очень хороший дом“. Так как простые люди обычно не ценят архитектуры, то, очевидно, этот стиль наиболее близок и понятен русскому человеку, иначе извозчик не выделил его. А раз так, значит, только этот стиль может быть национальным русским стилем. Я бы заставил в семинариях преподавать архитектуру, потому что здешнее духовенство совершенно не умеет хранить памятники старины».

Так подробно докладывает Хлебников родителям о своих впечатлениях, а между тем он не упомянул об одной очень важной детали. Может быть, ради этого он и предпринял поездку в Москву. Дело в том, что к тому времени Хлебников уже начал пробовать себя в литературе, и свою первую вещь он решается послать на отзыв Горькому.

Он пишет ему:

«Уважаемый и дорогой писатель! Я посылаю Вам первое свое литературное детище — дорогое мне, так как оно написано в минуту искреннего и сильного чувства. Я сам не знаю, имеет ли оно некоторые достоинства или нет, оно — одна сплошная наивность, непростительная для взрослого, но мне кажется иногда, что здесь затронут если не совсем новый вопрос, то с несколько новой точки зрения.

Приспосабливаясь к формуле Л. Н. Толстого, я поставил вопрос о нужности или ненужности брака — видите, какая непосильная тема — и постарался заставить разрешить этот вопрос, каждый по-своему, — патриархального отца Пимена, матушку, вскользь отца В., благочестивую, мечтающую уйти в монастырь Марфушу и мистически настроенную с высокоаскетическим оттенком Елену. Наконец, Лобовикова и Зверкова, этих никогда не задумывавшихся ни о чем, уходящих от уровня ежедневной жизни чувственных животных.

Проще говоря, я хотел вывести тип Елены — глубоко мне симпатичный и милый.

Елена совсем не знала и не представляла истинного уровня человеческой жизни. Она всем своим существом верит, что эта жизнь — лишь преддверие в будущую, само же по себе нечто малоценное, она глубоко верит в силу и важность всех установленных обрядов, и отсюда ее жизнь есть не что иное, как одно сплошное недоумение, недоумение, отчего люди живут не так, как нужно было бы жить, если бы жизнь была нечто малоценное, лишь условие будущей, а как-то иначе.

Такою она в 1-м и 2-м действиях, между 2-м и 3-м умирает отец Пимен, и Елена выходит замуж за Лобовикова; в 3-м она через несколько дней после выхода замуж. Это мгновение означает страшный перелом, совершившийся в душе Елены; она поняла

низкий уровень жизни, но не хочет помириться с этой жизнью как таковой. Не хочет помириться и с тем, кто заставил ее увидеть эту жизнь. Они оба умирают.

Вот сюжет драмы, вернее драматической повести. Каков исход ни будет, если Вас не затруднит, пошлите мне Ваше дорогое мнение о недостатках этой вещи, дорогой писатель.

Уважающий и любящий Вас в Ваших произведениях В. Хлебников». [\[13\]](#)

Несколько забегаая вперед, скажем, что Горький ответил на это письмо отказом в публикации, хотя, вероятно, нашел ободряющие слова для молодого автора (само письмо не сохранилось). Ответ Хлебников получил уже в Казани и решил показать его младшей сестре. Вера вспоминает: «Както, взяв меня таинственно за руку, он увел в свою комнату и показал рукопись, написанную его бисерным почерком, внизу стояла крупная подпись красным карандашом „Горький“, и многие места были подчеркнуты и перечеркнуты красным. Витя объяснил, что он посылал сочинение Горькому, и тот вернул со своими заметками, насколько помню, одобрил, так как вид у Вити был гордый и радостный».

Может показаться удивительным, что Хлебников обращается именно к Горькому, в редакцию издательства «Знание». Товарищество «Знание» печатало сочинения русских писателей, таких как Серафимович, Куприн, Скиталец, Бунин, Вересаев, Гарин-Михайловский. Имена, очень далекие от футуризма, который, при ближайшем участии Хлебникова, возникнет через несколько лет. Тем не менее Хлебников даже в период «бури и натиска» футуризма всегда с большим почтением относился к автору «Мещан» и «Песни о Буревестнике». В 1917 году он предлагал Горькому вступить в общество

Председателей земного шара. Горький же относился к деятельности футуристов с осторожностью, а к опытам Хлебникова — резко отрицательно.

В Москву Хлебников ездил один. Он по-прежнему тяжело сходится с товарищами и продолжает дружбу лишь с семьей Бориса Денике и с его двоюродным братом Дмитрием Дамперовым. Хлебников очень увлекся сестрой Дмитрия Варварой. Позже Варвара Дамперова вспоминала: «Был он застенчив, скромн, знакомств почти не поддерживал, товарищей почти не имел, и мы были, вероятно, единственным семейством, в котором он чувствовал себя просто. Приходил он ежедневно, садился в углу, и бывало так, что за весь вечер не произносил ни одного слова; сидит, потирает руки, улыбается, слушает. Слыл он чудаком. Говорил он очень тихим голосом, почти шепотом, это было странно при его большом росте. Но иногда говорил и громко. Шепотом же говорил скорее от застенчивости. Был неуклюж, сутулился, даже летом носил длинный черный сюртук... Сам он писал уже в то время, но скрывал это — от той же застенчивости. На вопросы отвечал, что это пустяки, и однажды он с моим братом проходил часа три на морозе, пока решился сказать, что написал стихи».^[14]

Другой эпизод, который вспоминает В. Дамперова, тоже ярко характеризует Хлебникова как человека: «Физической опасности он совсем не боялся. Раз, катаясь по Волге, мы прицепились к барже, которая шла на буксире за пароходом. Но когда пароход повернул, мы увидели, что на нас идет встречный. Ялик притерло к барже. Он зацепился за якорь, прикрученный к боку баржи. Хлебников порывался прыгнуть в воду, чтобы было легче, но его не пустили. Тогда он вскочил на якорь и, обрывая себе руки в кровь, с трудом отцепил ялик».

Дмитрию Дамперову запомнилась их последняя встреча с Хлебниковым, когда друзьям с трудом удалось предотвратить яростное столкновение с мнимым соперником (и товарищем по гимназии), которого Хлебников грозил «застрелить, как куропатку». Но, вероятно, Хлебников бывал в доме Дамперовых не только из-за любви к Варе. У него появились новые литературные интересы, и Дмитрий Дамперов снабжал своего друга журналами «Весы» и «Золотое руно», книгами по истории искусства. Из Парижа Дамперов привез книги Бодлера, Верлена, Гюисманса, Верхарна, Метерлинка, чем тоже живо интересовался Хлебников. Он также полюбил стихи русских символистов, особенно Сологуба. У Дамперовых он слушал игру на рояле: Бетховен, романтики, Лист, Вагнер, оперы «Могучей кучки». Он стал изучать японский язык, пытаясь найти в нем, по собственному признанию, особые формы выразительности.

Уже тогда проявлялась бытовая неприспособленность Хлебникова и отсутствие у него всякого интереса к материальным благам, к комфорту. Летом Хлебников жил один в деревне на Волге. «Помню, — пишет Б. Денике, — однажды я пришел к нему, и мы решили сделать яичницу. Масла не оказалось. „Это ничего“, — сказал Хлебников и, разостлав на сковородке бумагу (не без ловкости), изжарил яичницу таким своеобразным способом. Мне эта яичница не понравилась».

В университете Хлебников вновь принялся за учебу. Профессора — зоологи А. А. Остроумов, М. Д. Рuzский, минеролог Б. К. Поленов — высоко оценили юного исследователя. Весной 1905 года на заседании совета Общества естествоиспытателей Остроумов просит об «ассигновании студенту В. Хлебникову 100 рублей для орнитологических сборов в Павдинской даче (Средняя часть Северного Урала)». В своем заявлении,

характеризуя первокурсника Хлебникова, Остроумов писал: «Он обладает навыком к наблюдениям за жизнью птиц и к коллектированию и мог бы составить интересную коллекцию гнезд, яиц и птичьих шкур». [\[15\]](#)

Деньги были выделены, и в начале мая Хлебников уехал на Урал. Вскоре к нему присоединился Александр, тогда ученик Казанского реального училища. Около пяти месяцев братья проводили наблюдения на Павдинском заводе. Часть собранной ими коллекции поступила потом в Зоологический музей Казанского университета. Хлебниковы привезли сто одиннадцать экспонатов. [\[16\]](#)

Это был заметный вклад, так как вся коллекция содержала около двух с половиной тысяч экспонатов. С той поры сохранились письма Александра Хлебникова к родителям, характеризующие не только природу и нравы этого края, но и их взаимоотношения с братом. Виктор, как старший, не переставал поучать Шуру. По дороге на Павдинский завод, пишет Александр, «Витя страшно экономничал и даже хотел отучиться и меня отучить... есть ежедневно, но, к сожалению, безуспешно. Перед приездом на Павдинский завод в знак своей кровожадности он съел кусок сырого мяса из груди дрозда и сварил неочищенную овсянку». [\[17\]](#)

В июне Александр сообщает: «На Павдинском заводе мы живем уже второй месяц. Так как мы редко появляемся на улицах, то проникательные павдинцы долго принимали нас за японских шпионов; при встречах мальчишки по нескольку раз забегали вперед, посмотреть на японца, и кричали, смотря по воинственности: японец, япоша, японская харя. Другие видели в нас „студентов“, желающих устроить смуту». (Напомним, что в это время шла Русско-японская война.)

Несколько раз братья отправлялись из деревни в многодневное путешествие по лесу. В первый раз они не нашли дороги и в продолжение трех дней проплутали по болотам от сопки к сопке. Второе путешествие продолжалось семь дней. В конце пришлось голодать, тяжело было справиться с костром. «Ужасно предательская вещь костер, — пишет Александр, — чуть недоглядишь, что-нибудь загорится». Он сжег сапоги, брюки и рукав куртки, а Виктор — фуражку и носки. «Витя ко мне относился довольно хорошо, — продолжает брат, — но все старался поставить меня в зависимое положение и иногда изрыгал такое количество советов, замечаний и упреков, что мне становилось тошно. До сих пор мы жили с ним дружно, дружно, и вдруг такой случай: я взялся набивать 21 шт<уку> в день, но иногда набивал меньше; Витя хотел, чтобы я ненабитых птиц набивал на следующий день, кроме порции, я отказался. Тогда Витя перестал совсем мне давать птиц для набивки. Вот уже прошла неделя, как мы, по его словам, „живем на одни деньги и пьем вместе чай“».

Тем не менее через шесть лет в журнале «Природа и охота» братья опубликовали совместную статью «Орнитологические наблюдения на Павдинском заводе». Основная часть статьи была написана Александром, но несколько раз встречаются вставки, сделанные Виктором. Вот как описывает Виктор Хлебников белую куропатку: «В тот день я шел по плечу камня (камень — местное название гор), как вдруг какой-то звук привлек мое внимание. Сухой и трескучий, он походил на крраа. Его особенность была та, что очень трудно было судить, откуда он шел. (Это, должно быть, объясняется тем, что птица во время крика поворачивает голову в разные стороны.) Он был принесен ветром и, казалось, вместе с ним умер». В этих орнитологических записях выковывался стиль

прозы Хлебникова, ясный, четкий, лаконичный. (Не случайно Ю. Олеша говорил, что учиться прозе следует у Хлебникова.)

Эта поездка произвела на Хлебникова сильное впечатление. Отголоски ее мы находим в произведениях разных периодов и разных жанров. В 1910 году павдинскому охотнику Попову Хлебников посвящает поэму «Змей поезда», а в 1921-м в рассказе «Две Троицы. Разин напротив» пишет:

«...Зеленая лесная Троица 1905 года на белоснежных вершинах Урала, где в окладе снежной парчи, вещие и тихие, смотрят глаза на весь мир, темные глаза облаков, и полный ужаса воздух неся оттуда, а глаза богов сияли сверху в лучах серебряных ресниц серебряным видением...

„Знаем, своему Богу идут молиться“, — решили северяне пермской тайги, когда в черных броднях и поршнях, с ружьем за плечами, с крошнями на ремнях за плечами, мы уходили перед Троицей на месяц лесовать на снежных вершинах Конжаковского камня, искать лесное счастье, мечтая о соболях и куницах, и неведомая снежная цепь манила и звала нас.

Речка Серебрянка летела по руслу, окутывая в свои снежные волосы скользкие черные камни, обнимала их пеной, как самые дорогие любимые существа, и щедро сыпала горные поцелуи...»

Становление личности Хлебникова проходило в эти годы не только под знаком орнитологических экспедиций. Разумеется, события Русско-японской войны и Первой русской революции не могли не взволновать его. Проигранная война, в которой маленькое далекое островное государство победило в морском сражении великую державу, произвела неизгладимое впечатление на русскую общественность. С этого времени начиналась другая эпоха. Цусимское сражение и сдача Порт-Артура явились первыми

вестниками грядущих катастроф XX века. Александр Блок в поэме «Возмездие», сравнивая начало века с началом нового дня, пишет:

Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января.

Порт-Артур был сдан 4 января 1905 года, а 9 января вошло в историю как Кровавое воскресенье. «Мы бросились в будущее с 1905 года», — скажет позднее Хлебников. Эти события дали толчок к его занятиям историей, поискам числовых закономерностей в чередовании исторических событий. «Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе при известии о Цусиме, собирались 10 лет», — говорит он в 1919 году. А в 1922-м, незадолго до смерти, повторяет: «Первое решение искать законов времени явилось на другой день после Цусимы... Я хотел найти оправдание смертям».

В связи с революционными событиями Казанский университет был закрыт почти на два учебных года, не могло проводить заседания и Общество естествоиспытателей. Однако осенью и зимой 1906 года, когда общество стало собираться вновь, Виктор Хлебников принял активное участие в его работе. Он сделал доклад об открытии нового вида кукушки, основанный на его летних наблюдениях 1906 года. Этот доклад был опубликован в приложениях к протоколам заседаний общества. Характерно, что у поэта, который более известен своими экспериментальными произведениями, своими поэмами и сверхповестями,

первой публикацией была статья в сугубо специальном научном журнале. Над заглавием одного из оттисков заметки сына рукой Владимира Алексеевича написано: «мое благословление».

В тот день, когда Виктор Хлебников сделал этот доклад, его избрали членом-сотрудником общества. Вскоре он отчитался о поездке на Урал. Во всех этих заседаниях принимал участие и Владимир Алексеевич, действительный член общества. В конце 1904 года он сделал доклад «О коготках на крыльях птиц». Спустя годы сын вспомнил этот доклад отца, но в совершенно неожиданном контексте. В середине 1910-х годов, разрабатывая свою концепцию языка, Хлебников пишет: «Языки на современном человечестве — это коготь на крыле птиц: ненужный остаток древности, коготь старины».

После 1906 года Хлебников перестал бывать на заседаниях Общества естествоиспытателей. Все меньше внимания он уделяет занятиям в университете и все больше внимания — литературе. Нарастает его конфликт с семьей, прежде всего с отцом. С этого времени он живет отдельно от родителей. Уже тогда его тяготила обывательская обстановка, и, по свидетельству Веры Хлебниковой, однажды в знак протеста он вынес из комнаты всю мебель, оставив только кровать и стол, а на окна повесил рогожи. Хлебников тяготится и казанским окружением, где у него не было друзей.

В это время он пишет прозаическое произведение «Еня Воейков», рукопись которого сохранилась в виде разрозненных листов. Вынесенное в название имя главного героя — Евгений Воейков — отсылает к русской литературной традиции и прежде всего, разумеется, вызывает ассоциацию с пушкинским Евгением Онегиным. Хлебников дает главному герою то же самое имя, но наделяет его фамилией, семантически

прямо противоположной. Если в русской литературе XIX века фамилия «Онегин» осмыслялась совершенно определенным образом (ср.: Ленский, Печорин — фамилии образованы от гидронимов), то в XX веке ее по-новому этимологизирует Хлебников. Пушкинскому «неженке» (Онегин — «нега», «неженка» содержатся в этом слове) он противопоставляет «воина» — Воейкова. Евгений — это еще и главный герой «Медного всадника». В некоторой степени он тоже воин, как и Воейков. Еще один Евгений в русской литературе — Базаров. Его и называют почти как Воейкова — Енюша, причем это уменьшительное имя появляется только один раз в конце романа Тургенева, так Базарова называет отец. Хлебников противопоставляет своего героя позитивисту и нигилисту Базарову. Ближайший по времени литературный тезка Евгения Воейкова — Евгений Хандриков из «Третьей симфонии» Андрея Белого.

У произведения Хлебникова два подзаголовка: «Principia», «В борьбе индивидуума с видом». Название «Principia» (начала) — отсылает к западноевропейским философским трактатам («Principia philosophia» Р. Декарта, «Philosophiae naturalis principia mathematica» И. Ньютона, «Principia mathematica» Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда) и свидетельствует о масштабах хлебниковского замысла. Сходное стремление к художественному переосмыслению философских учений испытал в юности Владимир Одоевский, один из наиболее почитаемых Хлебниковым авторов. В «Примечаниях к „Русским ночам“» Одоевский пишет, что чтение Платона привело его к мысли о необходимости и даже «возможности привести все философские мнения к одному знаменателю»: «Юношеской самонадеянности представлялось возможным исследовать каждую философскую систему порознь (в виде философского словаря), выразить ее

строгими, однажды навсегда принятыми, как в математике, формулами — и потом все эти системы свести в огромную драму, где бы действующими лицами были все философы мира от элеатов до Шеллинга, — или, лучше сказать, их учения, — а предметом, или, вернее, основным анекдотом, была бы не более не менее как задача человеческой жизни».

Судя по сохранившимся отрывкам «Ени Воейкова», где мы встречаем имена философов от Фалеса до Шопенгауэра, именно такое художественно-философское сочинение попытался создать Хлебников. Вероятно, грандиозность плана и сложность композиции помешали осуществлению замысла. Произведение осталось незаконченным, но явилось важным этапом творческого становления поэта.

Что касается главной темы — борьбы индивидуума с видом, — то через несколько лет Хлебников возвратится к этой теме, но акценты уже будут расставлены совершенно иначе. В 1909 году он скажет, что «виды — дети вер и <...> веры — младенческие виды. Один и тот же камень разбил на две струи человечество, дав буддизм и ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни. <... > Виды потому виды, что их звери умели по-разному видеть божество (лик). Волнующие нас веры суть лишь более бледный отпечаток древле действовавших сил, создавших некогда виды». Затем акцент смещается на различные веры, а впоследствии вера принимает новую форму: «Вера в сверхмеру — Бога — сменится мерой как сверхверой» (1916). Наконец, в «Ладомире» (1920) закон обобщения биологии приобретает социальную, революционную проблематику: «И будет липа посылать / Своих послов в совет верховный...»; «Я вижу конские свободы / И равноправие коров...».

Герой произведения, Еня Воейков, пробует распространить христианскую заповедь «люби ближнего как самого себя» на все виды живой природы. «Ты руководишься жалким этическим потенциалом среды, в которой находишься, презренным, столь презираемым тобой потенциалом. <... > Помню, ты сначала хотел исчерпать этот принцип тем, что будешь кротким, подающим помощь, любящим людей, любящим их даже более себя. Но после тебе стало ясно, что тем, что ты носишь шерстяные одежды, пользуешься изделиями рога, ешь мясную пищу, этим ты вносишь в мир слишком много страдания и скорби, чтобы считать себя проводящим в жизнь этот принцип. Тогда ты дал слово не носить шерстяных одежд и не питаться мясной пищей, заменив это растительными одеждами и растительной пищей. И некоторое время ты радовался и думал, что достиг многого, даже всего, к чему стремился. Но затем ты задался вопросом, не страдает ли дерево, когда звонкий топор врубается в ствол, и влажные золотистые щепки летят во все стороны, и прохладный сок струйкой сбегает с обнаженного ствола на сырую кору?» И тут герой Хлебникова понимает всю ущербность, односторонность этики, основанной на принципе любви к ближнему как к себе подобному. Человеческая этика не дает ответа на поставленные вопросы. Воейков больше не желает руководствоваться «этическим потенциалом» своего вида.

Осознав «ужас и постыдность власти вида» в области этики, Воейков распространяет его и на эстетику. Сугубо человеческое понимание красоты его не удовлетворяет. Он убежден в объективном существовании этого понятия и видит свою задачу как раз в том, чтобы обнаружить, в чем же и где заключается это истинное, невидовое понятие красоты, это «царство прекрасного». «Вот когда-то, когда я был еще маленьким и у меня были большие

голубые глаза, я, помню, восторгался рисунком женской руки с мягкими тонкими очертаниями. Человеческая рука казалась каким-то звуком, долетевшим из царства прекрасного. То же самое человеческое лицо. Смелый изгиб бровей, черный быстрый взор, сочетавшиеся в кудри темные волосы — все это так мне нравилось. Но разве это не было простым проявлением какого-то антропоморфизма в эстетических идеалах и вкусах? Разве это не значит, что если бы я был бы воробьем, то я должен был бы восторгаться корявой лапкой и толстым клювом? А я хочу другого критерия, общего, вневидового. <...> О, что за его-морфизм здорового человека в <эстетических> законах!»

Для героя начинаются мучительные поиски другого критерия, общего, вневидового, и вскоре эти поиски отчасти увенчиваются успехом:

«А о чем говорит здесь история, прошлая жизнь человечества? История говорит, что некоторым отдельным в отдельные мгновения истории удавалось сбросить с себя цепи вида; и это сразу их так подымало над толпою безропотных рабов, что они делались гениями.

Платон, Шопенгауэр, Ньютон — все они были свободны и были гениями, потому что были свободны. <...> А когда он вдумывался в то, как Ньютон, просто рассматривая числа, открыл бином Ньютона, ему показались мертвяще-искусственными и извне навязанными схемы о индуктивном и дедуктивном методах там, где человек был просто более чутким и более внимательным, где другие были менее чутки и менее внимательны, и <нрзб.> числам, другие как бы менее чутко и менее сильно всем своим существом входили в созерцание этих чисел — такое же вдохновенное, проникновенное, но бессознательное созерцание чисел, как созерцал когда-то Фалес».

Независимые от человеческого сознания закономерности Еня Воейков находит во внешнем мире посредством «интуитивизма». Однако суть его «интуитивизма» противоположна тому смыслу, который придала этому понятию философия нового времени; оба пути, предложенные основателями новоевропейской философии, — индуктивный метод Декарта и дедуктивный Бэкона — представляются герою «мертвяще-искусственными и извне навязанными» схемами. Характерно, что здесь место этической и эстетической проблематики на время занимают «числа», обеспечивающие более надежную характеристику объективного мира. Интерес к философии числа Хлебников сохранит до конца жизни.

Затем автор и его герой вновь обращаются к XVII веку, к началу новой философии. Исследуется проблема детерминизма, взаимоотношения человека и Бога и — что, вероятно, было главным для Хлебникова в связи с темой его произведения — вопрос о человеческой свободе. На первый план выступает сочинение Спинозы «Этика в геометрическом изложении», заключительная часть которого так и называется — «О человеческой свободе». Хлебников пишет:

«Вы удивляетесь красоте слабого, отклоняющего участие и сострадание сильного. Но как велика красота поступка, когда слабое конечное существо отклоняет участие и сострадание бесконечного существа? Не кажется ли вам тогда, что слабое конечное существо вырастает, выходит из границ конечности, и не становится ли оно тогда в вашем сознании, маленькое конечное существо, рядом с великим бесконечным?»

Когда Спиноза писал свое: „Кто любит Бога, тот не может стремиться к тому, чтобы и Бог его любил“, он добровольно отказывался от участия и сострадания к себе божества».

Впрочем, герой Хлебникова почти сразу разочаровывается в рационализме Спинозы. Ему кажется, что закон причинности, на котором основывает свои выводы нидерландский мыслитель, есть лишь условие нашего познавания, то есть является характеристикой субъекта, и мы не можем судить об объективных связях в мире на основании этого закона. «Можем ли мы распространить на все жизни условия нашего познавания?» — спрашивает герой. Вопрос, на который, скорее всего, должен последовать отрицательный ответ, остается открытым. ^[18]

Закон необходимости, «вневидовой критерий», который обнаружил герой, читая Спинозу, оказался лишь «условием познавания», или априорной формой познания, по Канту. Но не случайно в числе гениев, прославивших человеческий вид, Хлебников не упоминает Канта. Позже он скажет: «Я начал с выпада на уру <sic!> против Канта». По мнению поэта, «Кант, хотевший определить границы человеческого разума, определил границы немецкого разума». Итак, Еня Воейков опять оказывается в начале своего пути. Поиски «вневидового критерия» не принесли желаемого результата, но разочарование не остановило героя, а лишь изменило направление его мысли. Эгоморфизм больше не страшит его. Теперь «ему стало страшно за судьбы этих статуй, этих картинных галерей с длинными рядами красиво и искусно уставленных картин; при появлении каждой из них сколько раз произносилось слово „вечность“. Лувр, Дрезденская галерея с Сикстинской мадонной, Национальная картинная галерея в Лондоне; в них, в этих полотнах, в этих мраморах и бронзах, сколько вложено огня вдохновенья, столько потенциального чувства красоты. И все это погибнет».

На пути к преодолению власти вида Хлебников и его герой сталкиваются с проблемой искусства. Вневидового критерия в эстетике, в «царстве прекрасного» Воейков не нашел. Искусство же, хоть и является созданием человека, оказывается гораздо ближе к вневидовому идеалу. В этом убеждении Хлебников не одинок. Подобное понимание роли искусства было выдвинуто Шопенгауэром, которого Хлебников знал и читал, его он упоминает в числе гениев, «сбросивших с себя цепи вида». Но, возможно, в этом фрагменте мысль Шопенгауэра дана опосредованно, через статью Валерия Брюсова «Ключи тайн», ставшую манифестом символизма второй волны (опубликована в первом номере журнала «Весы» за 1904 год).

В первых разделах своей работы Брюсов опровергает все существующие взгляды на искусство и говорит, что «в искусстве есть неизменность и бессмертие, которых нет в красоте. И мраморы Пергамского жертвенника вечны не потому, что прекрасны, а потому, что искусство вдохнуло в них свою жизнь, независимую от красоты». Далее, говоря о «решении загадки искусства», Брюсов по-своему трактует мысль Шопенгауэра. «Искусство, — пишет Брюсов, — есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство — то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства — это приотворенные двери в Вечность».

Мы видим, что поиски Хлебникова идут в русле символистской традиции, и в последующие несколько лет эта связь станет более тесной и ощутимой, но буквально сразу же начнется и отход Хлебникова от символистской доктрины, его «преодоление символизма».

Кроме «Ени Воейкова» Хлебников пишет большое количество стихотворений, он занимается

теоретическими вопросами языка, испытывая при этом необходимость найти единомышленников.

В 1907 году в журнале «Золотое руно» была напечатана статья одного из мэтров символизма Вячеслава Иванова «О веселом ремесле и умном веселии». Иванов пишет: «Чрез толщу современной речи язык поэзии — наш язык — должен прорасти и уже прорастает из подпочвенных корней народного слова. Чрез пласты современного познания суждено ее познанию прозябнуть из глубин подсознательного. Ее религиозной душе дано взрасти из низин современного богоневедения, чрез тучи богоборства, до белых вершин божественного лицезрения. Преодолевая индивидуализм как отвлеченное начало и „Эвклидов ум“ и прозревая на лики божественного, она напишет на своем треножнике слова: Хор, Миф, Действо». Эта статья произвела на молодого поэта сильное впечатление, в чем-то она оказалась созвучной и его устремлениям. И в марте 1908 года Хлебников решает послать Вячеславу Иванову свои новые стихи. «Читая эти стихи, — пишет он, — я помнил о „всеславянском языке“, побегу которого должны прорасти толщи современного, русского. Вот почему именно Ваше мнение о этих стихах мне дорого и важно и именно к Вам я решаюсь обратиться». К письму прилагалось четырнадцать небольших стихотворений. Среди них было, например, такое:

Облакины плыли и рыдали
Над высокими далями далей.
Облакины сени кидали
Над печальными далями далей.
Облакины сени роняли
Над печальными далями далей...
Облакины плыли и рыдали

Над высокими далями далей.

Неологизмы, которыми пользуется Хлебников, в основном построены по единому принципу: поэт берет русские, славянские корни и суффиксы и соединяет их так, как раньше никто не соединял. Например, неологизм *облакиня* образован от основы — *облак*— с помощью суффикса— *ин(я)* по аналогии со словами «богиня», «княгиня». Таким образом, *облакиня* — это облачная богиня, богиня облаков. В другом стихотворении, посланном Иванову, встречается неологизм *времиръ*. Он образован от корня — *врем*— с помощью концовки— *иръ*.^[19]

Получается птица, подобная снегирю. Все эти неологизмы не противоречат строю русского языка. Позже Хлебников объяснял: «Словотворчество — враг книжного окаменения языка и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем».

Произведения этого периода позволили Юрию Тынянову в предисловии к «Собранию произведений» сказать, что «биография Хлебникова — биография поэта вне книжной и журнальной литературы». Несколькими страницами раньше он пояснял свою мысль так: «Верлен различал в поэзии „поэзию“ и „литературу“. Может быть, есть „поэтическая поэзия“ и „литературная поэзия“. В этом смысле поэзия Хлебникова, несмотря на то, что ею негласно питается теперешняя поэзия, может быть более близка не ей, а, например, теперешней живописи». Можно сказать, что как поэт, «выводящий» поэзию за рамки литературы, Хлебников продолжил дело, начатое символистами.

Так, о синтетическом характере новейшей поэзии писал Вячеслав Иванов в уже упомянутой нами статье (которая послужила поводом обращения к нему Хлебникова): «Главнейшею же заслугой декадентства, как искусства интимного, в пределах поэзии было то простое и вместе чрезвычайно сложное и тонкое дело, что новейшие поэты разлучили поэзию с „литературой“ (памятью Верленово „de la musique avant toute chose...“^[20]) и приобщили ее снова, как равноправного члена и сестру, к хороводу искусств: музыки, живописи, скульптуры, пляски. В самом деле, еще недавно стихи казались только родом литературы и потому подчинены были общим принципам словесного и логического канона. Декаденты поняли, что у поэзии свой язык и свой закон, что многое, иррациональное с точки зрения общелитературной, рационально в поэзии как специфическом искусстве слова, или специфическом слове. Поэзия вернула, как свое исконное достояние, значительную часть владений, отнятых у нее письменностью».

К сожалению, мы не знаем, ответил ли Вячеслав Иванов на письмо молодого поэта. Одновременно и, вероятно, в связи с новыми увлечениями у Хлебникова зреет желание уехать из Казани. Весной 1908 года он подает прошение о переводе его на пятый семестр естественного отделения Санкт-Петербургского университета. К тому времени в Казани он имел четыре зачетных семестра. В семье Хлебниковых происходят большие перемены. Не только Виктор, но и все члены семьи хотят покинуть Казань. Александр подает прошение о переходе в Одесский университет. С чем это связано, мы не знаем. Из писем Владимира Алексеевича явствует только то, что летом 1908-го он начинает хлопотать об отставке, с тем чтобы всей

семьей переселиться или в Майкоп, или в Туапсе, или в Одессу — все равно куда.

На лето, пока отец занят подготовкой к переезду, Екатерина Николаевна с Виктором, Верой и Александром уезжают в Судак. С выходом Владимира Алексеевича в отставку ухудшается материальное положение семьи. Дети требуют все больше денег, пока же никто из них не зарабатывает.

В самом начале июня в Казани, в психиатрической лечебнице, скончался старший сын Хлебниковых Борис. Отец не стал вызывать семью на похороны. Смерть брата своеобразно отразилась в творчестве Хлебникова: в следующем году он пишет драму «Госпожа Ленин», действие которой происходит в психиатрической лечебнице. Раздробленное сознание героини драмы (в пьесе действуют голос зрения, голос слуха, голос рассудка, голос внимания, голос памяти и т. д.) соответствует психическому состоянию Бориса перед смертью.

И Вера, и Виктор жалуются на нездоровье. Екатерина Николаевна тоже плохо себя чувствует. Александр сообщает отцу из Судака: «Вера сначала сильно увлеклась прогулками и бегала одна по горам; по своей наивности и остаткам демократических идей она нашла „очень интеллигентным“ рабочего — сына нашего хозяина и некоторое время его и нашего хозяина избрала постоянными спутниками своих прогулок, и даже хотела идти с хозяйским сыном и его товарищем, оказавшимся потом солдатом, охотиться на коз, но недавно хозяйский сын напился и наговорил дерзостей, что, мол, разве это господа, коли дочь одна по пещерам шляется. Теперь Вера одна не ходит и раззнакомилась с сыном хозяина. Витя очень был занят комильфотностью и барышнями...» Отец воспринимал это гораздо тяжелее. «...Я хотел бы, — пишет он летом жене, — чтобы он (Виктор. — С. С.) входил в интересы

семьи и платил заботой тем, которые о нем заботятся, был бы больше деликатен, отзывчив и менее требователен в денежных расходах на свои причуды».
[\[21\]](#)

Среди «барышень», которыми Хлебников увлекался летом 1908 года, была Вера Иванова-Шварсалон, падчерица, позднее — жена Вячеслава Иванова. Вячеслав Иванов с семьей тоже этим летом отдыхал в Судаче на даче у Аделаиды и Евгении Герцык. Прошло меньше года с тех пор, как скончалась его жена Лидия Зиновьева-Аннибал, и Иванов вел уединенный образ жизни. Тем не менее их личное знакомство с Хлебниковым состоялось. В Крыму в это время отдыхали многие деятели русской культуры, с которыми позже сблизится Хлебников. В гости к Иванову приходил из Коктебеля Максимилиан Волошин, в Судаче у сестер Герцык подолгу жил Николай Бердяев. Нам неизвестно, обратили ли внимание тогда эти люди на юного студента Виктора Хлебникова. Во всяком случае, свидетельств таких встреч не осталось. Для самого Хлебникова это лето было периодом большого творческого подъема. Им написано около сотни стихотворений, произведения лирической прозы, созданы первые драматические опыты, в которых явно прослеживается влияние символизма.

Под непосредственным влиянием Вячеслава Иванова Хлебников пишет небольшую пьесу «Таинство дальних». Сюжет пьесы — древний обряд, в котором принимают участие юноши, Жрец, Жена, девушки. Жена (богиня, или верховная жрица) обещает юношам утешить каждого, кто придет к ней, но не раньше, чем солнце начнет клониться к закату. Не вынеся ожидания, многие юноши кончают жизнь самоубийством.

«Жена: Когда солнце склонится к закату и на 1/3 приблизится к морю, я сяду на этот камень, и пусть приближается ко мне каждый, ищущий утешения, и положит голову на колени, и я найду для него слова утешающие и сладкие.

Все юноши: Мы волим это! Мы волим это!

1-ый юноша: Дождусь ли сладостного мгновения? Нет силы ждать.

(Закалывается, падая на меч.)

Вереница юношей: Мы, всхоленные и взлелеянные твоими лучами, заклинаем тебя своей смертью: ускорь свой бег!

Приблизь радостный желанный миг, когда на треть путь приблизится к морю. Солнце! Солнце! И с высоких скал падаем в море — да приблизится радостный милый миг.

Жена: Как хорошо. Пляшут волны и смертью дышат людские речи и людские поступки. Как юношественно движение этих 14-ти!

Еще один закалывается. Нет силы ждать».

Затем появляются девушки, которые просят прекратить самоубийственный обряд, но в это время всадник приносит весть о том, что пробудился древний вулкан и заливаает лавой поля и луга. Жена призывает юношей двинуться за ней навстречу «освобождающемуся морю».

В полном соответствии с символистской эстетикой Хлебников творит новый миф, используя античные мотивы и излюбленную мифологему младших символистов, восходящую к Откровению Святого Иоанна — Жена, облаченная в солнце. Дионис, Эрос и Танатос — вот истинные герои пьесы. Характерно, что в 1908 году, как и у многих символистов, дионисийство у

Хлебникова предстает как разрушительная стихия. Утрачен его первоначальный положительный, освободительный пафос. Как раз в это время Иванов готовил к печати ряд небольших статей, которые, получив название «Спорады», вошли затем в сборник «По звездам». Пьесу Хлебникова можно рассматривать в качестве иллюстрации к теоретическим положениям глав «О эллинстве», «О Дионисе и культуре», «О любви дерзающей». «Воля заключает в себе прозрение в я микрокосма. Дионис, динамическое начало его разоблачается как Эрос соборности. Чрез любовь человек восходит к я макрокосма — Богу. <...> Волевое сознание реально. Реализм углубления в тайну микрокосма становится реализмом мистического знания. Мистическое познание — действие любви. Таково знание ночное в противоположность дневному, эмпирическому и рациональному знанию. <... > Когда наступает ночь и душа мира делается явною в своей женственности, солнечное и мужественное дерзание человека одно делается очагом внутреннего познания, одно утверждается в творческой и жертвенной любви». Хлебников не пытался опубликовать эту пьесу.

Результатом разговоров с Вячеславом Ивановым стало то, что Хлебников окончательно решил покинуть провинциальную Казань, родительский дом и перебраться в столицу, чтобы заняться литературой всерьез. В сентябре 1908 года, когда дачный сезон заканчивается, Хлебников уезжает в Петербург. Одновременно с этим Александр переезжает в Одессу, а родители и сестры собираются в Харькове.

Глава вторая

НА «БАШНЕ» У ВЯЧЕСЛАВА ВЕЛИКОЛЕПНОГО

1908-1910

Прошение о переводе в Петербург Хлебников мотивировал тем, что в Петербурге живут его родственники. Действительно, там жили Софья Николаевна, Петр Николаевич и Александр Николаевич Вербицкие, сестра и братья его матери. Но близких отношений с петербургской родней у Хлебникова не возникло. Главной причиной его переезда были дела литературные. «Хлопоты по литературным делам», как пишет он родителям, составляют главную часть его жизни.

Тяготая к символистскому кругу, он пытается наладить контакты с петербургскими литераторами, посещает литературные вечера. «Недавно посетил „вечер Северной Свирели“ и видел всех: Ф. Сологуба, Городецкого и других из зверинца», — докладывает Хлебников отцу. На вечере, который упоминает Хлебников, выступали также А. Ремизов, А. Рославлев, Г. Новицкий, присутствовал А. Блок. Хотя в статье «Вечера искусств» Блок весьма неодобрительно отозвался об этом и о подобных ему литературных мероприятиях, для Хлебникова эта встреча имела большое значение.

Так, в стихах Сергея Городецкого он нашел много созвучного своим идеям. Его привлекли обращение к древней, языческой Руси, новаторские ритмы и рифмы. Первую книгу Городецкого «Ярь» Хлебников очень

любил. Через несколько лет, даря Городецкому «Второй „Садок судей“», Хлебников сделал такую надпись: «Первому, воскликнувшему „Мы ведь можем, можем, можем!“, одно лето носивший за пазухой „Ярь“, любящий и благодарный Хлебников».

С Алексеем Ремизовым его также сближало увлечение языческой Русью и народной речью. С ним Хлебников познакомился тогда же, осенью 1908 года. В романе «Кукха» Ремизов вспоминает о том, как с Хлебниковым они «слова разбирали». Вскоре Хлебников начинает бывать в доме Ремизовых. Хозяин — очень необычный человек и в то же время типичный представитель петербургской богемы. По воспоминанию современника, он был маленький, тщедушный, взъерошенный, неуклюжий, но юркий; он немного напоминал ежа своими круглыми глазками, маленьким вздернутым подбородком, маленькими ручками и ножками. Он был нежным, чувствительным, глубоко ранимым человеком, пострадавшим в юности за политику и укрывшимся в своем причудливо-сказочном мире. Его жена Серафима Павловна происходила из древнего литовского дворянского рода Довгелло. Со знанием дела она вела всё хозяйство в их тесной четырехкомнатной квартире, расположенной на первом этаже. Стряпала она тоже сама (служанка заходила лишь днем), и в те годы, когда слава Ремизова еще не утвердилась, супругам приходилось не слишком легко. Вставали они поздно, потому что гости уходили далеко за полночь. Среди гостей были Константин Сомов, Блок с женой, Василий Розанов... Это был первый литературный дом, где стал появляться Хлебников.

«Славянская» тема, которую обсуждал он с Ремизовым, отразилась во многих произведениях Хлебникова этого периода. Это шуточная поэма «Внучка Малуши» (Малуша — мать князя Владимира Красное

Солнышко), пьесы «Чертик», «Маркиза Дэзес» и «Снежимочка», написанная в подражание Островскому.

Основная сюжетная линия пьесы характерна для раннего Хлебникова: сказочная героиня, Снежимочка, попадает в современный Петербург. Многие узнают ее. «Снегурочка, снегурочка! Помнишь, видели в Народном доме!» — говорят мальчики, но появляются Городовой и Пристав, и Снежимочку ведут в участок. На площади собираются люди, увидевшие Снежимочку. Они клянутся отныне носить только славянские одежды, не употреблять иностранных слов, вернуть старым славянским богам их вотчины — верующие души славян. «Присутствующие бурно выражают свой восторг. Начинаются состязания русских в беге, борьбе, звучобе и славобе». Однако во время празднества Снежимочка исчезает.

Персонажи драмы делятся на две группы. Первая — это славянский языческий пантеон, обитатели сказочного леса. Среди них — снезини, смехини, Снегич-маревич, Березомир, Сказчич-морочич, Снежак, Древолюд, Липовый парень и другие. Их речь — стилизация простонародной речи, их действия — празднества и игры, подобные тому, какие ведут берендеи в «Снегурочке» Островского. Ко второй группе персонажей относятся: городовой, пристав, молодой рабочий, охотник, ученый, 1-й и 2-й собеседники. Их поведение антагонистично. Молодой рабочий говорит: «Так! И никаких, значит, леших нет. И все это нужно, чтобы затемнить ум необразованному человеку... темному». Обитатели сказочного леса кидают в него и в его спутника снег, но те ничего не замечают. 2-й: «Вообще ничего нет, кроме орудий производства». Противопоставление языческого, славянского мира современной цивилизации будет характерно для Хлебникова и в последующие несколько лет.

Произведения Хлебникова, особенно раннего периода, насыщены фольклорными мотивами, образами славянской мифологии. Его поиски оказываются ближе всего к новому искусству, к символизму. На 1906–1907 годы в русской печати приходится очень большое количество публикаций, так или иначе связанных с языческой Русью, славянской мифологией. Это прежде всего статья Блока «Поэзия заговоров и заклинаний», его стихи с «темой о России», а также «Лимонарь» и «Посолонь» А. Ремизова, первые поэтические сборники Сергея Городецкого «Ярь» и «Перун»... Эти книги Городецкого явились как бы квинтэссенцией младосимволистских устремлений. Использование словаря Даля («Называться будет „Ярь“. Пускай в словаре Даля справляются», — писал Городецкий Блоку), образы и мотивы славянской мифологии (цикл «Ярила»), фонетическая оркестровка (как писал Мандельштам по другому поводу, «раскрыкалась славянская утка») — эти особенности первого сборника Городецкого равно были созвучны всем поэтам-символистам. Поэтому отзывы символистской критики на книгу «Ярь» были восторженными. Брюсов сказал, что своей «Ярью» «Городецкий дал нам большие обещания и приобрел опасное право — быть судимым в своей дальнейшей деятельности по законам для немногих». С ним солидаризировались Иванов, Волошин, Блок, определивший в письме к матери «Ярь» как величайшую из современных книг.

Для Вячеслава Иванова, в кругу которого и создавалась книга, важен был прежде всего проявившийся в «Яри» неомифологизм. «Оживление интереса к мифу, — писал Иванов, — одна из отличительных черт новейшей нашей поэзии. <...> Рост мифа из символа есть возврат к стихии народной. В нем выход из индивидуализма и предварение искусства всенародного. <... > Миф — тогда впервые миф в

полном смысле этого слова, когда он — результат не личного, а коллективного, или соборного, сознания. Современный же художник только начинает жить и дышать в атмосфере исконно народного анимизма. До всеобъемлющего мифологического созерцания еще далекий путь».

Так же восторженно принял эту книгу и Хлебников, которому были близки черты раннего творчества Городецкого и соответствующие им тенденции в символизме. Со страниц «Яри» в хлебниковскую «Внучку Малуши» приходит лесной дух Барыба, само слово «ярь» тоже используется Хлебниковым: «Вид яри бледной, дикой, вид яри голубой...» Свои собственные мифологические образы он строит, подражая Городецкому: «Плескиня, дева водных дел...», «Снегич узывный...», «Жар-бог...» и т. д. Эти персонажи, как мы видели, населяют и его драму «Снежимочка».

Интерес к славянству у Хлебникова совпал с боснийским кризисом (Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину) и оживлением интереса к «славянскому вопросу» в России в целом. В университете создается «кружок славяноведения», членом которого вполне мог являться Хлебников. А 16 октября 1908 года петербургская газета «Вечер» опубликовала «Воззвание учащихся славян», автором которого на самом деле был один Хлебников. Хлебников призывает: «Славяне! В эти дни Любек и Данциг смотрят на нас молчаливыми испытателями — города с немецким населением и русским славянским именем. Полабские славяне ничего не говорят вашему сердцу? Или не отравлены смертельно наши души видением закованного в железо Рейхера, пробождающего копьем славянина-селянина? Ваши обиды велики, но их достаточно, чтобы напоить полк коней мести — приведем же их и с Дона и Днепра, с Волги и Вислы. В этой силе, когда Черная гора и Белград, дав обет побратимства, с безумством

обладающих жребием победителей по воле богов, готовые противопоставить свою волю воле несравненно сильнейшего врага, говорят, что дух эллинов в борьбе с мидянами воскрес в современном славянстве, когда в близком будущем воскреснут перед изумленными взорами и Дарий Гистасп, и Фермопильское ущелье, и царь Леонид с его тремястами; теперь, в эти дни, или мы пребудем безмолвны? В дни, когда мы снова увидели, что побеждает тот, кто любит родину? Или мы не поймем происходящего как возгорающейся борьбы между всем германством и всем славянством?» Кончается воззвание словами: «Священная и необходимая, грядущая и близкая война за попранные права славян, приветствуем тебя! Долой габсбургов! Узду гогенцоллернам!»^[22]

Позже сам Хлебников назвал это произведение «Крикливый воззванием к славянам». Эта первоначальная воинственная идея славянского единения впоследствии претерпела у Хлебникова существенные изменения. Уже в конце ноября того же года Хлебников пишет матери: «Петербург действует как добрый сквозняк и все выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства». Однако окончательно эта идея перестала существовать в изначальном виде только к 1915 году, к началу Первой мировой войны.^[23]

«Воззвание» Хлебников вывесил в коридоре университета. При всей важности поставленных там вопросов это произведение еще нельзя назвать полноправным литературным дебютом. Но такой литературный дебют состоялся одновременно с выпуском «Воззвания». Это было стихотворение в прозе «Искушение грешника». Интересно, что первое произведение молодого поэта появилось не на страницах какого-либо символистского издания, как можно было бы предположить, а в «беспартийном»

журнале «Весна», который издавал Николай Шебуев. Этот журналист несколькими годами ранее прославился фразой «Царский манифест для известных мест», опубликованной в журнале «Пулемет». Девиз шебуевской «Весны» был таким: «В политике — вне партий. В литературе — вне кружков. В искусстве — вне направлений». Действительно, там печатались Л. Андреев и А. Куприн, Ф. Сологуб и А. Блок, К. Чуковский и Скиталец, там начинали И. Северянин и Н. Гумилёв, М. Пришвин, А. Аверченко и многие другие.

Хлебников попал в «Весну» почти случайно: он прочел объявление о том, что журнал «Весна» приглашает молодых авторов явиться с рукописями. В редакции «Весны» (она помещалась в квартире Шебуева) состоялась чрезвычайно важная для Хлебникова встреча. Редактором журнала был тогда Василий Каменский, тоже молодой начинающий поэт, дебютировавший в «Весне» незадолго до этого. Об этой встрече Каменский вспоминает:

«Однажды в квартире Шебуева, где находилась редакционная комната, не было ни единого человека, кроме меня, застрявшего в рукописях.

Поглядывая на поздние вечерние часы, я открыл настежь парадные двери и ожидал возвращения Шебуева, чтобы бежать в театр.

Сначала мне послышались чьи-то неуверенные шаги по каменной лестнице.

Я вышел на площадку — шаги исчезли.

Снова взялся за работу.

И опять шаги.

Вышел — опять исчезли.

Я тихонько спустился этажом ниже и увидел: к стене прижался студент в университетском пальто и испуганно смотрел голубыми глазами на меня.

Зная по опыту, как робко приходят в редакцию начинающие писатели, я спросил нежно:

— Вы, коллега, в редакцию? Пожалуйста. Студент что-то произнес невнятное.

Я повторил приглашение:

— Пожалуйста, не стесняйтесь. Я такой же студент, как вы, хотя и редактор. Но главного редактора нет, и я сижу один.

Моя простота победила — студент тихо, задумчиво поднялся за мной и вошел в прихожую.

— Хотите раздеться?

Я потянулся помочь снять пальто с позднего посетителя, но студент вдруг попятился и наскочил затылком на вешалку, бормоча неизвестно что.

— Ну, коллега, идите в кабинет в пальто. Садитесь. И давайте поговорим.

Студент сел на краешек стула, снял фуражку, потер высокий лоб, взбудоражил светлые волосы, слегка по-детски открыл рот и уставился на меня небесными глазами.

Так мы молча смотрели друг на друга и улыбались.

Мне он столь понравился, что я готов был обнять это невиданное существо.

— Вы что-нибудь принесли?

Студент достал из кармана синюю тетрадку, нервно завинтил ее винтом и подал мне, как свечку:

— Вот тут что-то... вообще... И больше — ни слова.

Я расправил тетрадь: на первой странице, точно написанные волосом, еле виднелись какие-то вычисления, цифры; на второй — вкось и вкривь начальные строки стихов; на третьей — написано крупно „Мучоба во взорах“, и это зачеркнуто, и написано по-другому: „Искушенье грешника“.

Сразу мои глаза напали на густоту новых словообразований и исключительную оригинальность прозаической формы рассказа „Искушенье грешника“...»[\[24\]](#)

Рассказ был опубликован в ближайшем номере. Итак, в октябре 1908 года литературный дебют Хлебникова состоялся. Что же поразило Каменского в этом произведении? Вот как начинается «Искушение грешника»: «...И были многие и многая: и были враны с голосом „смерть!“ и крыльями ночей, и правдоцветиковый папоротник, и врематая избушка, и лицо старушонки в кичке вечности, и злой пес на цепи дней, с языком мысли, и тропа, по которой бегают сутки и на которой отпечатлелись следы дня, вечера и утра, и небокорое дерево, больное жуками-пилильщиками, и юневое озеро, и глазасторогие козлы, и мордастоногие дива, и девоорлы с грустильями вместо крылий и „ногами“ любви вместо босови, и мальчик, пускающий с соломинки один мир за другим и хохочущий беззаботно, и было младенцекаменное ложе, по которому струились злые и буйные воды, и пролетала низко над землей сомнениекрылая ласточка, и пел влагодкликий соловей на колковзором шиповнике, и стояла ограда из времового тесу, и скорбеветвенный страдняк ник над водой, и было озеро, где вместо камня было время, а вместо камышей шумели времышы. И зыбились грустняки над озером. И плавал правдохвостый сом, и давала круги равенствозубая щука, и толчками быстрыми и незаметными пятился назад — справедливость — клешневый рак».

К этому фантастическому пейзажу Хлебников обращается и в стихах. Вот одна из лучших миниатюр:

Времышы — камышы
На озера берегу,
Где каменя временем,
Где время камнем.
На берега озере
Времышы, камышы,

На озера береге
Священно шумящие.

Здесь читателю открывается типично хлебниковский мир, который существует только в языке, только в слове, мир, который нельзя изобразить, нельзя нарисовать. «Искушение грешника» является собой яркий пример языкотворчества, о чем очень хорошо сказал Бенедикт Лившиц. Впервые прочитав произведения Хлебникова, Лившиц, как он сам говорит, «увидел воочию оживший язык»:

«Дыхание довременного слова пахнуло мне в лицо.

И я понял, что от рождения нем.

Весь Даль с его бесчисленными речениями крошечным островком всплыл среди бушующей стихии.

Она захлестывала его, переворачивала корнями вверх застывшие языковые слои, на которые мы привыкли ступать как на твердую почву.

Необъятный, дремучий Даль сразу стал уютным, родным, с ним можно было сговориться: ведь он лежал в одном со мною историческом пласте и был вполне соизмерим с моим языковым сознанием.

А эта бисерная вязь на контокоррентной бумаге обращала в ничто все мои речевые навыки, отбрасывала меня в безглагольное пространство, обрекала на немоту. Я испытал ярость изгоя и из чувства самосохранения был готов отвергнуть Хлебникова.

Конечно, это был только первый импульс.

Я стоял лицом к лицу с невероятным явлением.

Гумбольдтовское понимание языка как искусства находило себе красноречивейшее подтверждение в произведениях Хлебникова, с той только потрясающей оговоркой, что процесс, мыслившийся до сих пор как

функция коллективного сознания целого народа, был воплощен в творчестве одного человека». [\[25\]](#)

В этих словах Лившиц выразил, вероятно, впечатление многих своих современников от встречи с творчеством Хлебникова.

Василий Каменский, «благословивший» первую публикацию Хлебникова, тоже начинал тогда экспериментировать со словом, хотя делал это не так радикально, как Хлебников. Именно через Каменского позже Виктор Хлебников познакомится с будущими участниками футуристического движения. Каменский за «Искушение грешника» заплатил Хлебникову аванс. Но, по словам Каменского, на следующий день у Хлебникова «уже не было ни копейки»:

«Он рассказал, что зашел в кавказский кабачок съесть шашлык „под восточную музыку“, но музыканты его окружили, стали играть, петь, плясать лезгинку, и Хлебников отдал им весь свой первый аванс.

— Ну хоть шашлык-то вы съели? — заинтересовался я, сидя на досках его кровати.

Хлебников рассеянно улыбался:

— Нет... не пришлось... но пели они замечательно. У них голоса горных птиц».

В дальнейшем Хлебников так и не научился откладывать деньги или хотя бы разумно тратить их, чем необычайно раздражал многих своих родственников, неоднократно пытавшихся «научить его жить».

Так проходила осень 1908 года. В Петербурге Хлебников не старался обзавестись постоянным жильем, имуществом. Он поселился недалеко от университета, на Васильевском острове. Первый его адрес — Малый проспект, дом 19, квартира 20. Об этой «квартире» В. Каменский вспоминал:

«Хлебников жил около университета, и не в комнате, а в конце коридора квартиры, за занавеской.

Там стояли железная кровать без матраца, столик с лампой, с книгами, а на столе, на полу и под кроватью белелись листочки со стихами и цифрами.

Но Хлебников был не от мира сего и ничего этого не замечал».

Впрочем, надо полагать, что быт остальных его товарищей — а на Васильевском острове селились почти все иногородние студенты университета — мало отличался от хлебниковского. Вскоре с этой квартиры его выгнали, и на несколько дней Хлебников поселился у друга отца, Григория Судейкина, преподавателя Лесной академии, которая располагалась в отдаленном конце Петербурга — в Лесном. Поездка до университета занимала часа два. «Расстояния меня убивают. Трамваи тоже... В Петербурге так велики расстояния, что почти все время проходило в ходьбе» — таковы первые впечатления Хлебникова от столицы, где он не был с детства. От Судейкиных Хлебников переехал на Петроградскую сторону (Гулярная улица, ныне — улица Лизы Чайкиной, дом 2, квартира 2). Отсюда до университета было гораздо ближе. Но занятия на самом деле мало интересуют Хлебникова, никаких экзаменов в эту осень он не держал. Гораздо больше его волнуют литературные дела.

В конце ноября Хлебников сообщил отцу: «Ради „воссоединения церквей“ я готов переселиться к вам в Одессу, закончив свои литературные дела». Как видим, о занятиях в университете речи нет. Но и в Одессу Хлебников не поехал. В конце декабря он уезжает в Москву, где посещает Кремль, Третьяковскую галерею. «Москва — первый город, который победил и завоевал меня», — пишет он матери. Через несколько дней он покидает Москву и уезжает оттуда в Киев. В Киеве в художественном училище занималась Вера Хлебникова,

а в пригороде Киева, Святошине, жила семья Варвары Николаевны Рябчевской (урожденной Вербицкой). С ее детьми — Марусей и Колей — у Хлебникова сложились очень близкие, дружеские отношения, совсем не такие, как с питерскими родственниками. Николаю Рябчевскому, талантливому скрипачу и композитору, посвящено эссе 1912–1913 годов:

«Коля был красивый мальчик. Тонкие черные брови, иногда казавшиеся громадными, иногда обыкновенными, синевато-зеленые глаза, лукавой улыбкой завязанный рот и веселое хрупкое личико, которого коснулось дыхание здоровья.

Он вырос в любящей семье; он не знал других окриков в ответ на причуды или шалости, как „дитя мое, зачем ты волнуешься?“.

В больших глазах его одновременно боролись бледно-синеватый оттенок и зеленый, как будто плавал лист купавы по озеру...»

И далее: «Искусство — суровый бич: оно разрушает семьи, оно ломает жизни и душу. Трещиной раскола отделяет душу от другой и труп привязывает к башне, где коршуны славы клюют когда-то живого человека».

Этот скорбный вывод с полным основанием можно отнести не только к Коле Рябчевскому, но и к самому Хлебникову. Вероятно, свои собственные взаимоотношения с семьей он и имел в виду.

В Марию Николаевну Рябчевскую Хлебников был тогда влюблен и даже посвящал ей стихи. Надо полагать, именно эта сердечная привязанность послужила причиной столь поспешного отъезда в Киев: семья Хлебниковых приехала туда гораздо позже, «литературные дела» тоже не были улажены. Как раз в это время В. Каменскому предложили редактировать новую петербургскую газету «Луч света». «Я сгруппировал, — пишет Каменский, — почти всю новую литературу. Предложил сотрудничать Ф. Сологубу,

Алексею Ремизову, А. Блоку, Вяч. Иванову, Кузмину, Г. Чулкову, Хлебникову, Гумилёву, Городецкому». [\[26\]](#)

С этой газетой Хлебников связывает свои новые надежды на публикацию. 10 января 1909 года из Святошина он посылает Каменскому статью «Курган Святогора», собирается послать также свои стихотворения «Скифское» и «Крымское». Издательским планам Каменского не суждено было сбыться. На втором номере газета прекратила свое существование. Произведения Хлебникова там не появились. «Крымское» было написано под впечатлением лета, проведенного в Судаче, последнего беспечного лета в жизни Хлебникова.

...Под руководством маменьки
Барышня учится в воду камень кинуть.
На бегучие сини Ветер сладостно сеет
Запахом маслины,
Цветок Одиссея.
И, пока расцветает, смеясь, семья прибауток,
Из ручонки
Мальчонки
Сыпется, вьясь, дождь в уплывающих уток.
Море щедрою мерой
Веет полуденным золотом.
Ах! Об эту пору все мы верим,
Все мы молоды.
И начинает казаться, что нет ничего
невообразимого,
Что в этот час
Море гуляет среди нас,
Надев голубые невыразимые.
День, как срубленное дерево, точит свой сок.
Жарок песок.
Дорога пролегла песками.

Во взорах — пес, камень.
Возгласы: «Мамаша, мамаша!»
Кто-то ручкой машет.
Жар меня морит.
Морит и море...

Лень, нега и жаркое крымское солнце наполняют эти строки, так непохожие на те словотворческие эксперименты, которые в то же самое время начал «проводить» Хлебников.

Зимой и весной 1909 года, будучи в Святошине, Хлебников пишет мало. Вероятно, это связано с тем, что он должен был осмыслить события осени — петербургские впечатления и первые знакомства в литературном мире. В то же время у него зреют новые замыслы. «Я мечтаю о большом романе, которого прообраз „Купальщики“ Савинова, — свобода от времени, от пространства, сосуществование волимого и волящего. Жизнь нашего времени, связанная в одно с порой Владимира Красное Солнышко... Отдельные главы написаны будут (будут?) живой, другие мерной, одни драматические произведения (драматические), другие повествовательные». И все объединено единством времени и сваяно в один кусок протекания в одном и том же времени. Кроме того, отставные военные, усмирители, максималисты и проч. в духе „Навьи чар“».

В этом отрывке мы можем различить прообразы следующих произведений: во-первых, намечается принцип построения сверхповести (и вскоре Хлебников начнет работать над «Детьми Выдры»); во-вторых, речь идет об основном сюжетном ходе многих хлебниковских произведений раннего периода, таких как «Чертик»,

«Внучка Малуши», «Училица», где сказочная героиня попадает в современный Петербург, или, наоборот, молодая особа из современного Петербурга попадает в мир русской сказки.

В Святошине Хлебников пробыл с небольшим перерывом до конца августа 1909 года, а в это время в Петербурге происходили чрезвычайно важные для его последующей жизни события. В апреле на «башне» начинает работу Академия стиха. «Башней» называли квартиру поэта Вячеслава Иванова в доме на Таврической улице в Петербурге (дом 25, квартира 35). Это была большая квартира на последнем этаже с круглой угловой комнатой, откуда и пошло название «башня». Форма комнат была причудливая, так как это были разрезы круга. Посещать «башню» считалось почетным. Все равно что получить своего рода диплом на принадлежность к высшему слою интеллигенции. Хозяин «башни» был человек разносторонне образованный, настоящий ученый-энциклопедист. Однажды он помогал дочери сделать домашнее задание по немецкому языку: надо было сравнить произведения Шиллера и Гёте. Иванов написал для дочери это сочинение на изящном старинном языке прошедшей эпохи, который был присущ обоим поэтам. Конечно, преподаватель подумал, что это сочинение списано со старой книги.

На «башне» перебивала вся литературная, художественная, музыкальная элита Петербурга и Москвы. Гости и друзья не только приходили, но даже останавливались: кто на два-три дня, кто и надолго. Когда стало не хватать двух квартир, пришлось проломить стену и вставить дверь, соединяющую еще и с третьей квартирой. В ней одно время жил Михаил Кузмин. За обедом на «башне» всегда сидели человек восемь-девять и больше. Обед затягивался, самовар не переставал работать до поздней ночи. Кто только не

сизживал за столом: крупные писатели, поэты, философы, художники, актеры, музыканты, профессора, студенты, начинающие поэты, оккультисты; люди полусумасшедшие на самом деле и другие, выкидывающие что-то для оригинальности; декаденты, экзальтированные дамы. Как пишет Лидия Иванова, дочь поэта, разговоры были оживленные, но непонятные. Матреша, кухарка, однажды сказала ей: «Странно! Говорят по-русски? А ничего нельзя понять!»

У Иванова собирались по средам. Правда, среды скорее можно назвать четвергами: они начинались за полночь. Хозяин, вспоминает Андрей Белый, «являлся к обеду: до — кутался пледом, с обвернутой головой утопал в корректурах на низком постельном диване, работая, не одеваясь, отхлебывая черный чай, подаваемый прямо в постель: часа в три; до — не мог проснуться, ложась часов в 8 утра, заставляя гостей с ним проделывать то же; к семи с половиной вечера утренний, розовый, свежий, как роза, умытый, одетый, являлся обедать... Чай подавался не ранее полночи; до — разговоры отдельные в „логовах“ разъединенных».

[27]

По просьбе молодых поэтов Вячеслав Иванов прочел им курс лекций по теории стиха. Владимир Пяст вспоминал: «Появилась большая аспидная доска; мел в руках лектора; слышались звуки „божественной эллинской речи“: раскрылись тайны анапестов, пеонов и эпитритов, „пародов“ и „экзодов“. Все это ожило и в музыке русских, как классических, так и современных стихов. В качестве диспутантов и оппонентов выступали представители старшего поколения: сам „мэтр“ Вячеслав Иванов; ученый-эллинист, преподаватель университета Фаддей Францевич Зелинский; переводчик Еврипида, прекрасный поэт-лирик Иннокентий Федорович Анненский. Молодежь

играла роль хора, вопреки обычаю греческой трагедии, безмолвного и безгласного».^[28]

На первых трех заседаниях было говорено о стихе вообще, о системах стихосложения и о пяти метрах русского стиха, потом был начат разговор о рифме. Затрагивалась также система понятий античного стихосложения. На последующих заседаниях в апреле — мае были рассмотрены вопросы о бедной и богатой рифме, о белом стихе, затем — фоника, семантическая и эмоциональная окраска звуков, строфика и твердые формы и некоторые другие вопросы. Среди посетителей были Осип Мандельштам, Николай Гумилёв, Алексей Толстой, Елизавета Дмитриева и многие другие. Лекции оказались исключительно полезны молодым поэтам, и решено было с началом нового сезона их продолжить.^[29]

Одновременно в литературно-художественных кругах, близких к «башне», полным ходом идет подготовка нового журнала. Наметившийся кризис символизма означал и кризис основных символистских изданий: «Весы» и «Золотое руно» доживали последний год. Нужны были новые идеи, новые люди, новые принципы. Организатором нового издания стал поэт, издатель, художественный критик, а позднее — мемуарист и историк искусства Сергей Маковский, сын художника Константина Маковского. Идея создать новый журнал обрела реальные очертания только весной 1909 года, после встречи Сергея Маковского с Иннокентием Анненским. В числе ближайших участников намечались как мэтры — Иванов, Брюсов, так и молодые поэты — Гумилёв, Волошин и другие. В мае 1909 года состоялось первое организационное собрание. Задачами «Аполлона» (так называли новый журнал), как они представлялись на том этапе, было «давать выход росткам новой художественной мысли»

(И. Анненский): «Доступ на страницы „Аполлона“ найдет только подлинное *искание Красоты*, только *серьезное* отношение к задачам творчества. Начало аполлонизма, т. е. принцип культуры — „выход в будущее через переработку прошлого“, по нашему мнению, в одинаковой мере несовместимо с безоглядностью и с академизмом. Мы живем в будущем, но мы знаем, что прошлое в свою очередь тоже было когда-то будущим, что наше будущее станет когда-нибудь прошлым».

Под такой декларацией мог бы подписаться и Хлебников, но уже к концу 1909 года выяснилось, что все основные провозглашенные принципы он понимает иначе, чем Маковский и его друзья. Уже первый футуристический альманах «Садок судей», вышедший в апреле 1910-го, с точки зрения аполлоновцев был именно «безоглядностью», с которой несовместим «принцип культуры», или литературным фокусничеством, полным «наивно или расчетливо придуманных „новых ощущений“, шутовских эффектов, притязательных поз». «Новая правда» и «новая красота», провозглашенная Маковским, была на самом деле чрезвычайно консервативна. Тем не менее «Аполлон» счастливо просуществовал до 1917 года, что для художественного журнала не так уж мало. В «Аполлоне» печатались стихи Гумилёва, Мандельштама, Ахматовой, Кузмина, Волошина.

Одновременно Маковский занялся и перегруппировкой сил на художественном фронте: в январе 1909 года открылся организованный им «Салон» в Первом кадетском корпусе. Состав экспозиции «Салона» вполне подтверждал намерение его организатора представить всю художественную линию русского искусства тех лет. Здесь находились работы передвижников Василия Сурикова и Валентина Серова, почти в полном составе экспонировались бывшие

участники группы «Голубая роза». Эта группа существовала недолго, но оставила большой след в русском искусстве. Название группы символизировало тоску по неведомому, недостижимому, оно ассоциировалось с «голубым цветком» Новалиса и с популярным образом «синей птицы» Метерлинка. Это была символистская живопись, далекая от канонов реалистического искусства. На выставке экспонировались работы будущих «столпов» русского авангарда Василия Кандинского и Давида Бурлюка. Вскоре и участникам, и устроителям, и критикам стало ясно, что у всех художников слишком разные представления об искусстве и слишком разные дарования. Впрочем, Маковский был осторожен и избегал участия в слишком «левых», слишком радикальных художественных течениях. В идее этой выставки можно видеть зачатки художественной программы будущего «Аполлона».

В это же время попытку организационно оформить «левый фланг» художников предпринимает Николай Иванович Кульбин — чрезвычайно примечательная фигура тех лет. Он был приват-доцентом Военно-медицинской академии, врачом Главного штаба и в то же время художником-футуристом, организатором немало числа «левых» выставок. Многие называли его «сумасшедшим доктором». Позднее Кульбин много сделает для Хлебникова: благодаря его содействию Хлебников получит отпуск из армии во время Первой мировой войны.

В марте 1909 года Кульбин организовал большую выставку под названием «Импрессионисты» с участием будущих членов «Союза молодежи» Михаила Матюшина и Елены Гуро. Среди экспонентов были также Борис Григорьев и Василий Каменский. Одновременно с этим в марте — апреле состоялась выставка «Венок — Стефанос», ядро которой составляли братья Владимир и

Давид Бурлюки. На этой выставке с Бурлюками познакомился Василий Каменский, приобретший уже широкий круг знакомств в художественном мире. Картины, представленные на этих выставках, противоречили обывательскому здравому смыслу и хорошему вкусу, а также «аполлоновскому» пониманию красоты. Устроители, в том числе Кульбин, пытались объяснить публике свою живопись. «Мы, художники-импрессионисты, — говорил Кульбин, — даем на полотне свое впечатление, то есть импрессию. Мы видим именно так, и свое впечатление отражаем на картине, не считаясь с банальным представлением других о цвете тела. В мире все условно. Даже солнце одни видят золотым, другие — серебряным, третьи — розовым, четвертые — бесцветным. Право художника видеть как ему кажется — его полное право».^[30]

Но критики, пришедшие на выставку, негодовали.

«Чуковский, — вспоминает Каменский, — рассматривая картины, положительно веселился, выкрикивая тоненьким тенорком:

— Гениально! Восхитительно! Зеленая голая девушка с фиолетовым пупом — кто же это такая? С каких диких островов? Нельзя ли с ней познакомиться?

...Брешко-Брешковский спрашивал:

— Но почему она зеленая? С таким же успехом ее можно было сделать фиолетовой, а пуп зеленым? Вышло бы наряднее.

— Это утопленница, — тенорил Чуковский».

Василий Каменский впервые увидел на этой выставке мясистого, краснощекого Давида Бурлюка.

«<Бурлюк> смотрел в лорнет то на публику, то на картину, изображающую синего быка на фоне цветных ломаных линий вроде паутины, и зычным, сочным баритоном гремел:

— Вас приучили на мещанских выставках нюхать гиацинты и смотреть на картинки с хорошенькими, кучерявыми головками или с балкончиками на дачах. Вас приучили видеть на выставках бесплатное иллюстрированное приложение к „Ниве“.

— Кто приучил? — крикнули из кучи.

— Вас приучили, — продолжал мясистый оратор, — разные галдящие бенуа и брешки-брешковские, ничего не смыслящие в значении искусства живописи.

Брешко-Брешковского передернуло:

— Вот нахальство! Оратор горячился:

— Право нахальства остается за теми, кто в картинах видит раскрашенные фотографии уездных городов и с таким пошляцким вкусом пишет о картинах в „Биржевках“, в „Речи“, в зловонных „петербургских газетах“.

Брешко-Брешковский убежал с плевком:

— Мальчишки в коротеньких курточках! Нахалы из цирка! Маляры!

Оратор гремел:

— А мы, мастера современной живописи, открываем вам глаза на пришествие нового, настоящего искусства. Этот бык — символ нашего могущества, мы возьмем на рога этих всяких обывательских критиков, мы станем на лекциях и всюду громить мещанские вкусы и на деле докажем правоту левых течений в искусстве». [\[31\]](#)

С той поры Каменский стал с Бурлюком неразлучен. Хлебников же всех этих бурных событий не застал. Он вернулся в Петербург в мае 1909-го, когда сезон уже кончался. Возможно, приезд был связан с университетскими делами, но экзаменов в эту сессию он опять не держал, хотя плату за обучение внес. В этот раз ему удалось встретиться с Вячеславом Ивановым, который «весьма сочувственно», по выражению Хлебникова, отнесся к его начинаниям. Занятия в

Академии стиха закончились, тем не менее отношения Хлебникова с Ивановым в этот краткий приезд развивались очень бурно. Канва событий такова: Хлебников появился на «башне» в конце мая. 3 июня Иванов посвящает ему стихотворение «Подстерегателю». 10 июня Хлебников пишет Иванову письмо, к которому прилагает только что написанный рассказ «Зверинец», и в тот же день уезжает обратно в Святошино.

«Зверинец» — удивительно сделанное произведение, стоящее на границе стиха и прозы. Читая его, вспоминаешь древние священные книги, ритмизованную прозу Ницше, произведения Уитмена. Издатели произведений Хлебникова до сих пор точно не решили, что же это — стихи или проза:

«О, Сад! Сад!

Где железо подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья, и останавливающему кровопролитную свалку.

Где орлы сидят подобные вечности, оглавленной все еще лишенным вечера днем.

Где лебедь подобен весь зиме, а клюв — осенней роще.

Где лишь испуг и испуг олень, цветущий широким камнем.

Где военный с выхоленным лицом бросает тигру земли только потому, что тот величествен.

Где красивый синейшина роняет хвост, подобный Сибири, видимой с камня во время изморозков, когда золото пала и лиственней вделано в зеленый и синий местами бор, а на все это кинута тень бегущих туч; сам же камень подобен во всем туловищу птицы.

Где смешные рыбкрылы чистят друг друга с

трогательностью старосветских помещиков.
Где в павиане странно соединены человек и собака.
Где верблюд знает сущность буддизма и затаил ужимку Китая.
Где в лице, окруженном белоснежной бородой, и с глазами почтенного мусульманина, мы чтим первого махаметанина и впиваем красоту Ислама.
Где низкая птица влачит за собой златовейный закат, которому она умеет молиться.
Где львы встают и устало смотрят на небо.
Где мы начинаем стыдиться себя и начинаем думать, что мы более ветхи, чем раньше казалось...»^[32]

За две недели Иванов и Хлебников узнали друг друга, поняли друг друга и раскрылись друг другу так, будто близкое общение и дружба между ними продолжались по крайней мере несколько лет. Надо полагать, юный поэт высказал тогда мэтру то, что прочие посетители «башни» поняли гораздо позже. Неоднократно бывший председателем на «башенных» заседаниях философ Николай Бердяев говорил об Иванове так: «Это был самый замечательный, самый артистический позер, какого я в жизни встречал, и настоящий шармер... В. Иванов был незаменимым учителем поэзии. Он был необыкновенно внимателен к начинающим поэтам. Он вообще много возился с людьми, уделял им много внимания. Дар дружбы у него был связан с деспотизмом, с жадной жаждой обладания душами... Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо. Но в конце концов люди от него уходили. Его

отношение к людям было деспотическое, иногда даже вампирическое, но внимательное, широкоблагожелательное». [33]

Эта мысль присутствует и в мемуарах Андрея Белого, и в мемуарах Анны Ахматовой. Как бы в ответ на подобные упреки Иванов говорит Хлебникову:

Нет, робкий мой подстерегатель,
Лазутчик милый! Я не бес,
Не искуситель — испытатель,
Оселок, циркуль, лот, отвес.
Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор.
И, совопросник, соглядамай,
Ловец, промысливший улов,
Чрез миг — я целиной богатой,
Оратай, провожу волов:
Дабы в душе чужой, как в нови,
Живую взрезав борозду,
Из ясных звезд моей Любви
Посеять семенем — звезду.

Хлебников, уезжая в Святошино, пишет Иванову:

«Знаете: я пишу вам только чтобы передать, что мне отчего-то грустно, что я непонятно, через 4 часа уезжая, грущу и что мне как чего-то вещественного жаль, что мне не удалось, протянув руку, сказать „до свидания“ или „прощайте“ Вере Константиновне и др. членам в^{ашего} кружка, знакомством с которым я так дорожу и умею ценить.

Я увлекаюсь какой-то силой по руслу, которого я не вижу и не хочу видеть, но мои взгляды — вам и вашему уюту.

Я знаю, что я умру лет через 100, но если верно, что мы умираем начиная с рождения, то я никогда так *сильно* не умирал, как в эти дни. Точно вихрь отмыкает корни меня от рождающей и нужной почвы. Вот почему ощущение смерти не как конечного действия, а как явления, сопутствующего жизни в течение *всей* жизни, всегда было слабее и менее ощутимо, чем теперь».

Несмотря на эту новую дружбу, Хлебников уезжает. Из Святошина он пишет письмо В. Каменскому в Пермь, причем свое настроение в начале лета называет настроением «велей злобы» на тот мир и тот век, в который он заброшен «по милости благого провидения». Вновь, как и в предыдущем письме, он сообщает Каменскому о своих грандиозных замыслах (задумал «сложное произведение» «Поперек времен»), из написанных вещей упоминает «Внучку Малуши», которой недоволен. Шуточная поэма «Внучка Малуши» — то, что вышло из замысла, обещанного Каменскому («Жизнь нашего времени, связанная в одно с порой Владимира Красное Солнышко»). Других написанных произведений Хлебников не упоминает. Это лето не было для него плодотворным.

Из других событий лета 1909 года надо отметить его страстный отклик на обвинения Алексея Ремизова в плагиате. Начало этой травли было положено газетой «Биржевые ведомости». Газетные критики обвинили Ремизова в том, что он публикует под своим именем русские народные сказки. Ремизову пришлось объяснять газетчикам, что такое литературная обработка.

«Пусть Ал<ексей> Мих<айлович> помнит, — пишет Хлебников Каменскому, — что каждый из друзей гордо встанет у барьера защищать его честь и честь вообще

русского писателя». Хлебников описывает реакцию киевской общественности на это событие: «Зная, что обвинять создателя „Посолонь“ в воровстве — значит совершать что-то неразумное, неубедительное на злостной подкладке, я отнесся к этому с отвращением и презрением. Но я был изумлен, что окружавшие меня, считавшие себя передовыми и умными людьми, слепо поверили гнусной заметке. Правда, появилась позднее заметка, но все же удар по лицу российского писателя есть. На писателя падает, как гром, обвинение грязного листка в плагиате, и писатели шарахаются, как бараны от звука бича, а писатель смиренно, чуть ли не в коленопреклоненной позе молит не бить по другой. Это же бесчестье! Это ли не бесчестье? Я не могу позволять тем, кому я дарю дружбу, безнаказанно давать себя оскорблять.

Честь должна быть смыта. Если Алексей Михайлович не хочет гордо искать удовлетворения, то он должен позволить искать удовлетворения его друзьям. Мы должны выступить защитниками чести русского писателя, этого храма, взятого на откуп, — как гайдамаки — с оружием в руках и кровию. К черту третейские суды, здесь нужны хмель и иное пламя».

Но Ремизов этой услугой не воспользовался. Отчасти ремизовская интерпретация отношений с Хлебниковым содержится в романе «Крестовые сестры», где они спроецированы на отношения Маракулина и Плотникова.

В сентябре дачный сезон заканчивается, родственники разъезжаются. Рябчевские возвращаются в Одессу, туда же едет Александр (он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета в Одессе). Родители переезжают в город Лубны Полтавской губернии, а сам Хлебников возвращается в Петербург. Хотя с естествознанием было покончено, с

университетом он не порывает. Возможно, одной из причин было то, что отец (несмотря на тяжелое материальное положение семьи) продолжал присылать деньги, пока сын «учился». Владимир Алексеевич Хлебников получал пенсию сто пятьдесят шесть рублей в месяц. Для содержания семьи и обучения четверых детей этого было очень мало. Виктору высылалось не менее тридцати рублей в месяц. Плата за обучение в университете составляла пятьдесят рублей в год. Поэтому вскоре Владимиру Алексеевичу пришлось снова искать службу. Отца угнетало то, что уже выросшие дети продолжали требовать денег и жили не так, как хотели бы родители.

Александр как мог утешал отца и выгораживал брата. Он писал домой: «Судя по маминому письму, вы смотрите на настоящее положение вещей несколько трагически. Как мне кажется, — это напрасно. Материальное положение наше вовсе не плохо. А если вы огорчаетесь, смотря на Витю и на Веру, а втайне и на меня, то этому тем меньше основания. Каждый человек при данных условиях, силе и характере поступает и живет, как ему кажется, наилучшим образом, и это действительно так. Конечно, монах с сожалением смотрит на мирянина и наоборот, и оба правы. Но правда у каждого временная, частичная, только их личная. Если даже жизнь маскарад, то не все ли равно, как пройти ее — арлекином или рыцарем».

Окончательно сделав выбор в пользу литературы, Хлебников решает уйти с физико-математического факультета. 17 сентября 1909 года, сразу по приезде в Петербург, он подал заявление о переводе на факультет восточных языков по разряду санскритской словесности. Нетрудно увидеть в этом решении следствие идей «всеславянского языка» и поисков «волшебного камня превращения всех славянских слов одно в другое». Вскоре он передумал и подал прошение

о переходе «с того семестра естественного отделения физико-математического факультета, на котором я числюсь, на первый семестр историко-филологического факультета славяно-русского отделения».^[34]

В октябре это прошение было удовлетворено, но никаких экзаменов он на этом факультете также не держал, его зачетная книжка не содержит даже сведений о записи на лекции. Впрочем, можно предположить, что некоторые лекции он все же посещал. На историко-филологическом факультете преподавал Лев Владимирович Щерба. В 1909 году Щерба как раз был назначен хранителем Кабинета экспериментальной фонетики. В 1912 году он издал книгу «Русские гласные в качественном и количественном отношении», которую Хлебников неоднократно упоминает в годы, когда разрабатывает «азбуку ума». Ссылаясь на экспериментальные данные Щербы, Хлебников делает вывод о том, что «языки отличаются показателями степеней числа колебаний гласной», и предполагает объединить такого рода закономерности в своем итоговом произведении «Доски судьбы». Кафедрой общего языкознания заведовал Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ. В 1914 году Бодуэн де Куртенэ крайне неодобрительно отозвался о футуристическом движении в статьях «Слово и „слово“», «К теории „слова как такового“ и „буквы как таковой“». Однако в 1909 году Хлебников, вероятно, посещал и его лекции по сравнительному языкознанию.

Осенью 1909 года Хлебников участвовал в Пушкинском семинарии профессора С. А. Венгерова. Вместе с Хлебниковым семинарий в тот год посещали его «башенные» знакомые С. Ауслендер, Н. Гумилёв и М. Гофман, но в сборнике «Пушкинист» 1914 года, где указаны все печатные произведения участников семинария, в том числе стихи Гумилёва, работы

Хлебникова не упомянуты. Сборник вышел через два года после того, как прозвучал призыв футуристов сбросить Пушкина «с парохода современности», и современники в большинстве своем не поняли смысла этого выпада «против Пушкина».

Осень и начало зимы 1909/10 года стали для Хлебникова периодом наибольшего сближения с «башенным» кругом. Из посетителей и обитателей «башни» Хлебников сошелся, кроме Вячеслава Иванова, только с молодым немецким поэтом Иоганнесом фон Гюнтером и Михаилом Кузминым, которого называет своим учителем. Вот каким предстал Хлебников перед завсегдатаями «башни» по воспоминаниям Гюнтера: «Очень стройный, довольно крупный, белокурые волосы расчесаны на пробор; высокий могучий лоб. А под ним — пустые, прозрачно-голубые глаза чудака-сумасброда. Первое впечатление — бесцветное, ибо маленький рот с бледными, девственными губами почти ничего не произносил... Его попросили почитать. Он достал из кармана какие-то смятые листки и стал тихо читать — он вообще говорил очень тихо и сильно запинаясь; но то, что он прочел, настолько отличалось от символистской поэзии, что мы изумленно посмотрели друг на друга. Мы — это Вяч. Иванов и Кузмин, пригласившие меня послушать. Не символы, но и не социалистическая проповедь. Здесь были птицы, которым он сам давал видовые названия, были невероятные образы, но прежде всего интенсивные упражнения над языком, казавшиеся поначалу весьма произвольными, — своего рода игра, чтобы докопаться до корней слов. Сдержанная замкнутость Хлебникова вызывала порой тревожное чувство: этот молодой человек казался иногда не вполне нормальным. Мысль о том, что перед нами природный гений, не приходила нам в голову во время этой первой встречи... Иванов, опытный ревнитель муз, стал внушать Хлебникову, что

ему следует еще много и систематически заниматься вопросами поэтической формы. Однако молодого человека это совсем не интересовало. За его запинаящейся немотой скрывалась негибкая воля, не позволявшая ему сойти с избранного им пути. Когда уже поздно ночью Хлебников ушел, нам стало ясно, что мы встретились с весьма незаурядным человеком, чей путь будет не из легких. Похоже, он мечтал о каком-то литературном будущем, да и у нас сложилось о нем впечатление как об умном и образованном человеке. В остальном же он был скромн, немного застенчив, легко смущался и краснел, словно девушка, но был приветлив и хорошо воспитан». [\[35\]](#)

Михаил Кузмин принял участие в молодом поэте. Сам Кузмин не так давно появился в литературных кругах Петербурга, но сразу же стал признанным мэтром в поэзии. Многие современники считали Кузмина демонической личностью. Иоганнес фон Гюнтер писал о нем: «Те, кто знает его портрет, писанный К. Сомовым, представляют его себе в виде денди и модерниста; а многие помнят другую карточку, на которой Кузмин изображен в армяке, с длинной бородой. Эстет, поклонник формы в искусстве и чуть ли не учения „искусства для искусства“ — в представлении одних, для других он — приверженец и творец нравоучительной и тенденциозной литературы. Изящный стилизатор, жеманный маркиз в жизни и творчестве, он в то же время подлинный старообрядец, любитель деревенской, русской простоты». На «башне» все считали, и небезосновательно, что Хлебников — его протеже. Сам Хлебников не возражал. «Я подмастерье знаменитого Кузмина. Он мой magister», — сообщает Хлебников брату. Тогда же он посвятил Кузмину стихотворение:

...Я думал о России, которая сменой тундр,
тайги, степей
Похожа на один божественно звучащий стих,
И в это время воздух освободился от цепей
И смолк, погас и стих.
И вдруг на веселой площадке,
Которая на городскую торговку цветами
похожа,
Зная, как городские люди к цветку падки,
Весело предлагала цвет свой прохожим, —
Увидел я камень, камню подобный, под коим
пророк
Похоронен: скошен он над плитой и увенчан
чалмой.
И мощи старинной раковины, изогнуты в
козлиный рог,
На камне выступали; казалось, образ бога
камень увенчал мой.
Среди гольцов, на одинокой поляне,
Где дикий жертвенник дикому богу готов,
Я как бы присутствовал на моляне
Священному камню священных цветов.
Свершался предо мной таинственный обряд.
Склоняли голову цветы,
Закат был пламенем объят,
С раздумьем вечером свиты...
Какой, какой тысячекост,
Грознокрылат, полуморской,
Над морем островом подъемлет хвост,
Полунеземной объят тоской?

Нарисовав эту грандиозную картину, Хлебников обращается к своему учителю:

Так, среди «Записки кушетки» и «Нежный Иосиф»,
«Подвиги Александра» ваяете чудесными
руками —
Как среди цветов колосьев
С рогом чудесным виден камень.

Хлебников упоминает прозаические произведения Кузмина «Кушетка тети Сони», «Нежный Иосиф» и «Подвиги Великого Александра».

В дневнике Кузмина есть немало записей, относящихся к Хлебникову, например такая: «...в его вещах есть что-то очень яркое и небывалое». 20 сентября Кузмин пишет, что Хлебников «читал свои вещи гениально-сумасшедшие». [\[36\]](#)

На «башне» в это время сильны были оккультные увлечения и интерес к антропософии Рудольфа Штайнера. Когда Хлебников появился у Иванова, он еще застал там Анну Минцлову, главную проводницу оккультных идей. После смерти Лидии Зиновьевой-Аннибал эти идеи имели сильное влияние на Вячеслава Иванова. Увлечения оккультизмом не избежал практически никто из посетителей «башни», и можно только удивляться, как это удалось сделать Хлебникову. Показавшийся посетителям «башни» сначала «ужасной размазней», Хлебников на самом деле обладал очень сильным характером и несгибаемой волей.

На «башне» происходит посвящение Хлебникова в поэты. Начало новой жизни ознаменовано было переменой имени. Здесь он берет себе в качестве литературного псевдонима южнославянское имя Велимир. [\[37\]](#)

Впервые именем Велимир он подписался в письме Иванову еще в мае 1909 года. Хлебников становится членом только что основанной Академии стиха, или Общества ревнителей художественного слова. Учредителями Общества зарегистрировались И. Анненский, Вяч. Иванов, С. Маковский. В правление вошли И. Анненский, А. Блок, В. Брюсов, которого не было тогда в Петербурге, Е. Зноско-Боровский, Вяч. Иванов, М. Кузмин, С. Маковский. Деятельное участие принимал Н. Гумилёв. С октября занятия Академии стали проходить в редакции «Аполлона».

Расстановку сил и характер лекций в том семестре проясняет письмо Вячеслава Иванова Валерию Брюсову от 3 января 1910 года, где он просит прочесть обещанный курс лекций по теории стиха. Иванов пишет: «„Общество ревнителей художественного слова“ ждет тебя; тобою гордится как своим. Настоящий состав совета, который ведет „Общество“, его задачи и работы: ты, Зелинский (кооптированный на место И. Ф. Анненского), Блок, Кузмин и я. Маковский — „администратор“ — ведает „тело“ „Общества“, с своим помощником (секретарем редакции „Аполлона“). Выбирает новых членов Совет-администратор. Такова организация. Отделение от „Аполлона“ полное, в смысле организации и юридическом. Я читал в этом семестре о метафоре и символе (три вечера) и потом о внутренних формах лирики, именно о „reine Lirik“ и гимне. Анненский был прерван — преждевременной, горькой — смертью! — на начале серий: „Ритмы Пушкина и их судьба в нашей позднейшей лирике“. Зелинский в этом полугодии прочтет о законе клаузулы в прозаическом периоде и о элегическом ритме (дистихи) в антике и у нас. Твоего курса ждем с огромным интересом. Членов у нас мало — часто мы, кажется, преувеличиваем осторожность — что,

впрочем, отнюдь не значит, что у нас литературная elite». [38]

Однако Брюсов своего курса так и не прочитал.

Большое впечатление на Хлебникова произвели лекции Иннокентия Анненского. (В начале семестра Анненский прочитал лекцию «О поэтических формах современной чувствительности».) Той же осенью Анненский скоропостижно скончался. «Хлебников, говорят, в отчаянье», — записал в своем дневнике Кузмин после смерти Анненского.

Дела в Академии стиха — постоянная тема писем Хлебникова домой. «Я член „Академии стиха“, — пишет он отцу, — очень поглупел, два раза читал свои стихи на вечерах. Одна моя вещь будет напечатана в февральском номере „Аполлона“, другая драма, может, будет поставлена на сцене».

24 октября вышел первый номер «Аполлона». За день до этого Хлебников сообщал брату: «Мое стихотворение в прозе будет печататься в „Аполлоне“. И я делаю вид, что очень рад, хотя равнодушен». Стихотворение его в «Аполлоне» не появилось.

Рождение «Аполлона» знаменовало собой новый этап в развитии русской литературы: конец эпохи «Весов» и «Золотого руна», глубокий кризис символизма. «Аполлон» закладывал основы для последующего «преодоления символизма», хотя в то же время некоторых его авторов можно причислить к эпигонам символизма. То новое, что отстаивали поэты «Аполлона», было для Хлебникова еще более чуждым, чем символизм. Молодая редакция, в чьи руки практически сразу перешел журнал, — Кузмин, Гумилёв, Городецкий «преодолевали» символизм иначе, чем Хлебников. Их путь лежал к «прекрасной ясности», или кларизму, с апологией которого выступил Кузмин, к акмеизму, которые защищали Городецкий и Гумилёв.

Хлебников несколько раз читал свои стихи на вечерах, но восторга публики они не вызвали. В это время Хлебников переживает новый творческий подъем: он пишет поэму «Журавль» (на «башне» он читал «Журавля» и «Зверинец»), где впервые появляется тема восстания вещей, драму «Госпожа Ленин», большое количество мелких стихотворений. Многие произведения непосредственно связаны с «Аполлоном» и «башней». Это поэма «Передо мной варился вар...» — протокольное описание одной из сред на «башне», пьесы «Чертик», «Маркиза Дэзес», «Карамора № 2». Там выведены многие знакомые Хлебникова:

Свой взор струит, как снисходительный указ,
Смотрящий сверху Вячеслав.
Он любит шалости проказ,
От мудрой сухости устав.

Фамилия «Кузмин» зашифрована при помощи анаграммы:

Амизук прилег болванчиком
На голубом диванчике.
Он в красной рубашке,
И мысли ползают по его глазам, как по стеклу
букашки.
Появляется там
Младой поэт с торчащими усами,
Который в Африке
Видел изысканно пробегающих жираф к реке, —

здесь нетрудно узнать Гумилёва и его стихотворение «Жираф»:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...

Гумилёв как раз недавно вернулся из Африки, и на «башне» слушали его рассказы.

Полемика Хлебникова была направлена не столько против Николая Гумилёва, Михаила Кузмина или Вячеслава Иванова — его он до конца жизни продолжал считать своим учителем, — сколько против Сергея Маковского и Максимилиана Волошина. Их поведение, их стиль жизни были неприятны Хлебникову. Даже Гюнтер отмечает в Волошине этот нарочитый европейский лоск. При первой встрече, пишет Гюнтер, Волошин показался ему совсем не русским. «Его длинные темно-каштановые волосы, завиваясь колечками и слегка отсвечивая каким-то сальным блеском, спадали на воротник его элегантного черного сюртука на шелковой подкладке, под которым он носил жилет с пуговицами в два ряда. Над этой косматой гривой возвышался модный цилиндр. Он был крупный, широкоплечий, в нем ощущалась тучность. Он носил пенсне, у него была ухоженная борода. Он только что приехал из Парижа и по-светски непринужденно рассказывал последние сплетни и новости».

Еще более, чем Волошин, изображал из себя денди Сергей Маковский. Он даже хотел ввести правило, по которому в редакции «Аполлона» можно было

появляться только в смокинге. Этот нарочитый дендизм был глубоко чужд Хлебникову, хотя, как вспоминают многие, сам он в тот период тоже очень хорошо одевался и был похож на «лондонского денди». Той же осенью Маковский, или Рара Мако, как называли его друзья, попал впросак. В редакцию «Аполлона» стали приходить письма от таинственной иностранки Черубины де Габриак. Она писала великолепные стихи, эти стихи пришлись в «Аполлоне» как нельзя кстати. Ради них изъяли даже стихи И. Анненского из первого номера. Вся редакция «Аполлона» во главе с Маковским влюбилась в загадочную незнакомку. Ее никто не видел, лишь знали ее нежный и певучий голос по телефону. Она присылала стихи на бумаге с траурным обрезом и к стихам прикладывала цветы. Каждая такая веточка, казалось, приобретала таинственное и глубокое значение.

Денди Маковский послал Черубине корзину белых роз и орхидей. «Вы совсем не умеете обращаться с нечетными числами и не знаете языка цветов!» — отвечала возмущенная Черубина. Маковский не знал, куда деваться от стыда. На самом деле «языка цветов» не знала и вымышленная Черубина. Ее создатели, поэтесса Елизавета Дмитриева и Макс Волошин, просто испугались за бюджет «Аполлона». Мистификация кончилась плачевно: в истории оказались замешаны чуть ли не все сотрудники «Аполлона». Макс Волошин вызвал на дуэль Николая Гумилёва. Соперники стрелялись по всем правилам. Хотя дуэль обошлась без кровопролития, поэты поссорились на всю жизнь. Эта дуэль (22 ноября) и скоропостижная смерть Анненского (30 ноября) резко изменили эмоциональную атмосферу в кругах «Аполлона».

Впрочем, в эту осень Хлебников с радостью окунается в жизнь богемы. В декабре он пишет домой: «Что дал мне прошлый год? Усталость, беспечность,

бесшабашность. Кто-то сказал мне, что у меня есть строки гениальные, кто-то, что в моей груди Львиное сердце. Итак, я — Ричард Львиное Сердце. Меня зовут здесь Любек и Велимир... Праздники я провожу в еде, как гусь перед жертвенным ножом. В чем мой жертвенный нож, может быть, узнаете скоро. В этом полугодии я столько раз собирался драться на дуэли, сколько в нем месяцев. Я хожу в котелке. Думают, что я скрываюсь и живу под чужим именем». Дуэли Хлебникова были не такими громкими, как дуэль Волошина и Гумилёва, правда, через несколько лет он чуть было не встретился на дуэли с Осипом Мандельштамом. Эта несостоявшаяся дуэль наделала много шума в литературных кругах, но об этом позже.

Псевдоизысканная атмосфера редакции «Аполлона» на Мойке Хлебникову довольно скоро наскучила. Захотелось как-то расшевелить это общество. Его взгляды на жизнь и на искусство гораздо больше импонировали Василию Каменскому и тем поэтам и художникам, с которыми Каменский познакомился в начале 1909 года. Осенью в среде «левых» продолжалась организационная работа. Одним из центров нового искусства становится квартира художника Михаила Матюшина и его жены поэтессы Елены Гуро на Лицейской (ныне — улица Рентгена), дом 4. Еще в феврале 1909 года они основали свое издательство «Журавль» и тогда же выпустили сборник Елены Гуро «Шарманка». После участия в выставке «Импрессионисты», организованной Кульбиным, и знакомства с Каменским и Бурлюками Матюшин и Гуро делают попытку создать свой кружок. Они выражали недовольство политикой «художественного соглашения» Кульбина и его склонностью к эклектизму и декадентству. Так в ноябре 1909 года было основано общество художников «Союз молодежи».

Правда, уже в начале 1910 года произошел раскол и Матюшин с Гуро вышли из состава общества.

Весной 1909 года Каменский познакомил своих новых друзей с творчеством Хлебникова, в котором они сразу признали своего, но личное знакомство состоялось несколько позже. Елена Гуро пишет своей подруге: «До Хлебникова еще никак не могу добиться, Каменский обещал привести его к нам, но пока еще это не состоялось. Вот еще, что ведь он из крайних крайний, я совсем правая рядом с ним. Настолько он левый, что вот до сих пор даже ни в какие Весы не попал, по крайней мере, я знаю, Вячеслав Иванов его хвалил, а пока, кажись, никуда не пристроил». [\[39\]](#)

В это время Каменский ненадолго отошел от литературных дел. Он женился и в декабре уехал с женой в Пермь. Вернулся он в Петербург только в феврале 1910 года и сразу привел Хлебникова к Матюшину и Гуро. К тому времени Хлебников уже охладел к своим «башенным» друзьям, перестал бывать в Академии стиха и у Кузмина. «В Академии стиха две недели не был. Я собираюсь воскреснуть из своего пепла», — пишет он брату, как бы подводя черту под своим прошлым. И действительно, в это самое время в жизни Хлебникова происходит значительная перемена: на квартире Матюшина и Гуро он знакомится с Давидом Бурлюком. С этих пор Бурлюк становится своеобразным импресарио Хлебникова. Он перевозит его к себе на квартиру, берет на себя заботу об издании хлебниковских вещей, начинает прижизненную канонизацию Хлебникова. Вот как вспоминает о их знакомстве сам Бурлюк: «Через несколько дней я отправился за Хлебниковым на Волково кладбище, чтобы перевезти его к себе, в нашу помещительную комнату на Каменноостровском проспекте (в Новой Деревне), где была кроме для нас, троих братьев

Бурлюков, еще кушетка, где и решили устроить Витю, чтобы не расставаться.

Велимир Владимирович Хлебников жил у купца на уроки за комнату. Это был деревянный неоштукатуренный дом, и во все окна, с одной стороны, глядели кресты Волкова кладбища.

Витя занимался „за комнату“ с двумя очень вспухшими блондинками, дочерьми купца: как длинные репы, висели на их розовых шеях сзади тугие косицы.

Хлебников не решался, я заявил мамаше, что забираю студента. Быстро собрали „вещи“; что-то очень мало. Был чемоданчик и мешок, который Витя вытащил из-под кровати; наволочка, набитая скомканными бумажками, обрывками тетрадей, листками бумаги или просто углами листов...

„Рукописи“, — пробормотал Витя». [\[40\]](#)

Когда Бурлюк с Хлебниковым совсем уже собрались уходить, Бурлюк увидел у двери бумажку на полу и поднял ее. На бумажке оказалось стихотворение «Заклятие смехом», ставшее, без преувеличения, самым знаменитым произведением Хлебникова и самым знаменитым произведением всего русского футуризма:

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеянствуют
смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О, рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных
смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных
смеячей!

Смейево, смейево,

Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Стараниями Давида Бурлюка это стихотворение было опубликовано в сборнике «Студия импрессионистов», который вышел в марте 1910 года под редакцией Кульбина. Его статьей «Свободное искусство как основа жизни» открывался сборник. Хлебников, помимо «Заклятия смехом», опубликовал там стихотворение «Олень, превратившийся в льва».

Кроме хлебниковских там впервые были опубликованы стихи Давида и Николая Бурлюков, монодрама Евреинова «Представление любви» и дилетантские опыты нескольких молодых поэтов. Эта книга получила резко отрицательную оценку в «Аполлоне».

Выход сборника издатели приурочили к открытию выставки «Треугольник», объединившей кульбинистов с членами группы «Венок-Стефанос» и редакцией журнала «Сатирикон». Выставка открылась в марте в доме на углу Невского и Александровской площади. Среди участников были Бурлюки, Кульбин, Евреинов, Экстер, Гуро, Матюшин. В отделе рисунков и автографов русских писателей экспонировались рукопись и рисунок Хлебникова, а также автографы Пушкина, Чехова, Блока, Горького, Андреева, Кузмина, Аверченко и других, народная скульптура из собрания Городецкого и прочее.

Но деятельность Кульбина не всегда и не во всем удовлетворяла Каменского, Бурлюка и Хлебникова. Они задумали издать свой сборник. Название книге придумал Хлебников: «Садок судей». Собирались на квартире у Каменского. Друзья считали, что этой книгой они кладут камень в основание новой литературной

эпохи. Сборник решено было печатать без буквы «ять» и твердого знака на конце слов, на обратной стороне дешевых обоев — в знак протеста против роскошных изданий символистов. Книга должна была пропагандировать пришествие «будетлян» — так назвал группу Хлебников. Каменский вспоминает:

«Это был незабываемый праздник мастеров-энтузиастовбудетлян.

Хлебников в это время жил у меня, и я не видел его более веселого, скачущего, кипящего, чем в эти горячие дни.

Он собирался весь мир обратить в будетлянство и тут же предлагал прорыть канал меж Каспийским и Черным морями.

Я поддерживал Хлебникова во всю колокольню...

...Хлебников, будоража волосы, то корчился, то вдруг выпрямлялся, глядел на нас пылающей лазурью, ходил нервно, подавшись туловищем вперед, сплошь сиял от прибоя мыслей:

— Вообще... будетляне должны основать остров и оттуда диктовать условия... Мы будем соединяться с материком посредством аэропланов, как птицы. Станем прилетать весной и выводить разные идеи, а осенью улетать к себе.

Сверхреальный Давид Бурлюк наводил лорнет на нездешнего поэта и спрашивал:

— А чем же мы, Витя, станем питаться на этом острове? Хлебников буквально пятился:

— Чем? Плодами. Вообще мы можем быть охотниками, жить в раскинутых палатках и писать... Мы образуем воинственное племя.

Володя Бурлюк, делая за столом рисунки для книги, хохотал:

— И превратимся в людоедов. Нет, уж лучше давайте рыть каналы. Бери, Витя, лопату и айда без разговоров.

Тогда Хлебников терялся, что-то шевелил губами и потом заявлял:

— Мы должны изобрести такие машины... вообще...

А вообще нам было беспредельно весело.

Нереальные, но прекрасные фантазии Хлебникова сталкивались с трезвой реальностью наших натур, и от этого происходил треск взаимных восторгов».

«Садок судей» вышел в апреле 1910 года в издательстве «Журавль» тиражом 300 экземпляров. В нем участвовали В. Каменский, Ек. Низен (сестра Ел. Гуро), Н. Бурлюк, Д. Бурлюк, Е. Гуро, С. Мясоедов, В. Хлебников. Владимир Бурлюк нарисовал портреты «будетлян». В «Садке» Хлебников опубликовал «Зверинец», причем с посвящением Вячеславу Иванову, первую часть драмы «Маркиза Дэзес» и начало поэмы «Журавль». В этой поэме в фантастической форме отразились первые впечатления Хлебникова от столицы. На глазах рассказчика городские сооружения — дома, портовые краны, заводские трубы, трамвайные пути — превращаются в ужасную птицу, в журавля, который пожирает людей:

На площади в влагу входящего угла,
Где златом сияющая игла
Покрыла кладбище царей,
Там мальчик в ужасе шептал: «Ей-ей!
Смотри, закачались в хмеле трубы — те!»
Бледнели в ужасе заики губы,
И взор прикован к высоте.
Что? Мальчик бредит наяву?
Я мальчика зову.
Но он молчит и вдруг бежит: какие страшные
скачки!
Я медленно достаю очки.
И точно: трубы подымали свои шеи,

Как на стене тень пальцев ворожеи.
Так делаются подвижными дотолле
неподвижные на болоте выпи,
Когда опасность миновала, —
Среди камышей и озерной кипи
Птица-растение главою закивала.

Ощущением надвигающейся опасности пронизаны в те годы произведения многих поэтов, писателей и художников. Мстислав Добужинский — член группы «Мир искусства», художник, с которым Хлебников встречался на «башне», — начинает тогда же создавать серию рисунков «Городские сны», где город, как и у Хлебникова в поэме «Журавль», оказывается фантастическим чудовищем, враждебной силой, противостоящей человеку. Возможно, именно эти рисунки подтолкнули Хлебникова к написанию поэмы.

Хотя сборнику не было предпослано никакого манифеста, публика и критика восприняли его совершенно однозначно. Каменский пишет:

«С оглушительным грохотом разорвалась эта бомба на мирной, дряхлой улице литературы, чтобы заявить отныне о пришествии новой смены новых часовых, ставших на страже искусства по воле пришедшего времени.

Это совсем замечательно, что критики, писатели, буржуи, обыватели, профессора, педагоги и вообще старичье встретили нас лаем, свистом, ругательствами, кваканьем, шипеньем, насмешками, злобой, ненавистью».^[41]

Самое интересное, что этот эпатаж, который с тех пор прочно ассоциируется с футуризмом, был на самом деле характерен и для начального этапа символистского движения, но теперь символисты не

захотели узнавать своей же школы. Литературная общественность, и прежде всего старшие символисты в лице Брюсова, совершенно однозначно восприняла этот сборник как вызов, как открытую конфронтацию с читателем и с литературным миром. «Почти „за пределами литературы“ стоит „Садок судей“, — писал Брюсов в обзоре литературной жизни, — сборник переполнен мальчишескими выходками дурного вкуса, и его авторы прежде всего стремятся поразить читателя и раздражить критиков (что называется *e'pater les bourgeois*). Такая дорога может вести к добру лишь тогда, когда с нее решительно сворачивают. Авторам „Садка“, как кажется, еще далеко до этого; а между тем у двух из них, у Василия Каменского и Н. Бурлюка, попадаются недурные образы. <...> Кое-что интересное есть еще у В. Хлебникова, но больше в прозе, чем в стихах».^[42]

Неудивительно, что символисту Брюсову больше понравился «Зверинец». Две другие вещи, опубликованные в «Садке», были поистине новым словом в литературе. Ориентация Хлебникова на разговорную речь в «Маркизе Дэзес», сюжет восстания вещей в «Журавле» сделали основными источниками поэтики русского авангарда и магистральным сюжетом всего футуристического движения. Перефразируя Хлебникова, можно сказать, что с этих пор «будетляне» ведут борьбу за расширение пределов русской словесности. Начинаясь период «бури и натиска» футуризма. Кроме того, Хлебников приступил к работе над сверхповестью «Дети Выдры», начинался новый этап в его творчестве.

Глава третья

«ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ»

1911-1914

«Существуют ли правила дружбы? Я, Маяковский, Каменский, Бурлюк, может быть, не были друзьями в нежном смысле, но судьба сплела из этих имен один веник.

И что же? Маяковский родился через 365×11 после Бурлюка, считая високосные дни, между мной и Бурлюком 1206 дней, между мной и Каменским 571 день. $284 \times 2 = 568$.

Между Бурлюком и Каменским 638 дней.

Между мной и Маяковским 2809 дней...»

Так пытается Хлебников осмыслить свои отношения с соратниками по футуристическим боям. Размышлять было над чем: тихий и скромный, не любивший публичных выступлений Хлебников становится главным действующим лицом литературных скандалов, которые устраивают его новые друзья.

Группа «будетлян», как называл себя и своих друзей Хлебников, сложилась с выходом первого «Садка судей». Туда вошли Хлебников, Каменский, братья Бурлюки, Матюшин и Елена Гуро. Хлебников не любил употреблять иностранные слова, поэтому вместо «футуристы» говорил «будетляне». Правда, футуристами их группу стали называть значительно позже, только в 1913 году в сборнике «Дохлая луна». Пока же русская читающая публика слышала только об

итальянских футуристах и их вожде — Филиппо Томмазо Маринетти.

В своих воинственных манифестах Маринетти призывал прославить наступательное движение, гимнастический шаг, опасный прыжок, оплеуху и удар кулака. Мир, по словам Маринетти, обогатился новой красотой: красотой быстроты. Рычащий автомобиль, кажущийся бегущим по картечи, прекраснее Ники Самофракийской. «Мы хотим, — писал Маринетти, — прославить войну — единственную гигиену мира — милитаризм, патриотизм, разрушительный жест анархистов... Мы хотим разрушить музеи, библиотеки... Мы воспоем толпы, движимые работой, удовольствием или бунтом».^[43]

Тогда, в 1909–1910 годах, Маринетти никого не испугал своими лозунгами. Русская критика вполне благосклонно отнеслась к этому новому литературному направлению. Позже, когда Маринетти приехал в Россию, только Хлебников, как ни странно, был крайне недоволен этим визитом. Остальные же приняли его как признанного вождя.

С братьями Бурлюками, своими новыми друзьями, Хлебников летом 1910 года уезжает на Украину. Там, в Таврической губернии, в селе Чернянка, Давид Федорович Бурлюк служил управляющим имением графа Мордвинова. Чернянка становится своеобразной штаб-квартирой русского футуризма. Древнее название этой местности, которое встречается у Геродота, — Гилея — становится еще одним самоназванием группы. Многие сборники футуристов, Хлебникова в том числе, вышли в издательстве «Гилея». Для Хлебникова это было место, где все еще ощущалась связь с античной культурой. Скифы и амазонки, казалось, до сих пор живут где-то на бескрайних степных просторах. В стихотворении «Семеро» поэт использовал рассказ

Геродота о происхождении савроматов от брака скифов и амазонок.

1

Хребтом и обличьем зачем стал подобен коню,
Хребтом и обличьем зачем стал подобен коню,
Кому ты так ржешь и смотришь сердито?
Я дерзких красавиц давно уж люблю,
Я дерзких красавиц давно уж люблю,
И вот обменял я стопу на копыто.

2

У девушек нет таких странных причуд,
У девушек нет таких странных причуд,
Им ветреный отрок милее.
Здесь девы холодные сердцем живут,
Здесь девы холодные сердцем живут,
То дочери великой *Гилеи*.

3

Гилеи великой знакомо мне имя,
Гилеи великой знакомо мне имя,
Но зачем ты оставил свой плащ и штаны?
Мы предстанем перед ними,
Мы предстанем перед ними,
Как степные скакуны.

4

Что же дальше будут делая,
Игорь, Игорь,
Что же дальше будут делая
С вами дочери сей страны?
Они сядут на нас, белые,
Товарищ и друг,
Они сядут на нас, белые,
И помчат на зов войны.

5

Сколько ж вас, кому охотней,

Борис, Борис,
Сколько ж вас, кому охотней
Жребий конский, не людской?
Семь могучих оборóтней,
Товарищ и друг,
Семь могучих оборóтней —
Нас, снедаемых тоской.

6

А если девичья конница,
Борис, Борис,
А если девичья конница
Бой окончит, успокоюсь?
Страсти верен, каждый гонится,
Товарищ и друг,
Страсти верен, каждый гонится
Разрубить мечом их пояс.

7

Не ужасное ль в уме,
Борис, Борис,
Не ужасное ль в уме
Вы замыслили, о, братья?
Нет, покорны девы в тьме,
Товарищ и друг,
Нет, покорны девы в тьме,
Мы похитим меч и платья.

8

Но, похитив их мечи, что вам делать с их
слезами,
Борис, Борис?
Но, похитив их мечи, что вам делать с их
слезами?
То исконное оружие.
Мы горящими глазами,
Товарищ и друг,
Мы горящими глазами
Им ответим. Это средство — средств не хуже их.

9

Но зачем вам стало надо,
Борис, Борис,
Но зачем вам стало надо
Изменить красе лица?
Убивает всех пришельцев их громада,
Товарищ и друг,
Убивает всех пришельцев их громада,
Но нам люб скок беглеца.

10

Кратких кудрей, длинных влас,
Борис, Борис,
Кратких кудрей, длинных влас
Распри или вас достойны?
Этот спор чарует нас,
Товарищ и друг,
Этот спор чарует нас,
Ведут к счастью эти войны.

Семья Бурлюков состояла из восьми человек: родителей, трех сыновей и трех дочерей. Давид и Николай были поэтами, Владимир — художником. Художницей была и старшая сестра Людмила. В Чернянке была привольная жизнь. Там все принимало гомерические размеры: количество комнат, предназначенных неизвестно для кого и для чего; количество прислуги, в особенности женской, производившее впечатление настоящего гарема; количество пищи, поглощаемой за столом и походя всяким. Побывавший в Чернянке вскоре после Хлебникова Бенедикт Лившиц так описывает их жизнь:

«...На нас троих, Давида, Владимира и меня, с первого же момента приезда стали смотреть как на предмет откорма. Мои приятели были воплощением

здоровья, но материнский глаз нашел в них какую-то перемену к худшему; обо мне же и говорить не приходится; меня сразу объявили заморышем, которого необходимо как можно скорее поставить на ноги.

На общем фоне повального чревоугодия чернодолинское усиленное питание принимало устрашающие размеры... <... >

По утрам, отправляясь в контору, Давид Федорович хозяйским оком осматривал нас, погружая мизинец овцевода с длинным ногтем, которым обычно измерял шерсть, в наши обраставшие жиром мяса.

К счастью, кипучая энергия, бившая в нас ключом, не давала этому жиру застаиваться: мы сбрасывали его почти так же быстро, как наживали. Мысленно измеряя чернодолинские недели нормальной пульсацией крови, я готов теперь поверить, что тогдашние сутки заключали в себе тридцать шесть часов. Иначе не объяснить, как умудрялись мы, наряду с занятиями искусством, уделять столько времени еде, спорту, охоте, любовным увлечениям, домашнему театру, спорам... Все это взаимно переслаивалось, проникало одно в другое и, круто замешенное, являлось на редкость цельным образом полнокровной жизни».

В эту жизнь включился и Хлебников. Он любил работать в Чернянке. Там была большая семейная библиотека, которой Хлебников пользовался. Часто экономка видела, как далеко за полночь Хлебников с книгой в одной руке и свечой в другой брел по аллеям парка. Прочитав страницу, он вырывал ее и бросал на дорожку. Экономка спросила его, зачем он рвет книги. «Раз она прочитана, мне более не нужна», — отвечал Хлебников, но обещал более книг не рвать. Возможно, в одну из таких ночей у него сложились строки:

Ночь, полная созвездий.
Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга?
Свободы или ига?
Какой прочесть мне должно жребий
На полночь широком небе?^[44]

(«Ночь, полная созвездий...»)

В Чернянке хорошо работалось не только Хлебникову. Туда приезжали многие поэты и художники, прославившие русское искусство. Тогда же их творческий путь только начинался, и многое из того, что делали Хлебников и его друзья, представителям старшего поколения было непонятно.

Братья Бурлюки пробовали свои силы в кубистической живописи. В их картинах применялись новые приемы, которые еще только осваивало западное искусство. Пейзажи с нескольких точек зрения, «сдвинутая конструкция», «тугая фактура» приучали по-новому видеть работу живописца, уничтожали многие стереотипы восприятия, раздвигали границы искусства. Бурлюк-старший был взбешен: он ничего не жалел для учебы детей, а они занимались такой мазней! Тогда Давиду пришлось написать вполне «приличный» пейзаж и преподнести его отцу. Но все равно отцу казалось, что с кубистических картин на семье расползется пятно позора. Такого же мнения были и родители Хлебникова о занятиях сына.

В то лето в Чернянке вместе с Хлебниковым гостил Михаил Ларионов, в будущем один из столпов русского авангарда, а тогда молодой начинающий художник, только-только нащупывающий свою манеру в живописи. Еще несколько лет будут сотрудничать Бурлюк и Хлебников с М. Ларионовым, затем поссорятся. Впрочем,

и в это лето между ними происходили стычки. Д. Бурлюк написал портрет Хлебникова. Портрет был сырой. Хлебников настоял, что повезет портрет своим родителям, будет держать в руках, в Херсоне его запакует в бумагу. Как рассказывает Бурлюк, «подали коляску; фронт Ларионов со своими чемоданами занял все места в экипаже, Хлебников, держа свое „эффиджи“, пристроился сбоку; Ларионов, боясь за свой костюм, рассвирепел, вырвал холст из рук поэта и швырнул картину лицом вниз в абрикосовую пыль Таврической земли...». «Практичный, ловкий в жизни, оборотистый Ларионов, — пишет Бурлюк, — терпеть не мог Хлебникова как соседа в жизни. Он возмущал его непригодностью». ^[45]

Бурлюки и Ларионов активно готовились к выставке, которая вскоре должна была открыться в Москве. Новые принципы в живописи и поэзии еще только закладывались, и Д. Бурлюк, художник менее талантливый, чем Ларионов, очень чутко улавливал все новые веяния, новые приемы и едва ли не первым применял их. Хлебников в это время много пишет, хотя период бурного экспериментаторства со словом у него заканчивается. Бурлюку Хлебников оставляет многие свои рукописи, и тот в последующие годы издает их. Многие стихотворения этого периода выглядят совсем не футуристическими:

Слоны бились бивнями так,
Что казались белым камнем
Под рукой художника.
Олени заплетались рогами так,
Что казалось, их соединял старинный брак
С взаимными увлечениями и взаимной
неверностью.
Реки вливались в море так,

Что казалось: рука одного душил шею другого.

(«Слоны бились бивнями так...»)

Но даже эта вечная тема поэзии — тема любви — становится у Хлебникова небывалым, вселенским чувством. Для поэта здесь равны все: люди, звери, боги и звезды.

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И испускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин — жар любви горничной
Волконского.

(«Люди, когда они любят...»)

В Чернянке Хлебникову было так хорошо, что он не торопится возвращаться в столицу. Летом он ненадолго съездил в Одессу, где к тому времени обосновалась семья Рябчевских, но скоро вернулся к Бурлюкам. В Петербурге он оказался только поздней осенью. Отец продолжал присылать ему деньги. «Балдарю, — пишет ему Виктор. — Я был у тети Сони и взял деньги, удивляюсь, что все еще продолжаю получать. Я

намерен выйти из Университета, я хворал, но, кажется, поправляюсь, хотя еще не уверен в этом. Еду дня через два в Москву. Хорошо бы узнать, где живет Шура? В Петербурге мне смертельно скучно. Всем привет. Вижусь часто с Верой. После Рождества издаю том своих сочинений. О „Садке судей“ заметка — насмешливая. Погода — дождь, слякоть, тающий снег».

Но с «томом сочинений» все оказалось достаточно сложно. Бурлюк не спешил издавать Хлебникова, сам же поэт был совершенно беспомощен в решении практических вопросов, и как следствие — ни в 1910-м, ни в 1911-м в печати ничего не появилось. В декабре Хлебников, как и собирался, едет в Москву, где состоялся грандиозный смотр новых художников. 10 декабря на Большой Дмитровке открылась выставка под названием «Бубновый валет». Вскоре возникло общество художников с таким же названием. Там показали свои работы почти все будущие лидеры: Ларионов, Гончарова, Лентулов, Малевич, Бурлюки.

Уже само название выставки и ее афиша вызвали бурное негодование критики. Конечно, сразу возникли ассоциации с «бубновым тузом», квадратной нашивкой на спине арестанта-каторжника. Название «Бубновый валет» связывалось с французским разговорным языком, где бубновый валет означает мошенника, плута.^[46]

Реакция газетчиков не заставила себя ждать. Художники назывались «целой колодой бубновых валетов». «Не с чего — так с бубен»; «эта беззастенчивая карта напоминает скорее лечебницу для душевнобольных, чем выставку художественных произведений», — писали обозреватели «Русского слова». Художники были готовы к такому повороту событий. Более того, на это они и рассчитывали, вынося на афишу такое провокационное название. Атмосфера

балагана, веселья, скоморошья игра господствовали на выставке. Картины, выставленные там, были решены в гротескной манере, в духе народного лубка и примитивного искусства.

Побывав на открытии выставки, Хлебников едет не в Петербург, а к родителям в село Алферово (или, правильней, Алферьево) Ардатовского уезда Симбирской губернии. Ему надо было осмыслить события этой осени и зимы и заняться своим творчеством: в это время у Хлебникова зреет несколько новых замыслов, многие произведения он заканчивает и хочет видеть их напечатанными. «Лень и отдаленное сознание, что есть где-то город Петербург, или, как его здесь зовут, столица, кончающаяся на „бурх“, — вот здешние лихорадочные начала», — пишет Хлебников в Петербург М. Матюшину, возлагая на него большие надежды как на издателя (именно Матюшин издал уже «Садок судей»).

Подводя итоги, Хлебников в характерной для него афористической манере говорит о своих достижениях:

«Я переплыл залив Судака. Я сел на дикого коня.

Я воскликнул: „России нет, не стало больше, Ее раздел рассек, как Польшу“,

И люди ужаснулись.

Я сказал, что сердце современного русского висит, как нетопырь, и люди раскаялись.

Я воскликнул: „О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!“

Я сказал: „Долой Габсбургов! Узду Гогенцоллернам!“

Я писал орлиным пером; шелковое, золотое, оно вилось вокруг крупного стержня.

Я ходил на берегу прекрасного озера, в лаптях и

голубой рубашке. Я сам был прекрасен.
Я имел старый медный кистень с круглыми
шишками.
Я имел свирель из двух тростин и рожка
отпиленного.
Я был снят с черепом в руке.
Я в Петровске видел морских змей.
Я на Урале перенес воду из Каспия в моря
Карские.
Я сказал: „Вечен снег высокого Казбека, но мне
милей свежая парча осеннего Урала“.
На Гребенских горах я находил зубы ската и
серебряные раковины вышиной в колесо
фараоновой колесницы».

(«Я переплыл залив Судака...»)

Интересен набор предметов, представляющих ценность для поэта, предметов, которыми он — бессребреник — обставляет свою жизнь. Орлиное перо служит ему орудием письма. Позже перо заменят игла дикобраза и ветка вербы, и это также отразится в творчестве Хлебникова. Снимок с черепом (фотография 1909 года сохранилась) — излюбленный антураж для студента тех лет и одновременно отсылка к сюжету о докторе Фаусте. Осознанно или нет, но Хлебников проецирует свой автопортрет на образ героя немецких легенд и великого творения Гёте. Вслед за Фаустом Хлебников отрицает книжное, кабинетное знание. Важнее книг для него зубы ската и раковины, разбойничий кистень и такая идиллическая пастушеская свирель.

Правда, в письмах Александра Хлебникова эта поэтическая свирель оказывается всего лишь дешевой дудкой. «Теперь его увлечения распределяются между

часами, кистенем и пастушеской дудкой, которую купил за гривенник под Ардатовом», — сообщает он родителям о Викторе. Несколькими годами позже внимание поэта привлекают копеечные игрушки из Сергиева Посада. Эти игрушки он носил с собой, их взял в последнюю поездку в Санталово (они теперь хранятся в Доме-музее В. Хлебникова в Астрахани). Поступки, которые перечисляет Хлебников, как и вещи, не совсем обычны. Характерно, что слово и дело для него существенно не различаются. «Я сказал», «я воскликнул» не менее действенны, чем «я переплыл», «я перенес».

Хлебников обосновался со своими рукописями в сарае, но местные жители отнеслись к нему без должного почтения и часто использовали листы хлебниковских рукописей для самокруток. Рядом с братом работала и Вера.

Он продолжает следить за тем, что делается в столице, но сам ехать туда не торопится.

А в это время в Петербурге открылась выставка петербургских левых художников под названием «Союз молодежи». Экспоненты были все те же: Бурлюки, Ларионов, Малевич, Татлин. Хлебников не случайно не приехал туда. «Вы были, вероятно, на выставке, где царят Бурлюки? — спрашивает он в письме Елену Гуро. — Там в виде старого лимона с зелеными пятнами, кажется, изображен и я. В их живописи часто художественное начало отдано в жертву главной выдумке и отчасти растерзано как лань рысью». Сам поэт далек от этих «головных выдумок», ему хорошо работается на природе. В стихотворении «Алферово» он описывает старинную усадьбу:

Немало славных полководцев,
Сказавших «счастлив», умирая,

Знал род старинных новгородцев,
В потомке гордом догорая.

.....
Теперь родовых его имений
Горят дворцы и хутора,
Ряды усадебных строений
Всю ночь горели до утра.

Но, предан прадедовским устоям,
Заветов страж отцов,
Он ходит по покоям
И теребит концы усов.

В созвездье их войдет он сам!
Избранники столицы,
Нахмутив свои лица,
Глядят из старых рам...

Хлебников все чаще задумывается об истории, о времени, в котором живет, о законах, управляющих временем и историей. Изучая мировую историю, он понимает, что некие закономерности в ней есть. Во-первых, очень большую роль в жизни человечества играет число 365, число дней в году. Об этом знали еще в Древнем Египте. Эта идея так увлекает Хлебникова, что даже на некоторое время загораживает художественное творчество. В результате у Хлебникова начинается творческий кризис, один из многих в его биографии. «Сам я чувствую себя не очень хорошо — вроде остывающего костра, когда кто-нибудь палкой берedit угли», — говорит он. Впрочем, он переживает творческий кризис еще и потому, что закончил и отдал Матюшину довольно много готовых вещей. Это рассказы «Велик-день» и «Смерть Паливоды», пьесы

«Аспарух» и «Девий бог». Хлебников надеется на Матюшина, надеется, что тот издаст его первый сборник. Впрочем, он пытается облечь свои просьбы в шутливую форму: «Буде вы не изменили намерению союзно с Еленой Гуро и другими злоумышленниками предать позорищу присылаемых уродцев, буде я не нарушил всех законов ленью, праздностью и т. д., приступайте к печатанию! Я был повержен в настроение, когда до всего делаешься равнодушен и смотришь с другой стороны, но теперь оттаиваю вместе с весенним солнцем. Если у вас нет препятствий и сердечного отвращения приступить к печатанию немедля, то пришлите телеграмму с таинственным словом — да! которое всполошит всех урядников и всю сельскую власть». Матюшин был ответственным издателем, хорошим другом, но Хлебников часто ставил его в трудное положение. Так и сейчас: конечно, Хлебников должен был бы сам приехать и заниматься сборником, но он решил иначе.

Вычисления и «законы времени» тоже требовали пребывания в столице. Хлебникову нужны были книги, нужны были данные. Он усиленно работает над числами, над судьбами народов и собирается выяснить, почему в жизни человечества все происходит так, а не иначе. В то же время он остается поэтом, и числа становятся героями его стихотворений:

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их
шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете единство между змееобразным
движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого

хохота зубы.

Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его —
единица.

(«Числа...»)

Но тяга к странствиям была еще сильнее. В августе 1911 года из Алферова, вместо того чтобы ехать в Санкт-Петербург улаживать дела со сборником (он так и не вышел) и с университетом (в июне его отчислили), он едет пароходом в Астрахань, на родину отца. С парохода он шлет беззаботные письма родным, сетуя, что на пароходе больше ничего не остается делать, кроме как писать послания, облитые горечью и злостью, к родичам и уродичам. В этом путешествии Хлебников вновь посетил те места, где жил в юности. «Казань все та же, а люди хуже, — констатирует он, — у молодежи преподлые лица людей под сорок». Вряд ли отец обрадовался, получив от взрослого сына такое послание. В семье и среди родных Виктор давно уже считался «недостойным сыном достойного отца», и родственники желали наставить его на путь истинный.

В Астрахани Хлебников остановился в семье своего двоюродного брата, Бориса Лаврентьевича Хлебникова. Б. Л. Хлебников работал врачом, его жена Зинаида Семеновна была актрисой. Они занялись перевоспитанием родственника, но вскоре вынуждены были отступить. Поначалу все складывалось очень мило. Виктора просили не стесняться, Зинаида Семеновна уступила ему свой кабинет. Но скоро его привычки богемы расстроили эти идиллические отношения. Борис предложил Виктору курить свои папиросы, «по 4 рубля за сотню». «И мы, — рассказывал Виктор своему брату, — устроили состязание, кто

больше выкурит». — «Что же, — спросил Шура, — вы предварительно уговорились?» — «Нисколько, — ответил Виктор, — я выкуривал по целой сотне в день». В этом состязании Виктор явно победил. Папиросы исчезли так же неожиданно, как и появились. «Тут, — кротко заметил Виктор брату, — я начал курить свои». Впрочем, за два дня до отъезда Виктора папиросы появились снова.

На этом состязание не закончилось. Борис по-прежнему пытался облагодетельствовать своего кузена и передал Виктору наследственные золотые часы дедушки с просьбой не закладывать и не продавать их. С этими часами позже вышла целая история. Через полгода Хлебников заложил их. Он заложил их Давиду Бурлюку, получил за них двадцать рублей и на эти деньги издал в Херсоне свою первую книгу «Учитель и ученик», посвященную поиску числовых закономерностей. Надо ли говорить, что реакция и семьи, и прочих родственников не заставила себя ждать. Еще до выхода книги Хлебников желал, чтоб она вызвала взрыв негодования или же равнодушия. Но, видимо, этот «взрыв» был такой сильный, что Хлебников растерялся и обиделся и в очередной раз попытался объяснить с родителями, братом и сестрами (к чести Веры, надо сказать, что она была целиком на стороне Виктора). Ему, кто работал днями и ночами, забывая поесть и поспать, так нужна была поддержка близких! Каждый раз, посылая родным свою новую работу и рассказывая о своих новых выводах, найденных закономерностях, он надеялся, что теперь-то они оценят, теперь-то они поймут, что он тоже по-своему много работает и что «пользу» обществу можно приносить по-разному. Как доказать, что если ты сидишь с книгой в руках или с листом бумаги, то ты работаешь? Как измерить труд мыслителя, поэта, ученого? Неужели служба в какой-нибудь конторе, где

создается только видимость деятельности, лучше этого? Отец считал, что взрослый сын должен зарабатывать деньги. Виктор же предлагал измерять каждый труд ударами сердца как денежной единицей будущего, которой равно богат каждый живущий. Тогда в некоторых случаях окажется, что «лень» — вовсе не лень, а очень тяжелый труд, где человек растрчивает себя и часто платит за это ценой своей жизни.

Окружающие, разумеется, не понимали этого, а Хлебников нередко оказывался идеалистом. «Я победил! — с гордостью заявляет он в стихотворном экспромте после выхода книги „Учитель и ученик“. — Теперь вести / Народы серые я буду. / В ресницах, вера, заблести, / Вера, помощница чуду...» Родные не поделили его радости. Вот что вынужден был писать им Виктор: «Я был сердечно рад получить ваше письмо (обращаюсь пока к Кате и Шуре). Оно меня порадовало неподдельно льющейся искренностью. Но в ответ на него я тоже отвечу всей полнотой откровенности: оно пропитано трусостью, желаньем прибегать к уловкам, — вещи, которых я избегаю. Уверяю вас, что там решительно нет ничего такого, что бы позволяло трепетать подобно зайцам за честь семьи и имени. Наоборот, я уверен, будущее покажет, что вы можете гордиться этой скатертью-самобранкой с пиром для духовных уст всего человечества, раскинутой мной. Но все же хорошо, что середина и конец понравились... Я тронут, что Вера не присоединилась к семейной дрожи за потрясение основ, и благодарю за письмо, похороненное рукой зайца».

Хлебников не сердился на родных. С родителями, братом и сестрами он всегда был искренен, нежен и серьезен. А вот Борис Лаврентьевич и Зинаида Семеновна, эти добропорядочные обыватели, которые так хорошо знали, как надо жить, как надо правильно жить, раздражали его безумно. Заложив семейную

реликвию, Хлебников пишет родственникам издевательски-вежливое письмо: «Сообщаю некоторые частности, милый Борис Лаврентьевич, относительно вещей, кои могут показаться достойными внимания. Адрес часов: Таврическая губ., село Малая Маячка, деревня Чернянка, Давиду Федоровичу Бурлюку для Давида Давидовича Бурлюка, долг 20 р., еще 2 рубля на расходы. 100 страниц, написанные для изумления мира, принадлежат мне». Там же Хлебников сообщает, что книжка, которую он собирается печатать, будет называться «Пощечина общественному мнению». Как видим, еще до выхода книги эту увесистую оплеуху получили родственники.

У Виктора были основания сердиться на них. Зинаида Семеновна, решив, что он должен прилично выглядеть, перешила для него несколько старых рубашек мужа и дала кое-что из его белья. Когда «дары» были приняты, она хотела перешить ему и костюм Бориса, но это было уже слишком. Виктор отказался. Когда Виктор рассказывал об этом брату, тот подумал сначала, что Виктор отказался из гордости. «Нет, — сказал Витя, — знаешь, он такой серый с полосками...» Брат понял его. После этого отношения Виктора с родственниками становятся все хуже и хуже. Он продолжал сознательно действовать им на нервы. Они же совершенно не поняли его и смотрели на него с «довольно гнусной, обывательской точки зрения», как сообщает родителям Шура. На именины Зинаиды Семеновны Виктор вышел в некой вызывающего вида рубашке, но окончательно их отношения расстроились, когда Виктор сказал, что «Живой труп» — отвратительная вещь и что он пишет лучше Толстого. После этого упрямый родственник подвергся опале и его постель была перенесена в столовую. Это было приглашением поторопиться с отъездом, и Виктор не

заставил себя долго ждать. Его даже не пришли проводить.

О Викторе окончательно решили, что он недостойный сын достойного отца, и об этом, как пишет Шура, «принято говорить с печалью, так как папины акции стоят очень высоко». Борис говорил: «Прежде всего нужно быть джентльменом». Это он говорил так часто и внушительно, что Витя приписал на свой счет. «Джентльменом» в понимании обывательской четы Хлебниковых он быть не хотел. Шура Хлебников относился к старшему брату иначе. «Я думаю, — говорит он об астраханских родственниках, — что после отъезда они разберутся и, может быть, полюбят внечеловеческую, но милую душу Вити». Это, пожалуй, самая меткая характеристика поэта. Внечеловеческая, но милая душа. Блюстители хорошего вкуса едва ли поняли это.

Но младшему брату тоже нелегко приходилось со старшим. Виктор из Астрахани едет в Петербург через Москву, в Москве он на несколько дней остановился у Шуры. Тот учился в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета. За два дня, проведенных вместе, братья успели поссориться. Виктор так накурил в комнате, что Шура спрятал от него папиросы (совсем как Борис Лаврентьевич!). Старший брат возмутился и собрался идти ночевать в гостиницу. «Кажется, — сказал он Шуре, — ты бы мог потерпеть, ведь я ночую у тебя всего одну ночь». Шура уступил старшему брату. Расстались они очень нежно.

К этому времени Виктора уже отчислили из университета. В личном деле студента Хлебникова появилась последняя запись: «По постановлению Правления Императорского С.-Петербургского Университета от 17 июня 1911 года Хлебников Виктор Владимирович уволен из числа студентов Университета,

как не внесший плату за осень 1910 года». Теперь у родителей не осталось никакой надежды, что сын образумится и займется делом. Первое время Виктор еще поговаривал о том, чтобы держать экзамены экстерном, но из этого ничего не вышло. Последние экзамены, которые он держал, были выпускные экзамены в гимназии. Позже Хлебников признавался врачу В. Я. Анфимову, что никогда не мог заставить себя держать экзамены.

Отныне, за исключением очень коротких периодов времени, Виктор Хлебников ведет жизнь литературной богемы. Но если многие другие представители богемы довольствовались жизнью на одном месте, совершая лишь воображаемые путешествия, то Хлебников, постоянно испытывающий «голод пространства», становится еще и странником, дервишем, как назовут его позже в Персии. С этих пор у него нет своего жилья, он скитается по гостиницам, по друзьям, по случайным знакомым.

Хлебников вернулся в Петербург не столько для того, чтобы улаживать дела в университете, сколько для того, чтобы заняться делами литературными, встретиться с друзьями и вновь включиться в литературную борьбу. Именно как борьбу он понимал свою миссию:

Сегодня снова я пойду
Туда — на жизнь, на торг, на рынок
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок.

(«Сегодня снова я пойду...»)

После выхода «Садка судей» прошло уже почти два года, и за это время произошло много событий, появилось много новых имен, а группа гилейцев никак себя не проявляла. Надо было действовать. Это понимал Бурлюк, главный организатор всего движения, это понимал Каменский, который два года не занимался литературой. Он ушел в авиацию, но после крупной авиакатастрофы, в которой чудом остался жив, прекратил полеты. То, что необходимо продолжать начатое дело, понимал и Хлебников и тоже рвался в бой. Кроме того, полку «будетлян» прибыло: Давид Бурлюк привлек на свою сторону двух новых бойцов, Владимира Маяковского и Алексея Крученых.

Маяковскому было всего девятнадцать лет, и он только начинал писать стихи, а пока учился, как и Бурлюк, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Сначала они очень не понравились друг другу, но вскоре подружились, а еще через некоторое время их вместе с Бурлюком из училища выгнали. Маяковский тогда находился под сильным влиянием Давида Бурлюка. Тому было уже тридцать лет, и по сравнению с остальными гилейцами он казался стариком. Помимо того, Бурлюк умел развернуть кипучую деятельность, и, как признавался Маяковский, «тихая гениальность» Хлебникова была заслонена от них бурлящим Давидом. Позже, вспоминая это время, Хлебников посвятил Бурлюку стихотворение:

С широкой кистью в руке ты бегал рысью
И кумачовой рубахой
Улицы Мюнхена долго смущал,
Краснощеким пугая лицом.
Краски учитель
Прозвал тебя
«Буйной кобылой»

С черноземов России».

.....

Горы полотен могучих стояли по стенам.
Кругами, углами и кольцами
Светились они, черный ворон блестел синим
клюва углом.
Тяжко и мрачно багровые и рядом зеленые
висели холсты,
Другие ходили буграми, как черные овцы,
волнуясь,
Своей поверхности шероховатой, неровной —
В них блестели кусочки зеркал и железа.
Краску запекшейся крови
Кисть отлагала холмами, оспой цветною.
То была выставка приемов и способов письма
И трудолюбия уроки,
И было всё чарами бурлючьего мертвого глаза.

.....

Странная ломка миров живописных
Была предтечею свободы,
Освобождением от цепей.
Так ты шагало, искусство,
К песне молчанья великой...

(«Бурлюк...»)

То, что духовным вождем группы на самом деле является Хлебников, понимали и признавали все «будетляне». Даже внешность поэта отличалась оригинальностью. Алексей Крученых, новый боец-будетлянин, описывает свое первое впечатление так: «Бурлюк познакомил меня с Хлебниковым где-то на диспуте или на выставке. Хлебников быстро сунул мне руку. Бурлюка в это время отозвали, мы остались вдвоем. Я мельком оглядел Хлебникова. В начале 1912

года ему было приблизительно 27 лет. Поражали: высокий рост, манера сутулиться, большой лоб, взъерошенные волосы. Одет был просто — в темно-серый пиджак. Я еще не знал, как начать разговор, а Хлебников уже забросал меня мудреными фразами, пришиб широкой ученостью, говоря о влиянии монгольской, китайской, индийской и японской поэзии на русскую». ^[47]

Во внешности Хлебникова многие современники находили сходство с птицей. В своем неизменном сером костюме, сукно которого сваялось настолько, что, приняв форму тела, стало его оперением, он и в самом деле, как пишет Б. Лившиц, был похож на задумавшегося аиста. Это впечатление хорошо передано в рисунке Бориса Григорьева, сделанном в Куоккале в 1915 году. Кроме того, всех, кто был знаком с Хлебниковым, поражали удивительные голубые глаза поэта. «У него глаза, как тернеровский пейзаж», — сказал не склонный к сентиментальности Д. Бурлюк Лившицу о Хлебникове. Лившиц же добавляет: «Какая-то бесперспективная глубина была в их жемчужно-серой оболочке со зрачком, казалось, неспособным устанавливать на близлежащие предметы. Это, да голова, ушедшая в плечи, сообщали ему крайне рассеянный вид, вызывавший озорное желание ткнуть его пальцем, ущипнуть и посмотреть, что из этого выйдет. Ничего хорошего не вышло бы. Хлебников видел и замечал все, но охранял, как собственное достоинство, пропорцию между главным и второстепенным, неопифагорейскую иерархию числа, которого он был таким знатоком. В сознании своей „звездной“ значительности, он с раз навсегда избранной скоростью двигался по им же самим намеченной орбите, нисколько не стараясь сообразовать это движение с возможностью каких бы то

ни было встреч. В сфере личной жизни он снисходительно-надменно разрешал случаю вторгаться в его собственную, хлебниковскую судьбу».

Возможно, взгляд Б. Лившица не совсем верный, хотя в своих мемуарах он всеми силами старается быть объективным. Не может быть, чтобы Лившиц не понял причин этой отстраненности. Сознание Хлебникова было поглощено непрерывной творческой работой. Он мог сесть и тут же написать стихотворение. Он признавался, что, например, пьесу «Девий бог» он написал без малейшей поправки в течение двенадцати часов, с утра до вечера. Курил и пил крепкий чай. Лихорадочно писал. Часто не имея под рукой библиотеки, Хлебников вынужден был запоминать огромное количество дат и событий, необходимых ему для вычисления «законов времени». Зато когда библиотека была рядом, он работал там тоже с утра до вечера, забывая поесть. Живя в Петербурге, он целыми днями просиживал в Публичной библиотеке. Матюшин пишет, что оттуда Хлебников возвращался измученный, серый от усталости и голода, в глубокой сосредоточенности. Его с трудом можно было оторвать от вычислений и засадить за стол. Ел он быстро, торопливо.

«Помню, обедая у нас, — пишет Матюшин, — он задумался и поднес ко рту коробку со спичками вместо хлеба и тут же начал высказывать замечательные мысли о новом слове. В эти минуты внешней рассеянности он был глубоко собран внутренне. Его огромный лоб всегда производил впечатление горы. Уходя, он часто забывал надеть шапку. Иногда заходил в чужие квартиры. Его молчаливость и замкнутость были невероятны. Он приходил к едва знакомым людям и сидел, не говоря ни слова, час, два и так же молча уходил.

Случалось, что о нем, молчавшем в углу, забывали, запирали на ключ. Возвращаясь поздно ночью, с удивлением находили Хлебникова сидевшим в том же углу, голодным и иззябшим.

Его спрашивали:

— Виктор Владимирович, вы здесь? Ели ли вы что-нибудь?..

Он отвечал с большой неуверенностью:

— Да... нет... я, кажется... ни...чего... не... ел.

Ложась спать, он постепенно стаскивал все покрытия себе на голову, мало заботясь об остальном теле, и на рассвете дрог, но оставался верен своей привычке.

Он постоянно терял свои вещи, табак, деньги и поэтому нередко попадал в затруднительное положение.

Вместе с тем он был упорно настойчив. Помню, как он целый час дергал ручку звонка у моей входной двери, желая войти во что бы то ни стало. Но я решил проявить такое же упрямство и не открывать. На другой день, обедая вместе, мы смеялись над нашей выдержкой и радовались, как щенки». [\[48\]](#)

Из новых сподвижников «будетлян» Хлебников больше всего подружился с Алексеем Крученых. Их взгляды на искусство были тогда во многом сходными. Крученых, как и Хлебников, был великим экспериментатором. Он не боялся показаться смешным, он был бесстрашен в исследовании границ искусства, возможностей художественного слова. Надо было иметь немалое мужество, чтобы напечатать совершенно серьезно в качестве стихов такие строки:

Дыр-бул-щыл
убещур
скуп

вы-со-бу
р-л-эз —

и после утверждать, что в этих пяти строчках больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина. Конечно, обыватели, приверженцы здравого смысла и хорошего вкуса не могли понять, что это не тупик, это не подрыв устоев, а выход в новую, неизведанную художественную реальность. Зато своего нового друга сразу оценил Хлебников, и более того — Хлебников становится соавтором Крученых.

Тогда Крученых начал писать поэму «Игра в аду», где издевался над архаическим чертом. Однажды к нему зашел Хлебников, увидел рукопись, прочитал ее и тут же стал дописывать, исправлять, приписывать новые строки. Так родилось их первое совместное произведение. Сюжет поэмы прост: грешники играют с чертями в карты, один из них обманывает чертей и выигрывает, авторы рассуждают о бренности нашего мира.

И взвился вверх веселый туз,
И пала с шелестом пятерка,
И крутит свой мышинный ус
Игрок суровый, смотрит зорко.
И в муках корчившийся шулер
Спросил у черта: «Плохо, брат?»
Затрепетал... «Меня бы не надули!»
Толкнул соседа: «Виноват!»

И содержание, и форма поэмы были достаточно традиционны, только издать ее друзья решили необычным способом.

«Как печатается обычная книга?» — спросили себя и читателей Крученых и Хлебников. Автор отдает свое произведение наборщику, и в результате слова и буквы поэтического произведения облакаются в серый арестантский халат и стоят вытянутые в ряд, обиженные, подстриженные и все одинаково бесцветные и серые. А на самом деле почерк очень влияет на восприятие текста, настроение писателя может через почерк передаться читателю. Поэтому, говорят Крученых и Хлебников, надо отдавать свое произведение не наборщику, а художнику.

Именно так они поступили с «Игрой в аду». Книгу сделали в технике литографии, а иллюстрации к книге выполнила Наталья Гончарова. Текст на литографском камне написал сам Крученых.

Так, помимо двух изданий «Игры в аду», Крученых напечатал книги «Мирсконца», «Помаду», «Тэ ли лэ», «Бух лесиный», «Взорваль» (во всех были помещены стихи Хлебникова) и ряд других в основанном им издательстве «ЕУЫ». Все они состояли из небольшого числа страниц и были нарочито небрежно оформлены, что позволило критикам назвать их «скоморошьими альбомчиками». Издание книг подкреплялось такими же издевательскими манифестами. Алексей Крученых писал: «Ужасно не люблю бесконечных произведений и больших книг — их нельзя прочесть зараз, нельзя вынести цельного впечатления. Пусть книга будет маленькая, но никакой лжи; все — свое, этой книге принадлежащее, вплоть до последней кляксы». «Издания „Грифа“, „Скорпиона“, „Мусагета“... большие белые листы... серая печать... так и хочется завернуть селедочку... И течет в этих книгах холодная кровь» («Заметки об искусстве»).

Хлебников и Крученых провозглашали:

«Чтоб писалось туго и читалось туго неудобнее смазанных сапог или грузовика в гостиной... Живописцы бюджетляне любят пользоваться частями тел, разрезами, а бюджетляне речетворцы разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаниями (заумный язык). Этим достигается наибольшая выразительность, и этим именно отличается язык стремительной современности, уничтоживший прежний застывший язык» (из манифеста «Слово как таковое»).

«Есть два положения:

1) Что настроение изменяет почерк во время написания.

2) Что почерк, своеобразно измененный настроением, передает это настроение читателю, независимо от слов. Так же должно поставить вопрос о письменных, зримых или просто осязаемых, точно рукою слепца, знаках. Понятно, необязательно, чтобы речарь был бы и писцом книги саморунной, пожалуй, лучше, если бы сей поручил это художнику» (из манифеста «Буква как таковая»).

Впечатление «скоморошьях альбомчиков» усиливалось эпатажными названиями книг. Это было характерно для издательской деятельности многих футуристов. Эпатирующие названия «Пощечина общественному вкусу», «Затычка», «Дохлая луна» сразу предупреждают читателей, что ждет их внутри книги. [\[49\]](#)

На этом фоне и куда менее шокирующие названия («Молоко кобылиц», «Изборник стихов»), если они выходили под маркой «Гилея» или «ЕУЫ», приводили читателей и критиков в негодование.

На самом деле за этими эпатажными выходками стояла очень серьезная работа.

Представители авангарда бесстрашно исследовали границы культурного пространства, изменяли и расширяли эти границы. Изменения коснулись самого «образа» книги, которая, с тех пор как появилась письменность, становится одним из важнейших элементов культуры. Давно отмечено, что если в XIX веке литература «вела» за собой живопись, то в XX веке соотношение поменялось. Пространственные и временные искусства стремятся проникнуть в те области, куда путь им закрыт, казалось бы, по определению. Представители литературного и художественного авангарда обращаются в поисках первоосновы к своему материалу, к тому, из чего сделаны их произведения: в живописи это был цвет, линия, в поэзии — слово, произнесенный звук, написанная буква. В творчестве художников книги материал подчеркнут, выпирает. Литографии наклеивают на обложку, обложки делают из мешковины, листы — из обоев, в большом количестве используют аппликации. И у поэтов, и у художников на первом плане ощущение материала, буквально — материального носителя слова и изображения. Ощущение материала передает и текст — не набранный типографским шрифтом, а переписанный художником вручную, причудливо расположенный на странице. Впрочем, авангард питала мощная традиция фигурных стихов, уходящая в глубокую древность, пережившая расцвет в эпоху барокко и возродившаяся в творчестве Аполлинера и Малларме. В дальнейшем Хлебников экспериментировал с формой книги. Его манифест «Труба марсиан» был сделан в виде свитка.

Эксперименты, начатые Хлебниковым и его друзьями, продолжили следующие поколения футуристов. Так, в 1920-е годы, предвосхищая современный жанр перформанса, представитель русского литературного конструктивизма Алексей

Чичерин напечатал поэму «Во веки веков» в виде пряника «тиражом» пятнадцать экземпляров. Поэма-пряник была съедена теми, кто ее купил. Интересно, что в этих опытах представители авангарда следуют древнейшим традициям в символике книги. Мотив поедания книги восходит к Апокалипсису: проглоченная книга сладка в устах и горька во чреве. [\[50\]](#)

Хлебников нередко использует средневековый образ «мир как книга», особенно ярко это проявилось в стихотворении 1919 года «Единая книга». Поэт призывает

...ускорить приход
Книги единой,
Чьи страницы — большие моря,
Что трепещут крылами бабочки синей,
А шелковинка закладка,
Где остановился взором читатель, —
Реки великие синим потоком...

.....

Род человечества — книги читатель,
А на обложке — надпись творца,
Имя мое — письма голубые.
Да ты небрежно читаешь.
Больше внимания!
Слишком рассеян и смотришь лентяем,
Точно уроки Закона Божия.
Эти горные цепи и большие моря,
Эту единую книгу
Скоро ты, скоро прочтешь!
В этих страницах прыгает кит
И орел, огибая страницу угла,
Садится на волны морские, груди морей,
Чтоб отдохнуть на постели орлана.

Итак, «Игра в аду» явилась первым из футуристических экспериментов, в которых принимал участие Хлебников.

К тому времени Ларионов и Гончарова поссорились с остальными «Бубновыми валетами» и устроили свою выставку под названием «Ослиный хвост». Название было еще более эпатажным, чем прежде. За два года до этого группа французских художников выставила в Салоне независимых картину и опубликовала соответствующий манифест от имени художника Бороналли. Как выяснилось позже, они к хвосту осла привязали кисть, и, таким образом, картина была написана ослиным хвостом. Ничего не подозревавшие критики серьезно разбирали достоинства и недостатки картины.

Выставки «Бубнового валета» и «Ослиного хвоста» открылись почти одновременно (соответственно в январе и марте 1912 года). Хлебников, разумеется, побывал и там и там. В числе «бубновалетовцев» остались Давид Бурлюк и другие хорошо знакомые Хлебникову люди. Выставки сопровождались грандиозными диспутами в Политехническом музее. В качестве докладчиков выступали Н. Кульбин («Новое искусство как основа жизни») и Д. Бурлюк («О кубизме и других направлениях в живописи»), оппонентом был приглашен Волошин, в прениях участвовали Ларионов и Гончарова. Хлебников тоже мог бы выступить, но у него, при его высоком росте, был очень тихий голос, поэтому выпускать его на сцену было бессмысленно. Позже Бурлюк несколько раз попытался это сделать, но ничего хорошего не получилось. Хлебников дочитывал тихим голосом стихотворение до середины и говорил: «Ну и так далее...» На диспутах нужны были ораторы, способные увлечь за собой аудиторию. Ораторским талантом Хлебников не обладал, зато Бурлюк и

Маяковский были им наделены в достаточной мере. Все диспуты имели скандальный успех. У дверей аудитории происходила настоящая давка. На кассе вывешивалось объявление, что все билеты проданы, но публика, преимущественно учащаяся молодежь, упорно не желала расходиться, так что для наведения порядка не раз приходилось вызывать особый наряд полиции. Эти вечера остались в памяти современников...

«В громадном зале яблоку негде было упасть: на хорах, на скамьях амфитеатра, вдоль боковых стен, в проходах и даже на эстраде, где разместился президиум, народу набилось до отказа. Публика ожидала стычки между валетами и хвостами. После обстоятельного и серьезного доклада Кульбина выступил Д. Бурлюк. В зале потушили электричество.

На экране появилась серая фотография каких-то сугубо провинциальных супругов, типа мелких торговцев.

Раздался хохот:

— Кто это?

Бурлюк, не поворачиваясь к экрану, умышленно сладеньким голосом начал:

— Перед вами — картина кисти Рафаэля. Снова хохот:

— Неужели?

Тогда Бурлюк, кокетливо повернувшись к экрану, посмотрел в лорнет:

— Ах, виноват. Это карточка одного уездного фотографа из Соликамска. Ну, право же, эта милая супружеская чета вам понятнее и ближе икон Рафаэля.

Голос из темноты:

— Рафаэль лучше. (Смех.) Бурлюк:

— В самом деле? (Смех.) Но ведь Рафаэль занимался искусством, а искусство — вещь спорная, условная и жестокая. Рафаэль был одержим религиозными чувствами и делал картины для Ватикана. Четыреста

лет тому назад разрешалось быть Рафаэлем и Леонардо да Винчи: ведь тогда, кроме римского папы да нескольких мадонн, вообще ничего хорошего не было, но теперь?.. Позвольте опомниться! Где мы, кто мы? Позвольте представиться.

Голос:

— Позволяем. Бурлюк:

— Мерси за любезность. (Смех.) Теперь, ныне, сегодня, сейчас перед вами, современниками, выступают ваши апостолы, ваши поэты, ваши футуристы, воспевающие культуру городов, мировую динамику, массовое движение, изобретения, открытия, радио, кино, аэропланы, машины, электричество, экспрессы — словом, все, что дает нового современность. И мы полагаем, что вы должны требовать от искусства смелого отраженья действительности. А когда мы даем вам не Рафаэля, а динамическое построение картины, невиданную композицию красочных линий, сдвиги и разложение плоскостей, опыты конструктивизма, введение новых материалов в работу, когда даем вам на показ всю лабораторию наших исканий, вы заявляете, что футуристические картины малопонятны. Еще бы! После Айвазовского и Репина увидеть на полотне бегущего человека с двенадцатью ногами — это ли не абсурд!

Голоса:

— Абсурд! Правильно!

— У меня только две ноги. Бурлюк:

— У вас две ноги, если вы сидите и считаете свои ноги. (Смех.) Но если бежите, то любой зритель увидит, что мелькающие комбинации ног составляют впечатленье двенадцати. И никакого тут абсурда нет. Искусство — не колбасная. Художник — не торговец сосисками! (Аплодисменты.) Право художника — право изобретателя, мыслителя, мастера своего станка. А

право зрителя смотреть на произведение нового искусства новыми глазами современника». [\[51\]](#)

Так выступал на первом диспуте Давид Бурлюк.

Затем говорили оппоненты, а после этого на сцену вышла Наталья Гончарова. Гладко зачесанные волосы, пылающий взор и резкие, угловатые движения придавали ей сходство с экзальтированными эсерками. Звонким, сухим голосом она протестовала: среди картин, показанных Давидом Бурлюком в качестве продукции «Бубнового валета», были две ее вещи. Это подтасовка, ибо она, Гончарова, принадлежит к другой группе, к «Ослиному хвосту». Слова эти вызвали невообразимый смех зрителей. Гончарова выдержала напряженную паузу и укоризненно возразила: «Над названием смеяться нечего. Посмотрите сначала выставку, тогда и смейтесь». Это было сказано так внушительно, что хохот умолк. Гончарова стала рассказывать о своей работе и возражать Бурлюку. Ее проводили рукоплесканиями. После этого выступил Михаил Ларионов, но его публика уже не захотела слушать. Сквозь шум, свист и возгласы «долой!» он выкрикивал бессвязные фразы о консервативности «Бубнового валета», об оригинальности французов и ослинохвостцев, обкрадываемых «Бубновым валетом». И, с ожесточением ударив кулаком по кафедре, сошел с эстрады под вой и улюлюканье всего зала. «Господин председатель! Избавьте нас от ослиных копыт!» — завопил в публике какой-то студент. Ларионов бросился в публику. «Кто это сказал! Я его вызову на дуэль!» Его с трудом удержали, успокоили и кудато оттиснули.

Скандалы и самые настоящие потасовки сопровождали выступления поэтов и художников-футуристов, представителей левых радикальных течений. Надо сказать, что провоцировали скандалы чаще всего сами выступающие. Ларионов призывал

своих соратников «орудовать всеми средствами вплоть до графина по голове». А в 1913 году Ларионов был оштрафован за потасовку на диспуте «Мишени». Ларионов обжаловал постановление суда, утверждая, что «стулом и лампой он будто бы в публику не бросал» и «Бонч-Томашевского не бил», а Гончарова заявила в ответ на вопрос, бросали ли чем-нибудь в публику во время скандала: «Я не видела, чтобы кидали, но осколки стакана поднимала».

Неутомимый, вездесущий Бурлюк не довольствовался только художественными выставками и диспутами. Под его руководством поэты-гилейцы стали готовить новый сборник. Поэтического материала уже накопилось на несколько сборников, но надо было написать манифест, а главное — найти деньги на издание. Ни у кого из гилейцев денег на это не было. Сначала помочь с изданием вызвалось общество художников «Бубновый валет», но из этого сотрудничества ничего не вышло. Тогда Маяковскому удалось найти двух человек, не имеющих никакого отношения к литературе, но страстных почитателей нового искусства. Это были летчик Георгий Кузьмин и музыкант Сергей Долинский. С ними Маяковский и Крученых познакомились летом на даче возле Петровско-Разумовского. Кузьмин и Долинский финансировали издание «Пощечины общественному вкусу» и еще нескольких футуристических книг.

Штаб-квартирой футуристов стала гостиница «Романовка» в Москве на углу Тверского бульвара и Малой Никитской, где в девятом номере жил Бурлюк. Манифест сочинили в один день. Вернее, первоначальный текст написал Давид Бурлюк, а затем все вместе дорабатывали. В тот день в 10 утра у Бурлюка собрались Маяковский, Крученых и Хлебников. Все четверо энергично принялись за работу. Спорили из-за каждой фразы, слова, буквы. Крученых

предложил: «Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина». Маяковский добавил: «С парохода современности». Кто-то: «Сбросить с парохода». Маяковский: «Сбросить — это как будто они там были, нет, надо бросить с парохода». В манифесте была фраза: «Парфюмерный блуд Бальмонта». Исправление Хлебникова: «Душистый блуд Бальмонта» не прошло. Хлебникову принадлежит фраза: «Стоим на глыбе слова мы». По поводу другой фразы Хлебников чуть не поссорился с остальными участниками. В первоначальном варианте было: «С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество». Дальше расшифровывалось, чье ничтожество имеется в виду. Следовали фамилии: Л. Андреев, А. Куприн, М. Кузмин и другие. Хлебников заявил: «Я не подпишу этого. Надо вычеркнуть Кузмина. Он нежный».

Дело было, конечно, не в «нежности» Кузмина, а в том, что он являлся одним из учителей Хлебникова, и с ним, и с Вячеславом Ивановым Хлебников по-прежнему сохранял теплые, дружеские отношения, по-прежнему дорожил их мнением и даже в литературной полемике не хотел их обижать понапрасну. Сошлись на том, что Хлебников пока подпишет манифест, а потом отправит письмо в редакцию, где сообщит о своем особом мнении. Но это письмо им так и не было написано.

Манифест писали целый день, непрерывно курили. Узкая комната наполнилась дымом. Сквозь дым можно было видеть стол с листами черновиков новых, небывалых идей. Все четверо были настроены победно и празднично. Расходились уже поздно, уставшие, но сделавшие дело, как пишет Крученых. Далее он говорит, что сразу поспешил обедать и съел два бифштекса сразу — так обессилел от совместной работы с великанами. Вот каков был результат совместного творчества:

«Читающим наше Новое Первое Неожиданное.

Только *мы* — *лицо нашего* Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.

Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов.

Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с Парохода современности.

Кто не забудет своей *первой* любви, не узнает последней.

Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня?

Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот?

Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимумам Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!

Мы *приказываем* чтить *права* поэтов:

1) На увеличение словаря в *его* объеме произвольными и производными словами (Слово — новшество).

2) На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.

3) С ужасом отстранить от гордого чела своего из банных веников сделанный вами Венок грошовой славы.

4) Стоять на глыбе слова „мы“ среди моря свиста и негодования.

И если *пока* еще и в наших строках остались грязные клейма ваших „здорового смысла“ и „хорошего вкуса“, то все же на них трепещут *впервые* Зарницы

Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова.

Д. Бурлюк, Александр <sic!> Крученых, В. Маяковский, Виктор Хлебников».

Почти половину сборника составляли произведения Хлебникова. Там были напечатаны его знаменитые «Кузнечик» и «Бобэоби»:

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

* * *

Бобэоби пелись губы
Вээоми пелись взоры
Пиээо пелись брови
Лиэээй пелся облик
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо

Впервые читающая публика имела возможность познакомиться с творчеством Хлебникова в таком объеме. В книге были представлены его мелкие стихотворения, поэмы, рассказы, статьи, причем как

самые ранние, так и написанные недавно. Кончалась книга небольшой таблицей: «Взор на 1917». Там был приведен ряд дат, когда погибли великие государства прошлого. Последняя строка гласила: «некто 1917». Это свое пророчество Хлебников повторил дважды, первый раз — в книге «Учитель и ученик», изданной летом 1912 года в Херсоне. Там он высказался еще яснее: «Не стоит ли ждать в 1917 году падения государства?» К сожалению, тогда его пророчества никто не заметил. Не заметили его и позже. В 1919 году Хлебников с горечью вспоминал об этих своих трудах: «Блестящим успехом было предсказание, сделанное на несколько лет раньше, о крушении государства в 1917 году. Конечно, этого мало, чтобы обратить на них внимание ученого мира».

И хотя позже Хлебников отказался от первой редакции «законов времени», в соответствии с которой он высчитывал периоды повторяемости событий, факт остается фактом: революцию 1917 года и падение самодержавия Хлебников предсказал еще в 1912 году. Конечно, на это можно возразить, что уже со времен войны с Японией и первой русской революции крушение самодержавия было предрешено и у многих поэтов были подобные предчувствия и предвестия. Так, например, Маяковский писал: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год». Маяковский поторопил события и ошибся. Хлебников, доверявший числам гораздо больше, чем словам, оказался в своих расчетах прав. Но критики не оценили ни его пророчеств, ни его поэзии и яростно обрушились на сборник. «Поэзия свихнувшихся мозгов», «шайка буйных помешанных», «вымученный бред претенциозно бездарных людей» — такими эпитетами наградили газетчики молодых поэтов. Впрочем, издатели могли быть довольны: книга разошлась очень быстро.

Не давая публике опомниться, в феврале 1913 года, через два месяца после выхода книги, футуристы выпустили листовку с таким же названием — «Пощечина общественному вкусу». Они писали: «В 1908 году вышел „Садок судей“ (на самом деле он вышел в 1910 году. — С. С). В нем гений — великий поэт современности Велимир Хлебников впервые выступил в печати. Петербургские мэтры считали Хлебникова сумасшедшим. Они не напечатали, конечно, ни одной вещи того, кто нес с собой Возрождение Русской Литературы. Позор и стыд на их головы!»

На обороте листовки были для наглядности помещены произведения: против текста Пушкина — текст Хлебникова, против Лермонтова — Маяковского, против Надсона — Бурлюка, против Гоголя — Крученых. Эту листовку Хлебников особенно любил и, когда она была издана, расклеивал ее в вегетарианской столовой среди толстовских объявлений или, хитро улыбаясь, раскладывал на пустых столах, как меню. [\[52\]](#)

В этой вегетарианской столовой Хлебников часто обедал с братом. Брат находил, что Виктор стал гораздо лучше выглядеть, и относил это целиком за счет правильного питания. Сам он собирался полностью перейти на вегетарианскую пищу.

В практических делах Хлебников часто оказывался совершенно беспомощным. Осенью и зимой 1912 года в Москве он жил «под присмотром» младшего брата. Тот часто был недоволен тем, как относились к Виктору Бурлюк и КО. Ему казалось, что брата часто попросту обкрадывают. В письме к родителям Шура жалуется на окружение Виктора и говорит, что без родительской помощи тот не проживет. «Его денежные планы совершенно фантастические. „Бубновый валет“ отшатнулся от Виктора, так как чувствует, что Витя материально совершенно беспомощен. Я лично не смогу

поддержать Виктора весь месяц. Если будете присылать, пришлите на мое имя и ему ничего об этом не пишите. Может быть, я хоть заставлю его правильно питаться. Насколько я понял, его избегают, боясь, что он нуждается в помощи, но все-таки ухитряются его понемногу обирать. Его книга имела успех, как куплю — пошлю. Хотят издавать еще раз. Ему ничего не дали. Вите ничего о письме не пишите». Едва ли Александр был объективен и едва ли Крученых или кто-то другой зарабатывал на «Игре в аду», изданной тиражом триста экземпляров.

Озорная игра с читателями продолжалась в следующих футуристических изданиях. Рассвирепевшим критикам подкидывалась все новая и новая пища. В манифесте «Слово как таковое» Хлебников и Крученых заявили: «У писателей до нас инструментовка была совсем иная, например: „По небу полуночи ангел летел, и тихую песню он пел...“ Здесь окраску дает бескровное пе... пе... Как картины, писанные киселем и молоком, нас не удовлетворяют и стихи, построенные на

Па — па — па

Пи — пи — пи

Ти — ти — ти

и т. п.

Здоровый человек такой пищей лишь расстроит желудок». Этой «безголосой сливочной тянучке поэзии» противопоставлялись стихи «будетлян».

Хлебников в скандалах участия не принимал и жил эту зиму в Москве на Малой Никитской улице в деревянном домике. Комната, как всегда у него, была очень бедной, с одним окном, в которое никогда не заглядывало солнце.

Кровать все время норовила уронить спящего на пол. Оттуда Хлебников часто заходил в «Романовку», где жили Д. Бурлюк и его жена Маруся. Там Хлебников

усаживался в уголок, в красное кресло около пианино и, шевеля губами, беззвучно читал свои стихи. Как вспоминает Маруся Бурлюк, «в минуты недовольства Хлебников левой рукой ерошил свои волосы, а после этой операции пальцы, забытые им, ползли по щеке и шее вниз на колени. Глаза Вити смотрели высоко в темное окно, где были видны припавшие к стеклу пухлые снежинки». Марусе запомнился «его большой открытый лоб с длинными морщинами, идущими лучами к носу».^[53] Сестра Маруси Лида и сестра Давида Бурлюка Надя любили Хлебникова брать с собой, куда бы они ни шли: за покупками или билетами в театр. Советовались с ним, покупая шляпку. Барышни хватали Витю под руки, и он, улыбаясь, отправлялся с ними. Осенью 1912 года Наталья Гончарова была нездорова. Лида и Надя сидели у постели попеременно. Хлебников принимал участие в этих дежурствах.

Хлебников умел ценить дружбу как никто другой. И в стихах, и в мыслях он часто обращается и к Д. Бурлюку, и к Маяковскому, несмотря на то что не всегда отношения с ними складывались идиллически. Но и у Хлебникова был достаточно трудный характер, который особенно испортился к концу жизни. В заметке «О природе дружбы», как мы видели, Хлебников математически пытается вывести «законы дружбы» и доказать, что его отношения с этими людьми и не могли быть иными. Хлебников продолжает разрабатывать эту тему. Посмотрев на даты рождения известных людей, он находит «закон поколений». Он говорит, что у поколений, рожденных через 28 лет, меняется понимание истины. Хлебников приводит массу примеров. Вот один из них, связанный с литературным творчеством. Возьмем ряд: Кольцов (р. 1809), К. Случевский (р. 1837), Мережковский (р. 1865). Народник Кольцов — это «первый шаг народничества». Наоборот,

Случевский — это «уход от народа в гордое „я“». Это происходит потому, что писатель Случевский родился через 28 лет после Кольцова. Что касается Мережковского, то он, с одной стороны, углублен в свое «я», но с другой стороны, находит там и языческое «я» Случевского, и «они» народничества Кольцова, отсюда, как говорит Хлебников, две бездны Мережковского. Или другой пример. 28 лет отделяют года рождения Герцена и Ткачева. «Если вы знаете, — замечает Хлебников, — что Герцен бил в колокола, то готовьтесь к тому, что Ткачев (человек, живущий через 28 лет) будет бить в набат. Набат — это больше чем просто дергать веревку колокола. Это не шутка и не праздничная обязанность человека на колокольне».

А вот другой ряд. «Родившийся в 1817 г. Алексей Толстой (Алексей Константинович. — С. С.), не падая „на брюхи“ перед народом и защищая восточную гордость и спесь, шел против течения. Кто, кроме косматых народников и надушенных западников, мог быть до и после него? И точно, за 28 лет <до него> родился известный западник Тургенев, парижанин, писавший на галльском наречии о русских делах». Через 28 лет после Толстого родился народник Златовратский.

Конечно, интересно было бы проследить такую «невещественную родословную», как говорит Хлебников, для него самого. В конце статьи, не называя себя, он дает некоторые указания. Он говорит, что родившиеся в 1885 году должны испытывать влияние следующего ряда: 1) о. Иоанн Кронштадтский (1829), 2) Остроградский, Даль, Панин (1801) и так далее вплоть до патриарха Никона (1605). Этот ряд, как говорит Хлебников, наиболее связан с государством и иногда очерчивает жизнь народа. И действительно, как мы дальше увидим, Велимир Хлебников оказывается государственнымником в своих статьях и утопиях.

Проблемы повторяемости событий во времени очень волновали Хлебникова, и не зря: пожалуй, он один с такой точностью предсказал события 1917 года. Хлебников страстно хотел, чтобы его услышали, но все было напрасно. Даже люди, ценившие его и искренне желавшие ему добра, не всегда могли понять его и уследить за полетом его мысли.

Одновременно с «Пощечиной» в Петербурге готовился к выходу еще один сборник футуристов, второй «Садок судей». Его издавал Михаил Матюшин. Велись долгие переговоры, издание задерживалось. Матюшин, человек основательный и серьезный, хотел, чтобы там было поменьше балагана и побольше хороших, талантливых произведений. Конечно, он, как и Давид Бурлюк, прежде всего делал ставку на Хлебникова. И вот, когда сборник был практически уже собран, Хлебников, живший тогда в Москве, пишет Матюшину письмо с настоятельной просьбой включить в сборник несколько стихотворений тринадцатилетней девочки. «Умоляю! Заклинаю всем хорошим поместить эти два стихотворения», — пишет он. В следующем письме он присылает новое стихотворение девочки, говорит, что место всегда можно найти, исключив одно или два из его собственных стихотворений. Стихи были откровенно слабые, и рассудительный Матюшин пытался урезонить Хлебникова. Он писал в ответ: «Посмотрим, — уверяю Вас, что я не жесток, — но, право же, когда Вам отвечал, я не думал, что, кроме меня, есть еще участвующие с большим количеством весен, и не пожелают слишком молодого и неумного сотрудника, да еще с такой восторженно... ну, скажем, запоздалой, что ли, тенденцией к царизму».^[54]

Три стихотворения «малороссиянки Милицы» все же были напечатаны. Матюшин не обратил внимания на причины, по которым Хлебников хотел поместить эти

стихотворения, хотя в письме Хлебников попытался это объяснить: «Первое стихотворение замечательно путями, которыми образ смерти входит в детский ум. Второе раскрывает, как над маленьким сердцем нашего времени тяготеет образ Орлеанской девы. Через четыре года это поколение войдет в жизнь. Какое слово принесет оно? Может быть, эти вещи детского сердца позволяют разгадать молодость 1917—19 лет <sic!>. Оно описывает трогательную решимость лечь костями за права речи и государственности и полны тревожным трепетом предчувствия схватки за эти права. Важно установить, что эти предчувствия были. Оправдаются они или нет — покажет будущее». Как видим, предчувствия — прежде всего самого Хлебникова — оправдались в полной мере...

Может быть, если бы окружающие больше прислушивались к его словам, некоторых трагических ошибок русскому обществу удалось бы избежать. К сожалению, слишком часто смелые идеи поэта казались каким-то бессмысленным чудачеством.

В «Садке» все же осталось место и для хлебниковских вещей. Там была напечатана поэма «Шаман и Венера». Богиня приходит в пещеру к старому шаману (Хлебников его называет то Могол, то Монгол) и просит у него убежища.

Шамана встреча и Венеры
Была так кратка и ясна:
Она вошла во вход пещеры,
Порывам радости весна.
В ее глазах светла отвага
И страсти гордый, гневный зной:
Она пред ним стояла нага,
Блестя роскошной пеленой.

Венера объясняет, почему она пришла к шаману:

«Когда-то храмы для меня
Прилежно воздвигала Греция.
Могол, твой мир обременя,
Могу ли у тебя согреться я?
Меня забыл ваять художник,
Мной не клянется больше витязь.
Народ безумец, народ безбожник,
Куда идете? Оглянитесь!» —

Но вскоре за Венерой прилетает белый лебедь и умоляет ее вернуться к людям.

И с благословляющей улыбкой
Она исчезает ласковой ошибкой.

Эта слегка ироничная поэма была совершенно не похожа на футуристические манифесты и словотворческие вещи самого Хлебникова. Все же после выхода «Пощечины» и «Садка» стало ясно, что футуризм — это достаточно серьезное явление и отмахнуться от него газетной бранью нельзя. Появились довольно доброжелательные статьи и рецензии Брюсова, Городецкого, Гумилёва. Кроме того, все критики начинают понимать, что центральная фигура футуристического движения — это Хлебников. Это вынуждена признать даже семья. Не такого успеха хотел отец для своего сына, но теперь и он понимает,

что литература — не блажь, не мимолетное увлечение, а дело всей жизни Виктора Хлебникова.

По-прежнему связующим звеном между родителями и Виктором остается младший брат. Шура подробно информирует их о том, какие статьи появились, что говорят критики о футуризме, что делает Виктор. Не всегда Шуре были ясны настроения брата, но он искренне пытался его понять и всегда искренне хотел помочь. После выхода «Пощечины» и «Садка» ему стало казаться, что теперь, когда имя Виктора Хлебникова стало известно публике, самому Виктору больше нечего сказать. Последние произведения Виктора Шуре не понравились.

На самом деле в это время Хлебников активно работает над сверхповестью «Дети Выдры» — произведением, которое подводит итог первому периоду его творчества. Автор так объясняет, что это за жанр — «сверхповесть»: «Повесть строится из слов как строительной единицы здания. Единицей служит малый камень равновеликих слов. Сверхповесть, или заповесть, складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом. На московский вопрос: „Како веруеши?“ — каждый отвечает независимо от соседа. Им предоставлена свобода вероисповеданий. Строевая единица, камень сверхповести, — повесть первого порядка». И все-таки сквозной сюжет в «Детях Выдры» присутствует. Как говорит сам Хлебников, «в „Детях Выдры“ я взял струны Азии, ее смуглое чугунное крыло и, давая разные судьбы двоих на протяжении веков, я, опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц — красное и черное.

Итак, Восток дает чугунность крыл Сына Выдры, а Запад — золотую липовость». У амурского племени

орочей, чьей мифологией так увлекался Хлебников, Выдра является тотемным зверем, праматерью мира.^[55] Соответственно все люди — дети Выдры. Но в сверхповести настоящими детьми Выдры оказываются герои, исторические личности, такие как Александр Македонский, Ганнибал, Сципион, Коперник, Ян Гус, Степан Разин, Ломоносов и сам Хлебников. В последней части сверхповести души всех детей Выдры собираются на острове, и остров говорит:

На острове вы. Зовется он Хлебников.
Среди разъяренных учебников
Стоит, как остров, храбрый Хлебников —
Остров высокого звездного духа.
Только на поприще острова сухо —
Он омывается морем ничтожества.

.....
Как на остров, как на сушу,
Погибая, моряки,
Так толпой взошли вы в душу
Высшим манием руки.
Беседой взаимной
Умы умы покоят,
Брега гостеприимно
Вам остров мой откроет.
О духи великие, я вас приветствую.
Мне помогите вы: видите, бедствую?
А вам я, кажется, сродни,
И мы на свете ведь одни.

Хлебников нередко испытывал творческие кризисы, так было и по окончании работы над «Детями Выдры». Несколькими месяцами позже он жалуется Крученых:

«Я ничего не могу писать: „Дети Выдры“ было вырванным с корнями дубом творчества. Пусто. У меня все в прошлом».^[56]

Это может показаться странным, так как внешними событиями его жизнь насыщена как никогда. В начале 1913 года Хлебников переезжает из Москвы в Петербург. Там штаб-квартирой «будетлян» становится дом Михаила Матюшина и Елены Гуро на Песочной, 10. Это был маленький деревянный домик на Петроградской стороне, тихой отдаленной окраине города. Квартира Матюшиных находилась на втором этаже, и у многих, поднимавшихся по шаткой лесенке, возникало ощущение, как пишет Б. Лившиц, что земное притяжение там ослаблено и находишься не то на Луне, не то где-то еще в космическом пространстве, но никак не на Земле. Во многом это ощущение возникало из-за хозяйки дома. Елене Гуро оставалось жить всего несколько месяцев. Она была больна лейкемией и знала это. И Хлебников, и Каменский, и Крученых относились к ней с большой нежностью. После выхода книги Гуро «Осенний сон», открывавшейся посвящением: «Отдаю эту книгу тем, кто понимает и кто не гонит», Хлебников писал ей: «В „Осеннем сне“ слышится что-то очень знакомое, многочисленные верблюжата, долговязые чудаки... рисунок юноши-призрака, тонкого, как хлыст, украшает книгу. Я принадлежу к числу понимающих ее и кто не гонит? Она дорога тем людям, кто увидит в ней водополье жизни, залившей словесность, и прочтет знаки дорогого».

В свою очередь и Елена Гуро с большой симпатией относилась к Хлебникову. В ее произведениях часто возникает образ бедного рыцаря, поэта, и там мы без труда узнаем образ Велимира Хлебникова:

«Наконец-то поэта, создателя миров, приютили. Конечно, понимавшие его, не презиравшие дыбом волос

и диких свирепых голубых глазищ. С утра художники ушли, а вечером застали его бледным. Весь дрожал и супился. Забыл поесть и не нашел целый день, со свирепыми глазами и прической лешего. Случайно узнали и хохотали:

— Да, не ел! Забыл поесть, — ну, малый! Дрожит, как курица, согнувшись и живот в себя вобравши.

Меж палитрами консервы оказались. Колбасы купили с заднего крыльца лавочки.

Был час ночи. Купили и вернулись. После дрыхли наповал.

Рассвет шалил. Вода замерзла в чашке. Все выпались. Один поэт озябнул. Потому что одеяла ком на плечах и ком на пятках оказался, а спина довольствовалась воздухом. И Нормы провещали ему:

— Не быть тебе угретым, поэт, — хотя бы имел два теплых одеяла, тьму знакомых и семь теток, не быть, не быть тебе ни сытым, ни угретым.

Я боюсь за тебя. Слишком ты сродни пушистому ростку земляники, вылезаящему из земли. И неспроста ты целуешь котят между ушками.

Я боюсь, как бы тебя не обидели люди». [\[57\]](#)

В июне, после смерти Елены Гуро, Хлебников пишет Матюшину сочувственное письмо, где говорит, что образ Елены Генриховны многими нитями связан с ним. Впрочем, не у всех футуристов экзальтированность Елены Гуро находила сочувственный отклик. Бенедикт Лившиц, например, не смог найти с нею общий язык. Ему показалось, что она наглухо замкнулась в себе, точно владела ключом к загадкам мира и с этой высоты взирала на «суемудрое копошенье» и Лившица, и всех остальных.

Экзальтированность, тяга к мистическим переживаниям сказались у Елены Гуро и в том, что она выдумала себе несуществующего сына, писала для него

стихи, писала его портреты, вела с ним разговоры. Многие — даже близкие ей люди, в том числе Василий Каменский, поверили этой мистификации и думали, что у Елены Гуро действительно умер сын.^[58]

Муж Елены Гуро Михаил Матюшин, талантливый художник и музыкант, являлся организатором футуристов в Петербурге. В его издательстве «Журавль» вышли «Садки судей» I и II, посвященный памяти Елены Гуро сборник «Трое», «Рыкающий Парнас», где была напечатана сверхповесть Хлебникова «Дети Выдры».

В Петербурге представители левых течений действовали не менее активно, чем в Москве, но, возможно, не так шумно. Под руководством Матюшина еще в 1909 году было создано общество художников «Союз молодежи», однако вскоре там, как и в «Бубновом валете», произошел раскол, и Матюшин с группой единомышленников вышел из состава общества. В конце 1912 года Матюшин снова вернулся в «Союз молодежи». Члены «Союза» устроили несколько выставок в Петербурге. Критики отмечали, что это более умеренное крыло новых художников.

Для пропаганды новейших течений в живописи члены «Союза молодежи» стали выпускать сборник с таким же названием. В первом номере была опубликована программная статья Владимира Маркова «Принципы нового искусства». Издавал сборники меценат, ставший во главе «Союза», Левкий Иванович Жевержеев. К третьему номеру Матюшин помирился со своими прежними товарищами, и решено было издавать сборник совместно с группой «поэтов-будетлян». Эта книга вышла в марте 1913 года. В предисловии провозглашалось, что настало время совместного труда живописи и поэзии для единения и выявления их ценных различий. Эта идея была очень близка

Хлебникову. В одной из своих статей он скажет: «Хочу, чтобы слово смело пошло за живописью...» В другой статье, озаглавленной «Художники мира!» (это обращение к художникам), Хлебников говорит, что нашел достойную задачу, которая сможет объединить «художников кисти» и «художников мысли». Эта задача — создание мирового, научно построенного языка. Мыслители должны создать «азбуку понятий», а художники — придумать для них письменные знаки.

Такую «азбуку понятий» Хлебников создавал всю жизнь, и в 1919 году у него уже кое-что начало получаться. Он заметил несколько вещей: во-первых, очень часто в слове первая согласная «приказывает» всем остальным, определяет смысл слова; во-вторых, слова, начатые одной и той же согласной, нередко имеют что-то общее в своем значении; в-третьих, это общее значение можно обнаружить и в других языках. Например, «в» на всех языках значит вращение одной точки кругом другой, или по целому кругу, или по части его, дуге, вверх и назад. Отсюда *вир, вол, ворот, вьюга, вихрь*, санскритское слово «вритти», поэтому «в» можно изобразить в виде круга и точки в нем. Или другой пример: сравним слова: *хата, хижина, халупа, хутор, храм, хранилище*. Мы видим, что значение «х» — «черта преграды между точкой и движущейся к ней другой точкой» (постройки, начатые с «х», защищают точку человека от враждебной точки непогоды, холода или врагов). Кроме того, «хата» значит «хата» и по-египетски. Поэтому «х» можно изобразить как сочетание двух черт и точки (черта отделяет точку от другой черты). Такие письменные знаки будут понятны всем народам земли.

Но в 1913 году Хлебников еще так четко не сформулировал свои принципы и был представлен в сборнике «Союз молодежи» другими произведениями. Это была загадочная поэма «Война — смерть»,

пестрящая неологизмами, и две статьи, написанные в жанре философского диалога: уже публиковавшийся ранее «Учитель и ученик» и новая статья «Разговор Олега и Казимира». Как позже вспоминал Крученых, на самом деле поэма должна была называться «Революция», но цензура, конечно же, такое название не пропустила. Впрочем, это был достаточно своеобразный взгляд на революцию:

Немотичей и немичей
Зовет взыскующий сущел,
Но новым грохотом мечей
Ему ответит будущел.
Сумнотичей и грустистелей
Зовет рыданственный желел
За то, что некогда свистели,
В свинце отсутствует сулел
.....
Железавут играет в бубен,
Надел на пальцы шумы пушек.
Играя, ужасом сугубен,
Он мир полей далеко рушит —

и так далее. Эту поэму очень любил Маяковский. Он говорил: «Железавут... звучит для меня такой какофонией, какой я себе представляю войну. В нем спаяны и лязг „железа“, и слышишь, как кого-то „зовут“, и видишь, как этот позванный „лез“ куда-то... Мне дорог пример из Хлебникова не как достижение, а как дорога». [\[59\]](#)

На этом сотрудничество «Гилеи» и «Союза молодежи» не кончилось. Вместе они провели серию диспутов в Троицком театре (Троицкая улица, ныне

улица Рубинштейна, дом 18). Д. Бурлюк читал доклад «Что такое кубизм», Маяковский — «О новейшей русской поэзии». При этом Маяковский утверждал, что истинная поэзия началась с 1909 года, когда Хлебников написал «О засмейтесь, смехачи». Кроме того, Маяковский провозгласил, что в поэзии надо быть «сапожником» и что слово поэта требует «сперматизации». Маяковский познакомился с Хлебниковым незадолго до этого, тоже в Петербурге, на диспуте в зале Тенишевского училища.

Троицкий театр миниатюр и Тенишевское училище на Моховой улице, а также Соляной городок становятся местом постоянных диспутов и дискуссий в Петербурге. Хлебников, хотя и не принимает участия в выступлениях, регулярно на них присутствует. Его интересы вовсе не исчерпываются футуристической деятельностью. У него есть другая жизнь, другие заботы и увлечения. В начале 1913 года возобновились военные действия на Балканах, и в России опять всколыхнулся интерес к славянскому вопросу, у Хлебникова же этот интерес никогда не исчезал. Его воинственные настроения полнее всего выразились в таком стихотворении:

Мы желаем звездам тыкать,
Мы устали звездам выкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Будьте грозны, как Острица,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки,
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки.

О, уподобьтесь Святославу —
Врагам сказал: «Иду на вы!»
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
С толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди нас сквозь сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня.

(«Мы желаем звездам тыкать...»)

Еще живя в Москве, Хлебников познакомился с журналистом, словенцем по национальности, Янко Лавриным. Хлебников расспрашивал своего нового друга о жизни сербов и черногорцев, просил почитать ему сербские народные эпические песни, собранные Вуком Караджичем, задавал вопросы о славянской старине, о славянском фольклоре. Лаврин пригласил Хлебникова в Петербурге остановиться у него, Хлебников с радостью принял это предложение и прожил у Лаврина около двух месяцев. Там в его распоряжение была предоставлена библиотека, где он пользовался сербским словарем Вука Караджича и словенским словарем Хостника. С Лавриным Хлебников обсуждал многие свои замыслы и готовые произведения, например балладу «Мария Вечора». Она была посвящена нашумевшему самоубийству эрцгерцога Рудольфа и его возлюбленной Марии Вецеры в австрийском замке Мейерлинг в 1889 году. Хлебников считал героиню этих событий славянкой.

С Лавриным Хлебников почти не говорил о футуризме, как, впрочем, и о Балканской войне. Но именно тогда при содействии Лаврина Хлебников начинает сотрудничать в газете «Славянин». Эта двухнедельная газета выходила в Петербурге в 1913 году. Она являлась «органом духовного, политического и экономического сближения славян», как было сказано на первой полосе. Для Хлебникова это был практически первый опыт постоянной работы. Брат поспешил обрадовать родителей тем, что Виктор нашел себе место при газете и теперь стал зарабатывать. К сожалению, газета просуществовала всего полгода, но Хлебников успел опубликовать там три очень важные статьи и один рассказ, навеянный разговорами с Лавриным. И статьи, и рассказ посвящены славянской тематике.

В статье «О расширении пределов русской словесности» Хлебников говорит, что русскую литературу надо обогащать темами, сюжетами, языком других славянских народов и не только славянских. В двух других статьях Хлебников говорит о политике. Так, статья «Западный друг» была откликом на обсуждавшиеся русской прессой дебаты в германском рейхстаге по военным вопросам в связи с балканским конфликтом. Выступая против наметившейся тенденции к югославянской общности, Германия старалась одновременно нейтрализовать влияние России. Мысль Хлебникова, как всегда, неожиданна и парадоксальна: «...русская народность только отчасти подлежит действию славянских законов. Имена Аксакова, Карамзина, Державина, потомков монголов, показывают, что именно это сделало их немцеупорными. Сплав славянской и татарской крови дает сплав достаточной твердости. Русские не только славяне». Статья, как обычно у Хлебникова, пестрит историческими датами, событиями и именами. Такой

совершенно не футуристической деятельностью занимался Хлебников в Петербурге в разгар футуристических боев.

Янко Лаврин вспоминает, что Хлебников, живя у него, редко выходил из дома. Однажды Лаврин предложил Хлебникову поужинать в ресторане «Вена», где собирались писатели и художники, но Хлебников отказался. Он предпочитал сидеть дома, работать или читать с помощью словаря старинные народные песни сербов и черногорцев в сборнике Караджича. Очень сильное впечатление произвела на него черногорская баллада «Песня о постройке Скадра». Лаврин читал ему вслух «Смерть матери Юговичей» из цикла о сражении на Косовом поле, и трагическая красота этого народного стихотворения потрясла Хлебникова. [\[60\]](#)

Период сотрудничества Хлебников со «Славянином» был плодотворным, но недолгим. В июле 1913 года, с началом второй Балканской войны, газета прекратила свое существование. Янко Лаврин уехал из Петербурга, уезжает и Хлебников. Закончился сезон, отшумели футуристические баталии на некоторое время, и «голод пространства» вновь одолевает Хлебникова. На этот раз он отправляется в Астрахань, где к тому времени обосновались его родители. Поэт в равной мере мог считать и Петербург, и Астрахань своей родиной: в Петербурге жили бабушка и дедушка по материнской линии, дяди и тети, все родственники матери — Вербицкие. В Астрахани — Хлебниковы, родственники отца. Но после того как родители поселились в Астрахани, домом для бездомного поэта стала именно эта южная окраина России.

Трудно представить себе два более контрастных города — холодный во всех смыслах, чопорный, чиновный Петербург и по-восточному шумная, горячая Астрахань, настоящий караван-сарай. Поразительное

разнообразии национальностей, языков, религий, обычаев. В начале века там было тридцать православных храмов, пять армяно-григорианских, два католических, восемь татарских мечетей, две синагоги, лютеранская кирха, персидская мечеть и калмыцкий хурул. Там Хлебников мог наблюдать массу обычаев и обрядов, многие из них впоследствии отразились в его творчестве. Астрахань тогда была узловым центром торговли с Востоком, там находились индийские, персидские, армянские подворья. «Всякого приезжего Астрахань поражает своей разноплеменностью, — писал современник об этом городе. — В толпе снуют персы в высоких узких шапках, с выкрашенной краской бородой и ногтями; пробираются персиянки, хлопая своими маленькими цветными туфельками, закутанные в белые покрывала — чадры с небольшой решеткой для миндалевидных глаз; проходит богатая калмычка, вся в красном, с серебряными монетами в виде подвесок в косе и на груди. А зимой не редкость — киргиз на верблюде в огромной мохнатой шапке — малахае... По всему видно, что здесь столкнулись Европа с Азией, здесь преддверие востока».^[61]

Хлебников поселился у родителей в доме Куликова на Петропавловской площади. Он входит в дела семьи и в дела Астрахани. Поэтически судьба города и судьба рода Хлебниковых уже были осмыслены им в поэме «Хаджи-Тархан» (древнее название Астрахани). Центральный эпизод поэмы — посещение автором фамильного склепа.

Сквозь русских в Индию, в окно,
Возили ружья и зерно
Купца суда. Теперь их нет.
А внуку враг и божий свет.
Лик его помню суровый и бритый,

Стада ладей пастуха.
Умер уж он; его скрыли уж плиты,
Итоги из камня, и грез, и греха.
Помню я свет отсыревшей божницы,
Там жабы печально резвились!
И надпись столетий в каменной плещанице!
Смущенный, наружу я вышел и вылез,
А ласточки бешено в воздухе вились
У усыпальницы — предков гробницы.

В поэзии Астрахань для Хлебникова — это «окно в Индию», это место, «где смотрит Африкой Россия», «где дышит в башнях Ассирия». Реальная Астрахань начала века была Хлебникову не всегда так мила. В его письмах к друзьям нередко совсем другие характеристики родного города. В этот приезд он пишет Матюшину: «...все-таки я люблю Астрахань и прощаю ее равнодушие ко мне и жару, и то, что она вращается кругом воблы и притворяется, что читает книги и думает о чем-нибудь». Это еще самая безобидная характеристика Астрахани, были и другие: «это только хитрый торгашеский город», «Астрахань скучна, так как я в ней чужой», «Астрахань разлюбил, никуда не выхожу. Жалею, что поехал сюда».

Астраханское общество казалось ему слишком обывательским и косным. В 1913 году в Астрахани только что было введено земство и летом в местной печати постоянно освещается начало деятельности земских учреждений. Сообщалось об уездных земских собраниях, о выборах гласных. Судя по сохранившимся «бесплатным советам», деятельность этого земства Хлебникова не устраивала. «Бесплатные советы» — пародия на развернувшееся обсуждение предстоящей деятельности астраханского земства: «Ввиду того, что

население Астраханской страны местами бывает на суше не чаще, чем бакланы, только отдыхая и ночуя на ней, и писать для него сухопутные советы и законы — праздное занятие, предлагается установить отдел земства „морство“ с заседающими в нем „морцами“ с целью искусственного разведения редкой на Каспийском море птицы — русской... Ввиду того, что отсутствие железнодорожного выхода целой Волги к ее морю способствовало мнению о русских как о разумных и здравомыслящих людях только в том случае, если бы оное море было бы наполнено серной кислотой, которой надо беречься, земство должно повести сражение за этот выход... Так как весьма мало исследована Конская страна и море Восходящего солнца, то пособие из земских средств Петровскому музею для ученых исследований будет вполне уместно и ничем не нарушит духа земских учреждений. Заботясь о нравственности своего населения, земство может открыть в своих селах отделы общества „Сокол“, поддерживая приличным пособием его существование, а в господине Народном Университете иметь постоянных чтецов по табаководству, рыбному делу, добыче нефти, шелководству и о всех волнующих край вопросах, превратив его в Народный Политехникум... Но так как вы этого ничего не сделали, то одним лишним земством в России будет больше».^[62]

Как видим, Хлебников хорошо разобрался в местных вопросах. В статье отразились и выступления гимнастического общества «Сокол», и оживление деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края, и проекты проведения железной дороги на Северный Кавказ, и многое другое.

Но дела в Северной столице волнуют Хлебникова не меньше. В Астрахани его застала весть о смерти Елены Гуро. Хлебников пишет Матюшину необычайно теплое,

дружеское письмо, где говорит также и о себе: «Я же духовно умираю. Какая-то перемена, разочарование, упадок веры, сухость, черствость. Я знаю только, что свою смерть встречу спокойно». Этим летом Матюшин, Малевич и Крученых решили организовать первый всероссийский съезд «баячей будущего», куда конечно же был приглашен Хлебников. Получив это известие, он как будто настроен ехать. Во всяком случае, так он пишет пригласившему его Матюшину: «Еду! Ждите меня и пришлите 18-20 целковых, эти земные крылья, чтобы перелететь из Астрахани к вам».

Хлебников опять жалуется на упадок сил, на то, что он ничего не может написать, говорит, что что-то упорно расстраивает его работу и поэтому он будет рад приехать: может быть, осень осуществит его желания и он что-нибудь напишет назло лету. В конце письма Хлебников замечает: «быть понятым очень дорого». Матюшин сразу же выслал деньги на поездку, но дальше произошли невероятные события. Через два или три часа после того, как Хлебников получил письмо и перевод, он уронил кошелек в купальне. «Этот совершенно неправдоподобный случай замечателен тем, — сообщает Хлебников Матюшину, — что я все это лето ни разу ничего не уронил, хотя купаюсь не в первый раз. Если б я верил в чертей, я бы охотно приписал их вмешательству. Кошелек выскользнул как оживленный, как живое существо, и исчез. Это дурное предзнаменование, и поездка откладывается до осени. Я думаю, что Вы поверите, что это произошло именно так, а не иначе, и что я не виноват в случившемся». В конце письма Хлебников добавляет: «После я устраивал ловлю кошелька-лягушки сеткой и крючками, но ничего не вышло».

Думается, у Матюшина были основания усомниться в правдивости рассказа. Эта история очень напоминает историю о зайце, который перебежал дорогу Пушкину,

и из-за этого Пушкин не поехал в Петербург и не был на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. У Хлебникова могли быть более веские причины не ехать в Петербург на съезд. Одной из причин можно считать то, что Хлебников, как он сам писал Алексею Крученых после выхода декларации «Слово как таковое», боялся «бесплодных отвлеченных прений об искусстве. Лучше было бы, чтобы вещи (дееса) художника утверждали то или это, а не он».

Футуристические манифесты не могли в полной мере удовлетворить поэта. К тому же на съезде предполагалось говорить о театре и о будущих постановках, Хлебников же чувствовал, что его драматургия не совсем соответствует замыслам организаторов. И хотя позже в резолюции, принятой на съезде, говорилось о предполагаемой постановке хлебниковской пьесы «Снежимочка», она так и не была осуществлена.

Съезд состоялся без Хлебникова, и присутствовали там всего трое: Матюшин, Крученых, Малевич, то есть сами организаторы. Проходил съезд в поселке Уусикиркко, на даче у Матюшина, где недавно умерла Елена Гуро. Несмотря на то что съезд получился таким немногочисленным, там был разработан план действий и написан манифест, который упоминали многие петербургские газеты. В целом декларация повторила уже сказанное в «Пощечине» и других изданиях. Новым было то, что футуристы объявили поход на театр: «Устремиться на оплот художественной чахлости — Русский театр и решительно преобразовать его. Художественным, Большим и Малым нет места в сегодня! — с этой целью учреждается Новый театр „Будетлянин“». ^[63]

Были заявлены постановки «Снежимочки» Хлебникова, оперы Крученых «Победа над Солнцем» и

«Железной дороги» Маяковского. В результате пьеса Хлебникова вообще не была поставлена, Маяковский вместо обещанного написал трагедию «Владимир Маяковский», которая и была поставлена, и только опера Крученых действительно состоялась, как было заявлено.

Хлебников в это время в Астрахани тоже занимается проблемами театра, но несколько иначе. Он проводит последовательную замену иноязычных театральных терминов русскими, славянскими, например: театр — *зерцог* (от созерцать), драма — *деюга, дееса*; актер — *игрец*; зритель — *созерцаль, зенкопял*; опера — *воспева, голосыня*; комедия — *шутыня*; трагедия — *мучава, борава*; драма из настоящего — *бывава*; из прошлого — *былава*; из будущего — *идава* и т. д. Многие из этих терминов он применит в прологе «Чернотворские вестучки» к опере Крученых.

И все же в сентябре, поссорившись с родителями в очередной раз, Хлебников едет в Петербург, где сразу включается в литературную борьбу. В этом сезоне футуристы активны как никогда. Диспуты следуют один за другим. Самыми неутомимыми являются Бурлюк и Маяковский. Даже Крученых удивлялся, как Маяковский умудряется практически одновременно оказываться в разных местах. Хлебников, как обычно, не выступает, но присутствует в качестве одной из главных персон. В этом сезоне Д. Бурлюк неоднократно читает лекцию «Пушкин и Хлебников», причем одни и те же тезисы для обеих столиц составлялись различным образом: для Петербурга более сдержанно, для Москвы более кричаще. Как следует из отчета, Бурлюк говорил о том, как ужасны пушкинианцы, которые превратили поэта в идола, сделали из него учебный гербарий и литературные мощи. «Пушкин — это мозоль русской поэзии. Он для нас устарел. Мы, — подводит лектор итоги под громкий смех аудитории, — находимся к

Пушкину под прямым углом. Совсем не то Хлебников. Это мощный, необычный, колоссальный, гениальный поэт, и этого не чувствуют только те, кто не способен оценить вазу, вне мысли о том, что налито в нее». [64]

За два дня до лекции один из сотрудников «Биржевых ведомостей» агитировал публику не ходить туда, «где заведомо будет кощунственно поноситься имя великого, незабвенного поэта». «Будем верить, что такт и уважение к Пушкину удержат публику от посещения этой кощунственной лекции. Есть же у нас хоть что-нибудь святое?» Надо ли говорить, что эта заметка послужила дополнительной рекламой. Зал Тенишевского училища был забит до отказа, большую часть публики составляла учащаяся молодежь. Когда доклад был повторен в Москве, Бурлюк сделал еще ряд эпатажных заявлений. В особенности запомнилось современникам такое: «Серов и Репин — арбузные корки». Публика попросила показать канонизированного при жизни поэта. Бурлюк указал на Хлебникова, сидевшего на эстраде вместе с другими футуристами. Следующий доклад читал Маяковский, он тоже часто упоминал Хлебникова, и Хлебников вставал и раскланивался всякий раз, когда упоминалось его имя. Выступления продолжались в женском Медицинском институте, на высших женских Бестужевских курсах, в психоневрологическом институте. Одной из самых больших акций в Петербурге стал вечер «Поэты-футуристы (о вчера, о сегодня, о завтра)», устроенный при содействии «Союза молодежи» в Триоцком театре. Все ораторы ссылались на Хлебникова, публика требовала показать «великого Хлебникова», который, как отмечает газетный критик, оказался «скромнейшим молодым человеком». По поводу газетных критиков Хлебников заметил: «Это говорит картошка об апельсинах».

В это время у футуристов в Петербурге появляется еще одно постоянное место встреч, где апробировались новые литературные, художественные, музыкальные, театральные идеи. Это было созданное Борисом Прониным и Всеволодом Мейерхольдом кабаре «Бродячая собака». Оно просуществовало немногим более трех лет (а Хлебников был завсегдаем «Собаки» и того меньше), однако осталось в памяти всех участников событий. Не будет преувеличением сказать, что оно повлияло на всю русскую литературу последующего периода.^[65] Это кабаре открылось 31 декабря 1911 года в небольшом подвале с низкими сводами на Михайловской площади. Электрическая люстра, скомбинированная из железных обручей, освещала помещение. Широкий камин был украшен античными масками и лошадиным черепом. У камина находился аналой с толстой книгой для записи посетителей. Ее называли «Свиная книга». В одном углу подвала был помост, на котором стоял рояль, там же находилась маленькая «сцена» с занавесом на проволоке. Столы и табуреты были покрыты дерюгой, потолок расписан местными художниками. Между столами бродила белая собака Мушка.

Благодаря неумолимой энергии Пронина «Собака» стала любимым местом встречи петербургской богемы. В «Собаке» пропадали признанные и непризнанные гении. Обыватели, желавшие посмотреть, как веселится богема, тоже допускались, но за отдельную плату. В «Собаке» они презрительно именовались фармацевтами. Василий Каменский так описывает стиль работы Пронина:

«— Дайте номер... — говорит Пронин. — Маришка, ты? Давай привези! Две дюжины ножей и вилок. Сегодня футуристы! Скорей. Что за черт! Маришка, ты? Нет? А кто? Анна Ивановна? Кто вы такая? Ну, все

равно. Есть у вас, Анна Ивановна, ножи и вилки? Давайте, везите в „Бродячую собаку“. Сегодня — футуристы! Что? Ничего не понимаете? Не надо. До свиданья, Анна Ивановна. Дайте номер... — говорит Пронин. — Кто? Валентина Ходасевич? Прекрасная женщина, приезжайте с супругом Андреем Романычем в „Собаку“ к футуристам. Да. Будут: Григорьевы, Судейкины, Цибульские, Прокофьевы, Шаляпины и вообще масса бурлюков. До свидания. Дайте номер...»

В «Собаке» мирно уживались и акмеисты, и футуристы, и прочие «беспартийные» поэты. Хлебников стал завсегдатаем этого подвала осенью и зимой 1913/14 года. В его жизни с «Собакой» связано несколько чрезвычайно важных эпизодов.

У публики название «футуристы» теперь уже прочно ассоциировалось со скандалом. Им приписывали все инциденты, независимо от того, были они там замешаны или нет. Так произошло в ноябре 1913 года, когда в «Бродячей собаке» чествовали Константина Бальмонта. После подобающих случаю речей Пронина, Сологуба, Городецкого, Кульбина и других к Бальмонту подошел сын пушкиниста Морозова, плеснул в Бальмонта вином, а потом дал ему пощечину и сбил пенсне. На молодого человека накинулись, повалили и избили его, дамы попадали в обморок. В результате газеты обвинили во всем футуристов. Маяковский через несколько дней читал доклад, и ему пришлось оправдываться, отбиваться от обвинений и доказывать, что футуристы не имеют никакого отношения к хулиганской выходке Морозова. Но на этом инцидент не был исчерпан. Группа литераторов и актеров подписала письмо с выражением негодования Обществу интимного театра (то есть Пронину, Городецкому и Кульбину), не сумевшему оградить юбиляра от оскорблений. Письмо было написано по инициативе Ф. Сологуба, и Городецкий вызвал Сологуба на третейский

суд. Хлебников, хотя и присутствовал в тот вечер в «Собаке», письмо не подписал. Этот эпизод отразился в его поэме «Жуть лесная», посвященной «собачьей» жизни:

Пронес бы Пушкин сам глаз темных мглу,
Занявши в «Собаке» подоконник,
Узрел бы он: седой поклонник
Лежит ребенком на полу.
А над врагом, грозя уже трехногим стулом,
С своей ухваткой молодецкой,
Отец «Перуна», Городецкий,
Дает леща щекам сутулым.

Сам Хлебников тоже не раз оказывался «героем» скандалов. Несмотря на тихий голос и застенчивость, характер у него был неуживчивый и крутой. В конце ноября в «Собаке» состоялся «вечер поэтов», где выступали акмеисты: Ахматова, Гумилёв, Городецкий, Мандельштам и другие. Со многими Хлебников был знаком еще по «башне» Вячеслава Иванова и сохранял хорошие, дружеские отношения. Сначала Хлебников мирно слушал, как Гумилёв рассказывал про свои африканские путешествия. Он говорил, что в Абиссинии кошки никогда не мурлычат и что у него кошка замурлыкала только через час после того, как он ее нежно гладил; сбежались абиссинцы и смотрели на удивительное дело: неслыханные звуки. После выступления заявленных в программе поэтов Хлебников тоже прочитал свои стихи.

Тогда атмосфера в обществе была наэлектризована процессом по делу Бейлиса: в Киеве в 1911 году был убит мальчик Андрюша Ющинский. В убийстве обвинили

приказчика-еврея Менделя Бейлиса. Предполагалось, что это ритуальное убийство (использование христианской крови в сакральных целях). То, что дело против Бейлиса сфабриковано, стало ясно уже на предварительном следствии, однако процесс тянулся до октября 1913 года и закончился оправданием Бейлиса «за недоказанностью обвинения». Большую роль в разоблачении сфабрикованного Министерством юстиции «Дела Бейлиса» сыграл В. Г. Короленко. Противоположную позицию занимал тогда В. В. Розанов. При том, что имена футуристов прочно ассоциировались со скандалом, даже в хлебниковском «бобэоби» видели анаграмму слова Бейлис. На том памятном вечере Хлебников, вероятно, неосторожно высказался на эту тему, Осип Мандельштам принял это на свой счет. Как записывает Хлебников в дневнике, «Мандельштам заявил, что это относится к нему (выдумка) и что незнаком (скатертью дорога)». Мандельштам вызвал Хлебникова на дуэль: «Я как еврей и русский поэт, считаю себя оскорбленным и вас вызываю...»

Секундантами были назначены молодой филолог Виктор Шкловский и художник Павел Филонов. Однако секунданты сделали все, чтобы предотвратить дуэль и помирить соперников, и им это удалось. Возможно, и тому и другому удалось сыграть на честолюбии Хлебникова. В пересказе Хлебникова его мысль выглядит так: «Я не могу вас убить на дуэли, убили Пушкина, убили Лермонтова, скажут, в России обычай...» Филонов же «изрекал мрачные намеки, отталкивающие грубостью и прямоотой мысли».

Инцидент остался без последствий. Более того, Мандельштам и Хлебников остались друзьями, позже в Москве, уже при советской власти, Мандельштам, сам не очень сведущий в бытовых делах, пытался помочь Хлебникову получить комнату, но из этого ничего не вышло. Мандельштаму принадлежат многие

проницательные суждения о Хлебникове. Он называет Хлебникова визионером, говорит, что «Хлебников возится со словами, как крот, он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие». Чтение Хлебникова, говорит Мандельштам, может сравниться с величественным и поучительным зрелищем: «...так мог бы и должен был бы развиваться язык-праведник, не обремененный и не оскверненный историческими невзгодами и насилиями». ^[66]

Хлебников же в «Бродячей собаке» удивил Мандельштама еще и тем, что в запальчивости крикнул: «А Мандельштама надо отправить к дяде в Ригу!» Как ни странно, у Мандельштама действительно в Риге жил дядя, о чем Хлебников, конечно, знать не мог. Хлебников и дальше любил подшучивать над Мандельштамом. В «Собаке» он придумал ему прозвище «мраморная муха», ^[67] и это прозвище прочно пристало к Мандельштаму.

С «Бродячей собакой» связаны и новые любовные увлечения Хлебникова. Влюблялся он очень часто, но выражал эти чувства своеобразно. В «Собаке» Лившиц познакомил его с ученицей театральной студии Лелей Скалон, которая сразу очаровала Хлебникова. Лившиц посоветовал Хлебникову пригласить Лелю и ее подругу Лилю Ильяшенко в «Бродячую собаку», но для этого надо было найти деньги, которых ни у Лившица, ни у Хлебникова не было. Лившиц рассказывает:

«Так как он продолжал настаивать, не считаясь ни с чем, я предложил ему отправиться в ломбард с моим макинтошем и цилиндром и взять под них хоть какую-нибудь ссуду.

Через час он вернулся в полном унынии: за вещи давали так мало, что он не счел нужным оставлять их в закладе.

Мы мрачно молчали, стараясь найти выход из тупика.

Вдруг лицо Велимира прояснилось.

— А не взять ли нам денег у Гумилёва?

— У Гумилёва? Но почему же у него?

— Потому, что он в них не стеснен, и потому, что он наш противник.

— Неудобно обращаться к человеку, который после нашего манифеста еле протягивает нам руку.

— Пустяки! Я сначала выложу ему все, что думаю о его стихах, а потом потребую денег. Он даст. Я сейчас еду в Царское, а вы на сегодня же пригласите Лелю и Лилю в „Собаку“.

Он исчез, надев для большей торжественности мой злополучный цилиндр.

К вечеру он возвратился, видимо, довольный исходом поездки. Выполнил ли он в точности свое намерение или нет, об этом могла бы рассказать одна Ахматова, присутствовавшая при его разговоре с Гумилёвым, но деньги он привез.

В „Бродячей собаке“ мы заказали столик в глубине зала. Велимир не спускал глаз с хорошенькой студийки, сидевшей напротив него, и лишь время от времени беззвучно шевелил губами. На мою долю выпало развлекать беседой обеих подруг, что вовсе не входило в мои планы, так как девиц я пригласил только по настоянию Хлебникова. Кроме того, не мешало позаботиться и об ужине, а Велимир еще ничего не предпринял для этого.

Мне удалось шепнуть ему несколько слов. Он кинулся в буфет. Через минуту на столе высилась гора бутербродов, заслонившая от нас наших визави: Хлебников скупил все бутерброды, бывшие на стойке, но не догадался оставить хоть немного денег на фрукты и на чай, не говоря уже о вине.

Осмелев за своим прикрытием, он наконец решил разомкнуть уста. Нехитрая механика занимательной болтовни была для него китайской грамотой. Верный самому себе и совсем иначе понимая свою задачу, он произнес монолог, в котором все слова были одного корня. Корнесловя, он славословил предмет своей любви, и это звучало приблизительно так:

О скал
Оскал
Скал он
Скалон.

Он не окончил своего речетворческого гимна, так как обе девушки прыснули со смеху. Хлебников был для них только полусумасшедшим чудаком.

Почти не притронувшись к угощению, ради которого Велимир ездил в Царское Село и препирался с Гумилёвым о судьбах русской литературы, Ильяшенко и Скалон поспешили удалиться из „Собаки“, не пожелав использовать нас даже в качестве провожатых.

Я уплетал бутерброды, глядя на Хлебникова, угрюмо насупившегося в углу. Он был безутешен и, вероятно, еще не понимал причины своего поражения».

Впрочем, это было далеко не единственное приключение Хлебникова подобного рода. Бенедикт Лившиц оказался свидетелем еще одного порыва страсти Хлебникова. В эти годы «салон», где собирались футуристы, стала квартира художника Ивана Пуни и его жены Оксаны Богуславской. Незадолго перед этим супруги Пуни вернулись из Парижа и перенесли в свою мансарду на углу Гатчинской улицы и Большого проспекта

«жизнерадостный и вольный дух Монмартра». У Пуни бывали и кубофутуристы — Бурлюк, Маяковский, Матюшин, — и эгофутуристы. Тогда как раз был недолгий период сближения кубофутуристов с эгофутуристом Игорем Северяниным, их идейным противником. Плодом их совместных усилий стал сборник «Рыкающий Парнас», сразу после выхода конфискованный «за порнографию». Манифест к «Рыкающему Парнасу», озаглавленный «Идите к черту», сочинялся на квартире у Пуни. Хлебников, страстно увлекавшийся славянским фольклором, бытом различных славянских народностей, с увлечением слушал рассказы Ксаны Пуни о горной Гуцулии. Из рассказов Ксаны в стихах Хлебникова появляется зловещий образ Мавы — спереди это прекрасная девушка, а сзади у Мавы нет кожи и видны перевитые кишки. В Ксану Пуни были влюблены все футуристы, в том числе и Хлебников. Хлебников возомнил Лившица своим соперником, потому что Ксана подарила Лившицу черное жабо, в котором тот и ходил к ним в гости, а также в «Собаку» и вообще всюду. Лившиц вспоминает:

«Хлебников с яростью поглядывал на мое жабо, но я не понимал смысла его гневных взоров.

Однажды мы сошлись втроем у Пуни: он, Коля Бурлюк и я. Между тем как я, сидя на диване рядом с Ксаной, мирно беседовал с нею, Хлебников, стоящий в другом конце комнаты, взяв с рабочего стола хозяина скоблилку большого размера, начал перекидывать ее с ладони на ладонь.

Затем, неожиданно обратившись ко мне, произнес:
— А что, если я вас зарежу?

Не успел я сообразить, шутит ли он или угрожает мне всерьез, как к нему подскочил Бурлюк и выхватил у него скоблилку.

Наступила тягостная пауза. Никто не решался первым нарушить молчание.

Вдруг так же внезапно, как он произнес свою фразу, Хлебников устремился к мольберту с натянутым на подрамник холстом и, вооружившись кистью, с быстротой престиджитатора принялся набрасывать портрет Ксаны. Он прыгал вокруг треножника, исполняя какой-то заклинательный танец, мешая краски и нанося их с такой силой на полотно, словно в руке у него был резец.

Между Ксаной трех измерений, сидевшей рядом со мной, и ее плоскостным изображением, рождавшимся там, у окна, незримо присутствовала Ксана хлебниковского видения, которую он пытался овладеть на наших глазах. Он раздувал ноздри, порывисто дышал, борясь с ему одному представшим призраком, подчиняя его своей воле, каждым мазком закрепляя свое господство над ним.

Наконец Велимир, отшвырнув кисть, в изнеможении опустился на стул.

Мы подошли к мольберту, как подходят к только что отпертой двери.

На нас глядело лицо, довольно похожее на лицо Ксаны. Манерой письма портрет отдаленно напоминал — *toutes proportions gardees* — Ренуара, но отсутствие „волюмов“ — результат неопытности художника, а может быть, только его чрезмерной поспешности, — уплощая черты, придавало им бесстыдную обнаженность. Забывая о технике, в узком смысле слова, я видел перед собой ипостазированный образ хлебниковской страсти.

Сам Велимир, вероятно, уже понимал это и, как бы прикрывая внезапную наготу, прежде чем мы успели опомниться, черной краской густо замазал холст.

Потом, круто повернувшись, вышел из комнаты».

В «Бродячей собаке» на самом деле случались не только скандалы. Там шла очень серьезная работа. Тогда же, в конце 1913 года, в «Собаке» молодой

филолог Виктор Шкловский читал доклад «Место футуризма в истории языка». Это было его первое выступление и практически первый серьезный разговор о футуризме и о зауми. Шкловский показал, что заумь, заумный язык на самом деле достаточно распространены в культуре. Можно назвать заговоры и заклинания, где, как правило, используются непонятные слова, детский фольклор, различные считалки и прибаутки, наконец, явление глоссолалии, то есть «говорение на языках», распространенное у сектантов. Шкловский говорил, что задача футуризма — воскрешение вещей, возвращение человеку переживания мира. Народу на лекцию пришло мало. Оппонентом Шкловскому выступил поэт, переводчик, ученый-ассириолог Владимир Шилейко, сравнивший футуризм с чернокнижными операциями.

Несмотря на отповедь Шилейко, футуризм все больше интересует филологов. Одним из тех, кто, как и Шкловский, заинтересовался деятельностью Хлебникова, был московский лингвист Роман Jakobson. Jakobson приехал в Петербург и разыскал Хлебникова. «Тридцатого декабря 1913 года, — вспоминает Jakobson, — я с утра заявился к нему и принес с собой для него специально заготовленное собрание выписок, сделанных мною в библиотеке Румянцевского музея из разных сборников заклинаний, заумных и полузаумных».^[68] Эти выписки оказались очень важны для Хлебникова, он их практически сразу же использовал в своей поэзии. В его стихотворении «Ночь в Галиции» русалки «держат в руке учебник Сахарова и поют по нему». Они поют у Хлебникова:

Руахадо, рындо, рындо.
Шоно, шоно, шоно.
Пинцо, пинцо, пинцо.

Пац, пац, пац.

.....

Между вишен и черешен
Наш мелькает образ грешен.
Иногда глаза проколет
Нам рыбачья острога,
А ручей несет и холит,
И несет сквозь берега.
Пускай к пню тому прильнула
Туша белая овцы
И к свирели протянула
Обнаженные резцы.
Руахадо, рындо, рындо.
Шоно, шоно, шоно.
Пинцо, пинцо, пинцо.
Пац, пац, пац.

Первые и последние строки — почти точная цитата из чародейской песни русалок, помещенной в книге И. П. Сахарова «Сказания русского народа», которую принес ему Якобсон.

«Между тем, — продолжает Якобсон, — вошел Крученых. Он принес из типографии первые, только что отпечатанные экземпляры „Рява!“ („Ряв!“ — первый сборник произведений Хлебникова, изданный при помощи Крученых). Автор вручил мне один из них, надписав: „В. Хлебников. Установившему родство с солнцевыми девами и Лысой горой Роману О. Якобсону в знак будущих Сеч“. Это относилось, объяснил он, и к словесным сечам бюджетлянским, и к кровавым боям ратным. Таково было его посвящение. На вопрос мой, поставленный напрямик, каких русских поэтов он любит, Хлебников отвечал: „Грибоедова и Алексея Толстого“. На вопрос о Тютчеве последовал хвалебный,

но без горячности, отзыв. Я спросил, был ли Хлебников живописцем, и он показал мне свои ранние дневники, примерно семилетней давности. Там были цветными карандашами нарисованы различные сигналы. „Опыты цветной речи“, — пояснил он мимоходом».

Хлебников и Якобсон пошли вместе встречать Новый год в «Бродячую собаку». Якобсон, московский житель, так описывает это пристанище петербургской богемы: «...было что-то петербургское, что-то немножко более манерное, немножко более отесанное, чуточку прилизанное. Я пошел вымыть руки, и тут же молодой человек заговаривает с фатовой предупредительностью: „Не хотите ли припудриться?“ А у него книжечка с отрывными пудренными листками. „Знаете, жарко ведь, неприятно, когда рожа лоснится. Возьмите, попробуйте!“ И все мы для смеху попудрились книжными страничками... Подошла к нам молодая, элегантная дама и спросила: „Виктор Владимирович, говорят про вас разное — одни, что вы гений, а другие, что безумец. Что же правда?“ Хлебников как-то прозрачно улыбнулся и тихо, одними губами, медленно ответил: „Думаю, ни то, ни другое“. Принесла его книжку, кажется, „Ряв!“, и попросила надписать. Он сразу посерьезнел, задумался и старательно начертал: „Не знаю кому, не знаю для чего“. Его очень зазывали выступить — всех зазывали. Он сперва отнекивался, но мы его уговорили, и он прочел „Кузнечика“, совсем тихо и в то же время очень слышно. Было очень тесно. Наседали и стены, и люди. Мы выпили несколько бутылок крепкого, слащавого барзака. Пришли мы туда очень рано, когда все еще было мало народу, а ушли оттуда под утро».

А через месяц после встречи Нового года в «Собаке» Хлебников крупно поссорился и с «собачьими» завсегдатаями, и со многими своими друзьями. Дело опять чуть не дошло до дуэли. Случилось следующее. В

конце января 1914 года в Россию по приглашению Н. Кульбина, Г. Тастевена и других приехал вождь итальянского футуризма Филиппо-Томмазо Маринетти. К тому времени у себя на родине Маринетти был достаточно известной фигурой. Он был знаменит своими футуристическими манифестами, своими романами, а кроме того, выставлял свою кандидатуру на выборах в парламент и получил там довольно много голосов. То, что итальянский футуризм возник раньше русского, было очевидно: уже в 1909 году в русской прессе появились отклики на футуристический манифест Маринетти, поэтому у Маринетти были некоторые основания относиться к поездке по России как к посещению своей провинции. «Апостол электрической религии, просветив свою родину и страны Западной Европы, является просвещать нас», — писали в газетах.

Специально к приезду Маринетти издали сборник манифестов итальянского футуризма в переводе В. Шершеневича. Далеко не все футуристы отнеслись к приезду «вождя» с должным пиететом. В Москве М. Ларионов заявил, что забросает этого ренегата тухлыми яйцами и обольет его кислым молоком. Подобным образом и Маяковский на одном из выступлений отрицал преемственность русского футуризма от итальянского. В это время Маяковский, Бурлюк и Каменский совершали турне по России, и им даже пришлось вернуться, чтобы принять участие в схватке с Маринетти. Как и предсказывал Ларионов, в Москве Маринетти приняли люди, ничего общего с футуризмом не имеющие. В Москве Маринетти прочел несколько лекций, причем футуристы на них демонстративно отсутствовали. Лекции Маринетти были совсем не похожи на скандальные выступления русских футуристов. Публика шумно выражала свой восторг. В свою очередь и Маринетти был очарован Россией. «Это

страна футуризма, — с восторгом говорил он. — Здесь нет ужасного гнета прошлого, под которым задыхаются страны Европы».

После Москвы Маринетти отбыл в Петербург. Там накануне Кульбин созвал у себя дома собрание, с тем чтобы выработать единое отношение к гостю и не допустить, чтобы он, как в Москве, читал в чуждой ему аудитории. Все были согласны оказать гостю сердечный прием. Против выступили только Хлебников и Лившиц. Оба они полагали, что русский футуризм вовсе не является ответвлением западного, а совершенно независим от него, и что русские футуристы во многом опередили французов и итальянцев. Кульбин пытался уговорить их, напирал на то, что петербуржцы — не москвичи, что надо показать себя настоящими европейцами, но тщетно. Хлебников и Лившиц решили действовать.

Выступление гостя должно было состояться на следующий день в зале Калашниковой биржи. Хлебников и Лившиц составили воззвание, и Хлебников повез его в типографию. С Лившицем они договорились встретиться уже в зале, чтобы распространить свою листовку. Начала собираться публика. Лившиц стоял у дверей и караулил Хлебникова. Кульбин, который каким-то образом узнал, что они замыслили, тоже встал у дверей. Наконец, за несколько минут до начала лекции, в зал вбежал Хлебников. Он быстро сунул половину листовок Лившицу, и они принялись обходить ряды, вручая свои листовки. Лившиц увидел, что в печатном тексте Хлебников смягчил некоторые выражения. Листовка гласила:

«Сегодня иные туземцы и итальянский поселок на Неве из личных соображений припадают к ногам Маринетти, предавая первый шаг русского искусства по пути свободы и чести, они склоняют благородную выю Азии под ярмо Европы.

Люди, не желающие хомута на шее, будут, как и в позорные дни Верхарна и Макса Линдера, спокойными созерцателями темного подвига.

Люди воли остались в стороне. Они помнят закон гостеприимства, но лук их натянут, а чело гневается. Чужеземец, помни страну, куда ты пришел!

Кружева холопства на баранах гостеприимства.

В. Хлебников. Б. Лившиц».

Не успел Лившиц раздать и десяти листовок, как к нему подскочил Кульбин, вырвал у него всю пачку и, яростно разрывая на части свою добычу, кинулся догонять Хлебникова. «В первый раз в жизни, — вспоминает Лившиц, — я видел Кульбина остервенелым: он не помнил себя и одним взором, казалось, был способен испепелить меня и Хлебникова. Что там произошло у них в другом конце зала, не знаю, но, когда Николай Иванович вернулся на эстраду, он производил впечатление человека, выпрыгнувшего из поезда на полном ходу». Хлебников разозлился не меньше, чем Кульбин, и вызвал того на дуэль, от которой Кульбин уклонился. Лекция началась, и Хлебников сразу ушел.

Взбешенный Хлебников написал открытое письмо (правда, не опубликовал его): «Бездарный болтун! В стороне скотский поступок врача Кульбина. Он, этот слабоумный безумец, этот верный Личарда, надеялся убежденной бранью искреннего дурака запачкать чье-то имя... Вы, приятель, опоздали приехать в Россию, вам нужно было приехать в 1814 году. Сто лет ошибки в рождении человека будущего. Бешеный бег жизни заключается не в том, чтобы французик из Бордо выскакивал каждое столетие. Итак, прибегая к языку, к которому прибег ваш раин Кульбин, вы подлец и негодяй. Так чувствует новейшего французика из Бордо Будетлянин. До свидания, овощ!» Кончалось письмо так: «С членами „Гилеи“ я отныне не имею ничего

общего». Хлебников демонстративно не присутствовал больше на лекциях Маринетти.

Лившиц оказался не таким принципиальным и, наоборот, поехал после лекции к Кульбину чувствовать Маринетти, был на всех последующих встречах и имел с Маринетти продолжительные беседы. Хлебников же, обидевшись на своих друзей, принял приглашение Корнея Чуковского погостить у него на даче в Куоккале. Они встретились на посмертной выставке художника Ционглинского и оттуда отправились на поезд. По дороге Хлебников не произнес ни слова. Потом, взяв у Чуковского каталог выставки, написал на обороте обложки: «Заявляю, что я больше к так называемым футуристам не принадлежу». Вручив этот документ Чуковскому, он опять погрузился в молчание. [\[69\]](#)

Чуковский был одним из первых критиков, кто всерьез заговорил о футуризме. В 1913 году Чуковский прочел несколько лекций о футуризме в Москве, в Петербурге и в других городах. К Хлебникову он относился с большим почтением, очень любил его «смехачей» и даже говорил, что за одну строчку: «О, иссмеяся рассмеяльно смех надсмейных смехачей» поставил бы ее автору памятник и на памятнике начертал бы: «Виктору Хлебникову. Первому освободителю стиха».

Лекции Чуковского помогали публике лучше разобраться в футуризме и понять, «кто есть кто», отличить кубофутуристов от эгофутуристов. На одном из докладов Чуковский, встретившись в зале с Хлебниковым, обратился к нему с предложением издать книгу. Стоявший рядом М. Матюшин рассказывает: «... одинаково большого роста, они стояли близко друг к другу. Две головы — одна с вопросом, другая с нежеланием понимать и говорить. Чуковский повторил вопрос. Хлебников, не уклоняясь от его головы и смотря

прямо ему в глаза, беззвучно шевелил губами, как бы шепча что-то в ответ. Это продолжалось минут пять, и я видел, как Чуковский, смущенный, уходил от вылупленных на него глаз Хлебникова, под непонятный шепот его рта. Никогда я не видел более странного объяснения», [\[70\]](#) — заключает Матюшин.

Дача Чуковского в Куоккале под Петербургом становится еще одним постоянным местом встречи литературной, художественной, артистической богемы.

Незадолго до того, как произошел инцидент в зале Калашниковой биржи, футуристы устроили еще одну акцию в Петербурге, где Хлебников, впрочем, почти не участвовал. В декабре 1913 года, как было задумано еще летом, состоялись две постановки театра «Будетлянин». Снят был театр на Офицерской улице (бывший В. Ф. Комиссаржевской). Там 2 и 4 декабря шла трагедия «Владимир Маяковский» с декорациями П. Филонова и И. Школьника, а 3 и 5 декабря — опера «Победа над Солнцем» на музыку М. Матюшина; либретто написал А. Крученых, пролог «Чернотворские весточки» — Хлебников; оформлял спектакль К. Малевич.

Постановки получились даже более скандальными, чем поэтические вечера и художественные выставки. Публика была подогрета еще во время репетиций. Профессиональные актеры отказались играть, пришлось набирать студентов. Маяковский сам исполнил главную роль в своей трагедии; Крученых также участвовал в постановке и прочел пролог Хлебникова. Большую выдумку проявил Малевич: чтобы сделать громадными «будетлянских» силачей, он придумал им очень высокие плечи (на высоте рта), головы же в виде шлема соорудил из картона — получилось впечатление двух гигантских человеческих фигур. Еще один интересный прием — бумажный

занавес, который не раздвигали, а разрывали «бюджетлянские» силачи.

И на том и на другом спектакле основная масса зрителей свистела и скандалила. Во время представления трагедии из зала слышались реплики: «Маяковский идиот, дурак, сумасшедший!» Когда по ходу действия Маяковский взял в руки чемодан и собрался уходить, раздался оглушительный вопль: «Держи его, отдайте деньги, мошенники!» В ответ на все эти крики со сцены несколько раз довольно внятно отвечали: «Сами дураки».^[71]

На постановке оперы тоже истерическим смехом встречали каждую фразу. Публика неистовствовала, но, конечно, не от восторга. Вывели нескольких лиц, которые криками мешали слушать. Зрители хохотали, визжали, свистели, переговаривались со сценой, возмущались и все-таки досидели до конца. Так что газетчикам была дана богатая пища, причем обсуждали они не только спектакли, не только игру актеров, но и поведение публики. Они, как утверждали многие, разыгрывали свой спектакль, не менее интересный, и неизвестно, кто за кем наблюдал: зрители за актерами или наоборот.

В целом отрицательные рецензии преобладали, и лишь в некоторых было сказано, что спектакли футуристов возрождают балаган, одну из самых древних форм театра; что в этих спектаклях собраны все театральные выдумки и находки последних лет и что постановки футуристического театра сродни мейерхольдовским постановкам «Балаганчика» в театре Комиссаржевской и «Дон Жуана» в Александринском.

Скандальность футуристических спектаклей напугала председателя «Союза молодежи» Жевержеева, субсидировавшего постановки, и блок «Гилеи» с «Союзом молодежи» распался.

Теперь футуристы стали искать себе новых союзников и нашли их в других футуристических группировках, размножившихся в Москве и Петербурге. Особенно активна была группа эгофутуристов, поссорившаяся со своим лидером Игорем Северяниным. Вел активную борьбу и «Мезонин поэзии», куда входили Вадим Шершеневич, Константин Большаков, Рюрик Ивнев и другие, а в самом начале 1914 года в Москве возникла группа «Центрифуга», членами которой стали Борис Пастернак, Сергей Бобров и Николай Асеев. «Гилея» пыталась сотрудничать то с эгофутуристами, то с «Мезонином поэзии». Совместно с «Мезонином» и Северяниным решили делать «Первый журнал русских футуристов». В редколлегия вошли: от «Гилеи» — Маяковский, Бурлюк и Каменский, от «Мезонина» — Большаков и Шершеневич. Главным редактором выбрали Василия Каменского как самого веселого и безобидного. Решено было стихи печатать в порядке жребия. Написали фамилии, положили бумажки в шляпу. Тянул Маяковский. В результате ему самому досталось последнее место, первое — Лившицу.

Таким образом хотели ликвидировать отдельные издательства и сделать один общий журнал, заменить винтовки пушкой. Но затея едва ли не провалилась. Вышел всего один номер журнала, да еще совместными усилиями переиздали сборник «Дохлая луна».

Во многом неудаче с совместным изданием «помог» Хлебников. Он написал открытое письмо и направил его в редакцию «Первого журнала». В письме говорилось: «Давид и Николай Бурлюки продолжают печатать подписанные моим именем вещи, никуда не годные, и вдобавок тщательно перевирая их. Завладев путем хитрости старым бумажным хламом, предназначавшимся отнюдь не для печати, Бурлюки выдают его за творчество, моего разрешения не спрашивая. Почерк не дает права подписи. На тот

случай, если издатели и впредь будут вольно обращаться с моей подписью, я напоминаю им о скамье подсудимых...» Это письмо было написано как раз после инцидента с приездом Маринетти, когда Хлебников обиделся на всех своих соратников. В результате в «Первом журнале» было опубликовано всего несколько стихотворений Хлебникова и несколько маленьких прозаических произведений.

В этом «открытом письме» Хлебников протестует и против издания первого тома собрания своих сочинений. Конечно, Бурлюк не всегда внимательно читал рукописи, однако то, что он предпринял в 1914 году, заслуживает уважения. В феврале вышли «Творения» Хлебникова (том I). Впервые его творчество было представлено с такой полнотой. Сто страниц текста; «словотворческие» и другие стихотворения, поэмы и пьесы, рассказ. Восторженные предисловия написали Д. Бурлюк и В. Каменский.

Каменский пропел настоящий дифирамб Хлебникову: «Журчей с горы Русской поэзии. И как журчей он стремист в своем зачарованном беге и в каждом отдельном движении его победа и строгая мудрость завершения. Каждые два-три слова его, взятые случайно, — поэма, мысль, красота, самоцельность... Хлебников — это примечательнейшая личность, доходящая в своем скромном, каком-то нездешнем уединении до легендарной святости, своей гениальной непосредственностью сумел так просто, так убедительно строго пересказать всю русскую поэзию во имя современного искусства. Хлебников походит на астраханского ушкуйника с всегда согнутой спиной, на которой гаманей с самоцветными редкой красоты камнями; с всегда затаенной тихой улыбкой татарина, чующего за Каспием-океаном краски персидских ковров в гаремах; и с русской, до глубины глубин русской душой баяна из Великого Новгорода,

чьи песни с озера Грустин семицветной радугой перекинулись в Великую Современность. Гений Хлебникова настолько безбрежен в своем разливе словоокеана, что нам, стоящим у берега его творчества, вполне достаточно и тех прибойных волн, которые заставляют нас преклониться перед раскинутым величием словопостижения».

Бурлюк вторил Каменскому: «Действительно Хлебников указал новые пути поэтического творчества! Безусловно! Хлебниковым созданы вещи, подобных которым не писал до него ни в русской, ни в мировых литературах никто».

Бурлюку было очень обидно за такой хлебниковский выпад против него. Весь 1913 год он потратил на переписывание тех рукописей Хлебникова, которые оставались в Чернянке. Сам Хлебников иногда был небрежен с ними. Так, однажды, уезжая из Херсона, он отправил корзину своих рукописей багажом в Казань, а сам не поехал. «Зачем же, Витя, ты это сделал?» — спросил Бурлюк. «Гм-гм... думал, что поеду... в Казань...» Корзина эта, естественно, пропала. Бурлюк не мог давать Хлебникову корректуру, так как тот начинал поверх корректуры писать практически новый текст. Кроме того, у него постоянно не было денег, но платить ему гонорар было невозможно, так как тратил он тоже, по мнению друзей, неразумно. Однажды, видя, что Хлебников голоден уже несколько дней и одет кое-как, друзья собрали ему денег на еду и на экипировку. Хлебников пошел в магазин и купил дорогой портсигар. На еду и одежду денег не осталось. Друзья заботились о нем по мере возможности, но Хлебников чаще всего поступал по-своему. Как в жизни, так и в литературе он был, как говорит Бурлюк, «величаво лохмат от природы», его никто не мог «причесать».

Если издательская деятельность Бурлюка вызывала у Хлебникова сильнейшее неприятие, то к другим своим

друзьям-издателям он относился совсем иначе. Более того, он допускал и дружескую редактуру, и даже соавторство. «Алексей Елисеевич! — писал он к Крученых. — Если это не противоречит издательству „Журавль“ (М. В. Матюшин) (спросите его), то издайте, как вы хотели раньше, ради рисунков Филонова и его выхода в свет как книгописца, „Девий бог“ или „Дети Выдры“. При этом он и Вы тоже имеете право изменять текст по вкусу, сокращая, изменяя, давая силу бесцветным местам. Настаиваю. Посмотрим, что из этого выйдет».^[72]

Результатом Хлебников остался доволен: практически одновременно с первым томом «Творений» в Петербурге вышел «Изборник стихов» Хлебникова с иллюстрациями Филонова. После этого Хлебников написал Матюшину: «Получил Изборник. Кланяйтесь Филонову. Спасибо за хорошие рисунки». Филонов иллюстрировал стихотворения «Перуну» и «Ночь в Галиции», причем не только иллюстрировал, но и сам написал на литографическом камне текст, который тоже стал своеобразной «иллюстрацией». Например, в слове «гадюка» заглавное «г» изогнулось, как змея, а в слове «шиповник» «к» превратилось в куст с шипами и цветками.

У Филонова, как и у Хлебникова, был достаточно сложный, неуживчивый характер, но именно с Хлебниковым Филонов сблизился и подружился в эти годы. Не без влияния Хлебникова написан сборник литературных произведений Филонова «Пропевень о проросли мировой». Это было уже в 1915 году, и Хлебников сказал: «От Филонова, как писателя, я жду хороших вещей; и в этой книге есть строчки, которые относятся к лучшему, что написано о войне».

К весне 1914 года Хлебников поссорился со многими друзьями и несколько разочаровался в них, да и в

футуризме тоже.

Он пытается найти себе союзников в рядах акмеистов и символистов. Еще в октябре 1911 года в Петербурге возник Цех поэтов, куда вошли многие «башенные» знакомые Хлебникова: Ахматова, Гумилёв, Мандельштам, Городецкий и другие. В недрах Цеха вызревала программа акмеизма. Акмеисты (от греческого акмэ — острие, вершина) противопоставили себя символизму. В манифесте «Наследие символизма и акмеизм» Николай Гумилёв писал: «Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа». Словно бы от имени символистов Гумилёв спрашивает, как относятся к проблеме непознаваемого представители нового течения, и сам же отвечает: «Первое, что на такой допрос может ответить акмеизм, будет указанием на то, что непознаваемое по самому смыслу этого слова нельзя познать. Второе — что все попытки в этом направлении — нецеломудренны. Вся красота, все священное значение звезд в том, что они бесконечно далеки от земли и ни с какими успехами авиации не станут ближе... Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками — вот принцип акмеизма».

Отмежевавшись, таким образом, от символизма, Гумилёв поясняет далее, чего же добивается новое направление и кого считает своими авторитетами. «Всякое направление испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего. В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из них — краеугольный камень в

здании акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии.

Шекспир показал нам внутренний мир человека, Рабле — тело и его радости, мудрую физиологичность. Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, и Бога, и порок, и смерть, и бессмертие; Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента — вот та мечта, которая объединяет сейчас между собой людей, так смело назвавших себя акмеистами». Рупором акмеизма становится журнал «Гиперборей».

Если для символистов поэзия была таинством, божественным даром, то участники Цеха поэтов решили сделать ее ремеслом, подобно средневековым мастерзингерам. Синдиками, или старейшинами Цеха стали Гумилёв и Городецкий. Ахматова исполняла обязанности секретаря. На заседаниях Цеха адепты нового направления по очереди читали свои стихи, затем следовал разбор прочитанного, причем не дозволялось говорить «без придаточных предложений», свое мнение необходимо было мотивировать. В соответствии с указаниями синдиков поэты должны были работать над своими стихами. Еще совсем недавно на «башне» у Вячеслава Иванова Гумилёв и Городецкий сами находились на положении учеников, теперь же они — учителя, мэтры.

Деятельность Цеха ознаменовалась выходом нескольких поэтических сборников: первая книга стихов Анны Ахматовой «Вечер», сборник Елизаветы Кузьминой-Караваевой (в будущем — Мать Мария, участница Сопrotивления) «Скифские черепки», сборники «Дикая порфира» Михаила Зенкевича и «Аллилуйя» Владимира Нарбута — таким плодотворным был 1912 год. Несмотря на авторитарный стиль

руководства, несмотря на излишний, подчеркнутый эстетизм, Цех поэтов вызывал у Хлебникова гораздо больше симпатии, чем многие футуристические группировки. Его привлекало серьезное отношение к поэтическому труду, обновление поэтического языка и поэтической техники, обновление поэтических тем.

В манифестах и Гумилёв, и Городецкий провозглашали тотальное обновление всего арсенала поэтических средств, не случайно еще одним названием всего движения становится «адамизм» — от ветхозаветного Адама, дающего имена всем живым существам на Земле. «Лишь девственные наименованья / Поэтам разрешаются отсель», — говорит Гумилёв в стихах. «Как адамисты, мы немного лесные звери», — заявляет он в уже цитированном манифесте. Этот пафос был чрезвычайно близок Хлебникову и его ближайшим соратникам. Алексей Крученых, совершенно независимо от Гумилёва, сравнивает поэта с Адамом. «Слова умирают, мир вечно юн, — провозглашает он в „Декларации слова как такового“ (написана совместно с Н. Кульбиным). — Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия, захватанное и изнасилованное. Поэтому я называю лилию еуы — первоначальная чистота восстановлена».

[73]

В феврале 1913 года, то есть в самый разгар футуристических баталий, Хлебников и Николай Бурлюк кооптировались в члены Цеха поэтов, а в январе 1914-го на заседании Цеха Хлебников прочел «стихотворение, состоящее из одних знаков препинания». В поисках новой выразительности многие поэты в эти годы обращаются к другим — помимо традиционного алфавита — знаковым системам. Поэт-эгофутурист Иван Игнатъев пытался вводить в стихи математические

символы, экспериментировал с книжной страницей. Его «Opus: — 45» был сделан в виде небольшого кроссворда. Автор предуведомлял, что «„Opus: — 45“ написан исключительно для взирания, слушать и говорить его нельзя». В этой же книге в траурной черной рамке было напечатано: «Ввиду технической импотенции — opus И. В. Игнатьева „Лазоревый логарифм“ не может быть выполнен типо-литографским способом». Еще одну знаковую систему вводит в поэзию В. Гнедов. Вот как описывает его знаменитую «Поэму конца» Владимир Пяст: «Слов она не имела и вся состояла только из одного жеста руки, быстро поднимаемой перед волосами и резко опускаемой вниз, а затем вправо вбок. Этот жест, нечто вроде крюка, и был всею поэмой». [\[74\]](#)

Через несколько месяцев после выступления в Цехе поэтов Хлебников послал своей знакомой Н. Николаевой открытку, состоящую из знаков препинания. Тем временем заседания Цеха поэтов проходили все реже, а в апреле 1914 года синдики Гумилёв и Городецкий поссорились. Было ясно, что Цех исчерпал себя.

Не дожидаясь конца сезона, Хлебников уезжает в Москву («в Москве 10 дней — отдохну от скуки!» — пишет он), а оттуда к родным в Астрахань. Разочарование и усталость испытывает не только Хлебников. Добившись шумного успеха, скандальной славы, выпустив больше десятка книг, осуществив театральные постановки, футуристы чувствуют, что их историческая миссия выполнена. Надо или искать новые формы, или эксплуатировать старое, но это уже будет не футуризм. Дальше каждый из поэтов пошел своим путем.

Окончание периода «бури и натиска» было связано, кроме того, с тем, что в 1913–1914 годах добровольно ушли из жизни несколько поэтов-футуристов. Еще в

1912 году в работе «Учитель и ученик» Хлебников, говоря о том, что русские писатели в своих книгах проповедуют смерть, восклицал: «Я не хочу, чтобы русское искусство шло впереди толп самоубийц!» В январе 1914 года покончил с собой, перерезав себе горло бритвой, глава эгофутуристов Иван Игнатъев. Ему шел 22-й год. Всех потрясло, что он сделал это в день своей свадьбы. В предсмертном стихотворении Игнатъев, позабыв про «лазоревые логарифмы», пишет:

Я в этом саване прощальном
Целую Лица Небылиц
И ухожу дорогой Дальней
Туда к Границе без Границ.

Хлебников отозвался на его гибель четверостишием:

И на путь меж звезд морозный
Полечу я не с молитвой,
Полечу я мертвый, грозный,
С окровавленной бритвой.

«Есть скрипки трепетного, еще юношеского, горла и холодной бритвы, есть роскошная живопись своей почерневшей кровью по белым цветам. Один мой знакомый — вы его помните — умер так; он думал как лев, а умер, как Львова», — пишет Хлебников в повести «Ка». Здесь он вспоминает еще одно самоубийство, случившееся за два месяца до этого и также потрясшее литературную общественность: в ноябре 1913 года

покончила с собой поэтесса Надежда Львова. Она принадлежала к группе футуристов «Мезонин поэзии», но большую известность эта гибель получила потому, что была связана с именем Валерия Брюсова. Игры с действительностью, символистское жизнестроительство привели к трагической развязке. В том же году застрелился молодой поэт Всеволод Князев. Он покончил с собой из-за любви к Ольге Судейкиной — как гласила молва, прямо у нее на пороге. Этот сюжет почти через тридцать лет станет основой «Поэмы без героя» Анны Ахматовой. Там Ахматова произносит свой приговор «поколению самоубийц».

Сколько гибелей шло к поэту,
Бедный мальчик, он выбрал эту. —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид.

Многие современники увидели здесь образ поэта Василия Комаровского, скончавшегося в состоянии жестокой душевной депрессии осенью 1914 года, вскоре после начала Первой мировой войны. Слова Ахматовой можно отнести еще к одному поэту: в 1914-м покончил с собой Богдан Гордеев, писавший под псевдонимом Божидар. Он принадлежал к младшим футуристам, к группам «Центрифуга» и «Лирень», был дружен с Хлебниковым. В 1916 году Хлебников включил Божидара в число составителей манифеста «Труба марсиан». Череда трагических смертей сопровождала постепенный спад футуристического движения.

В Москве Хлебников опять повидался с братом, и чуткий Шура Хлебников очень хорошо уловил его настроение. Чуть позже он пишет родителям: «Я никем не был „огорчен“, и меньше всего Витей. Я знаю, что все это объясняется плохим самочувствием, как духовным, так и физическим. Он к жизни был привязан одной футуристической идеей. Теперь, когда она блекнет и рвется, он должен себя чувствовать плохо». Шура не прав в одном: не только футуристическая идея привязывала Виктора к жизни, хотя, конечно, с футуризмом было связано для него очень многое. Тем не менее есть идеи, которые становятся для Хлебникова в последующие годы гораздо более важными. Футуризм же действительно отходит на второй план.

Глава четвертая

КОРОЛЬ ВРЕМЕНИ ВЕЛИМИР ПЕРВЫЙ

1915-1916

В расстроенных чувствах Хлебников приехал в Астрахань. Опять выяснения отношений с родителями, опять молчаливая борьба с астраханскими обывателями, с их «общественным мнением» и «хорошим вкусом», еще более косными, чем в столицах. Хлебников работает над «законами времени» и ждет какого-то коренного перелома в своей жизни.

Такое событие случится через год, правда, его никто, кроме самого поэта и его ближайшего окружения, не заметит. Пройдет год, и Хлебников будет избран Королем Времени. Сам он отнесется к этому избранию очень серьезно и будет стараться заботиться о своих добровольных подданных, жителях своего королевства.

Пока же до Астрахани доходят малоприятные столичные вести о футуристических скандалах, и местное общество прекрасно осведомлено о том, что глава футуристов — сын уважаемого астраханца. Газета «Астраханский вестник» называет футуристов «идиотичами» и «дураковичами». Нелегко было Владимиру Алексеевичу это читать. Надежды видеть Виктора ученым и помощником отцу окончательно потерпели крах. И все-таки родители, как обычно, счастливы были видеть сына живым и здоровым.

Хлебников остановился у родителей в доме Вихмана на Крестовоздвиженской улице. Квартира помещалась

на втором этаже. Вся обширная застекленная галерея была заставлена чучелами птиц и животных, обитателей понизового края. Здесь же стоял большой стол, за которым пили чай. За этим столом ночью работал Хлебников. Отец, еще в 1908 году оставивший государственную службу, вновь вынужден был работать, чтобы помочь уже взрослым детям. Вера и Александр продолжают учиться, Виктор, с точки зрения отца, неудачник, он не работает и не учится, и только старшая Катя стала зубным врачом, но и у нее жизнь складывается совсем не гладко. Она часто болеет, на операции нужны деньги, живет она вдали от родителей, то в Казани, то в Харькове. Только после революции, в начале 20-х годов, Катя переедет к родителям в Астрахань. После очередной доли мытарств (ее, больную, посылали работать в степь, где не было электричества и шнур бормашины приходилось вертеть рукой) в сентябре 1924 года она умрет на руках родителей, через два года после смерти Виктора.

В 1914 году Владимир Алексеевич служит заведующим частным лесопромышленным предприятием купца А. Губина. Одновременно он продолжает вести научно-исследовательскую работу. Как раз в 1914 году его избрали председателем Петровского общества исследователей Астраханского края. Владимир Алексеевич ведет борьбу за то, чтобы в дельте Волги был устроен заповедник. Его усилия успешно завершатся только после революции.

В этот раз Виктор сделал попытку сближения с отцом. В мае 1914 года он записывает в дневнике: «Я почувствовал ясную погоду сердца... впервые почувствовал жалость к отцу и встал на семейную точку зрения». Заметим сразу, что эта идиллия продолжалась недолго. Уже в августе он был родителями «изгнан». Но и сейчас Хлебников явно тяготится атмосферой родительского дома. Каменскому он пишет, что в

Астрахани их дом находится рядом с сыскным отделением, и сонмы полицейских часто проходят под его окнами. Забота родителей выражается в том, что домашние его никуда не выпускают, и он скучает в плену у родных и живет «в мешке четырех стен».

Ему казалось, что в Астрахани ему будет лучше думаться и писаться, но пока эти надежды не оправдываются. Уже давно, еще с тех пор как закончены «Дети Выдры», Хлебников испытывает творческий кризис. Он ничего не может писать.

И все же в Астрахани что-то случается. В июне он записывает в дневнике: «...перемена, тихая погода счастья». А еще через два дня следует необычная для Хлебникова запись: «Ум чудно работает, дает итоги». Чаще Хлебников критически относится к своему творчеству, недоволен написанным. Что же это за итоги, которым так радуется поэт? В его творчестве несколько раз, как он сам говорил, совершались перевороты «от слова к числу» и «от числа к слову». Интересно, что периоды «слова» связаны для поэта с хандрой, усталостью, разочарованием; периоды же, когда он активно занимается исследованием числовых закономерностей, всегда ощущаются им как периоды творческого подъема. Как раз в это время он начинает исследовать закономерности человеческих судеб. Ему годится любой материал: и жизнь Пушкина, и жизнь Гоголя, и жизнь Василия Каменского, и своя собственная.

Ему предстоит огромная и кропотливая работа, но работы Хлебников никогда не боялся, наоборот, она его радует. Каменскому, который незадолго до этого женился, Хлебников в качестве поздравления шлет «деловое предложение: записывай дни и часы чувств, как если бы они двигались, как звезды... Именно углы, повороты, точки вершин. А я построю уравнение!». У Хлебникова есть уже некоторые намеки на общий закон

(например, связь чувств с солнцестоянием летним и зимним). Теперь ему надо узнать, что относится к луне, а что к солнцу. Тогда можно будет построить звездные нравы.

Он собирается изучать «Труды и дни Пушкина» Лернера как человеческую жизнь, точно измеренную во времени. К концу жизни он построит «уравнение души Гоголя», «уравнение души Пушкина» и уравнение своей собственной жизни. Пафос этих вычислений ясен: с их помощью можно будет предвидеть разнообразные события. Очень скоро хлебниковские вычисления судеб наполняются новым смыслом: 19 июля начинается Первая мировая война. Теперь Хлебников пишет: «Я хотел найти оправдание смертям». Он хочет «поймать войну в мышеловку». Незадолго до смерти он написал:

Если я обращаю человечество в часы
И покажу, как стрелка столетия движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война, как ненужная ижица?

(«Если я обращаю человечество в часы...»)

Отныне это становится главной темой его творчества. Итогом размышлений этого лета стала книга «Битвы 1915–1917 гг.: Новое учение о войне». Она вышла в ноябре 1914 года в издательстве Матюшина «Журавль». Там Хлебников оперирует несколькими числами, играющими большую роль в природе и обществе и влияющими на человека. Главное из них — 365, число дней в году, второе важное число — 48, причем Хлебников сам признается, что не знает, откуда оно взялось, но то, что оно влияет на человека, Хлебников считает непреложным фактом. Третье число,

которое выводится из первых двух, — 317 ($317 = 365 - 48$). Это число Хлебников считает основным для войн. Он говорит, что битвы на море происходят через 317 лет или его кратные, при этом происходит смена господства на море разных народов. Хлебников приводит в пример около ста битв.

Другая закономерность: отдельная война есть уменьшенный в 365 вековой ряд соответствующих войн. Хлебников рассматривает Русско-японскую войну 1904–1905 годов и период покорения Сибири. Он сам понимал, что в его конкретных вычислениях могут быть ошибки, и одну такую ошибку ему пришлось признать довольно скоро: он предполагал, что 15 или 20 декабря произойдет крупное морское сражение, а его не было. Но Хлебников отнесся к этому достаточно спокойно, это не поколебало его уверенности в главной идее, идее повторяемости событий. В конце жизни он придет к другой закономерности. Друзья и тогда отнеслись к его пророчествам очень серьезно. Роман Якобсон писал Матюшину в январе 1915 года: «...ведь оправдалось предсказание. 20-го потопили немцы Formidable. От комментариев воздерживаюсь».

В Астрахани Хлебников в очередной раз влюбился, влюбился в ту самую Зинаиду Семеновну Хлебникову, жену Бориса Лаврентьевича, которую когда-то третировал своими экстравагантными выходками. Он спросил у Зинаиды Семеновны «право быть влюбленным в нее», она же в ответ рассмеялась и ответила, что если Виктор в нее влюбится, то она выйдет за него замуж. Вероятно, она понимала, что не очень рискует: не прошло и трех месяцев, как Хлебников уехал. Кроме того, в Москве у него завязался роман с Надеждой Николаевой, начинающей актрисой. Они познакомились в 1913 году. Из Астрахани летом 1914-го Хлебников едет погостить к Николаевой в Москву, но уже в августе возвращается обратно. В

августе он шлет ей письма и открытку с изображением котят и под одним котенком подписывает: «Velimir Хлебников». В качестве же любовного послания на обороте открытки прилагаются вопросительные и восклицательные знаки. Отношения с Н. Николаевой были достаточно серьезными, и в 1916 году Хлебников даже собирается на ней жениться. Он записывает в дневнике: «!?Николаева-Хлебникова?! да». Но в апреле 1916 года Хлебников был призван в армию, и женитьба отложилась на неопределенный срок.^[75] Николаевой поэт посвящает свои лирические шедевры:

Котенку шепчешь: «Не кусай».
Когда умру, тебе дам крылья.
Уста напишет Хокусай,
А брови — девушки Мурильо.

(«Котенку шепчешь: „Не кусай“....»)

Николаева увлекалась восточным искусством, друзья называли ее «гейша», поэтому образы Востока часто связываются у Хлебникова именно с ней.

Ни хрупкие тени Японии,
Ни вы, сладкозвучные Индии дщери,
Не могут звучать похороннее,
Чем речи последней вечери.
Пред смертью жизнь мелькает снова,
Но очень скоро и иначе.
И это правило — основа
Для пляски смерти и удачи.

(«Ни хрупкие тени Японии....»)

Изгнанный родителями, Хлебников возвращается в Петербург через Москву, где около десяти дней живет у Николаевой на даче в Петровско-Разумовском. В сентябре Хлебников в Петербурге.

Город сильно изменился с тех пор, как Хлебников последний раз здесь был, война чувствуется во всем. Началась мобилизация, и хотя Хлебникову она еще не грозит, многие его знакомые уже мобилизованы. Он сообщает Николаевой: «...на войне: 1) Василиск Гнедов, 2) Гумилёв, 3) Лившиц, 4) Якулов, ничего не знаю; „Бродячей собаки“ в живых нет. Знакомых почти не видел».^[76] Военной службы не избежал практически никто из друзей Хлебникова, он сам тоже испытал все тяготы солдатчины, но об этом позже. Пока же он поселился в ближайшем пригороде Петербурга Шувалове рядом с Крученых.

В Шувалове приближение войны еще не чувствовалось. В тишине и покое, в живописных местах — рядом красивые озера — Хлебников дописывал «Новое учение о войне». Оставшиеся пока не мобилизованными поэты и художники, в том числе Хлебников, не хотят оставаться в стороне. Одним из первых стал действовать Н. Кульбин. Сам военный врач, он организовал лазарет Общества деятелей искусства. Открывшаяся в ноябре «Бродячая собака» стала регулярно перечислять туда процент со своего сбора. Малевич, Маяковский, Ларионов и другие сотрудничают в издательстве «Сегодняшний лубок», делают плакаты и подписи на военную тему. Хлебников хочет издавать сборник в пользу раненых, спрашивает у Николаевой, участвовала ли она в сборах в «день войны». Даже такой далекий от общественной жизни человек, как Игорь Северянин, написал:

Друзья! Но если в час воинственный
Падет последний исполин,
Тогда ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!

С войной связан инцидент на вечере Маяковского в «Бродячей собаке», произошедший уже позже, в начале 1915 года. Маяковский прочел стихотворение «Вам»: «Вам, проживающим за оргией оргию, имеющим ванну и теплый клозет...» Посетители-фармацевты, естественно, приняли это на свой счет. Поднялся шум, дамы падали в обморок, мужчины угрожали, кто-то швырнул в Маяковского бутылкой. Вскоре после этого случая «Собаку» закрыли навсегда. Формальным поводом была «незаконная продажа вина».

Хлебников скучает у себя в Шувалове. Общение с Крученых былой радости ему не доставляет. Со старыми знакомыми видится редко. Николаевой он пишет: «...теперь я твердо знаю, что рядом со мной нет ни одного, могущего понять меня... что я буду дальше делать — не знаю; во всяком случае, я должен разорвать с прошлым и искать нового для себя». На этот раз он пробыл в столице всего два месяца. Не дождавшись ни выхода «Нового учения о войне», ни открытия сезона в «Собаке», Хлебников вновь срывается с места и возвращается к родителям в Астрахань.

В Астрахани поначалу все складывается хорошо. Родители, конечно, забыли последнюю ссору и вновь рады видеть сына. Об этом Хлебников с добродушным юмором рассказывает Матюшину: «Вы помните, отчасти сожалея, отчасти довольный, в холодный мрачный день

я оставил Невск, спасаясь от холода и стужи. Когда поезд тронулся, вы приветливо махали рукой. Я попал в мрачное общество; я выехал во вторник, приехал в субботу — итого 5 дней пути: один лишний день я сам себе навязал. После переправы через Волгу я обратился в кусок льда и стал смотреть на мир из царства теней. Таким я бродил по поезду, наводя ужас на живых; так моряки сворачивают паруса и спешат к берегу при виде обледеневшего Мертвого голландца. Соседи шарахались в сторону, когда я приближался к ним; дети переставали плакать, кумушки шушукаться. Но вот снег исчез с полей, близка столица Го-Аспа. Я занимаю у извозчика, даю носильщику и качу к себе, здесь чарующий прием, несколько онов сжигаются в честь меня, возносятся свечи богам, курятся благовонные угли. Рой теней милых и проклиняющих, я стою, голова кружится; смотрюсь в зеркало: вместо прекрасных живых зрачков с вдохновенной мыслью — тусклые дыры мертвеца. В каком-то невещественном мире я почувствовал себя уже казненным. Тем лучше».

В Астрахани Хлебников продолжает упорно работать над историческими закономерностями. Он изучает Энциклопедический словарь Брокгауза, жалеет, что у него под рукой нет подробной хронологии всех времен и народов. Хлебников много и серьезно читает, он вовсе не забыл своего увлечения математикой. Он советует Матюшину прочесть и немного пересказывает ему труды Бехтерева, Пуанкаре, советует прочесть труды Казанского математического общества, где лучше всего говорится о четвертом измерении. Как видим, в математике Хлебников отнюдь не был дилетантом. Несмотря на то что с университетом он расстался, с наукой он расставаться не собирается. [77]

Поскольку Хлебникова интересуют события на всем земном шаре во все периоды развития человеческого

общества, то и география его поэтических произведений расширяется. Это индейская цивилизация и завоевание Америки испанцами; это Африка, причем поэта интересуют и древнеегипетская цивилизация, и «черная» Африка. По-прежнему его волнуют Древняя Русь и Индия. Хлебников устанавливает соответствия в исторических событиях, в природных циклах, в судьбах отдельных людей, поэтому героями его произведений становятся те, кто сыграл свою роль в человеческой истории, и они, эти герои, включены в исторические и природные циклы:

Усадьба ночью, чингисхань!
Шумите, синие березы.
Заря ночная, заратустрь!
А небо синее, моцарть!
И, сумрак облака, будь Гойя!
Ты ночью, облако, роопсь!

(«Усадьба ночью, чингисхань!..»)

В таких изысканиях Хлебников проводит зиму и весну 1915 года. Там, в Астрахани, он получает от Матюшина из Петербурга только что изданную книгу «Новое учение о войне» и книгу Павла Филонова «Пропевень о проросли мировой».

И все же долго жить вдали от столиц было для Хлебникова невозможно: литературные дела требуют его присутствия. Появляются некоторые новые издательские возможности, новые люди. В Петербурге Александр Беленсон собирается издавать второй сборник «Стрелец» и просит Хлебникова что-нибудь прислать. Первый «Стрелец» получился достаточно удачным, там под одной обложкой собрались недавние

непримиримые противники, футуристы и символисты. Хлебников дал туда поэму «Сельская очарованность», причем в первом выпуске «Стрельца» была напечатана первая часть поэмы, во втором — вторая. Это произведение написано в характерном для Хлебникова жанре идиллии.

Напялив длинные очки,
С собою дулась в дурачки.
Была нецелою колода,
Но любит шалости природа.
Какой-то зверь протяжно свистнул,
Топча посевы и золу.
Мелькнув поломанной соломкой,
Слетело двое голубей.
Встревожен белой незнакомкой,
Чирикал старый воробей...

В этом жанре написано не одно произведение футуриста Хлебникова.

В Москве в это время намечается издание нового журнала «Слововед». Его затеяли Николай Асеев и Григорий Петников. Асеев, начинающий поэт, член футуристической группы «Лирика», тогда был очень увлечен языковыми изысканиями Хлебникова и хотел привлечь его в число сотрудников. Кроме того, к сотрудничеству были приглашены Маяковский, Бурлюк, Крученых, Матюшин. Издательская программа, как представлял ее себе Асеев, была близка Хлебникову.

Асеев объяснял программу так: «„Слововед“ будет стараться дать русло отдельно выбивающимся усилиям живой речи. Звук, слово, речь — все, что относится к их рождению и жизни, испишут его страницы. При всем

том он будет не злободневен в смысле злобы дня. Никакой техники, никакой художественности слова в нем места не будет. Он будет акушеркой речи (языка), и только». [78] Дело с изданием затянулось, в 1915 году выпустить первый номер не удалось. Хлебников даже обиделся на Асеева, хотя тот был не виноват, что авторы не торопятся присылать материал. Тем не менее в 1916 году Асеев еще попытался что-то сделать, но тщетно. «Слововед» так и не дошел до типографского станка.

Хлебников перестал сердиться на Асеева и подружился с ним и с его женой Оксаной, урожденной Синяковой. На даче у Синяковых под Харьковом Хлебников будет в дальнейшем проводить каждое лето с 1916 по 1920 год. Для Асеева это была одна из самых важных встреч в жизни — как, впрочем, почти для всех людей, кому довелось общаться с Хлебниковым.

Асеев так описывает этого удивительного человека:

«В мире мелких расчетов и кропотливых устройств собственных судеб Хлебников поражал своей спокойной незаинтересованностью и неучастием в людской суетне. Меньше всего он был похож на типичного литератора тогдашних времен: или жреца на вершине признания, или мелкого пройдоху литературной богемы. Да и не был он похож на человека какой бы то ни было определенной профессии. Был он похож больше всего на длинноногую задумчивую птицу, с его привычкой стоять на одной ноге, с его внимательным глазом, с его внезапными отлетами с места, срывами с пространств и улетами во времена будущего. Все окружающие относились к нему нежно и несколько недоуменно.

Действительно, нельзя было представить себе другого человека, который так мало заботился бы о себе. Он забывал о еде, забывал о холоде, о

минимальных удобствах для себя в виде перчаток, галош, устройства своего быта, заработка и удовольствий. И это не потому, что он лишен был какой бы то ни было практической сметливости или человеческих желаний. Нет, просто ему было некогда об этом заботиться. Все время свое он заполнял обдумыванием, планами, изобретениями. Его умнейшие голубые длинные глаза, рано намеченные морщины высокого лба были всегда сосредоточены на какомто внутренне разрешаемом вопросе; и лишь изредка эти глаза освещались тончайшим излучением радости или юмором, лишь изредка морщины расцветались над вскинутыми вверх бровями, — тогда лицо принимало выражение такой ясности и приветливости, что все вокруг него светилось.

Он мог очень тонко и ядовито высмеять глупость и пошлость, мог подать практический и очень разумный совет, но никогда для себя. Для себя, для устройства своей судьбы он всегда оставался беспомощным. Об этом он не позволял себе роскоши думать. И жил в пустой комнате, где постелью ему служили доски, а подушкой — наволочка, набитая рукописями, свободный от всякой нужды, потому что не придавал ей решающего значения, ушедший в отпуск от забот о себе ради большего простора для мыслей, мельчайшим почерком потом набрасывавшихся на случайные клочки бумаги». [\[79\]](#)

В некотором роде этот аскетизм отразился и в стихах Хлебникова. Как никто другой, он умел сосредоточиться на главном и очень просто сказать о самых сложных вещах:

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.

В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

(«Годы, люди и народы...»)

Ну а то, что Хлебников, несмотря на замкнутость и погруженность в свои вычисления, при случае не лез за словом в карман, отмечают многие его знавшие. Особенно это проявлялось в их словесных перепалках с Маяковским. Однажды Маяковский съязвил в его сторону: «Каждый Виктор мечтает стать Гюго». — «А каждый Вальтер — Скоттом!» — моментально нашелся Хлебников. В другой раз, уже после революции, речь зашла об одном военачальнике, у которого было два ордена Красного Знамени. «Таких во всей России, — рассказывал Крученых, — 20 человек». — «А вот таких, как я, на всю Россию только один имеется, — и то я молчу!» — шутя заметил Маяковский. «А таких, как я, и одного не сыщешь», — быстро ответил Хлебников. [\[80\]](#)

В начале лета 1915 года, окончательно устав от астраханской жизни, Хлебников едет в Москву, чтобы самому заняться издательскими делами. Незадолго до отъезда он писал Матюшину: «Для меня существуют 3 вещи: 1) я; 2) война; 3) Игорь Северянин?!!! Зиму я провел очень скверно в толпе, но в полном одиночестве. Это только хитрый торгашеский город».

В Москве все знакомые уже разъезжаются по дачам, деловая жизнь затихает. Хлебников тоже поселился на даче в деревне Акулова гора, где жили Маяковский и Крученых. Вскоре его пригласил к себе Давид Бурлюк, и Хлебников перебрался к нему на дачу в Михалево. К тому времени Д. Бурлюк был уже отцом семейства. В доме жила его жена Маруся, двухлетний Додик и младенец Никиша. Жизнь была достаточно сложной,

денег у семьи Бурлюков едва хватало на еду. Однако Хлебникову была предоставлена отдельная комната, он получил возможность работать, писать, пользоваться библиотекой в относительной тишине и покое.

Его комната помещалась в середине дома. Там стояла крепкая чугунная кровать с волосяным матрасом, с двумя простынями и шерстяным жестким «тигровым» одеялом. Рядом стоял старый лакированный стол с выдвижным ящиком. Стол был покрыт татарским платком в розах. На столе стояла чернильница с медной крышкой и коричневая чашка неправильной формы, найденная во время раскопок в Керчи. Из этой чашки Хлебников по ночам пил чай, который сам кипятил на кухне в синем эмалированном чайнике. Еще на столе стоял железный подсвечник, и Хлебников уверял, что его выковал кузнец, продававший свечи; свет ему нужен был для правильной сдачи. В тарелку Хлебников складывал недокуренные папиросы и непотушенные спички. Стул, на котором Хлебников сидел, был с плетеным решетчатым сиденьем. Окно комнаты всегда, даже в дождливую погоду, было распахнуто настежь. Хлебников вставал поздно, к часу дня, и выходил в гостиную. Там все вместе пили кофе. Днем он сидел в библиотеке. К себе в комнату Хлебников книг не брал, точно они могли отвлечь его от работы.

Он продолжал работать над судьбами отдельных людей, находя там определенные числовые закономерности. В это лето у Бурлюков он изучал жизнь Пушкина и дневники Марии Башкирцевой. Вечерами Хлебников слушал, как Маруся Бурлюк играет на фортепиано Чайковского, Бетховена, Шопена, Моцарта... Иногда он вдруг вспоминал, что собирался поехать в Москву. «Что тебе там сейчас делать?» — спрашивал Бурлюк. «Есть вещи, о которых не принято

говорить вслух», — отвечал Хлебников, надевая фетровую шляпу.

Однажды Маруся попросила его подержать на руках маленького Никишу, пока она сбегает вниз за едой. Она вернулась через полчаса. Хлебников стоял не шелохнувшись около шкафа с нотами, его голова была низко опущена, и глаза всматривались в личико младенца. «Он мягкий, как шелк», — тихо сказал Хлебников. [\[81\]](#)

С продовольствием в Москве становилось все хуже и хуже. В августе сначала Давид Бурлюк, а вслед за ним Маруся с детьми уехали на Урал к отцу Маруси. Хлебников перебирается в Петроград, думая в скором времени опять ехать в Москву. Впрочем, живет он в основном не в Петрограде, а в дачной местности Куоккала, где собирается вся богема. Самая известная там дача — это дача Ильи Ефимовича Репина «Пенаты».

Как раз незадолго до приезда туда Хлебникова произошло сближение Репина с футуристами. Первыми в «Пенатах» побывали Бурлюк и Каменский, затем к ним присоединился Владимир Маяковский. У Репина за столом собирались самые разные люди; хозяин был очень рад знакомству с футуристами, которые тогда вошли в моду, и вскоре Репин написал портрет Василия Каменского. Репин, в отличие от многих представителей старшего поколения, оказался способным воспринять новое искусство, новые веяния в литературе и живописи. Футуристы, в свою очередь, относились к нему с большим уважением.

В доме Репина было немало «законов» и правил вполне в духе петербургской богемы. У него собирались по средам. Поговорив с каждым гостем несколько минут, хозяин или прощался и благодарил за визит, или приглашал остаться «отобедать». Выдержавшие «обеденный отбор» футуристы оказались за

знаменитым столом, представлявшим собой «вегетарианскую карусель». За круглый стол сели тринадцать человек. Перед каждым стоял полный прибор. Прислуги, по этикету «Пенатов», не было, и весь обед в готовом виде стоял на круглом столе меньшего размера, который находился в центре основного. Круглый стол, за которым сидели обедающие, был неподвижен, а тот, на котором помещались все блюда, вращался. Каждый мог взяться за ручку и повернуть к себе нужное блюдо. «Захочет, например, Чуковский соленых рыжиков, вцепится в „карусель“, тянет рыжики на себя, а в это время футуристы мрачно стараются приблизить к себе целую кадушечку кислой капусты, вкусно пересыпанной клюквой и брусникой», — вспоминает Василий Каменский.

Хлебников тоже был принят в «Пенатах» и однажды поссорился с хозяином. Общество, собиравшееся у Репина, оставалось для Хлебникова чужим. Гораздо чаще он живет там же в Куоккале у своего сверстника и единомышленника, художника Юрия Анненкова. Часто они проводили длинные бессонные ночи, не произнеся ни одного слова. Анненков описывает эти визиты так:

«Забившись в кресло, похожий на цаплю, Хлебников пристально смотрел на меня, я отвечал ему тем же. Было нечто гипнотизирующее в этом напряженном молчании и в удивительно выразительных глазах моего собеседника. Я не помню, курил он или не курил. По всей вероятности — курил. Не нарушая молчания, мы не останавливали нашего разговора, главным образом — об искусстве, но иногда и на более широкие темы, до политики включительно. Однажды, заметив, что Хлебников закрыл глаза, я неслышно встал со стула, чтобы покинуть комнату, не разбудив его.

— Не прерывайте меня, — произнес вслух Хлебников, не открывая глаз, — поболтаем еще

немного. Пожалуйста!

Время от времени наш бессловесный диалог превращался даже в спор, полный грозовой немоты, и окончился както раз, около пяти часов утра, подлинной немой ссорой. Хлебников выпрямился, вскочил с кресла и, взглянув на меня с ненавистью, сделал несколько шагов к двери. В качестве хозяина дома, вспомнив долг гостеприимства, я взял Хлебникова за плечо:

— Куда вы бежите в такой час, Велимир?

— Бегу! — оборвал он, упорствуя, но, придя в себя, снова утонул в кресле и в немоте.

Минут двадцать спустя, молчаливо, мы помирились». [\[82\]](#)

Анненков относился к чудачествам Хлебникова достаточно спокойно и никогда не поднимал его на смех. Однажды у него дома в Петербурге за обедом, воспользовавшись громкой болтовней и смехом гостей (их было человек двенадцать), Хлебников осторожно протянул руку к довольно далеко стоявшей от него тарелке с кильками, взял двумя пальцами одну из них за хвост и медленно проволоч ее по скатерти до своей тарелки, оставив на скатерти влажную тропинку.

«Наступило общее молчание, — рассказывает Анненков, — все оглянулись на маневр Хлебникова.

— Почему же вы не попросили кого-нибудь придвинуть к вам тарелку с кильками? — спросил я у Хлебникова (конечно, без малейшего оттенка упрека).

— Нехоть тревожить, — произнес Хлебников потухшим голосом.

Снова раздался общий хохот. Но лицо Хлебникова было безнадежно грустным».

Группа «будетлян» — «гилейцев» практически распалась, и у Хлебникова нет какого-то определенного своего круга друзей. В Куоккале и в Петербурге он заводит множество, как он сам говорит, неглубоких,

поверхностных знакомств. Он недоволен и Репиным, и Чуковским, и Евреиновым. «Подделка, в конце концов, как люди», — говорит о них Хлебников. В то же время он дорожит знакомством с семьей писателя Бориса Лазаревского. Собственно, интересуется его не вся семья, а дочь писателя, Вера Лазаревская, которой он одно время очень увлечен. Еще одно увлечение этого лета и осени — Вера Будберг. С семьей барона Будберга Хлебников познакомился через Матюшина и стал бывать там постоянно.

Он разрывается между двумя Верами — Лазаревской и Будберг. Веру Лазаревскую он сравнивает с Наташей Ростовской, а в Вере Будберг находит сходство с героинями Лермонтова. «Но вообще, — говорит он, — русские писатели не дали равного ей образа». Вера Будберг становится адресатом лирики Хлебникова:

...Железный звук моей перчатки
От синей Сены до Камчатки
Народы севера потряс.
Столетье мира кончил точкой
Наборщик «рок» без опечатки.
И вы, очарунья, внимая,
Блеснете глазами из льда.
И всходит солнцем Мамаю,
Где копий стоит череда.

(«Той...»)

Через месяц после начала знакомства он узнает, что у Веры Будберг есть жених, банковский служащий по фамилии Бэр. «Я в душе заплакал, но обрадовался тому, что Вера хоть не замужем», — записывает в дневнике

Хлебников. Проецируя эту ситуацию на сюжеты русской литературы, он говорит: «Я не хочу быть Печориним и боюсь быть Грушницким». А еще чуть позже в дневнике поэта следует горестное восклицание: «Больше я никогда любить не буду!» Эта запись появилась после того, как с подачи Евреинова был составлен целый заговор с целью отбить Веру у жениха. «Попытайтесь ухаживать, — увещевал Евреинов, — все возможно, не торопитесь... Не действуйте нахрапом, — учил он Хлебникова, — девушку нужно сломить, покорить; помните, что вы знакомы без году неделю, отделите от других сестер, чуть что — звоните по телефону, приходите в 6 часов вечера». «Итак, мы заговорщики!» — восклицает Хлебников. Однако из заговора ничего не вышло.

В это время у бывших «гилейцев» появляется еще один новый друг — Осип Брик. Квартира Лили и Осипа Бриков в Петрограде на Надеждинской улице (ныне улица Маяковского) становится штаб-квартирой футуристов. Осип Брик — филолог, вскоре вместе со Шкловским, Якубинским и Поливановым он создает «Общество по изучению поэтического языка», одну из главных школ в русской филологии. Основываться они будут во многом на трудах Хлебникова. Вместе с Бриками на Надеждинской жил Владимир Маяковский. Там регулярно бывали Василий Каменский, Рюрик Ивнев, сестра Лили Эльза (в будущем — Триоле). И у Брика, и у Шкловского был бурный темперамент, они были переполнены новыми идеями, и Хлебников слегка побаивался их. «Я больше к ним не пойду», — сказал он как-то Каменскому, выходя от Бриков. «Почему?» — удивился тот. «Боюсь». — «Чего?» — «Вообще... у них жестокие зубы». Тем не менее Хлебников продолжал приходить, читал стихи и загадочно посматривал на зубы Брика и Шкловского. В сестер Лилю и Эльзу были влюблены многие. Маяковский, как известно, пронес

любовь к Лиле через всю жизнь. Василий Каменский тогда влюбился в Эльзу и даже сделал ей предложение, но был деликатно отвергнут.

Влюбчивый Хлебников сохранил хорошие отношения с Лилей до конца своей жизни. И Лиля, и Осип Брик были его горячими поклонниками, принимали участие в его судьбе. Лиля вспоминает, как однажды зимой Хлебников пришел к ним в летнем пальто, весь синий от холода. «Мы сели с ним на извозчика, — пишет Лиля Брик, — и поехали в магазин Манделя (готовое платье) покупать шубу. Он все перемерил и выбрал старомодную, фасонистую, на вате, со скунсовым воротником шалью. Я дала ему еще три рубля на шапку и пошла по своим делам. Вместо шапки он на все деньги купил, конечно, разноцветных бумажных салфеток в японском магазине и принес их мне в подарок — уж очень понравилось в окне на витрине».^[83]

Однажды Осип Брик созвал у себя дома ученых-математиков, чтобы Хлебников прочел им доклад «О колебательных волнах 317-ти». Хлебников пытался по-новому взглянуть на связь между скоростью света и скоростями Земли (то есть скоростью вращения Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси), корректируя тем самым классическую механику Ньютона. Эта связь, по Хлебникову, заслуживала названия «бумеранг в Ньютона». Переходя затем к судьбам отдельных людей, Хлебников доказывал, что жизнь Пушкина дает примеры таких колебательных волн через 317 дней. Например, свадьба Пушкина состоялась через 317 дней после помолвки с Гончаровой. Однако, как вспоминает присутствовавший на докладе Каменский, смелость хлебниковских уравнений в отношении закона души одного человека привела ученых в состояние опасного психомомента, и они ушли с несомненным бумерангом в головах. Ибо никак не могли связать уравнение

опытных наук со свадьбой Пушкина. Только один профессор, надевая галоши, молвил: «А все-таки это гениально».

Друзья как могли поддерживали Хлебникова в его начинаниях. Именно у Бриков 20 декабря Хлебников торжественно был избран Королем Времени, и во время празднования Нового года Осип Брик провозгласил тост «за Короля Времени Велимира Хлебникова». Сам поэт отнесся к этому совершенно серьезно и с гордостью и достоинством носил этот титул до конца жизни.

Новый год у Бриков встречали по-футуристически. Лиля Брик вспоминает: «Елку подвесили в углу под потолком, „вверх ногами“. Украсили ее игральными картами, желтой кофтой, облаком в штанах, склеенными из бумаги. Все были ряженые. Маяковский обернул шею красным лоскутом, в руке деревянный, обшитый кумачом кастет. Брик в чалме, в узбекском халате, Шкловский в матроске, Эльза — Пьеро. Вася Каменский обшил пиджак пестрой набойкой, на щеке нарисована птичка, один ус светлый, другой черный. Я в красных чулках, короткой шотландской юбке, вместо лифа — цветастый русский платок. Остальные — чем чуднее, тем лучше! Чокались спиртом пополам с вишневым сиропом. Спирт достали из-под полы. Во время войны был сухой закон».

В это время Хлебников публикует несколько статей о закономерностях в истории и человеческой жизни. То, что он рассказывал у Бриков, вошло в его брошюру «Время — мера мира», еще одна статья была опубликована в альманахе «Взял». Книга «Взял», вышедшая в декабре 1915 года, подводила итог развитию футуризма. Там в статье «Капля дегтя» Маяковский говорил о смерти футуризма: «Сегодня все футуристы. Народ футурист. Футуризм мертвой хваткой ВЗЯЛ Россию. Не видя футуризма перед собой и не умея заглянуть в себя, мы закричали о смерти. Да! Футуризм

умер как особенная группа, но во всех вас он разлит наводнением. Но раз футуризм умер как идея избранных, он нам не нужен. Первую часть нашей программы разрушения мы считаем завершенной. Вот почему не удивляйтесь, если сегодня в наших руках увидите вместо погребушки шута чертежи зодчего, и голос футуризма, вчера еще мягкий от сентиментальной мечтательности, сегодня выльется в медь проповеди».

Таким образом, Маяковский не побоялся сказать то, что в общем-то было ясно: футуризм как единое течение кончился. Революция в поэзии практически была завершена. Совсем не так обстояло дело в живописи. Там все только начиналось, и Хлебников, как всегда, находился в центре событий. Уже в течение нескольких лет выставки «левых» художников в Петербурге устраивала в своем Художественном бюро Надежда Евсеевна Добычина. В 1915 году ее Бюро помещалось в знаменитом доме Адамини на углу Мойки и Марсова поля. Там вскоре откроется кабаре «Привал комедиантов», сменившее «Бродячую собаку», там живут многие друзья Хлебникова, в том числе актриса Ольга Судейкина, там в конце 1915 года поселился и он сам.

15 декабря в Художественном бюро Добычиной открылась «Последняя футуристическая выставка картин 0,10». Она подводила итог «Первой футуристической выставке картин „Трамвай В“», «Выставке картин левых течений» (обе проходили в Петербурге), московской «Выставке живописи 1915 года» и всем предыдущим. Много на этих выставках было сделано ради эпатажа. В рассказе «Ка» Хлебников, давая обобщенный образ левых течений, пишет: «На выставке новой живописи ветер безумий заставил скитаться от мышеловки с живой мышью, прибитой к холсту на выставке, до простого пожара на

ней (с запертыми зрителями)». Пожар случился еще на вернисаже «Ослиного хвоста». Картины не пострадали, однако критики изощрялись в остроумии по поводу «копченых хвостов» и распускали на страницах газет слухи, будто все холсты сгорели, а на восстановление их понадобился всего один день. Отсюда делался вывод, как легко создавать подобные «шедевры».

Мышеловка с живой мышью появилась на Московской выставке 1915 года. Она принадлежала Василию Каменскому. Сотрудник Румянцевского музея А. Шемшурин рассказывает: «Ларионов прибил на стену женину косу, картонку из-под шляпы, вырезки из газеты, географическую карту и т. п. и т. д. Когда все было готово, Ларионов брал под руку товарища, показывал ему стенку и пускал в ход вентилятор. У всех опускались руки. Все были в отчаянии. Все понимали, что публика будет толпиться у стенки Ларионова и картин в других залах смотреть не будет... Но вскоре мозги прояснились. И вот, ко дню открытия, на этих местах появилось то, чего Ларионов не ожидал. На стене появился цилиндр и жилетка с подписью „Портрет Маяковского“. Еще дальше ко входу рубашка и мочалка с подписью „Бурлюк в бане“. Кто-то повесил щетку половую, а Каменский повесил мышеловку с живой мышью».

Шемшурин ничего не говорит еще об одном участнике выставки, Владимире Татлине, который показал там один из своих первых живописных рельефов. Недалеко от входа он прибил к полу железный угольник солнечных часов, от которого к месту, где должна была висеть работа, прочертил белой краской линию.

Участница событий, художница Валентина Ходасевич так описывает вернисаж: «Торжественно и медленно по лестнице, распустив трены платьев... поднимались всем известные меценатки. Стадом за

дамами шли мужчины. Первой в зал вошла в дивном платье Носова. Она остановилась и, оглядевшись: „А что это там так странно торчит на стене?“ — сделала несколько шагов и вдруг остановилась с гневным лицом: ее не пускал шлейф, зацепившийся за солнечные часы. „Кто здесь распорядитель?“ — грозно спросила она. Кое-как меценатку уговорили остаться, пришла уборщица со скребком, отверткой и мокрой тряпкой, отвинтила от пола солнечные часы, отскребла и смыла белую черту. Вдруг раздался рев и треск вентиляторов, все кинулись в соседний зал...^[84] Раздались возгласы возмущения. Вентилятор был выключен, и тут появился Василий Каменский, являющий собой синтетический экспонат: он распевал частушки, говорил прибаутки, сопровождал себя ударами поварешки о сковородку, на веревках через плечо висели — спереди и сзади — две мышеловки с живыми мышами. Сам Вася, златокудрый, беленький, с нежным розовым лицом и голубыми глазами, мог бы привлекать симпатии, если бы не мыши. От него с ужасом шарахались, а он победно шел по залам».^[85]

Последняя футуристическая выставка оказалась гораздо серьезнее. Название выставки «0,10» («Ноль-десять») Малевич объяснял так: «Я преобразился в нуле форм и вышел за ноль — один». Тогда же Малевич собирался издавать журнал, в котором все формы собирался свести к нулю, а сам собирался «перейти за ноль». Число 10 появилось в названии выставки потому, что таково было количество участников. Хлебников очень интересовался экспериментами Малевича, посещал его мастерскую еще до открытия выставки. Идея «перехода за ноль формы» была ему близка, но для поэта, хорошо знакомого с математикой, выход за ноль ассоциировался прежде всего с мнимыми числами.

На выставке «0,10» Малевич впервые показал публике «Черный квадрат» и провозгласил новое художественное направление — супрематизм. На выставке распространялась брошюра Крученых, Ключа и Малевича «Тайные пороки академиков». На этой же выставке Владимир Татлин показал «угловые контррельефы». Таким образом, и в живописном авангарде к 1915 году сформировались основные течения. С этой поры начинается соперничество Татлина и Малевича за лидерство в авангарде, продолжавшееся до самой смерти Малевича. (Татлин пережил Малевича почти на двадцать лет.) Хлебников же сохранял добрые отношения и с тем и с другим. Впрочем, отношения с Татлиным в 1916–1917 годах были гораздо более теплыми и дружескими. В стихотворении «Татлин» Хлебников описывает художественные конструкции своего товарища.

Татлин, тайновидец лопастей
И винта певец суровый,
Из отряда солнцеловов.
Паутинный дол снастей
Он железною подковой
Рукой мертвой завязал.
В тайновиденье щипцы
Смотрят, что он показал,
Онемевшие слепцы.
Так неслыханны и вещи
Жестяные кистью вещи.

После смерти Хлебникова Татлин одним из первых действительно откликнулся на это событие: в Петрограде в Музее художественной культуры он осуществил

постановку сверхповести Хлебникова «Зангези». Эта постановка была очень удачной.

Последняя футуристическая выставка вызвала сильный общественный резонанс. В очередной раз не только газетчики, но и художественные критики были возмущены. Постоянно враждовавший с футуристами Александр Бенуа, перефразируя Мережковского, назвал ее царством уже не грядущего, а пришедшего Хама.

Хлебникову, как обычно, не сиделось на месте. В эту осень он несколько раз порывался уехать в Москву, но трудно было с деньгами, да и разные петербургские дела задерживали его. Наконец, в начале 1916 года он все же уехал в Москву, где завел новые литературные (и не только литературные) знакомства. К тому времени у футуристов в Москве появился новый друг — меценат Самуил Вермель. Он издал сборники «Весеннее контрагентство муз» и «Московские мастера», правда, Хлебникову он не заплатил ни копейки. В этих сборниках поэт опубликовал пьесу «Снезিনি» и несколько замечательных стихотворений, в частности такое:

Эта осень такая заячья,
И глазу границы не вывести
Осени робкой и зайца пугливости.
Окраскою желтой хитер
Осени желтой житер.
От гривы до гребли
Всюду мертвые листья и стебли.
И глаз остановится слепо, не зная, чья —
Осени шкурка или же заячья.

(«Эта осень такая заячья...»)

Хлебников, как обычно, был без денег. Каждый день он приходил к дверям вермелевской квартиры. «Кто спрашивает?» — слышалось из-за цепочки. Выпрямившись и стараясь сделать свой тонкий голос внушительным, Хлебников отчеканивал фамилию. За дверь удалялись и возвращались шаги. Хозяина не оказывалось дома. Когда в очередной раз Хлебников и его новый товарищ, художник Сергей Спасский, возвращались несолоно хлебавши от Вермеля, Хлебников вдруг вздрогнул. «Я понял!» — сказал он. И объяснил, что это судьба. Вермель. Мель вер. Что можно ожидать от человека, на котором стоит такой знак. Мель, подстерегающая веру. Хлебников улыбался находке.

Деньги нужны были Хлебникову для путешествий, для издания своих произведений, но только не для обзаведения имуществом. Все имущество поэта — рукописи, куски хлеба, коробка папирос — умещалось в вещевом мешке. Ночью этот мешок мог служить подушкой.

Приехав в Москву, Хлебников поселился в комнате своего брата (Петровский парк, Новая Башиловка, дом 24, квартира 2). К тому времени Шура уже поступил на службу в армию, и Виктор практически сразу стал жить один. И как всегда, комната, где он поселился, очень скоро стала соответствовать вкусу и пристрастиям своего хозяина. Она была как набережная после непогоды на море, когда кружатся чайки и бумажки и их не различишь. «Белые клочки сидели везде: на шкафах, шторах, спинках стульев, на полу, на подоконниках. Хлебников был доволен. Он ходил среди своего волшебного царства, как великан среди карточных домиков, и фыркал, смеялся, как ребенок».

[86]

Дмитрий Петровский, еще один новый друг Хлебникова, вспоминает об их вечерних и ночных прогулках. Совсем поздно Хлебников сажился в трамвай № 9 у Страстного монастыря, чтобы ехать домой. «Тут часто происходила такая сцена. Хлебников снимает для прощания перчатку и свободной от перчатки правой рукой берется за ручку трамвая и, не перенося холода, отдергивает ее, выпуская из рук металлический прут. Ждем следующего, и так как прощаться приходится в самую последнюю минуту и Хлебников хватает прут незащищенной рукой, повторяется несколько раз то же самое, Хлебников остается. Трамваи перестают ходить. Я решаюсь сказать ему это. „Проще всего было идти пешком“, — спокойно отвечает Хлебников. В ходьбе он неутомим. „Я провожу вас“. Я провожал его, как и следовало, до самого конца линии — верст 15 и возвращался к себе на Арбат, когда уже серело».^[87]

За комнату надо было платить, а денег, как всегда, не было. Когда платить стало совсем нечем, Хлебников переехал к Сергею Спасскому. Несмотря на полное безденежье, он опять мечтает о путешествии. Теперь он собрался ехать в Крым. К его великой радости, родители вскоре прислали денег. Первым делом Хлебников побежал в магазин и купил продуктов. Булки, масло, сахар, колбаса, банка сгущенки. Продукты он явно не выбирал, а покупал все подряд. В тот же день он купил себе новую рубашку. Старую он скатал в клубок и вышвырнул вниз за окно. Довольный, прислушался, как рубашка шлепнулась во дворе. Отдавать в стирку длительно и хлопотно. К тому же предстоял отъезд.

Хлебников купил билет до Симферополя. Дмитрий Петровский пошел его провожать, но уехать в этот раз поэту не удалось. На Курском вокзале у Хлебникова украли всё — билет, деньги, вещи, мешок с рукописями.

Петровский увез друга к себе на Николо-Песковский. Хлебников относился к подобным ударам судьбы с философским спокойствием. С Петровским ему было о чем поговорить: оба они увлекались украинскими песнями, думами, украинским языком. Петровский хорошо знал украинский язык, и Хлебников предложил ему вместе работать над «таблицей шумов», как он называл азбуку.

Еще один новый знакомый Велимира — поэт и издатель Георгий Золотухин. В начале 1916 года он издал сборник «Четыре птицы», где была достаточно представительная подборка стихотворений Хлебникова, например такое, и ясное и загадочное одновременно:

Тихий дух от яблонь веет,
Белых яблонь и черемух.
То боярыня говееет
И боится сделать промах.
Плывут мертвецы.
Гребут мертвецы.
И хладные взоры за белым холстом
Палят и сверкают.
И скроют могильные тени
Прекрасную соль поцелуя.
Лишь только о лестниц ступени
Ударят полночные струи,
Виденье растает.
Поют о простом: «Алла бисмулла».
А потом,
Свой череп бросаючи в море,
Исчезнут в морском разговоре.
Эта ночь. Так было славно.
Белый снег и всюду нега,
Точно гладит Ярославна

Голубого печенег.

(«Тихий дух от яблонь веет...»)

На квартире Золотухина в феврале 1916 года происходит исключительно важное для Хлебникова событие: основан «союз 317-ти», или, как поэт еще его называет, общество Председателей земного шара. Эта идея вызревала у Хлебникова давно, еще с первых собраний «Гилеи». Число 317 = 365 — 48 известно нам по формуле в «Учителе и ученике». Теперь оно становится числом Председателей земного шара. Общество, по мысли Хлебникова, должно было насчитывать 317 членов. Хлебников был очень увлечен этой идеей. Он надеялся привлечь в общество лучших людей со всей планеты и таким образом воздействовать на все правительства всех государств.

Программу зарождающегося союза он достаточно четко сформулировал в декларации «Труба марсиан»: «Пусть Млечный Путь расколется на Млечный Путь изобретателей и Млечный Путь приобретателей... Пусть возрасты разделятся и живут отдельно... Право мировых союзов по возрасту. Развод возрастов, право отдельного бытия и делания... Мы зовем в страну, где говорят деревья, где научные союзы, похожие на волны, где весенние войска любви, где время цветет как черемуха и двигает как поршень, где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и как токарь обращается с своим завтра».

В этой декларации Хлебников обвиняет «приобретателей» в гибели Пушкина и Лермонтова, в травле Гаусса и Монгольфье, в непризнании Лобачевского и футуристов. «Вот ваши подвиги! — восклицает автор. — Ими можно исписать толстые книги!» Поэтому своих друзей — «изобретателей» он

призывает объединиться в особое, независимое государство Времени. В конце декларации следовали приказы: «1. Славные участники „будетлянских“ изданий переводятся из разряда людей в разряд марсиан. Подписано: Король Времени Велимир 1-й. 2. Приглашаются с правом совещательного голоса на правах гостей в думу марсиан: Уэллс и Маринетти».

Эту декларацию написал один Хлебников, но под ней поэт поставил несколько подписей: Мария Синякова, Божидар, Григорий Петников, Николай Асеев. Поэта-эгофутуриста Божидара к тому времени уже не было на свете. Остальные были друзьями Хлебникова и едва ли стали бы возражать, что их включили в число 317-ти Председателей земного шара.

Одним из первых в число Председателей вошел Дмитрий Петровский. Далее Хлебников и Петровский занялись привлечением в ряды общества новых членов. Первыми, к кому решили обратиться, были Вячеслав Иванов и отец Павел Флоренский. Иванов жил тогда в Москве, к Флоренскому пришлось ехать в Сергиев Посад. Вячеслав Иванов очень серьезно относился к начинаниям Хлебникова и дал свою подпись на опросном клочке. Многие друзья и ученики Иванова не могли понять, что он нашел в Хлебникове, тогда как сам мэтр русской поэзии считал своего бывшего ученика гением. Он это понял еще в 1908 году, когда Хлебников пришел к нему как никому не известный студент из провинции.

Судьба вновь столкнет их в 1921 году в Баку, и Вячеслав Иванов будет слушать рассуждения Хлебникова о времени, об истории, о поэзии, Хлебников будет читать ему свои стихи, и Иванов назовет его «ангелом». В середине 1910-х годов Николай Асеев спросил Иванова, почему тот ничего не делает для издания хлебниковских вещей, ведь хороший отзыв Иванова очень ценился. Иванов ответил: «Я не могу и не

хочу нарушать законов судьбы. Судьба же всех избранных — быть осмеянными толпой». «Осмеяний толпой» действительно в жизни Хлебникова было предостаточно.

Поход к Павлу Флоренскому вышел с приключениями. По дороге в Сергиев Посад друзья встретили цыганку. Цыганка долго говорила о Хлебникове, неожиданно назвала его «коммерческим характером», говорила «о голове, которую он бросает, а сам за пазуху прячет». Наконец добрались до отца Павла. Разговор, о котором мы знаем только по пересказу Петровского, велся вокруг «законов времени». Флоренского эта тема тоже интересовала. Пройдет еще несколько лет, и с Хлебниковым они встретятся на страницах журнала «Маковец», где Хлебников выступит со стихами, а Флоренский — со статьей «О мнимостях в геометрии». Журнал «Маковец» начал выходить в 1922 году, в том же году Хлебников умер, поэтому диалог Флоренского с ним не имел продолжения.

Когда в 1916 году поэт пришел к нему, Флоренский не удивился. Он давно сочувственно следил за творчеством футуристов, интересовался их идеями. Флоренский подробно разбирает стихотворение Хлебникова «Заклятие смехом» и другие произведения футуристов в статье «Антиномия языка». Как вспоминает Петровский, тогда в разговоре с Флоренским Хлебников почему-то умолчал о настоящей цели их визита, об обществе Председателей земного шара.

Хлебников часто бывал молчалив, замкнут. Далеко не всех он достаивал своей беседы, особенно не любил он околелитературных собраний с разговорами об искусстве, но вопросами математики, естествознания он всегда интересовался и на эти темы разговор поддерживал, если находил достойного собеседника.

Одним из тех, кто мог поддержать разговор о математике и физике, был Сергей Бобров, член футуристической группировки «Центрифуга», по образованию математик. Тогда, в 1916 году, вышел второй сборник «Центрифуги», где были также помещены стихи Хлебникова. Эти стихи проникнуты трагическим предчувствием близких катастроф, поэт разочарован в людях и ставит им в пример коней.

О люди! Так разрешите вас назвать?
Режьте меня, жгите меня!
Но так приятно целовать
Копыто у коня:
Они на нас так не похожи,
Они и строже, и умней,
И белоснежный холод кожи,
И поступь твердая камней.
Мы не рабы, но вы посадники,
Но вы избранники людей!
И ржут прекрасные урядники,
В нас испытую слово «дей!».

(«Страну Лебедию забуду я...»)

У Боброва Хлебников стал спрашивать о работах Эйнштейна. Тот рассказал, что знал, Хлебников же заметил, что ему это не нравится. «Почему не нравится?» — поинтересовался Бобров. «Ну это научный жаргон, больше ничего», — ответил Хлебников. «Ну а как же тяготение?» — спросил Бобров. «Да и тяготение тоже — научный жаргон, — парировал Хлебников, — я легко могу построить мир, где не будет ни света, ни тяготения». Эта парадоксальность мышления Хлебникова нередко проявляется и в его стихах.

Неудивительно, что при таких масштабных интересах многие его замыслы остались незавершенными. Это прежде всего относится к его главному историософскому труду «Доски судьбы», над которыми Хлебников работал в 1921–1922 годах. Он так и не успел полностью подготовить «Доски судьбы» для печати.

Пока же, в 1916 году, Хлебников увлечен идеей «государства времени» и обществом Председателей земного шара. Он активно вербует новых членов. Правда, многие даже не подозревали, что стали Председателями земного шара. В хлебниковский список попадают его друзья футуристы Бурлюк, Маяковский, Каменский, Асеев, Ивнев, поэты и писатели Зенкевич, Кузмин, художники Малевич и Спасский, композитор Артур Лурье, летчики Г. Кузьмин и В. Михайлов. В этот же список попали «члены китайского посольства Тинь-Э-Ли и Янь-Юй-Кай», посол Абиссинии Али Серар, Рабиндранат Тагор. В 1917 году «пропуск в правительство звезды» получают даже А. Ф. Керенский и Т. В. Вильсон. Правда, в деятельности Керенского Хлебников очень скоро разочаровался.

С предложением вступить в общество Председателей Хлебников хотел обратиться к Максиму Горькому. К Горькому, хотя он принадлежал к другому литературному лагерю, Хлебников и все футуристы относились с большим почтением. Еще будучи студентом Казанского университета, Хлебников посылал Горькому на отзыв свои произведения. В 1915 году Каменский, Бурлюк и Маяковский, познакомившись с Горьким, пригласили его в «Бродячую собаку» на вечер, посвященный выходу альманаха «Стрелец». Прослушав там выступления футуристов, Горький произнес тут же ставшую знаменитой фразу: «В них что-то есть». Фраза пошла гулять по газетам. Мировая известность Горького сделала свое дело. Газетчики

вдруг стали вежливее и «нежнее» относиться к футуристам. Поэтому неудивительно, что Горького Хлебников решил тоже включить в число Председателей земного шара.

Хлебников пишет ему письмо следующего содержания: «Хотя мы сторонники войны между возрастами, но мы знаем, что возраст духа не совпадает с возрастом туловища. Поэтому мы обращаемся к Вам с небольшой просьбой: ответьте нам, руководясь решением совести, на вопрос: можем ли мы быть достойными членами правительства земного шара или нет? Созвать его мы предполагаем в ближайшем будущем».^[88] Это письмо осталось неотправленным.

Хлебников озабочен тем, чтобы в правительство земного шара вошли люди разных национальностей, особенно ему нужны участники из стран Востока. В это время он пишет и публикует статью «Письмо двум японцам». Статья написана в ответ на «Письма дружбы» двух японских юношей, адресованные русским юношам. «Письма» японцев были перепечатаны газетой «Русское слово» из газеты «Кокумин симбун». В ответ им поэт пишет: «У возрастов разная походка и языки. Я скорее пойму молодого японца, говорящего на старояпонском языке, чем некоторых моих соотечественников, говорящих на современном русском... если есть понятие отечества, то есть понятие и сынечества, будем хранить их обоих». Хлебников предлагает устроить Азийский съезд и обсудить там следующие вопросы: основание Высшего учебна (sic!) «будетлян» из нескольких, взятых внаймы у людей пространства, владений; обязать соседние города и села питать их и преклоняться перед ними; разрушать языки осадой их тайны, слово остается не для житейского обихода, а для слова.

От имени Председателей земного шара Хлебников будет издавать воззвания и даже целое периодическое издание «Временник». Выйдут четыре номера «Временника», причем в третьем опубликованы только подписи 19 Председателей земного шара. В «Воззвании Председателей земного шара» Хлебников говорит: «Только мы, свернув ваши три года войны в один свиток грозной трубы, поем и кричим, поем и кричим, полные прелестью той истины, что правительство земного шара уже существует. Оно — мы». Таким образом, правительство земного шара — это ответ Хлебникова прежде всего на мировую войну, о которой в 1916 году поэту приходилось задумываться все чаще. Близился срок призыва. В стихах он пишет:

Как! И я, верх неги,
Я, оскорбленный за людей, что они такие,
Я, вскормленный лучшими зорями России,
Я, повитой лучшими свистами птиц, —
Свидетели: вы лебеди, дрозды и журавли! —
Во сне провлекший свои дни,
Я тоже возьму ружье (оно большое и глупое,
Тяжелее почерка)
И буду шагать по дороге,
Отбивая в сутки 365? 317 ударов — ровно.
И устрою из черепа брызги,
И забуду о милом государстве 22-летних,
Свободном от глупости возрастов старших,
Отцов семейства
(общественные пороки возрастов старших),
Я, написавший столько песен,
Что их хватит на мост до серебряного месяца...
Нет! Нет! Волшебницы
Дар есть у меня, сестры небоглазой.
С ним я распутаю нить человечества,

Не проигравшего глупо
Вещих эллинов грёз,
Хотя мы летаем.
Я ж негодую на то, что слова нет у меня,
Чтобы воспеть мне изменившую избранницу
сердца.
Нет, в плену я у старцев злобных,
Хотя я лишь кролик пугливый и дикий,
А не король государства времен,
Как называют меня люди:
Шаг небольшой, только ик
И упавшее о, кольцо золотое,
Что катится по полу.

(«Как! И я, верх неги...»)

Хлебников, как ранее не служивший, был зачислен в государственное ополчение ратником II разряда. Его срок призыва подходил 25 марта 1916 года. К тому времени в армии служит уже младший брат Шура, в армии многие друзья и знакомые Хлебникова. Сам он надеялся на случайное избавление, но тщетно. Однажды, когда он жил у Спасского, тот застал Хлебникова за странным занятием: он стоял у зеркального шкафа, сбросив пиджак, и пытался измерить свою грудь сантиметром. «Быстро переступив с ноги на ногу, он стал сосредоточенно объяснять: „Размер груди. Буду ли годен?“ Он выпрямился у дверцы шкафа и отметил на ней свой рост. Хотел измерить отмеченную высоту, но отбросил, скомкав, сантиметр». Войну обмануть все равно бы не вышло. Хлебников был высокого роста, силен физически, здоров, отличный пловец.

В другой раз они со Спасским выходили из мастерской скульптора Коненкова и увидели, как по

переулку с невеселой песней идут ряды немолодых солдат. «Хлебников остановился как зачарованный. Но зачарованность была унылой. Он всматривался, вытянув голову, словно впервые видел эти свисающие серые шинели, откидываемые одинаковыми толчками выбрасываемых вперед сапог. Солдаты шлепали по рыжей кашице снега, по бурым, как пиво, лужам. Я не помню, сказал ли что-нибудь Хлебников или просто оглянулся на меня. Но он видел себя в этой группе под низко-лохматящимся непогодным небом запущенной Пресни, и каждый шаг ему доставался с трудом. И хотелось ему броситься на выручку и прекратить это унижительное недоразумение. И уже забывшимися сейчас словами я принялся его утешать».^[89]

Хлебников, в отличие от многих, не хотевших идти на войну, не предпринимал никаких реальных шагов, чтобы как-то облегчить свою участь, пристроиться где-нибудь в тылу или при штабе. В то самое время, когда подходит срок его призыва, на Пасху 1916 года, он едет к родителям в Астрахань. Там 8 апреля его забрали в армию и отправили в 93-й запасной пехотный полк в Царицын.

Где, как волосы девицыны,
Плещут реки, там, в Царицыне,
Для неведомой судьбы, для неведомого боя,
Нагибались дубы нам ненужной тетивою,
В пеший полк 93-й
Я погиб, как гибнут дети.

Открытку с этим текстом вскоре получил Дмитрий Петровский. «Король в темнице, король томится», — было приписано. Солдатская служба давалась Хлебникову страшно тяжело. Единственное, на что он

теперь надеялся, — это помощь Николая Ивановича Кульбина, врача-психиатра, имевшего генеральский чин. Ему Хлебников пишет из Царицына страстное письмо:

...

«Николай Иванович!

Я пишу вам из лазарета „чесоточной команды“. Здесь я временно освобожден от в той мере несвойственных мне занятий строем, что они кажутся казнью и утонченной пыткой, но положение мое остается тяжелым и неопределенным. Я не говорю о том, что, находясь среди 100 человек команды, больных кожными болезнями, которых никто не исследовал точно, можно заразиться всем до проказы включительно. Пусть так. Но что дальше? Опять ад перевоплощения поэта в лишенное разума животное, с которым говорят языком конюхов, а в виде ласки так затягивают пояс на животе, упираясь в него коленом, что спирает дыхание, где ударом в подбородок заставляли меня и моих товарищей держать голову выше и смотреть веселее, где я становлюсь точкой встречи лучей ненависти, потому что я не толпа и не стадо, где на все доводы один ответ, что я еще жив, а на войне истреблены целые поколения. Но разве одно зло оправдание другого зла и их цепи? Я могу стать только штрафованным солдатом с будущим дисциплинарной роты. Шаги, приказания, убийства моего ритма делают меня безумным к концу вечерних занятий, и я совершенно не помню правой и левой ноги. Кроме того, в силу углубленности я совершенно лишен возможности достаточно быстро и точно повиноваться.

Как солдат я совершенно ничто. За военной оградой я нечто. Хотя и с знаком вопроса, и именно то, чего

России недостает: у ней было очень много в начале войны хороших солдат (сильных, выносливых животных, не рассуждая повинующихся и расстающихся с рассудком, как с усами). И у ней мало или меньше других. Прапорщиком я буду отвратительным.

А что я буду делать с присягой, я, уже давший присягу Поэзии? Если поэзия подскажет мне сделать из присяги остроту? А рассеянность? На военной службе я буду только в одном случае на месте, если б мне дали в нестроевой роте сельскую работу на плантациях (ловить рыбу, огород) или ответственную и увлекательную службу на воздушном корабле „Муромец“. Но это второе невозможно. А первое хотя вполне сносно, но глупо. У поэта свой сложный ритм, вот почему особенно тяжела военная служба, навязывающая иго другого прерывного ряда точек возврата, исходящего из природы большинства, т. е. земледельцев. Таким образом, побежденный войной, я должен буду сломать свой ритм (участь Шевченко и др.) и замолчать как поэт. Это мне отнюдь не улыбается, и я буду продолжать кричать о спасательном круге к неизвестному на пароходе.

Благодаря ругани, однообразной и тяжелой, во мне умирает чувство языка. Где место Вечной Женственности под снарядами тяжелой 45 см. ругани? Я чувствую, что какие-то усадьбы и замки моей души выкорчеваны, сравнены с землей и разрушены.

Кроме того, я должен становиться на путь особых прав и льгот, что вызывает неприязнь товарищей, не понимающих других достаточных оснований, кроме отсутствия ноги, боли в животе. Я вырван из самого разгара похода за будущее. И теперь недоумеваю, что дальше. Поэтому, так как я полезен в области мирного

труда всем и ничто на военной службе, даже здесь меня признали „физически недоразвитым человеком“. Меня давно зовут „оно“, а не он. Я дервиш, иог, Марсианин, что угодно, но не рядовой пехотного запасного полка.

Мой адрес: Царицын. Военный лазарет пехотного запасного 93 полка, „чесоточная команда“, рядовому В. Х.

В нем я пробуду 2 недели. Старший врач — Шапиро довольно добродушный, <но строгий>.

Уважающий вас и уже раз вами вырученный (напоминание) Велимир Хлебников.

29 февраля в Москве возникло общество „317“ членов. Хотите быть членом? Устава нет, но общие дела».

Кульбин сразу начал действовать. Он пишет письмо, в котором констатирует у Хлебникова «состояние психики, которое никоим образом не признается врачами нормальным». Письмо возымело действие лишь отчасти — Хлебникова начинают гонять по комиссиям. Одну он проходит в Царицыне, и его назначают на новую комиссию в Казань, но с отправкой медлят.

Помочь поэту стремится и Дмитрий Петровский. Получив открытку от Хлебникова, он понял, что надо что-то делать. Взяв пятнадцать рублей в издательстве у Золотухина, он выехал в Царицын. Полк находился в двух верстах от города. Петровский приехал в воскресенье, в день парада. Солдаты ходили взад и вперед по площади в одну десятину, целым полком топтались на месте. Хлебников оказался не там, а в лазарете «чесоточной команды» на другом конце города. Там, рядом с бараками, Петровский нашел Хлебникова и был потрясен его видом: «...оборванный,

грязный, в каких-то ботфортах Петра Великого, с жалким выражением недавно прекрасного лица, обросшего и запущенного». Не спросясь начальства, Хлебников ушел вместе с Петровским в город. Петровский привез новые книги со стихами Хлебникова, и тот жадно накинулся на них. Лицо его преобразилось. Он опять стал прежним Хлебниковым. Он решил, что теперь «время от времени будет снимать номер в гостинице, сидеть и читать, воображая, что он приехал как путешественник и на день остановился в гостинице».

Выйдя из гостиницы, друзья встретили на трамвайной остановке Владимира Татлина. Тот сначала даже не узнал Хлебникова, а узнав, страшно обрадовался. Тут же решено было устроить лекцию в городском театре, объявив, что приехали московские футуристы. Лекцию назвали «Чугунные крылья». С трудом удалось получить разрешение на чтение этой лекции, но на участие в ней рядового Хлебникова разрешения получить не удалось. Более того, заступничество Петровского навлекло на поэта немилость начальства и ему не разрешили даже присутствовать на собственной лекции. В результате Хлебников спрятался за занавесом и оттуда суфлировал Петровскому. Зал был пуст, сидели только полковые шпионы, искавшие сбежавшего из казарм Хлебникова, полковник и барышни из администрации. Петровский рассказывал о достижениях Хлебникова, о найденных им закономерностях, в основном пересказывая брошюру «Время — мера мира», говорил о словотворчестве; в заключение читал свои стихи и стихи Хлебникова, Маяковского, Асеева, Бурлюка. Лекция кончилась, и, чтобы пропустить выступавших за кулисы, подняли занавес. Перед полковыми шпионами предстал не успевший скрыться Хлебников.

Петровский уехал, и для Хлебникова опять началась тяжелая солдатчина. Он опять обращается к Кульбину:

«Если можете, Николай Иванович, то сделайте то, что нужно сделать, чтобы не променять поэта и мыслителя на солдата. Удивительно! В Германии и Гёте и Кант были в стороне от наполеоновских бурь, и законы разрешали быть только поэтом. В самом деле, нас и меня звали только сумасшедшими, душевно больными; благодаря этому нам была закрыта вообще служба; а в военное время, когда особенно ответственно каждое движение, я делаюсь полноправным гражданином. Равные права = равный долг.

Кроме того, поэты — члены теократического союза — подлежат ли они воинской повинности?

Здесь я буду всегда только штрафованным солдатом — так мне враждебны эти движения, муштра. Там я могу быть творцом.

Где я должен быть?

Раз вы меня избавили из одной беды. Во всяком случае, я заклинаю Вас: вышлите заказным Ваш ответ, в комиссии врачебной, конечно, Ваше мнение будет иметь громадное значение. А эта комиссия способна улучшить мое положение.

Если Пушкину трудно было быть камер-юнкером, то еще труднее мне быть новобранцем в 30 лет, в низменной и грязной среде 6-й роты, где любящий Вас В. Хлебников.

Пришлите диагноз».

Наконец усилия Кульбина и родственников, которые, конечно, тоже хлопчут о Викторе, возымели успех, и в августе Хлебникова отправили на новое испытание в Астрахань, в земскую больницу, где он получил относительную свободу. В сентябре ему даже предоставили отпуск. Хлебников воспрял духом и стал улаживать литературные дела. В это время изданием

его произведений занялись Асеев и Петников. Хлебников из Астрахани едет к ним в Харьков, а оттуда в Красную Поляну, на дачу к Синяковым. Он пишет сестре: «Я около Харькова, живу в 12 верстах от железной дороги в усадьбе среди плодового сада... я сильно загорел и забыл, что где-то есть война, военная повинность, доктор Романович и проч. Хозяева усадьбы мои друзья и марсиане Асеев, Уречин, сестры Синяковы. Я их люблю от всей души». Марии Синяковой-Уречиной поэт посвятил стихотворение:

Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова
Явились вы, как лебедь в озере;
Я не ожидал от вас иного
И не сумел прочесть письмо зари.
А помните? Туземною богиней
Смотрели вы умно и горячо,
И косы падали вечерней голубиной
На ваше смуглое плечо.
Ведь это вы скрывались в ниве
Играть русалкою на гусях кос.
Ведь это вы, чтоб сделаться красивей,
Блестели медом — радость ос.
Их бусы золотые
Одели ожерельем
Лицо, глаза и волос.
Укусов запятые
Учили препинанью голос,
Не зная ссор с весельем.
Здесь Божия Мать, ступая по колосьям,
Шагала по нивам ночным.
Здесь думою медленной рос я
И становился иным.
Здесь не было «да»,
Но не будет и «но».

Что было — забыли, что будет — не знаем.
Здесь Божия Матерь мыла рядно,
И голубь садится на темя за чаем.

(«Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова...»)

Хлебников тогда очень увлекался творчеством Уэллса и его романом «Война миров». Он с друзьями собирался издавать книгу, которая называлась бы «Улля, улля, марсиане». Тогда же поэт записывает Уэллса в Председатели земного шара. Различные утопические проекты всегда интересовали Хлебникова. Он сам тоже создавал подобные утопии. В 1915 году он пишет статью «Мы и дома», где говорит об архитектуре, высказывает интересные градостроительные идеи. Хлебников говорит, что современные архитекторы забыли правило чередования в старых постройках «сгущенной природы камня с разреженной природой — воздухом». «У улиц нет биения. Слитные улицы так же трудно смотрятся, как трудно читаются слова без промежутков и выговариваются слова без ударений. Нужна разорванная улица с ударением в высоте зданий, этим колебанием в дыхании камня... Современный доходный дом (искусство прошлецов) растет из земли; но замки стояли особняком, окруженные воздухом, насытив себя пустынным, походя на громкое междометие. А здесь, сплюснутые общими стенами, отняв друг от друга кругозор, сдавленные в икру улицы, — чем они стали с их прыгающим узором окон, как строчки чтения в поезде!»

Хлебников предлагает строить дома совсем другого вида. Сам заядлый путешественник, поэт прежде всего заботится о таких же, как он. По мысли поэта, каждый человек становится собственником стеклянной походной каюты. Эту каюту можно погрузить на поезд

или на пароход. В городах же должны быть специальные дома-остовы. Путешественникобыватель приезжает в своей собственной каюте в любой город, и ему обязаны предоставить место в одном из домовостовов. Эти дома могут быть разной формы: дом-тополь, дом-шахматы, дом-качели, дом-волос, дом-книга и т. д. Нетрудно заметить, что многое из идей Хлебникова оказалось реализованным в современном градостроительстве.^[90] Остальные прозрения, будем надеяться, еще ждут своего часа.

В другой утопии — «Лебединя будущего» — Хлебников мечтает о том, что поля будут засеиваться и орошаться с самолетов (это было реализовано довольно скоро); поэт говорит об устройстве заповедников, и эти идеи будут скоро осуществлять на практике его отец. В конце жизни Хлебников пишет еще одну утопию — «Радио будущего». Хлебников мечтает о том времени, когда по радио на всю страну будут передаваться литературные и музыкальные произведения, когда с помощью радио будет вестись обучение, будет рассказываться о научных открытиях. «Так радио скует непрерывные звенья мировой души и сольет человечество», — заключает он.

Помимо этих грандиозных утопических проектов, Хлебников не прекращал работу с языком. Как раз в 1915–1916 годах он пишет много новых статей и пытается их опубликовать или с помощью Асеева и Петникова в Москве и Харькове, или с помощью Матюшина в Петрограде. Получив отпуск, Хлебников вообще настроен очень оптимистично. Матюшину он сообщает, что им сделано много изысканий о словах и числах, он «проповедует общий сборник», собирается помириться со всеми, с кем поссорился, «а то все в разброде». От Матюшина он ожидает «ураганный огонь изданий осенью». Погостив и отдохнув в Красной

Поляне, Хлебников все же вынужден вернуться в Астрахань, но до конца сентября он в отпуске «на свободе».

Затем, после очередной больницы, его направили в Саратов в 90-й запасной пехотный полк. Настроение у поэта опять самое мрачное. «3 недели среди сумасшедших, и опять комиссия впереди, и ничего, что бы говорило, что я буду на воле. Я в цепких руках. И со мной не расстанутся до сих пор». «Кажется, я скоро опять двинусь пехотинцем», — сообщает он.

В Саратове, куда он попал после этой комиссии, было так тяжело, что Хлебников решает сам проситься на фронт. Он подает начальнику учебной команды докладную записку: «Имея желание отправиться в действующую армию, прошу Вашего ходатайства об отправлении в действующую армию с первой очередной маршевой ротой. Рядовой Виктор Хлебников». На докладной записке начальник учебной команды написал такую резолюцию: «Чтобы быть командированным в действующую армию, необходимо иметь хотя бы маломальски воинский вид. До обучения и приведения в надлежащий вид о такой чести и думать нельзя».

Действительно, обучить поэта, короля времени, двигаться строем и выполнять приказы прапорщиков было практически невозможно. Сам Хлебников, не теряя чувства юмора, рассказывает родственникам об одном характерном эпизоде. Под Рождество он хотел отпроситься из казармы в город, но ничего не вышло: «В Саратов меня не пустили: дескать, я не умею отдать честь. Что же! так, так, так. Я и на самом деле отдал честь, держа руку в кармане, и поручик впился в меня: „Руку, руку где держишь!“» В том же письме Хлебников описывает свою казарменную жизнь: «В ночь на Рождество охотился за внутренними врагами. За березовой рощицей блещет тысячью огней Саратов.

Наш сарай обвит ледяными волосами тающих сосулек и кажется полуживой, с желтыми заячьими глазами. Он хитро дышит... Сегодня я плакал от умиления. В сочельник нам выдали французскую булку и кусочек колбасы, точно собачкам».

В другом письме Хлебников сообщает, что живет в двух верстах от Саратова за кладбищем, в мрачной обстановке лагеря. И все же он думает прежде всего о творчестве, сожалеет, что за время отпуска мало успел сделать. «Это расплата за „Временник“ и Петроград. Я не использовал лета для себя и теперь несу кару. Нельзя ли „Временник“ объявить предприятием, работающим на государственную оборону?» Предположение, конечно, наивное, но буквально рядом, в письме, написанном через три дня, Хлебников мудро замечает: «Дети! Ведите себя смирно и спокойно до конца войны. Это только 1,5 года, пока внешняя война не перейдет в мертвую зыбь внутренней войны».

Напомним, что эти слова сказаны в декабре 1916 года. Через полтора года в стране начнется Гражданская война... Рядовой Хлебников, в рождественскую ночь давивший вшей в саратовских лагерях, оказался прозорливее многих военачальников. Надо ли говорить, что его голос, как всегда, никто не услышал.

Начало 1917 года было таким же безрадостным. Писем от родных нет, Хлебников беспокоится за них. Как он говорит, бывали случаи, что письма из Саратова в полк шли одиннадцать дней (три дня версту). Сам же он только в письмах находит утешение. Родителям он посылает рисунок на шелке с изображением льва и записку: «Это я перед отправкой в военное училище. Негодую на вселенную. До свиданья». В начале 1917 года его переводят в учебную команду, это сулит хоть какие-то перемены, но, как оказалось, не в лучшую сторону. Именно оттуда, из учебной команды,

Хлебников просится на фронт и получает категорический отказ. В военное училище поэт не поступил и прапорщиком не стал. Ситуация в саратовском 90-м запасном пехотном полку ничем не отличалась от ситуации в других полках и на других фронтах.

В феврале 1917 года становится ясно, что дальше так продолжаться не может. Как раз в это время Хлебников получает пятимесячный отпуск и сразу же уезжает из Саратова к друзьям в Харьков. Там его застало известие о революции. В армию Хлебников уже не вернулся.

Глава пятая

«ГОЛОД ПРОСТРАНСТВА»

1917-1918

С этого времени Хлебников постоянно находится в гуще революционных событий. О 1917 годе он писал: «Это было сумасшедшее лето, когда, после долгой неволи в запасном пехотном полку, отгороженном забором из колючей проволоки от остальных людей, — по ночам мы толпились у ограды и через кладбище — через огни города мертвых — смотрели на дальние огни города живых, далекий Саратов, — я испытывал настоящий голод пространства, и на поездах, увешанных людьми, изменившими войне, прославлявшими Мир, Весну и ее дары, я проехал два раза туда и обратно, путь Харьков — Киев — Петроград. Зачем? Я сам не знаю. Весну я встретил на вершине цветущей черемухи, на самой верхушке дерева, около Харькова. Между двумя парами глаз была протянута занавеска цветов. Каждое движение веток осыпало меня цветами...»

Это происходило в Красной Поляне, на даче у Синяковых. Хлебников был влюблен во всех сестер Синяковых по очереди: в Ксению, жену Николая Асеева, — ей он однажды даже сделал предложение. «Как же так, Витя, ведь я же замужем за Асеевым!» — сказала она. «Это ничего», — ответил Хлебников. Впрочем, едва ли это было сказано серьезно. До этого некоторое время он был влюблен в художницу Марию Синякову-Уречину, и она тоже была замужем. Более серьезные отношения возникли с Верой Синяковой (тогда — женой Григория Петникова, во втором

замужестве — Гехт). С ней-то и целовался он в ветвях цветущей черемухи.

Этот эпизод остался в памяти Хлебникова как одно из самых светлых и радостных событий его жизни. Солдатчина научила его ценить подобные моменты, и когда Григорий Петников стал уговаривать его съездить в Харьков, Хлебников ответил: «Нет, я решил ценить все хорошее. Я не уеду». Позже он вспомнит цветущую черемуху, Веру, крестьянских девушек, проходивших мимо и заметивших их, в стихотворении «Я и ты»:

— Стой, девушки, жди!
Ля! паны! на дереве,
Как сомашечие, целуются, гляди!
Девочки, матушки, ля!
Да, Верочка, что ты?
Ума решилась?
Тебе на воздухе земля?
Да спрячьтесь в пещере вы!
На поцелуи в дереве охота?
Девушки, ай!
Ах вы, сени, мои сени,
Да в черемухе весенней! —
Качались гибко ветки,
И дева спрыгнула стыдливо
И в чаще яблоней исчезла.
А дым весны звездою жезла
Давал ей знаки шаловливо.

И еще одна Вера появится скоро в жизни Хлебникова: двоюродная сестра Синяковых Вера Демьяновская. Хлебников, который в любом совпадении

искал закономерность, конечно, обратил внимание на то, какую роль играют в его судьбе женщины с именем Вера. Это и младшая любимая сестра, и Вера Лазаревская, и Вера Будберг, и Синякова, и Демьяновская. Надо сказать, что и он нравился женщинам. Мария Синякова вспоминает: «Хлебников был совершенно изумительный красавец, элегантный человек. У него был серый костюм, хорошо сшитый. Фигура у него была совершенно изумительная. Красивее Хлебникова я никого не видела... Говорил он тихо и отрывисто, но тех странностей, которые потом у него появились, совершенно тогда не было. Он был очень замкнутый, почти никогда не смеялся, только улыбался, громкого смеха никогда не было. Но то, что он был изумительный красавец, это действительно так. Костюм на нем выглядел элегантно, был он немножко сутулый».^[91]

Мария Синякова пишет, что в последние годы жизни в поведении Хлебникова появились странности, становившиеся все более заметными. Но в 1917 году в Харькове эти особенности поведения еще так сильно не проявлялись. Хлебников был человек совершенно оторванный от быта, неприспособленный к быту. Но если в относительно благополучные дореволюционные годы, чтобы сохранять пристойный вид, требовалось не так уж много усилий, то после революции ситуация изменилась. И люди гораздо более пробивные и энергичные, чем Хлебников, оказались в ужасных условиях, питались как попало и одевались во что попало. У Хлебникова же эти изменения нередко принимали чуть ли не гротескные формы. Мария Синякова рассказывает такой эпизод: Брики, жившие после революции в достатке, подарили Хлебникову шубу со скунсовым воротником. Он приехал в этой шубе к Синяковым поздней весной, когда было уже жарко.

Тогда он оторвал мех и начал прогуливаться в одном ватине; или надевал верх с меховым воротником в жару, а сам ходил босой.

Как ни хорошо было в Красной Поляне, но Хлебников решил ехать в Петроград. Он горячо откликнулся на события Февральской революции. Во втором «Временнике», вышедшем в Харькове весной 1917 года, появилось стихотворение:

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты».
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем,
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы спют у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца —
Самодержавном народе.

(«Свобода приходит нагая...»)

Несмотря на то что Хлебников приветствовал и Февральскую, и Октябрьскую революции, его позиция совсем не была однозначной. Он прекрасно видел, что несет с собой государственный переворот, и в 1919–1920 годах будет создавать совсем другие произведения. Но и сейчас, в 1917 году, он прислушивается к обеим конфликтующим сторонам и понимает, что у каждого своя правда. Он пишет стихотворение «Народ поднял верховный жезел» от имени отрекшегося императора:

Народ поднял верховный жезел,
Как государь идет по улицам.
Народ восстал, как раньше грезил.
Дворец, как Цезарь раненый, сутулится.
В мой царский плащ окутанный широко,
Я падаю по медленным ступеням,
Но клич «Свободе не изменим!»
Пронесся до Владивостока.
Свободы песни, снова вас поют!
От песен пороха народ зажегся.
В кумир свободы люди перельют
Тот поезд бегства, тот, где я отрекся.
Крылатый дух вечернего собора
Чугунный взгляд косит на пулеметы.
Но ярость бранного позора —
Ты жрица, рвущая тенета.
Что сделал я? Народной крови темных снегирей
Я бросил около пылающих знамен,
Подругу одевая, как Гирей,
В сноп уменьшительных имен.
Проклятья дни! Ужасных мук ужасный стон.
А здесь — о ржавчина и цвель! —
Мне в каждом зипуне мерещится Дантон,
За каждым деревом Кромвель.

Хлебников боится пропустить важные революционные события. Сначала из Харькова он ненадолго заехал в Москву, потом отправился в столицу. В поездке не обошлось без приключений: в Твери его задержали как дезертира, сняли с поезда. Несколько дней он провел на гауптвахте, хотя все бумаги о пятимесячном отпуске у него были в порядке.

В конце концов его отпустили и он оказался в Петрограде у Матюшина. У Хлебникова была конкретная цель приезда: надо было увеличить список Председателей земного шара. Революционные события, казалось, способствовали этому.

В мае 1917 года, едва приехав в Петроград, Хлебников активно включается в общественную и литературную жизнь. Вместе с Петниковым он поселился в Академии художеств, в квартире № 5. Эта квартира стала своеобразным штабом левых сил. Хозяевами квартиры были искусствовед, музейный деятель Сергей Исаков и два его пасынка: художник Лев Бруни и поэт Николай Бруни. Там собиралось много народу. Среди постоянных посетителей были искусствовед Николай Пунин, композитор Артур Лурье, художники Натан Альтман, Николай Тырса, Дмитрий Митрохин. Там показывал свои работы приехавший из Москвы Казимир Малевич, там вместе с Л. Бруни работал Владимир Татлин, создававший свои ставшие знаменитыми контррельефы.

Члены кружка, собиравшегося там, были скептически настроены по отношению к первой волне русского футуризма. Время эпатажа уже прошло, но все эти люди безусловно признавали авторитет и лидерство Хлебникова. Многие к тому времени уже были с ним знакомы. Когда Хлебников появился в квартире № 5, он произвел сильное впечатление не только на ее обитателей, художников и поэтов, но даже на неграмотную кухарку Акулину. Встретив хозяйку на кухне, Акулина не то в ужасе, не то в экстазе произнесла: «Ах, барыня!.. Какой он горящий! Ах, какой горящий!» Под словом «горящий» она подразумевала одновременно и «терпящий горе» и «горящий огнем».

[92]

Хлебников тогда был сильно увлечен созданием общества Председателей земного шара, и многие завсегда и Академии художеств получили от него приглашение вступить в ряды этого общества. Идеи Хлебникова оказались близки многим: в Петрограде в эти дни как раз шла организационная работа по созданию Союза деятелей искусств (СДИ). Сразу после Февральской революции представители творческой интеллигенции во главе с Александром Бенуа и другими членами группы художников «Мир искусства» собрались, чтобы принять меры по охране дворцов и произведений искусства. Разумеется, далеко не все согласились с установками этой группы. Общество архитекторов-художников выдвинуло идею организации Союза деятелей искусств. В марте в зале Совета Академии художеств состоялось собрание, на котором был избран Временный комитет уполномоченных будущего Союза. Туда вошли хорошие знакомые и друзья Хлебникова: Н. Альтман, С. Исаков, В. Маяковский, Н. Пунин и другие. Однако Временное правительство узаконило комиссию Бенуа, которая оказалась нежизнеспособной и уже в апреле постановила прекратить свою деятельность.

Во вновь организованную комиссию при Временном правительстве опять вошли в основном мирискусники. От участия в Союзе деятелей искусств они отказались. Тем временем 182 объединения приняли участие в работе Союза. Правда, многие из этих обществ были созданы специально накануне выборов, чтобы таким образом провести в правление Союза своих людей. В конце марта состоялось собрание делегатов Союза деятелей искусств. В проекте выработанного ими устава указывалось: «Ставя конечной своей целью утверждение вольности искусства, Союз осуществляет следующие ближайшие задачи: создание условий, обеспечивающих свободу искусства творимого, свободу

художественного образования и художественных воззрений... Законодательный почин и обязательное наблюдение над правительственными и общественными мероприятиями и начинаниями в делах искусства». ^[93] С самого начала работы обнаружилось разделение участников на три группы: правых, центр и левых. Официально СДИ делился на восемь курий, по числу основных видов искусства.

В мае Хлебников присутствовал на заседании Литературной курии СДИ (во главе ее стоял Федор Сологуб) и поставил свою подпись на коллективном письме. В числе других подписавших — В. Жирмунский, Г. Петников, Ф. Сологуб, К. Эрберг. 20 мая организационно оформился «блок левых» во главе с О. Бриком, Л. Жевержеевым, С. Исаковым, Н. Пуниным, Е. Туровой. Надо полагать, в действиях этой организации Хлебников увидел нечто родственное своему обществу Председателей земного шара. Не случайно многие участники Союза оказались в числе Председателей.

Самым значительным событием в деятельности СДИ стало участие в праздновании «Займа свободы» 25 мая, организованного Временным правительством с целью помочь фронту. В Петрограде его рассматривали как «день художника». «Художники, поэты, музыканты вынесут свое творчество, поднимут ваш дух. День займа должен являться днем отдыха от подавляющих в последнее время настроений и уныния». Плакат художника Герардова объяснял смысл праздника: «Для наступления нужны снаряды, а для снарядов — деньги». ^[94]

Около двух часов дня все группы деятелей искусства соединились вместе и прошли перед Мариинским дворцом, где заседало Временное правительство. Затем проследовали экипажи. Экипажи И. Е. Репина и председателя СДИ А. И. Таманова были

богато украшены цветами. За Репиным и Тамановым следовали экипажи Л. Андреева и Ф. Сологуба. В заключение шествия двигались автомобили, представлявшие российские художественные общества и организации: «Мир искусства», футуристов, кубистов и другие.

В футуристическом грузовике ехал Хлебников. Сохранилось несколько свидетельств современников о том, как это выглядело: «Хлебников ехал в огромном грузовике, грязном, черном, украшенном простым черным плакатом с черепом и мертвыми костями и с надписью „317 Председателей земного шара“. Этот автомобиль представлял собой забавный контраст с одуряющей пестротой процессии и ослепительно ярким солнечным днем, а также и с настроением толпы».^[95] Это воспоминание художницы Ольги Лешковой, написанное по горячим следам тех событий.

Много лет спустя Григорий Петников вспоминал об этом событии в письме к Н. Альтману: «Вы, конечно, помните, как Вы украшали наш грузовик в день пресловутого „Займа свободы“ в Петрограде на Дворцовой площади в 1917 году. Вашими плакатами, сделанными тушью и чернилами на белых больших листах, которые укрепляли гвоздями мы (В. Хлебников, Вы, я и Вл. Маяковский, которому хлебниковская затея нравилась очень) на бортах грузовика, что был дан Союзу деятелей искусств, — нашему „левому блоку“, в котором Вы участвовали... Грузовик вопреки строгому церемониалу, был, во-первых, в плакатах против войны, и во-вторых, он вырвался из строя других машин и помчался на Невский, „испортив“ настроение корреспондента кадетской „Речи“ проч. последователям Керенского, о чем и была напечатана в этой газете большая заметка в те дни, где нас осуждали за это; а „Заем свободы“ и весь этот

неудалый праздник был ведь за войну „до победного конца“». [\[96\]](#)

Сам Хлебников писал: «На празднике искусств 25 мая знамя Председателей земного шара, впервые поднятое рукой человека, развевалось на передовом грузовике. Мы далеко обогнали шествие. Так на болотистой почве Невы было впервые водружено знамя Председателей земного шара».

С точки зрения не участвовавшего в празднике А. Бенуа это выглядело совсем иначе: «Все свелось к плохо сколоченным и украшенным пестрым малеванием несколькими поездам грузовиков, украшенных рвавшимися на ветру бумажонками и платочками».

К этому празднику был приурочен выпуск однодневной газеты «Во имя свободы». Там Хлебников опубликовал стихотворение «Сон».

Вчера я молвил: гулля! гулля!
И войны прилетели и клевали
Из рук моих зерно.
И надо мной склонился дедер,
Обвитый перьями гробов,
И с мышеловкою у бедер,
И с мышью судеб у зубов.
Крива извилистая ость,
И злы синеющие зины,
Но белая, как лебедь, кость
Глазами зетит из корзины.
Я молвил: «Горе! Мышелов!
Зачем судьбу устами держишь?»
А он ответил: «Судьболов
Я и волей чисел ломодержец».
И мавы в солнечных одеждах,
И сзади кожи лишены,
И с пляской конницы на веждах,

Проходят с именем жены.
Кружась волшебною жемчуркой,
Они кричали: «Веле! Веле!»
И, к солнцу прилепив окурок,
Они, как призраки, летели.

Это антивоенное стихотворение едва ли отвечало общему замыслу газеты, однако оно было очень важно для Хлебникова. Впоследствии ряд антивоенных стихотворений, написанных в годы Первой мировой войны, Хлебников объединит в цикл «Война в мышеловке».

Некоторые другие материалы, напечатанные в газете, в частности стихотворение Анны Ахматовой «Памяти 19 июля 1914 года», тоже были антивоенными, так что устроители праздника едва ли добились желаемого результата.

Хлебников, живя в Петербурге, вновь сближается с кругом Ахматовой и ее друзей — Артуром Лурье, Ольгой Судейкиной. Раньше, в годы футуристических и акмеистических баталий, они часто виделись в «Бродячей собаке», и Хлебников даже посвящал Ахматовой свои стихи. Теперь Хлебников приходит в дом 18 на Фонтанку — к Ольге Судейкиной. Судейкина, «Коломбина десятых годов», как назовет ее Ахматова в «Поэме без героя», актриса и художница, иногда приглашала Хлебникова к чаю. Однажды она попросила его прочесть стихи, и он прочел стихи о войне, которая в то время представлялась ему исключительно как кровавая, бессмысленная бойня. Это стихотворение Хлебников считал очень важным и много раз перерабатывал его, включая в различные подборки своих произведений.

Где волк воскликнул кровью:
«Эй! Я юноши тело ем», —
Там скажет мать: «Дала сынов я».
Мы, старцы, рассудим, что делаем.
Правда, что юноши стали дешевле?
Дешевле земли, бочки воды и телеги углей?
Ты, женщина в белом, косящая стебли,
Мышцами смуглая, в работе наглей!
«Мертвые юноши! Мертвые юноши!» —
По площадям плещется стон городов.
Не так ли разносчик сорок и дроздов?
— Их перья на шляпу свою нашей.
Кто книжечку издал: «Песни последних
олений»,
Висит рядом с серебряной шкуркою зайца,
Продетый кольцом за колени,
Там, где сметана, мясо и яйца.
Падают Брянские, растут у Манташева.
Нет уже юноши, нет уже нашего
Черноглазого короля беседы за ужином.
Поймите, он дорог, поймите, он нужен нам!

(«Где волк воскликнул кровью...»)

В стихотворении упоминаются акции Брянского машиностроительного завода и бакинское нефтепромышленное общества «А. И. Манташев и КО».

О чаепитиях у Судейкиной вспоминает ее близкий друг, композитор Артур Лурье. Он, как и многие другие, замечал бытовую неприспособленность Хлебникова, отчего многие в глаза называли его «идиотом». «Хлебников, — говорит Лурье, — был единственным встреченным мною в жизни человеком, который был абсолютно лишен бытовых реакций и бытовых проявлений. По этой причине он во многих вызывал

недоумение: он был не такой, как все, следовательно — идиот».^[97] Надо сказать, что Хлебников все же умел становиться решительным, властным, саркастичным, но проявлял эти черты только в творческом плане, а не в бытовом.

В этот свой приезд Хлебников предпринял попытку издать большой сборник драматических вещей. Об этом шли переговоры с Матюшиным, вместе с Хлебниковым они составили план книги. Но, как это часто бывало с Хлебниковым, вместо того чтобы самому заниматься изданием, он внезапно уехал, на этот раз в Киев. Неудивительно, что книга не вышла.

Объехав полстраны, уже в августе Хлебников оказался у родителей в Астрахани. Оттуда он пишет Матюшину: «Я был в Киеве, Харькове, Таганроге, Царицыне, купался в Азовском море... Завтра с одним сыном солнца еду, как ящерица, греться на солнце и пить арбузы и кумыс». Этим «сыном солнца» был давний знакомый Хлебникова Дмитрий Петровский. Вместе с Хлебниковым они отправились в степь разыскивать гору Богдо. По калмыцкой легенде, когда эту гору переносили двое святых, один из них поддался греховной мысли и был раздавлен горой, оросившейся его кровью. Поэтому один склон горы всегда красный. Эту гору Хлебников еще раньше воспел в поэме «Хаджи-Тархан».

Где Волга прянула стрелою
На хохот моря молодого,
Гора Богдо своей чертою
Темнеет взору рыболова.
Слово песни кочевое
Слуху путника расскажет:
Был уронен холм живой,
Уронил его святой, —

Холм, один пронзивший пажить!
А имя, что носит святой,
Давно уже краем забыто.
Высокий и синий, боками крутой,
Приют соколиного мыта!
Стоит он, синея травой,
Над прадедов славой курган.
И подвиг его, и доныне живой,
Пропел кочевник — мальчуган.
И псов голодающих вторит ей вой.

На пароходе Хлебников и Петровский плыли из Астрахани на Черепашу (калмыцкий поселок). «Сейчас начнется Ассирия», — сказал хорошо знавший эти места Хлебников, когда они подъезжали к калмыцкому хурулу.^[98] Так, греясь на солнце и путешествуя по калмыцкой степи, Хлебников провел лето 1917 года. К осени он почувствовал, что назревают важные события, и выехал в Петроград. Дмитрий Петровский уехал туда раньше.

В октябре 1917 года, как раз ко времени Октябрьской революции, Хлебников вновь оказался в Петрограде. Он поселился у Петровского на окраине города в селе Смоленском. В предчувствии событий Хлебников и сам жаждал активной деятельности. Однажды это чуть было не кончилось для него трагически. Жажда приключений привела Хлебникова и Петровского в цыганский табор. Поэт моментально влюбился в красивую цыганку и решил остаться в таборе, но внезапно появились мужчины с пистолетами, и едва удалось избежать кровопролития.

К тому времени у Хлебникова кончился отпуск и его вновь могли забрать в армию. Каждый день из участка приходил человек и спрашивал: «А что, отметочка

имеется?» Пришлось идти в комендатуру. Хлебников предъявил документ. «Вам еще нет сорока? Тогда вы годитесь для революционной армии», — сказал военный. «А сколько лет товарищу Керенскому?» — спросил Хлебников. «Тридцать один», — ответил военный. «Следовательно, сначала пойдет на военную службу товарищ Керенский. А в следующую очередь я», — заявил Хлебников. После этого, как пишет Петровский, им пришлось спасаться бегством. Вскоре октябрьские события навсегда освободили Хлебникова от армии. Его вновь попытаются мобилизовать в денкинскую добровольческую армию в 1919 году, и вновь, как и в 1916-м, Хлебников найдет убежище в психиатрической лечебнице.

В это время Хлебников уже совершенно разочаровался в деятельности Керенского и теперь вынашивал грандиозные планы, как свергнуть Керенского и все Временное правительство. «В Мариинском дворце, — вспоминал Хлебников осенью следующего года, — в это время заседало Временное правительство, и мы однажды послали туда письмо: „Здесь. Мариинский дворец. Временное правительство. Всем! Всем! Всем! Правительство земного шара на заседании своем 22 октября постановило: 1) Считать Временное правительство временно не существующим, а главнонасекомствующего Александра Федоровича Керенского находящимся под строгим арестом. „Как тяжело пожатье каменной десницы“. Председатели земного шара Петников, Ивнев, Лурье, Петровский, Я — Статуя командора“». «В Мариинском, — продолжает Хлебников, — в это время ставили „Дон Жуана“, и почему-то в Дон Жуане видели Керенского; я помню, как в противоположном ярусе лож все вздрогнули и насторожились, когда кто-то из нас наклонил голову, кивая в знак согласия Дон Жуану раньше, чем это успел сделать командор. Через несколько дней „Аврора“

молчаливо стояла на Неве против дворца, и длинная пушка, наведенная на него, походила на чугунный неподвижный взгляд — взор морского чудовища».

Далее в своих воспоминаниях, написанных по горячим следам событий, Хлебников дает описание тех октябрьских дней: «У разведенных мостов горели костры, охраняемые сторожами в широких тулупах, в козлы были составлены ружья, и беззвучно проходили черные густые ряды моряков, неразличимых ночью. Только видно было, как колебались ластовицы. Утром узнавали, как одно за другим брались военные училища. Но население столицы было вне этой борьбы».

Литературная и художественная жизнь в Петрограде не затихает ни на один день. Хотя о договоре с Матюшиным на издание пьес речи уже не было, Хлебников подписывает новый договор, на этот раз на театральные постановки. Вместе с В. Татлиным и А. Лурье он собирается ставить на сцене свои драматические произведения: «Ошибку смерти», «Госпожу Ленин» и «13 в воздухе». И опять, вместо того чтобы заниматься постановкой, он уезжает наблюдать развитие революционных событий в Москве. Разумеется, пьесы поставлены не были. Незадолго до отъезда в Москву Хлебников вышел из «блока левых» СДИ. Вскоре весь СДИ прекратил свое существование.

В Москве, как пишет Хлебников, «мы выдержали недельную осаду. Ночевали, сидя за столом, положив голову на руки, на Казанском, днем попадали под обстрел и на Трубной, и на Мясницкой. Другие части города были совсем оцеплены. Все же, несколько раз остановленный и обысканный, я однажды прошел по Садовой всю Москву поздней ночью. Глубокая тьма изредка освещалась проезжими броневиками; время от времени слышались выстрелы».

После установления власти большевиков люди в Москве начали приспособляться к новой жизни.

Стараниями Бурлюка, Каменского и других литераторов было основано «Кафе поэтов». Оно находилось в Настасьинском переулке в помещении бывшей прачечной. Там стала собираться все та же компания бывших футуристов-гилейцев и левых художников. Кафе просуществовало недолго, но Хлебников там успел побывать и даже стать завсегдатаем этого заведения. Он даже «выступал» там: невнятно произносил десяток строк и, сходя с эстрады, добавлял неизменное: «И так далее...»

В Москве издательские дела Хлебникова, казалось бы, начинают налаживаться: при содействии В. Каменского он заключил договор с меценатом Н. Д. Филипповым на издание своих вещей, но опять же меньше чем через месяц сбежал от опеки Филиппова, Каменского и Бурлюка. Он рассказывал сестре, что в то время имел возможность хорошо устроиться материально. «Меня в Москве пригласили быть редактором одного журнала. Я согласился, получил аванс на расходы: кошелек, туго набитый деньгами; вышел с ним на улицу, прошел немного и раздумал... вернулся обратно и отдал кошелек, отказавшись от должности редактора... „Это слишком меня связывало“, — добавил он задумчиво».^[99] Одно время он даже жил в Москве в гостинице «Люкс». Это было, когда Филиппов еще надеялся что-то получить от поэта.

Хлебников едет к родителям в Астрахань, где в это время большевики с боем пытались взять город. Еще недавно казалось, что революционные события не дойдут до Астрахани. В ноябре 1917 года «Астраханский листок» сообщал: «Настроение в городе остается выжидательным. Общее мнение таково, что вероятнее всего Астрахань горькой чаши большевизма не испьет».

Хлебников успел как раз к основным сражениям, которые развернулись 11-26 января 1918-го. Именно эту дату — 26 января — он упоминает в автобиографическом рассказе «Никто не будет отрицать...», написанном вскоре после тех событий. «Это бьются казаки и „нехорошие люди“ — большаки. <...> Я... холодно созерцаю голосование пушечными выстрелами и подачу избирательных записок посредством направленного в небо ружейного боя. <...> Я был без освещения после того, как проволока накаливания проплясала свою пляску смерти и тихо умирала у меня на глазах. Я выдумал новое освещение: я взял „Искушение святого Антония“ Флобера и прочитал его всего, зажигая одну страницу и при ее свете прочитывая другую; множество имен, множество богов мелькнуло в сознании, едва волнуя, задевая одни струны, оставляя в покое другие, и потом все эти веры, почитания, учения земного шара обратились в черный шуршащий пепел. Имя Иисуса Христа, имя Магомета и Будды трепетало в огне, как руно овцы, принесенной мной в жертву 1918 году. Стало легко и свободно».

Во время уличных боев Виктор уходил куда-то наблюдать за ходом военных действий. Вера, больная, сидела дома. Вдруг однажды Виктор пришел домой и сказал ей, что она должна вмешаться в сражение. Он все продумал: зная, где будет происходить главное сражение, он придет туда вместе с Верой, она встанет между красными и белыми и будет уговаривать их помириться и разойтись. Хлебников объяснял, что его не послушают, а Веру должны послушаться. Сам он будет стоять рядом. Вера на такой отчаянный шаг не решилась.

Когда совершался перелом и в стране, совершался и некий внутренний перелом в сознании поэта. В это время он написал не много. Однако произведения, написанные в этот период, очень важны для всего

творчества Хлебникова. Так, в декабре 1917 года он создал одно из лучших своих стихотворений:

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
И послушно скакал
Очарованный гад
В кольцах ревности;
И змея плененного пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение
Кого заставляли все зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно пение,
Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком спокойно пробуравил
И в скважину надменно вставил
Душистую ветку Млечного Пути,
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
Тебе говорю: Ты.
Так я кричу, и на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совет гнездо, и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий.

(«Ты же, чей разум стекал...»)

Сохранилось восемь вариантов этого стихотворения. Когда в 1921-м Хлебников читал его Вячеславу Иванову, тот назвал Хлебникова ангелом. По поводу этого стихотворения Хлебников в 1920 году говорил: «Кеплер писал, что он слушает музыку небесных сфер. Я тоже

слушаю эту музыку, и это началось еще в 1905 году. Я ощущаю пенье вселенной не только ушами, но и глазами, разумом и всем телом».^[100] 1905-й — год первой русской революции и Русско-японской войны. Именно с этого момента Хлебников начинает искать «законы времени». Таким образом, «музыка революции», по выражению Блока, и «музыка небесных сфер», которую слышали Пифагор и Кеплер, звучала и для Хлебникова. Для него эти мелодии звучали вместе, были частями одной симфонии. Он слушал «музыку революции», путешествуя по всей России.

Из Астрахани весной 1918 года он вновь уезжает в Москву. Как всегда, Хлебникову было негде жить, и его приютили в семье врача Александра Петровича Давыдова. Несмотря на то что профессия врача вроде бы далека от искусства, в квартире Давыдовых постоянно бывали актеры, поэты, музыканты, художники. Велимиру предоставили отдельную комнату, обеспечив его при этом полным пансионом. У него появился стол, за которым он мог работать. Здесь у Хлебникова даже стала складываться личная библиотека. Раньше у него не было под рукой даже своих собственных сочинений.

Давыдов работал главврачом санитарного поезда, и ему в пайке выдавали какао, сухое молоко, муку и другие продукты, которые в Москве уже трудно было достать. И сам Давыдов, и его жена Лидия Владимировна были щедрыми хозяевами. Докторский паек делился на всех обитателей и гостей квартиры. Хлебников очень любил какао, называл его пищей богов и амброзией. Когда докторский паек кончался, Лидия Владимировна варила похлебку из пшена. Однажды утром она сварила целую кастрюлю похлебки и все обитатели квартиры разошлись по своим делам. Вечером, когда все сели за стол, оказалось, что

кастрюля почти пуста. Хлебников так увлекся, что не заметил, как съел всю похлебку. Но никто на него не обиделся, быстро нашли что-то еще из продуктов и сварили новую еду. Иногда Хлебников забывал закрыть окно в своей комнате и замерзал. Ему говорили, что он может простудиться, он очень удивлялся и спрашивал: «Надо закрывать окно? А я не догадался». [\[101\]](#)

У Давыдовых поток людей не иссякал никогда, гости часто засиживались допоздна и здесь же оставались ночевать. Завсегдатаями их квартиры были Маяковский и Бурлюк, художники Осмеркин и Чекрыгин, артист Александр Вертинский. Нередко Хлебников в этой шумной компании чувствовал себя неуютно. Хозяйка постепенно «приручала» его. Например, он стал по утрам причесываться, являясь за помощью к хозяйке. Он покорно вверялся гребню, расплачиваясь послушанием за гостеприимство. Так же покорно он сидел за общим столом, иногда даже принимался что-то рассказывать или по общей просьбе читал стихи.

В конце концов заботы Давыдовых стали тяготить Хлебникова. Лидия Владимировна все время пыталась его вразумлять, уговаривала оставить кочевую жизнь. Но у Хлебникова было по этому поводу свое мнение. «У гения своя дорога», — сказал он в ответ на все увещевания. Не прожив в Москве и пары месяцев, он покидает гостеприимных Давыдовых и всех заботливых друзей.

Поэт вновь отправляется путешествовать с одним вещевым мешком. Вся «библиотека» в мешок не поместилась, и ее пришлось оставить в Москве. Путь Хлебникова лежит на Волгу. Прежде всего он отправляется в Нижний Новгород. Там он моментально входит в литературные круги города, и очень скоро его произведения публикуются в альманахе «Без муз», который издавал Иван Рукавишников. Стихотворение

Хлебникова, посвященное Нижнему Новгороду, опубликовано в местной газете. «Нежный Нижний! Волгам нужный, Каме и Оке», — так с любовью обращается Хлебников к этому волжскому городу, где был, по сути дела, всего лишь проездом.

Нежный Нижний! —
Волгам нужный,
Каме и Оке,
Нежный Нижний
Виден вдалеке
Волгам и волку.
Ты не выдуман,
И не книжный
Своим видом он.
Свидетели в этом:
И Волга иволги,
Всегда золотая, золотисто-зеленая!
И Волга волка,
В серые краски влюбленная.
Старую сказкою око
Скитальца-слепца успокоив,
Киев на Волге!
Киевский холм на Оке!
Киевом глаз успокоив,
Старую лютнею стен,
В облачной блещешь руке
Сказкою, сказкою иволги!

(«Нижний»)

Из Нижнего Хлебников едет в Казань, город своей юности, где не был с 1908 года. Там он встретил Сергея Спасского, который пробирался в Самару. Денег не

было ни у того, ни у другого, у Хлебникова было лишь немного еды. Со Спасским они стали обсуждать возможные планы путешествия. «Что, если спуститься пешком?» — предложил Спасский. «Конечно, — ответил Хлебников, — только лапти нужны. Мы можем продавать папиросы. Я сегодня думал об этом. Будем читать на улицах стихи. За это нас будут кормить», — строил планы Хлебников. Он собирался ехать к родным в Астрахань, но после нескольких ночей, проведенных на пристани, ему пришлось вновь возвращаться в Нижний Новгород к Рукавишникову. Через некоторое время, в августе, он все же добрался до Астрахани.

Тяга к путешествиям была у Хлебникова неистребима, как бы тяжело ему ни приходилось. Единственное право, которое он отстаивал для себя как поэта, — право бесплатного проезда по всем путям сообщения. К сожалению, этого права Хлебников не добился. Художница Нина Коган, которая была большой почитательницей творчества Хлебникова, спросила его как-то раз, каждый ли поэт может написать по-настоящему хорошие стихи. «Стихи, — сказал он, — это все равно, что путешествие, нужно быть там, где до сих пор еще никто не был». Таким образом, бесконечные странствия Хлебникова, эти непонятные для друзей внезапные отъезды были для Хлебникова своего рода актом творчества: он стремился в неведомые поэтическому языку страны, он стремился объехать на поезде, хоть бы даже на крыше вагона, или обойти пешком весь земной шар.

Итак, в августе 1918 года Хлебников снова в Астрахани, где задержался на целых восемь месяцев. Это был его самый продолжительный и в то же время последний визит в город предков.

За время скитаний по стране у Хлебникова было несколько случайных небольших публикаций: стихотворения в «Северном изборнике» в Москве, в

нижегородском альманахе «Без муз» и Нижегородском рабоче-крестьянском листке, одно стихотворение и статья в четвертом «Временнике». Там поэт вновь обращается к экспериментам со словом.

Сияющая вольза
Желаемых ресниц
И ласковая дольза
Ласкающих десниц.
Чезори голубые
И нрови своенравия.
О, мраво! Моя моролева,
На озере синем — мороль.
Ничтрусы — туда!
Где плачет зороль.

(«Сияющая вольза...»)

В Астрахани Велимир, как всегда, остановился у родителей. К тому времени семья Хлебниковых уже несколько лет жила на Большой Демидовской улице в доме № 53. Хлебниковы занимали квартиру на первом этаже двухэтажного кирпичного дома. Там родители поэта жили до 1931 года, оттуда они уехали в Москву к Вере, которая к тому времени вышла замуж за Петра Митурича и родила сына Мая.

Ныне в этой квартире находится Дом-музей В. Хлебникова. Как ни странно, от безбытной жизни Велимира осталось довольно много материальных свидетельств. Сохранились его детские рисунки и тот самый «лев», которого в 1916 году он послал родителям из казармы; сохранились две игрушки кустарной монашеской работы из Сергиева Посада. Они были приобретены, когда Хлебников с Петровским ездили к

отцу Павлу Флоренскому. Сохранилась самодельная ручка, сделанная из засохшей ветки вербы.

Эту ручку Хлебников описал в рассказе «Ветка вербы»: «Я пишу сейчас засохшей веткой вербы, на которой комочки серебряного пуха уселись пушистыми зайчиками, вышедшими посмотреть на весну, окружив ее черный сухой прут со всех сторон. Прошлая статья писалась суровой иглой лесного дикобраза, уже потерянной. После нее была ручка из колючек железнодорожного терновника. Что это значило? Эта статья пишется вербой другим взором в бесконечное, в „без имени“, другим способом видеть его. Я не знаю, какое созвучие дают все вместе эти три ручки писателя».

Сохранился небольшой железный сундучок, в котором Хлебников возил рукописи, сохранились книги с автографами. Гораздо больше вещей связано с родителями, братьями и сестрами поэта. Это часть семейной библиотеки, научные труды отца, его свидетельство о награждении Большой серебряной медалью за коллекцию птиц Астраханского края (в нее входило 800 экспонатов), свидетельство Екатерины Николаевны Вербицкой — сестры Красного Креста, семейная переписка, альбомы с фотографиями. Сохранилась мебель, стоявшая в этой квартире: буфет красного дерева, шкаф с посудой. Сохранились инструменты для набивки чучел, чашка, которую Виктор подарил матери. Наконец, сохранились сами стены, сами комнаты, которые помнят Хлебниковых. Всё так же стоят изразцовые печи, на стенах остались лепные украшения. Хлебников, приезжая к родителям, работал в маленькой проходной комнате. Рядом с его комнатой находилась комната Веры. Там сейчас стоит ее этюдник, баночки с японской гуашью. Ее живописные и графические работы находятся здесь же, в этой

комнате, и в соседней квартире, ныне тоже принадлежащей Музею.

В августе 1918 года в этой квартире собралась вся семья: родители, Виктор, Александр, Екатерина и Вера. Советская власть в Астрахани еще не упрочилась: с Каспия наступали англичане, город был на осадном положении. Начинался продовольственный кризис. Белые войска Добровольческой армии успешно наступали по всей Кубанской области и подошли к Царицыну. Красная армия была отброшена в Прикаспийские степи. В городе усиливался красный террор. В августе 1918 года Ленин телеграфировал в Астрахань: «Неужели правда, что в Астрахани уже поговаривают об эвакуации? Если это правда, то надо принять самые беспощадные меры против трусов». Соответствующие меры принимались. О том, как это происходило, Хлебников написал в поэме «Ночной обыск» (1921): матросы-краснофлотцы приходят в дом с обыском. Сын хозяйки, офицер, пытается оказать им сопротивление, и его убивают на глазах у матери, заставив перед этим раздеться догола. После этого матросы устраивают в доме погром и напиваются. Тем временем мать убитого запирает все двери, поджигает дом и вместе с убийцами сына гибнет в огне.

Молодой офицер мужественно встречает смерть и смеется в лицо врагам.

— В расход его, братва!
Стань, юноша, у стенки.
Вот так! Вот так!
Волосики русики,
Золотые усики.
У печки стой, белокурый,
Скидай с себя людские шкуры!
— Гость моря, виноват

За промах —
Рука дрожала.
Шалунья пуля.
— Смеется, дерзость или наглость?
Внести в расход?
— Даешь в лоб, что ли,
Товарищи братва,
Морские гости?
.....
— Рубаху снимай, она другому пригодится,
В могилу можно голяком.
И барышень в могиле — нет.
Штаны долой.
И все долой! И поворачивайся, не спи —
Заснуть успеешь. Сейчас заснешь, не
просыпаясь!
— Прощай, мама,
Потуши свечу у меня на столе.

Несмотря на это страшное время, все Хлебниковы стараются вести созидательную работу. Основной идеей Владимира Алексеевича Хлебникова уже на протяжении нескольких лет было создание в дельте Волги заповедника.

Старший Хлебников был по-своему замечательным человеком, хотя его отношения с сыном не складывались. Дом Хлебниковых выделялся в провинциальной Астрахани, об этом имеется ряд свидетельств. В 1917 году родителей поэта посетил представитель петербургской богемы — Артур Лурье. «С первых же слов разговора я понял, как родители Хлебникова страдают от его трагической судьбы — бедности, непризнания и странностей его, которые им, между прочим, совсем не казались таковыми. В

родителях Хлебникова, живущих в Астрахани, не было ни провинциальности, ни обывательского мещанства».

Об этом же говорит Рюрик Ивнев, бывший в Астрахани вместе с Хлебниковым в 1918-м: «Здесь не было ни этажерок, ни салфеточек, ни фарфоровых слонов, ни оленьих рогов, ни ширмочек, ни олеографий, ни горшков с фикусами, ни ваз с пыльными бумажными цветами, ни развешанных по стенам вееров. Здесь была какая-то особенная тишина, точно комната была вырвана из города и переброшена в пустыню».

В 1915 году, будучи председателем Петровского общества исследователей Астраханского края, В. А. Хлебников возглавил комиссию для подробного рассмотрения вопроса об учреждении заповедника и на судне «Почин» обследовал некоторые районы дельты Волги. Сразу после революции старший Хлебников опять поднимает этот вопрос, и 12-13 сентября 1918 года то же судно «Почин» отправляется выбирать место под заповедник. В качестве экскурсантов на судне были Велимир Хлебников и Рюрик Ивнев. День и ночь поэты бродили по палубе, всматриваясь, как пишет Ивнев, в даль безмятежных вод и в леса камышей, очарованные отрешенностью от мира. Им не верилось, что где-то совсем рядом кипят человеческие страсти и льется кровь.

«Ранним утром, еще до восхода солнца, — вспоминает Ивнев, — мы с Хлебниковым вышли на палубу. Такой тишины и такой космической неподвижности мы никогда в жизни не наблюдали. Об этом мы заговорили с ним сразу, как будто наши чувства были слиты воедино. Все вокруг как бы застыло и окаменело. Мы сравнивали себя с листьями, застрявшими в тысячелетних камнях. Нам казалось, что от этой неподвижности в наших жилах остановилась кровь. Все это было до того непохоже на настоящую жизнь, что мы начали сомневаться в нашем

существовании. Нас окружал лес камышей. Мы стояли на палубе, как замороженные, как вкопанные, как остолбеневшие. „Нет, это сказка, — сказал Хлебников, — она бывает только раз в жизни“».

На второй день экспедиция нашла то, что искала: заросли лотоса. Участник экспедиции Н. Подъяпольский пишет: «Нам нужно было видеть местонахождение заросли лотоса для того, чтобы впоследствии можно было объявить это место заповедным. Устройство заповедника здесь было признано необходимым для сохранения лотоса от окончательного истребления. На ильмене Дамчике, между речками Быстрой и Коклюй и дальше до взморья, определив положение заросли, мы и наметили место будущего заповедника. Покончив с этим, мы повернули обратно и через Дамчик пошли в Быструю».^[102] Поскольку стало очень мелко, участникам экспедиции пришлось пересест в весельную лодку и так пробираться к морю. Вечером они вернулись на судно и ночью двинулись в обратный путь. Несмотря на кажущееся спокойствие, находиться в дельте было небезопасно. Были слышны пушечные выстрелы, на Каспии хозяйничали англичане. Приходилось даже прикрывать фонарь специальным колпаком, чтобы судно было труднее заметить.

Во время этой двухдневной поездки Хлебников продиктовал Ивневу два манифеста: «Индо-русский союз» и «Азосоюз». В них Хлебников продолжает разрабатывать идеи, намеченные еще в «Кургане Святогора», статье «О расширении пределов...» и «Письме двум японцам». «Общество ставит своей целью защиту берегов Азии от морских разбойников и создание единой морской границы. Мы знаем, что колокол русской свободы не заденет уже европейца. Как и отдельные классы, государства делятся на государства угнетателей и государства поработенных.

<... > К угнетаемым государствам относятся великие народы материка АССУ (Китай, Индия, Персия, Россия, Сиам, Афганистан). Острова — угнетатели, материки — угнетаемые... В Астрахани, соединяющей три мира — арийский, индийский и каспийский, треугольник Христа, Будды и Магомета, волею судьбы образован этот союз. Подлинник начертан на листьях лотоса и хранится в Чаталгее. Постановлением трех хранителем его назначено Каспийское море». [\[103\]](#)

В манифесте «Азосоюз» говорится о принципах, вокруг которых могли бы объединиться народы. Это «политический лучизм, как основа мировоззрения народов Азии»; «молчание — основной принцип в отношениях людей. Человек может сказать человеку слово, когда у него есть, что сказать... Культ совести. Один вечер в неделю беседы о совести».

Стараниями В. А. Хлебникова, Подъяпольского и других был создан Астраханский заповедник — первый заповедник в России. В январе 1919-го Подъяпольский ездил по этому поводу в Москву, где встречался с Луначарским и с Лениным и получил от них «добро» на создание заповедника. В 1927 году директором заповедника стал В. А. Хлебников.

Жизнь Астрахани в окружении этой удивительной природы разительно отличалась от жизни столиц. Многие, что кажется утопией, фантазией, на самом деле имело реальную основу. В заметке «Союз изобретателей», написанной осенью 1918-го, Хлебников писал: «Есть мнение, что возможна выработка „озерных щей“, так как вода высыхающих ильменей насыщена мельчайшими живыми существами и, будучи прокипячена, очень питательна; вкус напоминает мясной отвар. В будущем, когда будет исследована съедобность отдельных видов этих невидимых обитателей воды, каждое озеро с искусственно

разведенными в нем невидимыми обитателями будет походить на большую чашку озерных щей, доступную для всех». Исследователь Астраханского края Подъяпольский писал: «Полои особенно богаты пищей для рыбьей молодежи. Если взять там воду и рассмотреть ее под сильной лупой, то становится видно то, чем живет вся эта рыба мелочь... Ученые и специалисты рыбного дела недаром считают пойменные площади и ильмени питомниками рыбы».

Жизнь Хлебникова в Астрахани в это неустойчивое время, как ни странно, обретает некоторую стабильность. Он живет в родительском доме и устраивается на службу: в течение почти пяти месяцев Хлебников является штатным сотрудником газеты «Красный воин» (орган Астраханского Военного совета и Губернского Военного комиссариата). Ее редактором был С. Ф. Буданцев. В «Красном воине» Хлебников опубликовал рассказ-воспоминание «Октябрь на Неве», несколько заметок и стихотворений, в частности стихотворение «Воля всем»:

Вихрем разумным, вихрем единым
Все за богиней — туда!
Люди крылом лебединым
Знамя проносят труда.
Жгучи свободы глаза,
Пламя в сравнении — холод!
Пусть на земле образа!
Новых построит их голод.
Двинемся, дружные, к песням!
Все за свободой — вперед!
Станем землю — воскреснем,
Каждый потом оживет!
Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам.

Если же боги закованы,
Волю дадим и богам!

Хлебников участвовал в первой встрече редакции «Красного воина» с ее читательским активом. На встречу пришли красноармейцы, ставшие корреспондентами газеты. Конечно, материал, который приносили они, разительно отличался от того, который публиковал Хлебников. Вот названия некоторых материалов «специальных корреспондентов»: «Так их! Так!» (Красноармеец Зорин); «Бери винтовку на прицел» (Дядя Вася); «Участь предателя» (Б. Скрыцкий); «Вперед!» (Моряк, гражданин — бывший нижний чин). Хлебников необычайно серьезно относился к работе в газете и хотел, чтобы его идеи, его стихи, его предложения действительно были полезны красноармейцам. Эту деятельность через год он продолжит в Баку, где будет сотрудничать в газетах «Военмор», «Коммунист», а в Персии — в многотиражке «Красный Иран».

Хлебников участвует во всех культурных начинаниях и откликается на все важные научные и культурные события Астрахани. Он собирается издать в Астрахани интернациональный литературный сборник на русском, калмыцком, киргизском, армянском, грузинском, персидском и татарском языках. Объявление о сборнике было напечатано в «Красном воине» 16 октября, а 20 октября в той же газете появилось воззвание «Школа поэтов»: «Внимание поэтов города Астрахани! Всех народностей! Всех песен! Мы, творцы песен, приподымающие занавес будущего, шествуя впереди, зовем товарищей по художественной работе над звонким словом основать первую в городе Астрахани кузницу слова. Ашуки,

банастехцы, баяны, поэтессы, поэты и шеиры, идите на Учредительный сбор поэтов города Астрахани. Первое заседание во вторник от 6 до 7 часов вечера посвящается выработке задачи. Место собрания: Большая Демидовская, дом Поляковых, кв. Хлебникова».

[104] Подписано воззвание было «Три поэта». Этими тремя поэтами были Хлебников, Буданцев и Рюрик Ивнев.

Когда Ивнев приехал в Астрахань, они вместе с Хлебниковым пришли к Буданцеву в редакцию «Красного воина». Буданцев встретил их приветливо и тут же пригласил в театр на вечерний спектакль по пьесе о Красной армии. И вот друзья сидят в театре, в ложе редакции «Красного воина». Хлебников — в первом ряду на видном месте. Ивнев рассказывает: «Буданцев, сидевший сзади, решил разыграть поэта. Он шепнул: „Послушай, Велимир, ты слишком высовываешься, а время тревожное. Вокруг Астрахани бродят белые банды... Белые, зеленые и еще черт знает какие. Если паче чаяния они ворвутся в город, мы — военные, будем сражаться, а если нужно, то и умрем. Но ведь ты штатский, зачем тебе рисковать? В театре не только наши друзья, но и скрытые враги. В случае чего — они опознают тебя, и какие-нибудь зеленые или черные анархисты повесят тебя, не посчитавшись с тем, что ты поэт“. Хлебников принял это предупреждение за чистую монету и порывисто откинулся за портьеру ложи. Я не мог удержаться от смеха. Засмеялся и Велимир, поняв, в чем дело, но больше он уже не высовывался из ложи. А после спектакля, который закончился довольно рано, так как город был на военном положении, Буданцев попросил Хлебникова написать отчет об увиденном. Велимир отказывался, говоря, что не умеет писать рецензии, но Буданцев был так настойчив, что Хлебников согласился, и все пошли

ко мне писать рецензию на спектакль... За столом, заваленным янтарным виноградом, Хлебников, после небольших попыток, начал вяло писать, потом — более уверенно...

Окончив рецензию, он протянул листки Буданцеву. Тот, улыбаясь, прочел и сказал: „Великолепно! Изумительно! Но только это не имеет никакого отношения ни к пьесе, ни к театру. А впрочем, это все равно пойдет в номер“. И действительно, на другой день рецензия Хлебникова, вернее, его статья, состоявшая из интересных и оригинальных рассуждений о будущих отношениях между Востоком и Западом, появилась в „Красном воине“. Подписана она была — „В. Х.“. А перед статьей от имени Хлебникова было несколько буданцевских фраз о самом спектакле».

9 ноября в Астрахани открылся Народный университет (именно на его открытие Ивнев приехал в Астрахань). Хлебников откликнулся на это событие двумя материалами: маленькой заметкой и пространном очерком. Для «Красного воина» была написана уже упоминавшаяся нами статья «Союз изобретателей» и статья «Лебедия будущего». Лебедия — древнее название местности между Доном и Волгой. В этой статье сформулирована идея еще одного утопического проекта Хлебникова, из которого на самом деле довольно много осуществилось. «Новинки земного шара, дела Соединенных Станов Азии» должны будут, по мысли Хлебникова, печататься «тенепечатью на тенекнигах». «Некоторые, вдохновленные надписями тенекниг, удалялись на время, записывали свое вдохновение, и через полчаса, брошенное световым стеклом, оно, теневыми глаголами, показывалось на стене». Далее Хлебников говорит о том, что авиация будет применяться в земледелии. В конце этой статьи он пишет про заповедники: «Лучшим храмом считалось священное место пустынного бога, где в отгороженном

месте получали право жить, умирать и расти растения, птицы и черепахи. Было поставлено правилом, что ни одно животное не должно исчезнуть. <...> Крылатый творец твердо шел к общине не только людей, но и вообще живых существ земного шара. И он услышал стук в двери маленького кулачка обезьяны».

Возможно, при участии Хлебникова был написан еще ряд статей для этой газеты. 20 декабря опубликована заметка «Открытие художественной галереи» за подписью «Веха». Возможно, это коллективный псевдоним Веры и Велимира Хлебниковых. Заметка посвящена чрезвычайно важному для Астрахани событию: в октябре купец П. Догадин передал государству свое художественное собрание «в интересах создания Художественного музея в г. Астрахани и с целью тем самым способствовать поднятию культурного уровня рабочего населения г. Астрахани». С этим событием связана еще одна заметка за подписью «Веха» — «Астраханская Джиоконда». В ней идет речь о «Мадонне Бенуа», или «Мадонне с цветком» Леонардо да Винчи. Эта картина ранее входила в собрание астраханского купца Сапожникова, и автор (или авторы) заметки выразили мнение, что картина теперь является народным достоянием Астрахани.

15 января 1919 года в Астрахани начал работу третий Съезд Советов Астраханского уезда. 22 января с подписью «Веха» в «Красном воине» появилась статья, посвященная этому событию. Речь в ней идет в основном о надвигающемся голоде среди рыбацкого населения. По стилю она близка тому, что будет писать Хлебников о голоде в Поволжье через два года.

Жизнь в Астрахани становилась все труднее. К продовольственному кризису прибавилась начинающаяся эпидемия тифа. В январе 1919-го в город приехал Киров, власть перешла в руки Временного

военно-революционного комитета. В это время армия Врангеля начинает наступление на Царицын. Главнокомандующим Вооруженными силами юга России стал Деникин. К февралю в Астрахани отсутствовала мука, не было свежей рыбы, мяса. Временный комитет жестоко подавил мятеж 10-13 марта.

Эти события коснулись и семьи Хлебниковых. В это время в семье происходит раскол. Сестра Екатерина была зубным врачом и практиковала в квартире, где у нее был свой кабинет. Большая комната была занята под приемную для пациентов, в ней ночевал Велимир. Работая ночами, он часто долго не поднимался с дивана в приемной. Его заспанный и всклокоченный вид мог напугать пациентов. Екатерина начинает войну с братом, который, по ее мнению, разгоняет пациентов и не уважает ее труд. Раздражение сестры росло: из шестерых членов семьи зарабатывают только отец и она.

Первыми не выдержали младшие — Шура и Вера. Взяв ружье, удочку, кастрюлю и немного муки, они сбежали из родительского дома на маленький необитаемый остров в дельте Волги. Там Шура охотится и рыбачит, Вера готовит. Однажды их навестил отец. К несчастью, в тот самый день местная ЧК выискивала скрывавшихся в камышах дезертиров. Чекисты решили, что Шура — белый офицер. В результате арестовали всех троих. Каким-то чудом им удалось избежать расстрела.

Тем временем друзья Хлебникова в Москве озабочены изданием его произведений. В октябре 1918 года объединение футуристов ИМО (Искусство молодых), куда входили Маяковский, Брик и другие, подписало договор с Литературно-издательским отделом Наркомпроса на издание произведений Хлебникова. Тогда же была выпущена «революционная хрестоматия футуристов» «Ржаное слово» с

предисловием Луначарского. Там Маяковский поместил два старых стихотворения Хлебникова («Заклятие смехом» и «Вселенночку зовут миря полудети...»). Вышла «Газета футуристов» — первый и единственный номер. В ней принимали участие Бурлюк, Каменский и Маяковский. В газете прославлялась революция, хотя, конечно, это был некий идеализированный образ мировой революции. Авторам казалось, что их произведения — это как раз то, что нужно для чтения народным массам.

Василий Каменский в своей книге «Жизнь с Маяковским» пишет: «Нам казалось возможным любой город, любое селение превратить в изумительную картину красочного праздника искусства и таким образом приблизить народ к достижениям художественного мастерства». Только по прошествии нескольких лет выяснилось, что представления об искусстве, о том, «что такое хорошо и что такое плохо» у партии большевиков и у левых художников и поэтов сильно различаются. Тогда Н. Н. Пунин скажет: «Мой роман с революцией кончился».

Ранней весной 1919 года Хлебников едет в Москву с намерением заняться издательскими делами. Казалось, ничто не сможет помешать выходу его книги. В феврале Маяковский представил Луначарскому список книг, предложенный ИМО, и среди них — сборник Хлебникова. План был одобрен. Книга так и не вышла, но усилий для ее издания было приложено немало. Редактирование Маяковский поручил Р. Якобсону. Вместе с Якобсоном Хлебников составил список своих вещей. Туда вошло практически все, опубликованное Хлебниковым, в том числе изданное Бурлюком.

Для этой книги Хлебников написал предисловие «Свояси» (название предложил Якобсон), где постарался ясно и доходчиво объяснить принципы своей работы. В нем он говорит о своей работе с

языком, о «первом» и «втором» отношении к слову. Он говорит о своей работе с числами: «В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной». Несколько строк он посвящает каждому своему произведению. Хлебников особо выделяет раздел «мелких стихотворений». Это словосочетание можно считать авторским жанровым определением. В предисловии Хлебников пишет: «Мелкие вещи тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную полосу». Сам Хлебников предлагал для вступительной статьи название «Моями», но в конце концов остановились на названии, предложенном Якобсоном.

Встречались они у Якобсона (он жил в Лубянской проезде рядом с Маяковским) или у Бриков. Якобсон, подобно Каменскому, считал, что Хлебников немножко побаивался, сторонился Бриков, хотя, когда поэт жил в Москве, они помогали ему, «подкармливали» его. С Маяковским отношения были совсем другими. Хлебников старше Маяковского, и тот всегда признавал Хлебникова своим учителем. В то же время относился Маяковский к нему несколько настороженно, особенно в последние годы, восторгался отдельными хлебниковскими строками. Якобсон вспоминает такой случай: когда он работал с хлебниковскими рукописями, подошел Маяковский и увидел такие строки: «Из улицы улья / Пули как пчелы / Шатаются стулья...» Маяковский это прочел и сказал: «Вот если бы я умел писать, как Витя...»^[105]

Отношение Хлебникова к Маяковскому было иным. Велимир относился к своему младшему другу с неизменной нежностью и искренностью. Это хорошо видно в его стихотворных обращениях:

Ну, тащися, Сивка, по этому пути
Шара земного, — Сивка Кольцова, кляча
Толстого.

Кто меня кличет из Млечного Пути?

А? Вова!

В звезды стучится!

Друг! Дай пожму твое благородное копытце!

Многие стихи Хлебникова 1919 года непосредственно связаны с кругом Маяковского и Бриков. Однажды у Бриков в гостях были Маяковский, Хлебников, Якобсон, Пастернак и Нейштадт. Сначала зашел разговор о «поэтическом зрении». Потом предложили играть в буриме с одним условием: изображать лишь то, что находится в комнате. В игре приняли участие все, включая Велимира. В результате о заданных рифмах он позабыл, но стихотворение получилось интересное:

Напитка огненной смолой
Я развеселил суровый чай,
И Лиля разуму «долгой»
Провозглашает невзначай.
И пара глаз на кованом затылке
Стоит на страже бытия.
Лепешки мудрые и вилки,
Цветов кудрявая и смелая семья.
Прозрачно-белой кривизной
Нас отражает самовар,
Его дыхание и зной,
И в небо падающий пар —
Всё бытия дает уроки,

Закона требуя взамен потоки.

Как вспоминает Нейштадт, «чай был без сахара, суровый. Хлебникову (он промочил ноги) влили в стакан для профилактики чего-то крепкого. На столе стояло блюдо с ржаными лепешками, лежали вилки». [\[106\]](#) А Яacobсон пишет, что Хлебников по поводу чая с ромом сказал: «Какой это был гениальный человек, который придумал, что можно пить чай с ромом».

Хлебникова, как мы уже неоднократно видели, «приручить» было невозможно. Родственными и дружескими заботами он неизменно пренебрегал, когда всё, казалось бы, складывалось хорошо. Лиле Брик тоже не удалось сделать из Хлебникова добропорядочного литератора и обывателя. Впрочем, Велимир возвращался и к родителям, и к друзьям так же неизменно и внезапно, как исчезал из их поля зрения. Когда в конце 1921 года он вновь появился в Москве у Маяковского, тот не удивился, а воспринял это как должное и опять — в меру своих сил — стал помогать другу.

К предполагаемому изданию сочинений Хлебникова Р. Яacobсон пишет вступительную статью — первое серьезное исследование хлебниковского творчества. [\[107\]](#) В основном исследование посвящено поэтике и анализу языка произведений Хлебникова. В первой редакции статья называлась «Опыт поэтической диалектологии». Так же как Шкловскому творчество Хлебникова в свое время дало возможность сформулировать многие проблемы поэтического языка (в том числе те, над которыми будет работать ОПОЯЗ), так теперь Яacobсон формулирует многие проблемы лингвистики, далеко выходящие за рамки исследования собственно хлебниковского творчества. Правда,

исследование Шкловского послужило толчком многим «опоязовским» исследованиям и было благосклонно там принято, а исследование Яacobсона вызвало в Московском лингвистическом кружке много возражений, и в дальнейшем это объединение отказалось выпустить его под своей маркой.

Пока весной 1919 года Хлебников с Яacobсоном активно трудятся над книгой, возникает много других совместных проектов. Еще в конце 1918 года при Московском отделе изобразительных искусств возникло Международное бюро во главе с наркомом просвещения Луначарским. Задачей Бюро было объединять передовых бойцов армии искусства во имя новой всемирной художественной культуры. Одной из первых инициатив Международного бюро должно было стать издание журнала. По предложению Казимира Малевича журнал назвали «Интернационал искусства».

Готовить журнал взялся Сергей Поляков, в прошлом издатель одного из лучших символистских изданий — журнала «Весы». Поэтому принять участие в журнале изъявили желание даже поэты-символисты Вячеслав Иванов и Андрей Белый. В основном же там предполагалось печатать художников и искусствоведов «левых» направлений: Малевича, Татлина, Матюшина, Пунина, Брика и самого наркома Луначарского. К этой работе с воодушевлением присоединился Хлебников. Еще недавно он писал открытое письмо японским юношам и его никто не услышал, теперь же Международное бюро пишет воззвание к итальянским, американским, французским художникам; уже получены ответы от художников Австро-Венгрии и Германии. Хлебникову, да и не только ему, казалось, что самые смелые проекты завтра же начнут осуществляться. На заседании, состоявшемся 10 апреля, было принято предложение Хлебникова: ходатайствовать о предоставлении членам Бюро права

обращаться по делам искусства по радио. Таким образом, хлебниковская утопия «Радио будущего» была продумана уже в 1919 году.

Специально для «Интернационала искусства» Хлебников пишет несколько статей, где, как и в «Свояси», подводит итог сделанному и объясняет принципы своей работы. Это, прежде всего, статья «Художники мира» — обобщение изложенного в статьях «З и его околица», «Разложение слова», «О простых именах языка», «Азбука ума» и других. Хлебников пишет: «На долю художников мысли падает построение азбуки понятий, строя основных единиц мысли, — из них строится здание слова. Задача художников краски дать основным единицам разума начертательные знаки. <...> Простые тела языка — звуки азбуки — суть имена разных видов пространства, перечень случаев его жизни. Азбука, общая для многих народов, есть краткий словарь пространственного мира, такого близкого вашему, художники, искусству и вашей кисти». В статье дан перечень согласных русского алфавита (19 единиц) и их толкование. В статьях «Голова вселенной» и «Колесо рождений» развиваются идеи, изложенные ранее в статьях «Время — мера мира», «Новое учение о войне», «Закон поколений» и других. Хлебников говорит о числовых закономерностях, связывающих как судьбы вселенной, планет, государств, так и судьбы отдельных людей. В этих статьях он оперирует числом 365 («год богов»).

Идеи Хлебникова перекликаются с идеями Татлина, Малевича, Пунина. В том же 1919 году в статье «О памятниках» Пунин говорит, как можно использовать радио, причем формулирует свои мысли почти теми же словами, что и Хлебников. В свою очередь Хлебников как настоящий государственный уже давно задумывался о роли памятников. Еще до революции он говорил о том, что установка памятников — дело не

только государственной, но и общемировой важности. Он предлагал «основать мировое правительство украшения земного шара памятниками, работая над ним (памятником. — С. С.) как токарь... Признать основным правилом памятника, что место рождения человека и его памятник должны стоять на разных концах земной оси». Поэтому на главной площади Вашингтона может быть воздвигнут памятник китайцам Хи и Хо, «государственным наблюдателям неба, казненным за рассеянность», Монблан надо украсить головой Гайаваты, Анды — головой Бурлюка, утесы Никарагуа — головой Крученых. Эти идеи также очень близки некоторым членам Бюро. В том же году Отдел ИЗО Наркомпроса поручает художнику Владимиру Татлину разработать проект «Памятника 3-му Коммунистическому Интернационалу». Татлин немедленно приступил к работе, и вскоре проект был готов.

Татлин был тогда председателем Московской художественной коллегии Отдела ИЗО, а еще в 1917 году Хлебников предложил ему войти в общество Председателей земного шара. По большому счету, это были должности одного порядка. Никакой реальной власти, никакой возможности влиять на политическую или социальную ситуацию у Татлина на этих «должностях» не было. Что же касается искусства XX века, то тут влияние и Татлина, и Хлебникова бесспорно. Татлин едва ли хорошо представлял себе, что такое Третий Интернационал, однако его знаменитая «Башня», по замыслу превосходившая в полтора раза по высоте Эйфелеву башню, явилась едва ли не самым грандиозным проектом всего русского авангарда. Разумеется, проект этот остался неосуществленным. Художественная общественность внимательно следила за тем, как продвигаются дела у Татлина. Объяснить устройство, назначение и смысл

памятника взялся Николай Пунин, также мало знакомый с самим Третьим Интернационалом.

По мысли Татлина и Пунина, это гигантское сооружение должно стоять на одной из центральных площадей. Башня будет представлять собой вращающуюся конструкцию нескольких уровней: нижний уровень — вращающийся куб. Он вращается со скоростью один оборот в год. Это огромное помещение, где будут располагаться органы законодательной власти, проходить заседания интернациональных съездов. Второй уровень — вращающаяся пирамида. Она вращается со скоростью один оборот в месяц, и в ней могут находиться исполнительные органы Интернационала. Наконец, верхний уровень — вращающийся цилиндр, который совершает один оборот в сутки. Там может помещаться пресса. И куб, и пирамида, и цилиндр будут выполнены из стекла, так что каждый гражданин сможет видеть все происходящее там.

Читая это описание, вспоминается утопия Хлебникова «Мы и дома»: стеклянные комнаты-каюты, железо-стеклянные дворцы, дома-остовы,двигающиеся архитектурные формы. И для Хлебникова, и для Татлина будущая жизнь предстает в гармонии технического прогресса и природы, естественных потребностей человека. Эти идеи, совершившие революцию в искусстве, в тот момент казались сродни революции социальной. Пунин писал: «Я спрашиваю, какая разница между Третьим Интернационалом и рельефом Татлина или „Трубой марсиан“ Хлебникова? Для меня никакой. И первое, и второе, и третье — новые формы, которым радуется, играет и применяет человечество».^[108]

Разницу пришлось увидеть довольно скоро. Николай Пунин будет арестован в 1949 году и погибнет в одном

из лагерей ГУЛАГа в 1953 году. Его могила в Абези находится рядом с могилой выдающегося русского философа Льва Карсавина, умершего там же годом ранее. Владимир Татлин умрет своей смертью в том же 1953 году, всеми забытый. В последние двадцать лет жизни он занимался в основном сценографией, но и в этой области осуществить удавалось не очень много. Критики писали, что его работы имеют антинародный характер и могут радовать только «безродных космополитов».

Но если в 1919–1920 годах и Татлин, и Пунин еще полны надежд и радостно занимаются организационной работой в Москве и Петрограде, то Хлебников очень скоро увидит красный террор в его самом ужасном обличье. При этом Хлебников заводит самые невероятные знакомства, бесстрашно исследуя глубины каждой человеческой души. Его притягивают к себе чудаки и странники, авантюристы и мечтатели — все, кто не замыкается в узком мирке мещанского благополучия. Больше всего Хлебников не любил тех, «чье самолюбие не идет дальше получения сапог в награду за хорошее поведение».

Глава шестая

ХЛЕБНИКОВ И

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧЕКИ»

1919-1920

Судьба щедро дарила Хлебникову встречи с необычными людьми, и он сам постоянно искал таких встреч. В этот приезд Москва и москвичи быстро наскучили ему. Он получил аванс от издательства «ИМО», а дальше, вместо того чтобы доводить до конца начатое дело, уехал в Харьков. Маяковский не мог понять причин его отъезда. В некрологе он пишет: «Ездил Хлебников очень часто. Ни причин, ни сроков его поездок нельзя было понять. Года три назад мне удалось с огромным трудом устроить платное печатание его рукописей... Накануне сообщенного ему дня получения разрешений и денег я встретил его на Театральной площади с чемоданчиком. „Куда вы?“ — „На юг, весна!..“ — и уехал. Уехал на крыше вагона». [\[109\]](#)

Если отъезд из Астрахани в Москву можно было бы объяснить стремлением избежать голода, тифа, войны, то отъезд весной 1919 года из Москвы в Харьков такому логическому объяснению не поддается. Может быть, Хлебникова не устраивало общество Луначарского и Бриков. Может быть, ему не понравилось то, как быстро московские друзья приноровились к новым условиям, как рьяно занялись они устройством своего быта, как приспособились писать на заказ. Может быть, он боялся пропустить что-то важное и ехал «слушать музыку революции».

С отъездом Хлебникова Маяковский не прекратил хлопоты по изданию его произведений. И весной, и летом 1919-го он предпринимает конкретные шаги для этого. Тем не менее книга так и не вышла.

На Украине в это время в самом разгаре была Гражданская война. В Харькове незадолго до приезда Хлебникова установилась советская власть, но Добровольческая армия под командованием Деникина успешно развивала наступление. Приехав, Хлебников первым делом отправился в Красную Поляну к Синяковым. Его, как всегда, радушно принимают, там у него есть своя комната. Сестры Синяковы безуспешно стараются «причесать» Хлебникова или хотя бы прибрать его комнату. Однако комната довольно скоро становится привычного «хлебниковского» вида: повсюду рукописи, клочки бумаги на столе и под столом, на кровати и под кроватью. Иногда эти рукописи складываются в наволочку, которую хозяин использует как подушку. Простыней Хлебников не признавал и спал на матрасе.

«Сад в цвету. Уехать нет сил — преступление. Приеду во вторник», — сообщает он в Харьков Григорию Петникову, где тот ждет его, чтобы заняться издательскими делами. Хлебников по-прежнему влюблен в Веру и даже ради нее пытался принарядиться. Он надевал старый фрак, а на ногах у него были грубые «американские» штиблеты, которые завязывались веревками; подметки у них отставали. В таком виде Хлебников производил комическое впечатление; впрочем, сам он этого не замечал, а сестры Синяковы относились к нему неизменно ласково и нежно.

Тем временем жизнь становится все сложнее, приближается голод, хотя о его грядущих масштабах пока еще никто не догадывается. Хлебников всегда был очень неприхотлив и питался чем попало, теперь он

проявляет чудеса изобретательности. Вспомнив, что французы едят лягушек, он попросил их приготовить — оказалось вполне съедобно. Такими же съедобными оказались в жареном виде улитки, которых в саду было предостаточно. Но лягушки и улитки не решали проблему питания и проблему заработка. Надо было вновь поступать на службу или хотя бы попытаться получить гонорар. Некоторые надежды на это у Хлебникова есть. С установлением советской власти в Харькове появляются новые издательства, где активно сотрудничают многие друзья Хлебникова, прежде всего Петников и Мария Синякова-Уречина.

В Харькове Петников организовал издательство «Лирень» и начал выпускать журнал «Пути творчества». Секретарем редакции был Виктор Перцов, в будущем известный литературовед, исследователь творчества Маяковского. Перцов попросил Хлебникова написать для журнала статью, где в доступной форме были бы изложены его принципы работы со словом и числом, его взгляды на искусство и поэзию. Поскольку статью надо было получить срочно, Перцов привел Хлебникова к себе, приготовил ему горку бутербродов, усадил за стол, дал бумагу и перо, и Хлебников моментально стал покрывать бумагу мелкими кругловатыми значками. Перцов рассказывает: «Писал он совершенно безостановочно, ничего не перечеркивая, как будто переписывал с ясно напечатанного текста. По мере того как росла стопка исписанных листов, уменьшалась стопка бутербродов — и, когда она кончилась, Хлебников остановился. Пришлось вновь подбрасывать топливо. Так он и написал единым духом целый печатный лист, не отходя от стола, на память цитируя примеры, исторические события, давно прошедшие даты, словом — целую энциклопедию справок».^[110]

Так родилась статья «Наша основа». Правда, опубликована она была не в «Путях творчества», а в сборнике «Лирень», который Петников издал в Харькове в 1920 году. Эта статья — наиболее полное изложение взглядов Хлебникова. В ней он дает четкое определение заумного языка: «Заумный язык — значит находящийся за пределами разума. Сравни *Заречье* — место, лежащее за рекой, *Задонщина* — за Доном. То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным. Но есть путь сделать заумный язык разумным». Об этом пути Хлебников уже говорил в статье «Художники мира».

Очередной, пятый, номер журнала готовился весной, и посвящен он был в основном весенней теме и природе. В страшном, голодном 1919 году в Харькове, который переходит от красных к белым и обратно, Хлебников рисует мирную картину прихода весны.

Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли.
Глазами синими увидел зоркий
Записки стыдесной земли.
Сквозь полет золотистого мячика
Прямо в сеть тополевых тенёт
В эти дни золотая мать-мачеха
Золотой черепашкой ползёт.

(«*Весны пословицы и скороговорки...*»)

В следующем стихотворении — снова картина весны.

Весеннего Корана
Веселый богослов,
Мой тополь спозаранок
Ждал утренних послгов.
Как солнца рыболов,
В надмирную синюю тону
Закинувши мрежи,
Он ловко ловит рев волов
И тучу ловит соню,
И летней бури запах свежий.
О, тополь-рыбак,
Станом зеленый,
Зеленые неводы
Ты мечешь столба.
И вот весенний бог
(Осетр удивленный)
Лежит на каждой лодке
У мокрого листа.
Открыла просьба: «Небо дай» —
Зеленые уста.
С сетями ловли бога
Великий Тополь
Ударом рога
Ударит о поле
Волною синей водки.

(«Весеннего Корана...»)

В других лирических шедеврах — мирные, спокойные и величавые картины русской природы.

В этот день голубых медведей,
Пробежавших по тихим ресницам,
Я провижу за синей водой

В чаше глаз приказанье проснуться.
На серебряной ложке протянутых глаз
Мне протянуто море и на нем буревестник;
И к шумящему морю, вижу, птичья Русь
Меж ресниц пролетит неизвестных.
Но моряной любес опрокинут
Чей-то парус в воде кругло-синей,
Но зато в безнадежное канут
Первый гром и путь дальше весенний.

(«В этот день голубых медведей...»)

Весной пятый номер не вышел по независящим от редакции обстоятельствам: в июне Харьков был занят войсками Деникина. Только в декабре, когда Харьков был снова взят красными, выпуск журнала был продолжен.

Мысль Хлебникова всегда парадоксальна. Почему он, поэт-футурист, во время бурных революционных событий пишет такие ясные и такие далекие от футуризма и от политики стихи? В это же время Хлебников очень интересуется новыми поэтами, вышедшими из рабочего класса. Им он посвящает статью «О современной поэзии», тоже написанную для «Путей творчества». Особенно его привлекает творчество А. Гастева и В. Александровского. Очень сжато, афористично Хлебников дает всю историю языка русской поэзии от Карамзина до Гастева:

«В одном творчестве разум вращается кругом звука, описывая круговые пути, в другом — звук кругом разума. <...> И вот дерево слов одевается то этим, то другим гулом, то празднично, как вишня, одевается нарядом словесного цветения, то приносит плоды тучных овощей разума. Не трудно заметить, что время словесного звучания есть брачное время языка, месяц

женихающихся слов, а время налитых разумом слов, когда снуют пчелы читателя, время осеннего изобилия, время семьи и детей.

В творчестве Толстого, Пушкина, Достоевского слово — развитие, бывшее цветком у Карамзина, приносит уже тучные плоды смысла».

В примыкающей к этой статье заметке Хлебников объясняет, чем его так привлекли именно пролетарские поэты: «Говорят, что творцами песен труда могут быть лишь лю<ди, работающие> у станка. Так ли это? Не есть ли природа песни в у<ходе от> себя, от своей бытовой оси?.. <Без бегства> от себя не будет пространства для бегу. Вдохновение всегда <изменяло> происхождению певца». Далее Хлебников приводит исторические примеры: лорд Байрон воспеваает морских разбойников; напротив, «судившийся за кражу Шекспир говорит языком королей». По мысли Хлебникова, поэты-рабочие не обязательно будут писать о станках и о заводах. Так, Гастев уходит «в мир странных научных видений», Александровский — «в утонченную жизнь сердца». Сам же Хлебников, далекий от станка, скоро будет писать именно о заводе и о рабочих.

В своих статьях Хлебников говорит и о других молодых поэтах, о своих друзьях Николае Асееве и Григории Петникове. Но эти поэты явно находятся под сильным влиянием самого Хлебникова и подражают ему. Вероятно, поэтому как явление в поэзии они Хлебникову не так интересны.

С приходом Деникина издательская деятельность Петникова и его друзей замерла. Находиться в городе стало опасно. Добровольческая армия устанавливала свои порядки, и ее методы не многим отличались от методов красных. Синяковы тоже боялись деникинцев, хотя жили они не в самом Харькове. Однажды офицеры все-таки нагрянули к ним, однако в доме были только

женщины, и офицеров усадили пить чай. В это время зашел солдат: «Ваше благородие, шпиона поймали!» «Шпионом» оказался Хлебников. Его действительно можно было принять за шпиона: грязный, одетый в мешок, завязанный веревкой. Но Надя не растерялась: «Ах, разве вы не знаете, что это знаменитый поэт Хлебников?» — спросила она офицеров. Те о Хлебникове ничего не слышали, но постеснялись признаться. «Ах так, неужели это Хлебников?» — «Да, это известный поэт русский, один из лучших поэтов. Но видите — время такое: одежды нет, вот он в таком виде». Те, как вспоминает Ксения Синякова, немного помялись и отпустили «шпиона». Так Хлебников чудом избежал смерти.

Теперь над ним нависла новая угроза: началась мобилизация в Добровольческую армию. Хлебников высок, относительно здоров, по возрасту тоже вполне подходит для службы. Он хорошо помнил все ужасы царской армии. Тем более он не хотел идти в денкинские войска, так как совершенно явно сочувствовал большевикам, и в его «послужном списке» уже было сотрудничество в газете «Красный воин». Позже, в Баку, Хлебников двинется с отрядами Красной армии на помощь Гилянской республике в Персии, у него там будет штатная должность лектора. Пока же Хлебников видит только один выход: как и в 1916 году, спасти его может только заключение врача-психиатра о непригодности к военной службе.

Рядом с Харьковом помещалась бывшая земская психиатрическая лечебница, которую все называли Сабурова дача. На Сабурову дачу и отправился Хлебников. Таким он появился перед врачами: «Высокий, с длинными и тонкими конечностями, с продолговатым лицом и серыми спокойными глазами, он кутался в легкое, казенное одеяло, зябко подбирая

большие ступни, на которых виднелось какое-то подобие обуви». [\[111\]](#)

Лечащим врачом необычного пациента стал главный врач больницы Владимир Яковлевич Анфимов, человек исключительных душевных качеств и исключительного мужества. Сразу скажем, что он *дал* заключение о непригодности Хлебникова к военной службе, что по тем временам тоже было небезопасно. Анфимов сразу понял, кто перед ним стоит и почему он здесь оказался.

Владимир Яковлевич начал проводить и медицинские, и экспериментально-психологические исследования, выяснять «закономерности творческой фантазии». Хлебников с готовностью пошел навстречу этим экспериментам и был даже рад, что в лице врача встретил единомышленника. Вообще Анфимову он показался человеком мягким, простодушно-приветливым, тихим, предупредительным. Поэт пользовался всеобщей любовью своих соседей. Хлебников рассказал врачу историю своей семьи, историю своего детства и юности. Анфимов дал очень интересные штрихи к психологическому портрету поэта. Это было практически единственное профессиональное исследование подобного рода, и сам поэт участвовал в нем с большим интересом.

Анфимов выяснил, что для Хлебникова характерно ощущение несвободы своей личности, сомнение в реальности окружающего и ложное истолкование действительности в смысле трансформации внешнего мира и своей личности. От животных исходят, по мнению Хлебникова, различные воздействующие на него силы. Он полагал, что в разных местах и разные периоды жизни он имел какое-то особое, духовное отношение к этим локальным флюидам и к соответствующим местным историческим деятелям. В Петербурге, например, ему казалось, что он «прикован»

к Петру Великому и Алексею Толстому, в другом периоде жизни он чувствовал воздействие Локка и Ньютона. По его ощущению, у него в такие периоды даже менялась его внешность. Он полагал, что прошел «через ряд личностей». Заметим, что это ощущение было свойственно многим поэтам, в том числе друзьям и современникам Хлебникова. Николай Гумилёв в стихотворении «Память» говорит о том же:

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Анфимов предложил поэту ряд слов, чтобы исследовать возникающие у него ассоциации. При этом многие ассоциации у Хлебникова отличались большой оригинальностью: «Буря — бурчик — летящее, быстрое, темное, чашка с красной полосой. Москва — мстить (место казни Кучки). Лампа — домашнее, белый кружок (впечатление уюта). Снаряд — единый снаряд познания. Рыбак — японская картина Гокусаи [Хокусаи]. Ураган — ура — гонит. Тыл — трамвай, полный ранеными. Лента — шелковистая (созвездие). Доктор — большой доктор психиатр. Лошадь — американские воины (считали ее младшим божеством). Спичка — прирученное пламя». Отзвуки этих ассоциаций мы можем найти в стихах Хлебникова. Например, описывая Москву: «Вы помните о городе, обиженном в чуде, / Чей звук так мило нежит слух...», в конце стихотворения поэт говорит:

Когда толпа шумит и веселится,
Передо мной всегда казненных лица.
Так и теперь: на небе ясном тучка —
Я помню о тебе, боярин непокорный Кучка!

(«Вы помните о городе, обиженном в чуде...»)

Едва ли кто-то, кроме Хлебникова, часто в Москве вспоминал о боярине Степане Кучке, владевшем теми землями, где теперь находится Москва. По легенде, Суздальский князь Юрий Долгорукий убил его, захватил его земли и основал там Москву.

Кроме оригинальности этих ассоциаций Анфимов отметил значительное замедление реакции и в то же время высокое качество ассоциаций. Далее в процессе экспериментально-психологического исследования Анфимов для «изучения способностей фантазии» предложил Хлебникову три темы: «охота», «лунный свет» и «карнавал». Прошло совсем немного времени, и на столе у врача появились три оригинальных произведения. На первую тему была написана «Сказка о зайце», на вторую — стихотворение с названием «Лунный свет», на третью — поэма, которая сейчас больше известна под названием «Поэт». О том, как повлияло общение с Анфимовым на эту вещь, можно судить по дарственной надписи, которую Хлебников сделал на рукописи поэмы: «Посвящаю дорогому Владимиру Яковлевичу, внушившему мне эту вещь прекрасными лучами своего разума, посвященного науке и человечеству».

Вот начало поэмы, где отражается весь путь развития русской поэзии от Державина до символистов:

Как осень изменяет сад,
Дает багрец, цвет синей меди,
И самоцветный водопад
Снегов предшествует победе,
И жаром самой яркой грезы
Стволы украшены березы,
И с летней зеленью проститься
Летит зимы глашатай — птица,
Где тонкой шалью золотой
Одет откос холмов крутой,
И только призрачны и наги
Равнины белые овраги,
Да голубая тишина
Просила слова вещуна...

«Багрец», конечно, отсылает нас к хрестоматийной пушкинской «Осени», «самоцветный водопад» напоминает о «Водопаде» Державина: «Алмазна сыплется гора...»; «голубая тишина» соотносится с «Зеленым шумом» Некрасова, этот же образ встречается в стихотворении Федора Сологуба.^[112]

Позже в разговоре с Сергеем Городецким Хлебников заметил, что в этой поэме он «показал, что умеет писать как Пушкин». Едва ли он хотел сказать этим, что умеет писать «так же хорошо, как и Пушкин». Смысл этих слов в том, что Хлебников умеет писать тем же стилем, что и Пушкин, в том числе и как Пушкин. Действительно, в поэме многое отсылает именно к Пушкину. Присмотримся к дате написания: 19 октября 1919 года. Надо ли говорить, как важна была дата 19 октября для Пушкина. День лицейской годовщины — святой для поэта день. В поэме Хлебников рассуждает о месте поэта, о назначении поэзии в этом мире. Образ

«поэта» во многом автобиографичен. Хлебников рисует свой автопортрет:

И около мертвых богов,
Чьи умерли рано пророки,
Где запады — с ними востоки,
Сплетался усталый ветер шагов,
Забывший дневные уроки.
И, их ожерельем задумчиво мучая
Свой давно уж измученный ум,
Стоял у стены вечный узник созвучия,
В раздоре с весельем и жертвенник дум.
Смотрите, какую горой темноты,
Холмами, рекою, речным водопадом
Плащ, на землю складками падая,
Затмил голубые цветы,
В петлицу продетые Ладюю.
И бровь его, на сон похожая,
На дикой ласточки полет,
И будто судорогой безбожия
Его закутан гордый рот.
С высокого темени волосы падали
Оленей сбесившимся стадом,
Что, в небе завидев врага,
Сбегают, закинув рога,
Волнуясь, беснуясь морскими волнами,
Рогами друг друга тесня,
Как каменной липой на темени,
И черной доверчивой мордой
Все дрожат, дорожа и пылинкою времени,
Бросают сердца вожаку
И грудой бегут к леднику, —
И волосы бросились вниз по плечам
Оленей сбесившихся стадом,
По пропастям и водопадам.

Ночным табуном сумасшедших оленей,
С веселием страха, быстрее, чем птаха!
Таким он стоял, сумасшедший и гордый
Певец (голубой темноты строгий кут,
Морскою волною обвил его шею измятый
лоскут).

Здесь можно провести еще одну аналогию с Пушкиным: осень, проведенная на Сабуровой даче, оказалась для Хлебникова такой же плодотворной, как Болдинская осень Пушкина. Тогда, в 1830 году, Пушкин оказался запертым в маленьком Болдине из-за эпидемии холеры и вынужден был провести там гораздо больше времени, чем рассчитывал. В то же время там он почувствовал удивительную творческую свободу, там его талант достиг расцвета. За три месяца, проведенных в Болдине, закончен «Евгений Онегин», написаны «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», множество стихотворений, «Сказка о попе и работнике его Балде», критические статьи.

Примерно то же происходит и с Хлебниковым. Он приезжает на Сабурову дачу не от хорошей жизни и не по своей воле. Помимо бытовых неудобств — скудный паек, плохая одежда, холодные помещения — не надо забывать, что Хлебников находится среди сумасшедших. Кроме того, там он заболевает. Осенью и зимой он перенес два тифа. «В общем, в лазаретах, спасаясь от воинской повинности белых и болея тифом, я пролежал 4 месяца! Ужас! Теперь голова кружится, ноги слабые», — сообщает он в феврале Осипу Брику. Так же как и Пушкин в 1830 году, Хлебников находился вдали от столиц, от культурной жизни. «Мы жили лето разобщенные с Москвой, и теперь все в ней таинственно для меня», — пишет он в том же письме. И это время

оказывается для Хлебникова едва ли не самым плодотворным в жизни.

Поэма «Поэт» — одна из вершин творчества Хлебникова: он сам относился к ней как к одному из своих лучших произведений. На Сабуровой даче написаны поэмы «Лесная тоска», «Гаршин», стихи «Ангелы» и «Горные чары», короткие стихотворения. Ангелы в одноименном стихотворении говорят на «ангельском» языке.

Мы мчимся, мы мчимся, тайничие,
Сияют как снег волоса
На призраках белой сорочки.
Далекого мира дайничие,
Нездешнею тайной вейничие,
Молчebные нoчepи тoчки,
Синеют небес голоса,
На вице созвездия почки,
То ивы цветут инеса.
Разумен небес неoдoл
И синегo лaдa убaвa,
И пeсни нeбeснoх мaлют.
Сурoвoй судьбe гoлoгoл,
Крылaми свepкнeт нeбoмoл,
А синee, синee тучи пoют, —
Литая лeтaeт лeтaвa,
Млaстeй синeглaзый пpиют,
Блeстящaя сoлнцa нeмрaвa.

В страшных условиях Хлебников создает удивительно светлые произведения. Поэма «Лесная тоска» написана в духе немецких романтиков. Действие ее происходит ночью в лесу, у реки, ее персонажи —

Вила, русалка, ветер, другие лесные обитатели. Они морочат голову рыбакам на реке. Но вот наступает утро, рассеивается туман и с ним, как морок, исчезает и лесная нечисть.

Поспешите, пастушата!
Ни видений, ни ведуний,
Черный дым встает на хате,
Всё спокойно и молчит.
На селе, в далекой клуне
Цеп молотит и стучит.
Скот мычит, пастух играет,
Солнце красное встает.
И, как жар, заря играет,
Вам свирели подает.

Эксперимент Анфимова удался. Это еще один пример того, в какой причудливой зависимости находится «творческая фантазия» поэта от внешних условий. Не о том ли говорила и Анна Ахматова после всех испытаний, выпавших на ее долю, в стихотворении «Муза»:

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

В то же время стены сумасшедшего дома, голод и холод были как нельзя более реальны, и врачу надо

было давать заключение. Анфимов, во-первых, констатирует, что поведение Хлебникова не является чем-то совершенно уникальным в художественной среде. Он сравнивает Хлебникова со Стриндбергом и Ван Гогом. Как и они, Хлебников «производил впечатление вечного странника, не связанного с окружающим миром и как бы проходящего через него». Подобно Жерару де Нервалю, Хлебников «всем своим существом вошел в жизнь литературной богемы и с тех пор никогда не научился никакой другой жизни».

Анфимов отмечает и другие особенности поведения своего пациента: «Все поведение Хлебникова было исполнено противоречий — он или сидел долгое время в своей любимой позе — поперек кровати с согнутыми ногами и опустив голову на колени, или быстро двигался большими шагами по всей комнате, причем движения его были легки и угловаты. Он или оставался совершенно безразличным ко всему окружающему, застывшим в своей апатии, или внезапно входил во все мелочи жизни своих соседей по палате и с ласковой простодушной улыбкой старался терпеливо им помочь. Иногда часами оставался в полной бездеятельности, а иногда часами, легко и без помарок, быстро покрывал своим бисерным почерком клочки бумаги, которые скоплялись вокруг него целыми грудями».

Итак, врачу необходимо было поставить диагноз, от которого зависела жизнь пациента (если бы Хлебникова забрали в деникинскую армию, он вряд ли бы выжил). «Для меня, — пишет Анфимов, — не было сомнений, что в В. Хлебникове развертываются нарушения нормы, так называемого шизофренического круга, в виде расщепления — дисгармонии нервно-психических процессов. За это говорило аффективное безразличие, отсутствие соответствия между аффектами и переживаниями (паратимия); альтернативность мышления — возможность сочетания двух

противоположных понятий; ощущение несвободы мышления; отдельные бредовые идеи об изменении личности; (деперсонализация); противоречивость и вычурность поведения; угловатость движений; склонность к стереотипным позам; иногда импульсивность поступков — вроде неудержимого стремления к бесцельным блужданиям. Однако все это не выливалось в форму психоза с окончательным оскудением личности — у него дело не доходило до эмоциональной тупости, разорванности и однообразия мышления, до бессмысленного сопротивления ради сопротивления, до нелепых и агрессивных поступков. Все ограничивалось врожденным уклонением от среднего уровня, которое приводило к некоторому внутреннему хаосу, но не лишенному богатого содержания».

Таким образом, один вопрос был решен. Но перед врачом встал следующий вопрос: «При наличии нарушения психической нормы надо установить, общество ли надо защищать от этого субъекта или наоборот, этого субъекта от коллектива». Анфимов приходит к выводу, что «защищать от него общество не приходится и, наоборот, своеобразие этой даровитой личности постулировало особый подход к нему со стороны коллектива, чтобы получить от него максимум пользы».

Сам Хлебников в поэме «Гаршин», где описывается жизнь на Сабуровой даче, спрашивает: «Где сумасшедший дом? В стенах или за стенами?» Вероятно, то, что видел Хлебников в Петрограде, в Москве, в Астрахани, на Украине в годы революции и Гражданской войны, заставляло поэта усомниться в наличии здравого смысла у многих представителей рода человеческого. В поэме обитатели сумасшедшего дома обсуждают последние события:

— Ну что же, новости какие?
— Пал Харьков, скоро Киев.
— Блестят имена Кесслера и Саблина.
Старо-Московская ограблена.
Богач летит, вскочив в коляску,
И по пятам несется труд
В своей победе удалой.
Но пленных не берут.
Пять тысяч за перевязку,
А после голову долой.
В снегу на большаке
Лежат борцы дровами, ненужными поленами,
До потолка лежат убитые, как доски,
В покоях прежнего училища.
Где сумасшедший дом?
В стенах или за стенами?

Анфимов освободил Хлебникова от воинской повинности. Теперь надо было решить вопрос, что делать дальше. Хлебникову было совершенно некуда ехать. Петников, который приходил к нему и приносил хлеб, бумагу и книги, не мог взять на себя заботы о поэте. Кроме того, вскоре Петников уехал в Москву. Хлебников продолжает жить на Сабуровой даче среди сумасшедших. Тем временем в декабре Харьков был опять занят Красной армией. В город вошли войска Четырнадцатой армии, с ними появились ЧК и Реввоен трибунал.

В город прибыл известный своими зверствами комиссар С. А. Саенко. Как пишет Хлебников, про Саенко рассказывали, что «из всех яблок он любил только глазные». В Харькове начался красный террор. О нем Хлебников расскажет в поэме «Председатель чеки» и других произведениях 1920–1921 годов. По Харьков

пошли ужасные слухи о пытках, казнях и массовых захоронениях. В поэме «Председатель чеки» Хлебников описывает эти события:

Дом чеки стоял на высоком утесе из глины,
На берегу глубокого оврага,
И задними окнами повернут к обрыву.
Оттуда не доносилось стонов.
Мертвых выбрасывали из окон в обрыв.
Китайцы у готовых могил хоронили их.
Ямы с нечистотами были нередко гробом,
Гвоздь под ногтем — украшением мужчин.
Замок чеки был в глухом конце
Большой улицы на окраине города,
И мрачная слава окружала его замок смерти,
Стоявший в конце улицы с красивым именем
писателя.

Здание тюрьмы находилось на улице Чайковского, которая пересекала Пушкинскую улицу, отсюда эти строки в поэме. Хлебников видит и другие отвратительные черты нового быта. В то время как большая часть населения голодает, «новые господа», как называет их Хлебников, живут в свое удовольствие:

Алые горы алого мяса.
Столовая, до такого-то часа.
Блюда в рот идут скороговоркою.
Только алое в этой обжорке.
В небе проносит чья-то рука.
Тихо несутся труды —
В белом, все в белом! — жрецами еды.

Снежные, дивные ломти.
«Его я не знаю, с ним познакомьте».
Алому мясу почет!
Часы рысачами по сердцу бьют
Косматой подковою лап.
Мясо жаркого течет,
Капает капля за каплей.
Воздух чист и свеж, и в нем нету гари.
На столах иван-да-марья.
Чистенькие листики у ней.
Стучат ножи и вилки
О блюда, точно льдины.
Почтенные затылки,
Седые господины.

А в это время голодные собаки стаями идут к страшному дому на Чайковской «мертвецов разрывать», «тащить чью-то ногу», «тащить чью-то руку». Хлебников описывает эти события через год, находясь на Кавказе. Он не разочаровался в идее Революции, но то, что он видел в Харькове, заставляет его с горечью воскликнуть:

Годы, годы
Мы мечтали о свободе.
И свидетель наши дети:
Разве эти
Смерть и цепи
Победителя венки?
Кто расскажет, кто поверит
В горы трупов по утрам,
Где следы от мертвых ног,
На кладбищах, где гроба

Роет белая судьба.

Главный герой поэмы «Председатель чеки» — следователь Реввоентрибунала Александр Андриевский. Этот человек сыграл в судьбе Хлебникова определенную положительную роль, с ним Хлебников сблизился в 1919-1920 годах. Андриевский был интересен Хлебникову прежде всего тем, что, как и Хлебников, профессионально занимался математикой (он учился в Петербургском университете). Благодаря этому обстоятельству Андриевский смог понять и запомнить многое из того, что говорил Хлебников. Личность «председателя чеки» интересовала Хлебникова не только этим. В поэме герой говорит о себе: «Мне кажется, я склеен из Иисуса и Нерона». Он рассказывает, что «был приговорен к расстрелу за то, что смертных приговоров в моей работе не нашли. Помощник смерти я плохой». Но он «любил пугать своих питомцев на допросе». Он запугивал человека до смерти и, когда тот уже мысленно прощался с семьей, «говорил отменно сухо: „Гражданин, свободны вы и можете идти“». Со смехом «председатель чеки» говорит:

До точки казни я не довожу,
Но всех духовно выкупаю в смерти
Духовной пыткой допроса.
Душ смерти, знаете, полезно принять для тела и души.

Этот человек принял участие в судьбе Хлебникова. Получилось это так: в Харькове Андриевский поселился в «коммуне» вместе с художниками Алексеем Почтенным, Иосифом Владимировым и несколькими другими. Все они, и Андриевский в особенности, любили поэзию, знали стихи современных поэтов и очень ценили Хлебникова. Случайно Почтенный узнал, что Хлебников находится неподалеку от Харькова в психиатрической лечебнице, где спасался от денкинской мобилизации. Тут же решено было пригласить Хлебникова в «коммуну», предоставить ему жилье и питание, подыскать литературный заработок.

Андриевский отправился на Сабурову дачу за Хлебниковым. Эта миссия была возложена на него, так как тогда он был назначен начальником Особого отдела при чрезвычайном коменданте и начальнике гарнизона Харькова. В мандате было сказано, что предъявитель имеет «право ареста любого военнослужащего до командира полка включительно, а также правомочен арестовать, за исключением депутатов ВУЦИК и членов ЦК КП(б), любое гражданское лицо безотносительно к должности, которую данное лицо занимает». Кроме того, всем советским организациям вменялось в обязанность оказывать предъявителю мандата всяческое содействие, комендантам станций — предоставлять вне очереди места в любых поездах, а в случае необходимости срочных выездов выделять резервные паровозы.

С таким мандатом Андриевский явился к Владимиру Яковлевичу Анфимову, напугав его до смерти, подобно тому, как это позже описал Хлебников. Доктор даже стал заикаться и каждую фразу заканчивал почтительным обращением «товарищ следователь». Вероятно, он успел мысленно попрощаться с семьей, пока «товарищ следователь» задавал свои вопросы. Андриевский сначала спросил, верно ли, что в больнице

находится поэт Виктор Владимирович Хлебников, известный под псевдонимом Велимир Хлебников. Получив утвердительный ответ, спросил, верно ли, что Хлебников сам пришел в больницу. Затем спросил, считает ли Анфимов Хлебникова сумасшедшим, опасен ли он для общества и, наконец, почему поэта до сих пор держат в сумасшедшем доме. Анфимов отвечал, что не может выписать пациента «в никуда», что поэту необходимо обеспечить хотя бы элементарную материальную поддержку, найти какоенибудь жилье, а Хлебникова за это время никто не навещал, и в Харькове у него нет ни родных, ни друзей. Тогда Андриевский наконец сообщил врачу о цели своего визита, о том, что он как раз и собирается взять на себя заботы о поэте и дать врачу все необходимые гарантии. Доктор, не чаявший такого избавления, радостно воскликнул: «Конечно же, товарищ следователь!»

Андриевский попросил повидаться с поэтом (до этого он с ним не встречался). Хлебников вышел к нему в солдатском белье и сером больничном халате. Андриевского поразили гигантский лоб и голубые глаза поэта. Хлебников удивленно выслушал слова незнакомого человека о том, что группа молодых художников приглашает его переехать к ним. Немного подумав, Хлебников сказал: «Ну что ж, я согласен». И в тот же день он предстал перед коммунарами. [\[113\]](#)

«Коммуна» помещалась в богатом особняке по адресу: Чернышевская улица, дом 16, квартира 2. Хлебникову отвели большое помещение, разделенное на две части капитальной перегородкой; окна комнаты выходили на Чернышевскую улицу. Хлебников категорически отказался от такой роскоши, и после долгого спора сошлись на том, что он будет жить в той комнате, где есть удобный стол и диван, покрытый пушистым ковром.

Вещей Хлебников никаких не привез, из больницы он явился с одним маленьким узелком. Как обычно, он поражал собеседника обширностью своих познаний. Андриевский занял соседнюю комнату. Оказавшись соседями, они нередко беседовали. Как рассказывает Андриевский, темами их разговоров были различные вопросы науки, причем часто Хлебников касался вещей принципиальных, относящихся к общей картине мира, и высказывал по ним глубокие и парадоксальные суждения. Так, он говорил о «пульсации всех отдельностей мироздания»: «Пульсируют солнца, пульсируют сообщества звезд, пульсируют атомы, их ядра и электронная оболочка, а также каждый входящий в нее электрон. Но такт пульсации нашей галактики так велик, что нет возможности его измерить. Никто не может обнаружить начало этого такта и быть свидетелем его конца. А такт пульсации электрона так мал, что никакими ныне существующими приборами не может быть измерен. Когда в итоге остроумного эксперимента этот такт будет обнаружен, ктонибудь по ошибке припишет электрону волновую природу. Так возникнет теория лучей вещества».

Все случилось так, как предвидел Хлебников: через несколько лет Луи де Бройль пришел к выводу о волновой природе электрона, о дуализме частицы-волны. В другой раз, продолжая этот разговор, Андриевский спросил Хлебникова, является ли такт пульсации солнца столь же огромным, как такт пульсации галактик и всего мироздания. «Нет, — ответил Хлебников, — я так не думаю. По моему мнению, длительность этого такта может быть точно измерена при наличном на сегодняшний день оборудовании». И действительно, в 1979 году и советские и американские ученые открыли пульсацию солнца.

Хлебников говорил с Андриевским о всеобщих связях, пронизывающих мироздание. Эта тема всегда интересовала поэта, об этом он писал в книге «Время — мера мира», об этом он продолжал думать и в 1919 году. Хлебников видел связь явлений там, где ее не видел никто в тот период. Многие сейчас не кажутся таким невероятным; многое, о чем говорил Хлебников в 1910-е годы, сейчас — научно установленный факт. Однажды по какому-то поводу Андриевский сказал Хлебникову: «Но это похоже на рассуждения вроде домыслов о влиянии лунного света на произрастание картофеля». В ответ на эту реплику Хлебников спросил: «А вы считаете, что тот или другой свет, пришедший из окружающей землю среды, может совсем не влиять на процессы, происходящие в растительных организмах? Поставьте вопрос иначе, — продолжал он, — могут ли процессы, происходящие хотя бы в самых далеких от нас частях космоса, никак не влиять на земную биологическую среду? И вы поймете, что ваше возражение было неправомерным. Нельзя говорить о единстве мира, о всеобщих отношениях и связях, как вы всегда это делаете, а в то же время именно всеобщие связи отрицать».

Андриевский ответил, что кроме прямых и существенных связей имеется еще бесчисленное количество далеких косвенных связей, влияние которых является столь пренебрежительно малым, что они уже не имеют существенного значения. На это Хлебников возразил следующее: «Вся история науки свидетельствует о том, что связи, о которых не подозревали или которые считались далекими, в последующем раскрывались как самые важные и определяющие, а те связи, которые выглядели близкими и непосредственными, оказывались либо частным случаем более общей закономерности, либо попросту несуществующими в действительности. До

Ньютона никому не пришло в голову, что между падением различных предметов на пол или на землю и движением планет существует какая-либо связь. Всякого, кто решился бы утверждать что-либо подобное, сочли бы сумасшедшим. Ньютон истолковал орбитальное движение планет как их падение на солнце, преодолеваемое в каждый момент времени инерцией поступательного движения по касательной к эллипсу (или к окружности). Так, земная механика соединилась с небесной и возникла единая мировая механика».

Когда Андриевский сказал, что открытые Хлебниковым «законы времени» еще требуется доказать, Хлебников ответил:

«Во всем естествознании, в том числе в физике, законы не доказываются, а открываются, обнаруживаются, выявляются путем отвлечения от бесчисленных частных и нахождения того, что является постоянным и потому составляет необходимую связь в кажущемся хаосе „толпящихся“ вокруг нас „зыбких явлений“. Доказываются только следствия из законов.

Если какой-либо закон в физике „доказан“, то это означает только констатацию факта совпадения того, что нечто, выявленное раньше как закон, теперь раскрывается как следствие и как частный случай более общей закономерности, но сама эта общая закономерность опять-таки не доказывается, а выявляется из найденных фактов как бесспорно существующий принцип».

Естественно, разговор коснулся математики и хлебниковского понимания числа. Хлебников сказал, что в понимании природы чисел он — антипод Пифагора.

«Пифагор верил в самостоятельное бытие числа. На самом деле существуют только два дерева, три

камня и тому подобное, но не „два вообще“ и не „три вообще“. Числа суть абстракции, которые отражают только отношения между реальностями и вне этих реальностей не существуют.

Нечто несуществующее не может характеризоваться каким-либо законом и не может выражать собою никакого закона. Нашим современникам полезно почаще вспоминать споры средневековых номиналистов и реалистов.

Когда математики говорят о свойствах тех или иных чисел и выводят якобы присущие им законы, они не отдают себе отчета в том, что такие законы не могут быть чем-либо иным, как отражением в абстракции числа реально существующих отношений и связей в бывающем.

Заявив, что в мире остаются только числа, я тем самым „расправился“ с числами, как Спиноза „расправился с богом“ (точное выражение Хлебникова).

Бытующая в философских работах характеристика Спинозы как пантеиста нелепа... Пантеизм, разъяснял Хлебников, есть разновидность деизма. Спиноза же был не деистом, а атеистом. Свою единую субстанцию он не назвал материей потому, что в семнадцатом веке материи приписывался только один атрибут — протяженность. Спиноза же приписал своей субстанции два атрибута — протяженность и мышление. Поэтому он применил более простой термин — „природа“ и наделил всю природу мышлением. Следовательно, Спиноза был не пантеист, а гилозоист, что отнюдь не то же самое.

Я не являюсь гилозоистом, продолжал Хлебников, хотя я убежденный монист. Вы часто говорите: „Материя различена внутри себя и существует в гигантском многообразии своих форм, их состояний и стадий развития, а единство мира в его материальности“. Я спрашиваю: а что же едино в самой

материальности, если она внутри себя столь многообразна? Очевидно, ее единство есть всеобщее единство пронизывающих ее связей. Но подлинно единым в таких связях может быть только то, что их единым образом сопрягает, то есть числа, которые и суть отношения внутри единого, внутри бывающего, и которые вне этого бывающего сами по себе не существуют, ибо количественные отношения присущи не числам, а только элементам различной внутри себя действительности, то есть звеньям и компонентам подлинной реальности.

Когда я обнаруживаю какую-нибудь числовую закономерность, я всегда помню, что самим числам она не может принадлежать. Поэтому я начинаю искать, каким реально существующим отношениям и связям в мироздании может отвечать такая закономерность».

«Председатель чеки» притягивал Хлебникова не только тем, что с ним можно было поговорить о математике. Как пишет Хлебников в поэме:

Он жил вдвоем. Его жена была женой другого.
Казалось, со стен Помпеи богиней весны
красивокудрой,
Из гроба вышедши золы сошла она.
И черные остриженные кудри
(Недавно она болела сыпняком),
И греческой весны глаза, и хрупкое утонченное
тело,
Прозрачное, как воск, и пылкое лицо
Пленяли всех, лишь самые суровые
Ее сурово звали «шкура» или «потаскушка».
Она была женой сановника советского.
В покое общем жили мы, в пять окон.
По утрам я видел часто ласки нежные.

Из-за этой роковой женщины Андриевский незадолго перед тем стрелялся. Пуля едва не задела сердце, и он чудом остался жив. Хлебников тоже был знаком с этой женщиной, скорее всего, еще до его знакомства с Андриевским. Это — Вера Демьяновская, двоюродная сестра Синяковых.

В конце концов, прожив в «коммуне» зиму, весной Хлебников не выдержал такого соседства и сбежал. Тогда же Андриевский отправился на фронт. В июне он вернулся, и они еще несколько раз виделись с Хлебниковым. Последний раз поэт и «председатель чеки» встретились в Москве в 1922 году. Их дружеское общение продолжилось. Хлебников тогда привез в Москву свое итоговое произведение «Доски судьбы» в надежде его опубликовать. В «Досках судьбы» нашли продолжение многие темы, затронутые Хлебниковым в беседах с Андриевским. Правда, в московский период общение было недолгим: вскоре Хлебников уехал в Новгородскую губернию и уже не вернулся оттуда. То путешествие оказалось для него последним. В новгородской глуши, тяжело заболев, он умер. Андриевский был одним из немногих друзей, к кому обращался оттуда спутник Хлебникова Петр Митурич за помощью, и одним из немногих, кто действительно пытался помочь поэту. К сожалению, сделать ничего не удалось. Андриевский становится редактором «Досок судьбы». Сам Хлебников при жизни успел выправить только один выпуск, одну тонкую брошюрку. С помощью Андриевского и под его редакцией удалось издать еще два выпуска уже после смерти Хлебникова. Так пересеклись судьбы Председателя земного шара и «председателя чеки».

В Харькове весной 1920 года Хлебников переживал свою оторванность от литературной жизни и России, и Украины. Из Москвы он получает неутешительные

известия: «Интернационал искусств» не вышел, и неизвестно, выйдет ли. Но что еще хуже, заглохли дела с собранием сочинений. Еще в феврале, выбравшись с Сабуровой дачи, Хлебников с робкой надеждой спрашивал Брика: «...но главная тайна, блистающая, как северная звезда, это — изданы мои сочинения или нет? Шибко боюсь, что нет!.. И вдруг вы пришлете мне толстый пушкинский том? С опечатками, сырой печатью? Правда, хорошо было бы?» Может быть, если бы Хлебников сам приехал и наблюдал за подготовкой издания, можно было бы что-то сделать. В апреле он пишет Брику из Харькова: «Я с грустью примирился с тем, что собрание сочинений не вышло».

Коммунары, с которыми Хлебников живет на улице Чернышевского, любили стихи, но сами они были не поэты и не литераторы. Все литературные знакомые Хлебникова разъехались. Петников в Москве, Асеев с женой уезжает на Дальний Восток. Поэт испытывал потребность найти если не читателей, то хотя бы слушателей. Он подружился с молодой поэтессой Екатериной Неймайер. Она читала ему свои стихи, а Хлебников выставлял за них оценки и подписывался: «учитель словесности».

Вскоре при клубе «Коммунист» Харьковского губкома КП(б)У решено было организовать литературную студию и привлечь к работе в ней всех поэтов и писателей, оставшихся в Харькове. С этой миссией Хлебникова, когда он жил еще в «коммуне», отыскал секретарь клуба, молодой литератор Александр Лейтес. Хлебников согласился прийти на организационное собрание, хотя секретарь клуба не очень понравился поэту. В назначенный срок Хлебников появился в доме 20 по Московской улице на первом собрании. Люди собрались очень разные: профессор А. Белецкий, литературовед И. Гливенко, немолодой уже писатель С. Гусев-Оренбургский, молодой сатирик

Эмиль Кроткий и другие. Тем не менее все они примерно представляли себе, что нужно делать в литературной студии, если эту студию будут посещать молодые пролетарские поэты. Все вместе они стали разрабатывать планы лекций и вечеров.

Хлебников в общем обсуждении участия не принимал и сидел молча. Наконец его спросили, каковы его планы, что он может сообщить студийцам. Тогда поэт встал и сухо сказал, что им разработаны планы двух лекционных курсов. Один курс будет посвящен принципам японского стихосложения, другой — методам строительства железной дороги через Гималаи. Выступление длилось не более минуты и сменилось недоуменной тишиной. Наверное, когда в начале 1910-х годов футуристы громко раздавали «пощечины общественному вкусу», это вызывало у зрителей меньший шок, чем тихое и короткое выступление Хлебникова в 1919 году.

Собравшимся было непонятно, что это: тонкая издевка? глупость? сумасшествие? Хлебников же был абсолютно серьезен. Более того, он действительно мог вполне компетентно рассуждать и на ту, и на другую тему. Японской поэзией он начал интересоваться еще в 1900-е годы, будучи студентом Казанского университета, тогда же он изучал японский язык. В 1912 году он писал Алексею Крученых о японском стихосложении, которое не имеет рифмы: «Я уверен, что скрытая вражда к созвучиям и требование мысли, столь присущие многим, есть погода перед дождем, которым прольются на нашу землю японские законы прекрасной речи». О японской литературе Хлебников упоминает в статье «О расширении пределов русской словесности», а в 1915-м сам создает стилизованную танку. Эту танку пишет на камне героиня его повести «Ка»: «Если бы смерть / Кудри и взоры имела твои — / Я умереть бы хотела».

Образы и темы японской поэзии много раз встречаются в творчестве Хлебникова. В 1920 году Хлебников призывает:

Туда, туда, где Изанаги
Читала «Моногатори» Перуну,
А Эрот сел на колена Шангти,
И седой хохол на лысой голове
Бога походит на снег,
Где Амур целует Маа-Эму,
А Тиэн беседует с Индрой,
Где Юнона с Цинтекуатлем
Смотрят Корреджио
И восхищены Мурильо,
Где Ункулункулу и Тор
Играют мирно в шашки,
Облокотясь на руку,
И Хокусаем восхищена
Астарта — туда, туда.

(«Туда, туда, где Изанаги...»)

Эти стихи Хлебников все-таки прочтет в клубе. Что касается второй темы, то Хлебников давно уже считал строительство железных дорог чрезвычайно важным для России делом. Об этом он высказался в печати: в 1914 году в книге «Ряв!» он опубликовал «Ряв о железных дорогах». Там он говорит, что в Италии, например, железнодорожное полотно идет вдоль всей Италии, всей прибрежной полосы, и это очень выгодно в экономическом смысле. В Северной Америке железная дорога проходит вдоль всех больших рек, что также очень удобно для перевозки грузов. В России все железнодорожные ветки или не доведены до конца, или

во многих случаях вообще отсутствуют. Путь вдоль Волги не доведен до Каспийского моря, что совершенно нелепо. Кроме того, удобно было бы связать железной дорогой Волгу и Днепр в среднем течении; на севере необходим путь, который свяжет между собой северные реки: Печору, Обь, Лену и Енисей. «Тогда только, — пишет Хлебников, — будет разумна паутина железнодорожных пауков Москвы и других городов».

В те годы Хлебникова никто не услышал да и не собирався прислушиваться к его словам. После революции Хлебников думал, что теперь-то его идеи будут востребованы, теперь-то он сможет реально влиять на общественную и политическую жизнь в России. Если идеи Хлебникова были в чем-то утопичны, то только в последнем. В отношении железных дорог жизнь доказала правоту Хлебникова. Действительно, на протяжении всего XX века железнодорожный транспорт оставался главным средством перевозок, и строительство железных дорог развивалось примерно так, как предполагал Хлебников. Это и Турксиб, и Байкало-Амурская магистраль, и построенные в годы советской власти железнодорожные линии в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке.

В Харьковском клубе «Коммунист» в 1920 году слушать лекции Хлебникова не захотели. В условиях полнейшей разрухи, голодных пайков, отсутствия не только электричества, но и керосина, выступление Хлебникова казалось неуместным. Его так и не утвердили в должности лектора. Однако связь Хлебникова с литературной студией при клубе «Коммунист» не порывалась, его приглашали на поэтические вечера, где он читал свои стихи.

Харьковский период был чрезвычайно плодотворным для него. Весной 1920 года Хлебников читает в литературной студии стихотворение «Единая книга»:

Я видел, что черные Веды,
Коран и Евангелие,
И в шелковых досках Книги монголов
Из праха степей,
Из кизяка благовонного,
Как это делают
Калмычки зарей,
Сложили костер
И сами легли на него —
Белые вдовы в облако дыма скрывались,
Чтобы ускорить приход
Книги единой...

Далее страницами единой книги поэт называет моря, а великие реки — «шелковинками-закладками», где остановился взором читатель. Как вспоминает очевидец, «нараспев называя Нил и Обь, Миссисипи и Дунай, Замбези и Волгу, Темзу и Ганг, он постепенно воодушевлялся и резко повысил голос (обращаясь не то к себе, не то к кому-то из аудитории): „Да, ты небрежно читаешь. Больше внимания! Слишком рассеян и смотришь лентяем, точно уроки Закона Божия. Эти горные цепи и большие моря, эту единую книгу скоро ты, скоро прочтешь!“ На этот раз его слушали сосредоточенно. Аудитория была пестрой. Студийцы, райкомовцы, сотрудники губисполкома, несколько сотрудников Поюгзапа (политотдел Юго-западной армии), рабочая молодежь с паровозостроительного... Даже шумливые подростки, недавние гимназисты младших классов, ставшие учениками „единой трудовой“, прибегавшие в клуб ради величайшего лакомства тех вечеров — бутербродов с повидлом, даже

они притихли. Закончив выступление, Хлебников неожиданно сник, погрузился, замкнулся в себе. Видимо, ему было очень трудно выступать перед аудиторией, делиться тем, что он долго вынашивал. Когда ему стали задавать вопросы, он почти не отвечал, ограничиваясь бормотанием про себя». [\[114\]](#)

Тогда же Хлебников объединил это стихотворение с несколькими другими в цикл «Азы из узы». «Азы» — слово многозначное. В слове «азы» слышится и «аз» — «я», и начала, и Азия, куда Хлебников всегда стремился и в мыслях, и в стихах, и в жизни. «Узы» — прежде всего оковы, из которых выходят освобожденная Азия и весь старый мир. В это время Хлебников пишет и грандиозную утопию «Ладомир»:

И замки мирового торга,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.
Кто изнемог в старинных спорах
И чей застенок там на звездах,
Неси в руке гремучий порох —
Зови дворец взлететь на воздух.
И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма сизого,
С рукой в крови взамен знамен
Бросай судьбе перчатку вызова.
И если меток был костер
И взвился парус дыма синего,
Шагай в пылающий шатер,
Огонь за пазухою — вынь его.
И где ночуют барыши,
В чехле стекла, где царский замок,
Приемы взрыва хороши
И даже козни умных самок.

Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?

«Ладомир» можно перевести как мировой лад, грядущая мировая гармония. К воплощению этого понятия Хлебников стремился всегда: и называя себя Велимиром, и основывая общество Председателей земного шара, и мучительно размышляя над «законами времени». После революции и в годы красного террора в Харькове эта идея приобретает дополнительные черты. Первый вариант поэмы «Ладомир» заканчивался словами:

Черти не мелом — своей кровью
Того, что будет, чертежи.

Хлебников отвергает этот вариант, и окончательный финал поэмы звучит так:

Черти не мелом, а любовью
Того, что будет, чертежи.

Еще в 1918 году, описывая бои в Москве, поэт говорил: «Первая заглавная буква новых дней свободы так часто пишется чернилами смерти». В рабочей тетради появилась запись: «Мировая революция требует мировой совести». Хлебников до конца жизни оставался мечтателем и утопистом в том смысле, что не

переставал надеяться на мировую совесть и мировой разум. И верил, что его труды могут помочь человечеству на пути к Ладомиру. Для этого ему надо было увидеть свои труды напечатанными.

«Ладомир» писался очень быстро, поэма была закончена за одну ночь, «походя на быстрый пожар пластов молчания». Он говорил: «...мне нужно, чтобы это было напечатано, тогда я, как Антей, прикасаясь к земле, снова набираюсь силы». Помочь издать «Ладомир» вызвался молодой художник Василий Ермилов. Его брат работал в литографии железной дороги, там тиражом всего 50 экземпляров удалось размножить книгу. Текст для литографского камня переписал и выполнил рисунок для обложки сам Ермилов. Весь «тираж» был отдан Хлебникову. В продажу эти книги не поступали, их Хлебников только дарил своим друзьям.

Конечно, это было совсем не то, на что поэт рассчитывал. Эту публикацию он даже не включил в число своих работ, когда в начале 1922 года заполнял анкету для вступления в Союз поэтов. Ермилов, который чувствовал свою ответственность за данную книгу, весной следующего года в Москве сумел договориться об издании «Ладомира» в Государственном издательстве, однако и эти надежды не оправдались — книга не вышла.

В это время Хлебников пишет поэму «Разин» — уникальное явление в русской литературе. Вся поэма, а это более 400 строк, написана палиндромами, то есть строки читаются одинаково слева направо и справа налево. Сохранилось три редакции поэмы: таким образом, палиндромических строк Хлебников написал гораздо больше. В поэме излагается история последнего похода Разина:

Сетуй, утес! Утро чорту!
Мы, низари, летели Разиным.
Течет и нежен, нежен и течет,
Волгу див несет, тесен вид углов.
Олени. Синело.
Оно.
Ива, пук купав и —
Лепет и тепел
Ветел, летев.
Топот.
Эй, житель, лети же!
Иде беляны, ныня лебеди.
Косо лети же, житель осок!

Обычно в литературе практиковались однострочные палиндромы. Самый известный из них — «Я иду с мечем судия», созданный Г. Р. Державиным. Таким произведениям издавна приписывалась магическая сила, они использовались в заговорах и заклинаниях. Хлебников так объясняет значение палиндрома: это «заклятье двойным течением речи, двояковыпуклая речь». Другое его определение: «Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны, и через слюду обыденного смысла просвечивает второй смысл».

Он начинал писать палиндромы еще в футуристический период. В «Садке судей» (1913) был опубликован его «Перевертень». Идея «двойного течения речи» была связана для Хлебникова с поисками «законов времени». Почти одновременно с «Перевертнем» он создает драму «Мирсконца», где действие разворачивается в обратной хронологии событий. Обычной линейной последовательности, линейному разворачиванию текста, необратимости

времени поэт противопоставил свое видение. Ему, подобно герою повести «Ка», нет «застав» во времени. Ка (двойник человека) «в столетиях располагается удобно, как в качалке». В конце жизни по поводу открытых им «законов времени» поэт написал: «Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает, и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством». Не так ли устроен и палиндром: то, что будет потом, уже заключено в начале стиха, читая его, мы двигаемся одновременно в двух направлениях.

Не случайно героем палиндромической поэмы оказывается Степан Разин. Разин — один из любимых героев Хлебникова. К образу этого казачьего атамана в начале XX века обращались и Василий Каменский, и Марина Цветаева. Но трактовка этого образа Хлебниковым принципиально отличается от подхода других поэтов. Для Хлебникова Разин — не герой из далекого прошлого, результат его действий актуален и сегодня. Себя поэт называет «противо-Разиным». Он — «Разин напротив, Разин навыворот», «Разин со знаменем Лобачевского»: «он грабил и жег — а я слова божок»; «Разин деву в воде утопил. Что сделаю я? Наоборот? Спасу!» И здесь мы видим это отрицание линейной последовательности, отрицание необратимости времени.

В Харькове Хлебников продолжал много и напряженно работать. Он пишет поэмы «Ночь в окопе», «Три сестры» (посвященную сестрам Синяковым), «Царапина по небу», много стихотворений, ищет возможности напечатать свои произведения.

Эта возможность появилась с неожиданной стороны. Весной 1920 года, когда Хлебников уже выехал из «коммуны», в Харькове оказались Сергей

Есенин и Анатолий Мариенгоф. Незадолго перед тем они провозгласили новое направление в поэзии — имажинизм. В группу имажинистов вошли и некоторые старые знакомые Хлебникова: бывшие эгофутуристы Вадим Шершеневич и Рюрик Ивнев, а также Сергей Городецкий, с которым Хлебников познакомился еще на «башне» Вячеслава Иванова. Городецкий уже успел побывать и символистом, и акмеистом. Самым последовательным имажинистом был Вадим Шершеневич. В книге « $2 \times 2 = 5$. Листы имажиниста», которая вышла в 1920 году, Шершеневич писал: «Стихотворение — не организм, а волна образов, из него может быть вынут один образ, вставлено еще десять». Но, конечно, центральной фигурой имажинизма был Сергей Есенин, самый талантливый поэт из всей этой группы.

В творчестве Есенина и Хлебникова можно найти немало общих черт: это особое отношение к России и всему русскому, знание и понимание родной природы, ощущение слитности с природой. В то же время в отношении к жизни и в поведении трудно представить себе двух более несхожих людей. Хлебников всегда отвергал позу; как бы он ни выглядел, это всегда было для него естественно. Он говорил, что думал, писал, о чем хотел, одевался, во что мог. Есенин, появившись в литературных салонах Петербурга и Москвы, устраивал настоящий маскарад. В Петрограде в нем хотели видеть деревенского паренька — он надевал сапоги с голенищами гармошкой, задрипанную поддевку, вышитую рубашку и распевал частушки.

К тому времени, как они познакомились с Хлебниковым, Есенин уже сменил образ. Теперь за ним шла слава скандалиста. Он хорошо одевался, он шил костюм и шубу у лучшего портного Москвы. Так Есенин и Мариенгоф явились в 1920 году в Харьков: Есенин в меховой куртке, Мариенгоф в пальто из тяжелого

английского драпа. Они бежали из голодной Москвы, мечтая, как пишет Мариенгоф в «Романе без вранья», «о белом украинском хлебе, сале, сахаре, о том, чтобы хоть недельку-другую поработало брюхо, как в осень мельница». Прослышав, что в это время в Харькове живет Хлебников, имажинисты явились к нему в гости.

К тому времени Хлебников жил в заброшенной мастерской. Это была большая полутемная комната, куда входили через разломанную, без ступенек, террасу (окна комнаты выходили только на террасу). Комната имела такой же вид, как все другие, где жил поэт: почти никакой мебели, только стол, заваленный рукописями, матрас без простыней и наволочка, которая служила сейфом для рукописей. Одевался он все в тот же поношенный сюртук, а брюки были сшиты из старых парусиновых занавесок. Когда Есенин и Мариенгоф пришли к Хлебникову, тот ремонтировал свои старые штиблеты, от которых оторвалась подметка. Мариенгоф вспоминает: «Хлебников сидит на полу и копошится в каких-то ржавых, без шляпок, гвоздиках. На правой руке у него щиблета. Он встал нам навстречу и протянул руку с щиблетой. Я, улыбаясь, пожал старую дырявую подошву. Хлебников не заметил».

Есенин и Мариенгоф уже знали о том, что Хлебников объявил себя Председателем земного шара и что многие деятели культуры вполне серьезно к этому отнеслись и согласились войти в хлебниковское общество Председателей. Имажинисты задумали злую шутку. Есенин сказал Хлебникову, что они хотят в Харьковском городском театре всенародно и торжественным церемониалом упрочить избрание Председателя земного шара. Действо состоялось 19 апреля. В «Романе без вранья» Анатолий Мариенгоф так описывает это событие:

«Хлебников, в холщовой рясе, босой и со скрещенными на груди руками, выслушивает читаемые

Есениным и мной акафисты, посвящающие его в Председатели.

После каждого четверостишия, как условлено, он произносит:

— Верую.

Говорит „верую“ так тихо, что еле слышим мы. Есенин толкает его в бок:

— Велимир, говорите громче. Публика ни черта не слышит.

Хлебников поднимает на него недоумевающие глаза, как бы спрашивая: „Но при чем же здесь публика?“ И еще тише, одним движением рта, повторяет:

— Верую.

В заключение как символ земного шара надеваем ему на палец кольцо, взятое на минуточку у четвертого участника вечера — Бориса Глубоковского.

Опускается занавес.

Глубоковский подходит к Хлебникову:

— Велимир, снимай кольцо.

Хлебников смотрит на него испуганно и прячет руку за спину. Глубоковский сердится:

— Брось дурака ломать, отдавай кольцо!

Есенин надрывается от смеха. У Хлебникова белеют губы:

— Это... это... Шар... символ земного шара... А я... вот... меня... Есенин и Мариенгоф в Председатели...

Глубоковский, теряя терпение, грубо стаскивает кольцо с пальца».

После того как у Бриков Хлебникова торжественно и серьезно провозгласили Королем Времени, после того как в качестве Председателя земного шара он принимал участие в праздновании «Займа свободы», у поэта были все основания серьезно отнестись к действию, организованному Мариенгофом и Есениным. Со

стороны собратьев по перу он, конечно, такой подлости не ожидал.

Общение с имажинистами имело и более приятные последствия. Хлебникова пригласили участвовать в сборнике имажинистов «Харчевня зорь», который вышел тогда же в Харькове. Там Хлебников опубликовал три стихотворения. С подачи имажинистов два его стихотворения были опубликованы в коллективном сборнике «Мы», вышедшем в Москве в издательстве при Всероссийском Союзе поэтов «Чихипихи». Наконец, в марте 1921 года Сергей Есенин выпустил отдельным изданием поэму Хлебникова «Ночь в окопе» тиражом десять тысяч экземпляров. Хотя денег он автору не заплатил, Хлебников был этому изданию очень рад.

Не так уж часто его произведения выходили отдельными книгами. После 1914 года, когда Бурлюк издал «Творения», а Крученых и Матюшин — «Ряв!» и «Изборник», появились только тем же Матюшиным изданные «Битвы 1915-1917 гг.», «Время — мера мира» и «Ошибка смерти», вышедшая в Харькове в издательстве «Лирень» в конце 1916 года. После этого вплоть до самой смерти Хлебникова из отдельных изданий появлялись только эфемерные, подобные харьковскому «Ладомиру», литографированные брошюры, состоящие из нескольких, а то и из двух страниц, изданные тиражом не более ста экземпляров. На такие литературные «заработки» Хлебникову было не прожить, даже несмотря на его аскетический образ жизни.

Поэма «Ночь в окопе» посвящена событиям Гражданской войны. «Каменная баба» — скифское изваяние — наблюдает за братоубийственной бойней.

Смотрело
Каменное тело
На человеческое дело.
«Где тетива волос девичьих?
И гибкий лук в рост человека,
И стрелы длинные на перьях птичьих,
И девы бурные моего века?» —
Спросили каменной богини
Едва шептавшие уста.
И черный змей, завит в кольцо,
Шипел неведомо кому.
Тупо животное лицо
Степной богини. Почему
Бойцов суровые ладони
Хватают мертвых за виски
И алоратные полки
Летят веселием погони?
Скажи, суровый известняк,
На смену кто войне придет?
— Сыпняк!

На должность лектора в клубе «Коммунист» Хлебникова не утвердили, но зачислили трубачом в клубный оркестр. Это было сделано для того, чтобы поэт мог получать паек. Конечно, паек был скудный и состоял в основном из хлеба со жмыхом и сахарина, но Хлебников не жаловался. Издательские дела и подготовка «законов времени» беспокоили его гораздо больше. После необычайного творческого подъема у Хлебникова опять начинается, как он говорит, «полоса числа». «Совершенно исчезли чувства к значениям слов. Только числа», — записывает он в дневнике. ^[115] У него намечаются новые закономерности в исследовании «законов времени», совсем не такие, как раньше.

Многие события начинают укладываться в найденные формулы, и Хлебников чувствует, что победа близка, что должен быть какой-то общий закон, связывающий все события. Хлебников думает об этом днем и ночью: «Во сне, — записывает он, — меня посетили Лагранж и Эйлер».^[116]

Поэт опять начинает испытывать «голод пространства». И так уже в Харькове он задержался больше чем на год, что для него совершенно несвойственно. Хлебников думает поехать к родителям в Астрахань: харьковский Политпросвет выдает ему удостоверение о командировке на службу в Астрахань. Но можно двинуться туда, где он еще не бывал, — дальше на Восток. Интерес к Востоку так же постоянен для Хлебникова, как интерес к числу и слову и жажда путешествий. Теперь этот условно-поэтический Восток обретает более конкретные очертания. Хлебников внимательно следит за тем, что делается в Средней Азии, в Иране, в закавказских республиках. А там ширится национально-освободительное движение.

В Иране и Закавказье колониальная политика англичан изживает себя. В апреле 1920 года в Азербайджане была установлена советская власть. Еще раньше Красная армия разгромила Деникина в Дагестане. 1 сентября в Баку начинает работу Первый съезд народов Востока. Такого события Хлебников пропустить не мог. Он давно уже чаял объединения народов Азии, и вот теперь он может увидеть, как его мечты воплощаются в жизнь. Одновременно с командировочным удостоверением в Астрахань он получает такую же командировку в Баку и 1 сентября оказывается на съезде.

Надо сказать, что после революции передвигаться по стране стало сложно еще и потому, что нарождающаяся советская бюрократия работала тогда

в полную силу. Купить билет на поезд было очень непросто. Без документа о командировке могли арестовать. Правда, и с этим документом Хлебникова арестовали, но об этом позже.

Съезд народов Востока не обманул ожиданий Хлебникова. Депутаты обсуждают те самые вопросы, которые волновали и Хлебникова! Обсуждается тема железных дорог, о чем не захотели слушать в Харькове в клубе «Коммунист». Депутат М. Павлович говорил о политике европейских государств в отношении строительства железных дорог: «Накануне войны я формулировал сущность колониальных конфликтов между европейскими государствами, говоря, что эти конфликты могут быть сведены к конфликтам между тремя группами букв: *Б-Б-Б*, *К-К-К* и *П-П*. Германия выдвинула проект великого рельсового пути Берлин—Бизантиум—Багдад, который должен был приковать стальной цепью к немецкой империи всю оттоманскую империю и прежде всего Малую Азию, а через посредство последней открыть германскому империализму дорогу в Персию, Индию, Египет, т. е. к овладению черным и желтым континентами. Немецким трем *Б* Англия противопоставила три *К*: Капштадт—Каир—Калькутта — железную дорогу, которая должна была соединить в одно целое всю восточную Африку от юга до севера, затем Аравию, Месопотамию, южную Персию и Индию. Россия в противовес этим проектам выдвинула проект Петербург — Персидский залив. Во всех этих проектах мы видим борьбу за господство мировых держав над Азией и Африкой».^[117]

Об этих проблемах Хлебников размышлял еще с 1913 года. Для него, конечно, не были случайными и три *К*, и три *Б*, и два *77*. Как раз в 1919–1920 годах он много размышляет о значении отдельных согласных звуков и замечает другие интересные закономерности.

Например, фамилии вождей контрреволюции начинаются с К: Колчак, Корнилов, Каледин, Керенский. Фамилии революционеров с Л: Ленин, Лассаль, Либкнехт. Поэтому Гражданскую войну Хлебников рассматривает как битву звуков. Впечатления от съезда отразились в стихотворении, названном «Б».

От Баку и до Бомбея
За Бизант и за Багдад
Мурза-Бабом в Энвер-бея
Бьет торжественный набат.
«Ныне» Бакунина
Ныне в Баку.

Воодушевленный Съездом народов Востока, Хлебников уже не собирается возвращаться в Харьков. Он хочет двигаться дальше, на Восток. Его давно уже манила к себе Персия. Теперь, когда он находится в Баку, эти мечты становятся более определенными и более осуществимыми. В то же время Хлебников боится пропустить нечто важное в России.

Хлебников так неожиданно срывался с места, что нам теперь порой нелегко уследить за всеми его передвижениями. В сентябре 1920 года он успел побывать еще и в Ростове-на-Дону. Появился он там внезапно, но местные молодые поэты узнали о его приезде и решили пригласить выступить в «Кафе поэтов». Это кафе было сделано по образцу петроградских «Бродячей собаки» и «Привала комедиантов». Его организовал поэт, писавший под псевдонимом Рюрик Рок. Он принадлежал к младшему поколению футуристов и, как и многие другие,

признавал бесспорное лидерство Хлебникова. В Ростове Юрий Рок организовал группу ничевоков.

Хлебников был торжественно доставлен в «Кафе поэтов», но ростовские поэты сначала не хотели верить, что этот оборванец и есть знаменитый поэт. К тому же Олег Эрберг (впоследствии востоковед, работник советских консульств в Иране и Афганистане), ездивший на вокзал за Хлебниковым, был известен своими розыгрышами и мистификациями. Юрий Рок и администратор кафе пригласили Хлебникова в кабинет «для установления личности». Через несколько минут Рок вышел из кабинета и торжественно возгласил: «Сомнений быть не может. Это — Хлебников!» На вечере в «Кафе поэтов» Хлебников читал стихи и одну из своих работ, посвященных «законам времени». Денег за это выступление он не получил, и на следующий день его видели на рынке, где он пытался обменять свой ватник на фунт винограду.

В Ростове Хлебникова пригласил пожить к себе молодой поэт Илья Березарк. У него Хлебников прожил около недели. В это время актеры местной театральной мастерской решили поставить пьесу Хлебникова «Ошибка смерти». Это было исключительно существенное для автора событие. Притом что драматургия занимала важное место в его творчестве, до сих пор он не видел ни одного своего произведения воплощенным на сцене. До этого было несколько попыток: пьеса «Снежимочка» должна была идти в театре «Будетлянин», но там дело не пошло дальше объявления об этом, в 1917 году в Петрограде был подписан договор как раз на постановку «Ошибки смерти», но и там спектакль не состоялся. В Харькове Андриевский тоже пробовал поставить «Ошибка смерти», но деятели Всеукраинского главполитпросвета не утвердили план постановки этой пьесы, поскольку сочли творчество футуристов чуждым пролетариату.

Теперь же Хлебников присутствует на репетициях, делает замечания. Особенно интересуют его сценический образ Барышни-смерти. Эта пьеса была чрезвычайно важна для Хлебникова. В ней он одновременно полемизирует с символистами и возрождает традиции буффонады, подобно тому, как это делает Блок в «Балаганчике».

Сюжет драмы таков: в харчевне веселых мертвецов, где всем заправляет Барышня-смерть, появляется тринадцатый гость. Новый гость тоже требует себе стакан, но лишнего стакана нет. Тогда он просит у Барышни-смерти ее череп, чтобы сделать себе чашу. Та соглашается с условием, что он отдаст. Посетитель, конечно, обманывает ее. Она выпивает собственный напиток смерти и умирает. Все двенадцать мертвецов оживают. В соответствии с традицией балагана, театра-буфф, в конце Барышня-смерть встает и говорит: «Я все доиграла, я могу присоединиться к вам. Здравствуйте, господа!»

Кроме пьесы Хлебникова Ростовская театральная мастерская поставила «Гондлу» Николая Гумилёва и пьесу Алексея Ремизова «Иуда — принц искаротский». В основном играли там актеры-любители. Илья Березарк вспоминает: «Сценка Хлебникова „Ошибка смерти“ превратилась в своеобразный „гиньоль“. В кафе между столиками ходила барышня Смерть в соответствующем условном одеянии, в руке она держала мамбольер — большой хлыст, которым укрощают лошадей. За столиками среди зрителей сидели двенадцать ее гостей в причудливых полумасках... В день спектакля подвал поэтов был украшен большим портретом Хлебникова (автором его был талантливый художник М. Кац). Следует отметить, что роль одного из гостей в этом спектакле играл

молодой актер театральной мастерской — Евгений Львович Шварц». [\[118\]](#)

Хлебников исчезает из Ростова так же внезапно, как появился. В конце сентября он успевает посетить еще один съезд. На этот раз он присутствует в Армавире на Первой конференции пролеткультов кавказско-донецких организаций. Хотя ни на Съезде народов Востока, ни на Конференции пролеткультов Хлебников не делал никаких докладов, он был внимательным и благодарным слушателем. Все, что происходило в стране, его живо интересовало, многое из того, о чем говорили делегаты съездов, он давно уже предвидел в своих статьях и стихах.

Хлебников был легок на подъем и совершенно непритязателен в быту, поэтому он запросто мог выйти на любой станции и остаться на несколько дней, а то и больше, в незнакомом месте. Так случилось и этой осенью, когда он ехал из Армавира обратно в Баку. По дороге Хлебников заехал в Дагестан, где был только однажды в юности и где у него не было никаких знакомых. В ауле около Дербента, среди горцев, он провел две недели. Хлебникова задержала удивительная природа этого края. Впечатления от Дагестана отразились в стихотворении «Цыгане звезд»:

Цыгане звезд
Раскинули свой стан,
Где белых башен стадо.
Они упали в Дагестан,
И принял гордый Дагестан
Железно-белых башен табор,
Остроконечные шатры.
И духи древнего огня
Хлопочут хлопотливо,

Точно слуги.

Но Хлебников забыл, что теперь настали совсем другие времена и без ведома государства уже нельзя было ступить ни шагу. Документов на проезд в Дагестан у него не было, и его арестовала ЧК. Впрочем, вскоре поэта выпустили и он уехал дальше в Баку. Об этом приключении Хлебников рассказывает в своем поэтическом дневнике.

Ручей с холодной водой,
Где я скакал, как бешеный мулла,
Где хорошо.
ЧК за 40 верст меня позвала на допрос.
Ослы попадались навстречу.
Всадник к себе завернул.
Мы проскакали верст пять.
«Кушай», — всадник чурек отломил золотистый,
Мокрый сыр и кисть голубую вина протянул на ходу...

(«Ручей с холодной водой...»)

Далее Хлебников рассказывает, как через день «Чека допрос окончила ненужный» и он уехал или, скорее, вынужден был уехать в Баку. И вот Хлебников прощается с Дагестаном, который он успел узнать и полюбить за эти две недели:

Овраги, где я лазил, мешки русла пустого,
где прятались святилища растений,

И груша старая в саду, на ней цветок богов —
омела раскинула свой город,
Могучее дерево мучая древней крови другой,
цветами краснея,
Прощайте все!
Прощайте, вечера, когда ночные боги, седые
пастухи,
в деревни золотые вели свои стада.
Бежали буйволы, и запах молока вздымался
деревом на небо
И к тучам шел.
Прощайте, черно-синие глаза у буйволиц
за черною решеткою ресниц,
Откуда лились лучи материнства и на теленка и
на людей.
Прощай, ночная темнота,
Когда и темь и буйволы
Одной чернели тучей.
И каждый вечер натыкался я рукой
На их рога крутые,
Кувшин на голове
Печальнооких жен
С медлительной походкой.

Хлебников одинаково прощается и с людьми, с которыми он встречался, и с буйволами, и со старой грушей. Встречи с природой давали то, что не могли дать беседы с наркомом просвещения или с «председателем чеки». В погоне за новыми впечатлениями и новыми встречами Хлебников опять едет в Баку. Он чувствует, что там его ждет что-то важное, что-то должно свершиться в его жизни и в его работе.

Глава седьмая

РУССКИЙ ДЕРВИШ

1921

С удостоверением сотрудника Литературно-издательского отдела Оргбюро Конференции пролеткультов Хлебников в октябре 1920 года появляется в Баку. Он не случайно выбрал Баку: этот южный город манит к себе многих поэтов и писателей, бежавших от ужасов Гражданской войны и голода в столицах. Хлебников сразу попал в пусть и не всегда приятное, но хорошо знакомое общество. Было два центра притяжения: Бакинский университет и Кавказская РОСТА, художественным отделом которой к тому времени заведовал Сергей Городецкий.

Там же работал Алексей Крученых. Он уехал на Кавказ гораздо раньше, спасаясь от мобилизации в царскую армию. Некоторое время жил в Тифлисе, где успел организовать футуристическую группу «410» и выпустить несколько сборников, а в 1919 году переехал в Баку. Давно уже отгремели футуристические бои, и от прежней близости Крученых и Хлебникова ничего не осталось. По инерции они продолжали считаться друзьями. Хлебников выразил отношение к бывшему соавтору в стихотворении 1921 года, которое так и называется: «Крученых».

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней

Прилепил к сибирскому зову на «чёных».
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.

Характеристика не очень лестная. В Баку Крученых мизерным тиражом продолжал печатать поэтические сборнички, как он делал это раньше. Там он стал помещать и стихи Хлебникова, но больше пяти-шести стихотворений опубликовать не мог.

Очень изменился и Сергей Городецкий. В Баку он служил непосредственным наблюдающим за работой над «Окнами РОСТА» и украшением города агитационными плакатами. И у Крученых, и у Городецкого были хорошо налажены литературные связи; они сотрудничали в газетах «Коммунист» и «Бакинский рабочий»; Городецкий вел в Баку Цех поэтов, возглавлял журнал «Искусство» и литературную часть Политуправления Каспийского флота.

В Бакинском университете преподавал Вячеслав Иванов. Он появился в Азербайджане после того, как в Москве умерла его жена Вера Шварсалон и он остался один с двумя детьми: Лидией и маленьким Димой. Он хотел некоторое время пожить в санатории в Кисловодске, но фронт приближался, и Ивановым пришлось переехать в Баку. Там Вячеслав Иванович оказался почти одновременно с Хлебниковым. Вскоре Иванов был избран профессором по кафедре классической филологии. Жил он там же, в университете. Из всех старых знакомых этот человек изменился меньше других, и Хлебников стал часто у него бывать. Правда, с точки зрения Иванова, изменился сам Хлебников. На «башне» Иванов знал его совсем не таким.

Кроме университета и РОСТА, в Баку были и другие учреждения культуры. Работал народный университет «Красная звезда» (в нем Хлебников будет выступать), издавались журналы и газеты на русском языке, работали театральные мастерские. Конечно, жизнь в Баку не была идиллией. Большевики, приходя к власти, как и везде, устраивали кровавый террор. Во время приезда Хлебникова, в октябре 1920 года, ученик Вячеслава Иванова Моисей Альтман (в будущем известный литературовед) записал в дневнике: «Местная ЧК стала себя заявлять: расстреляны 69 человек — и еще, и еще. Доколе, Господи? Не довольно ли? О, сколько пребываем мы в чистилище, когда же, наконец, будем в раю? Будем ли вообще? Есть ли дорога сквозь гробы? Как проберемся мы сквозь все эти с каждым днем растущие кладбища?»^[119]

Тем не менее Хлебников надеется если не жить в раю, то, во всяком случае, поправить здоровье, заняться профессиональным трудом, завершить работу над «законами времени» и главное — опубликовать свои произведения. Зная, что в Кавказской РОСТА работают его знакомые, Хлебников сразу отправился туда, на Милютинскую улицу, 4. Таким он предстал перед сотрудниками: «С непокрытой спутанной гривой волос, бородатый, в замызганной ватной солдатской кацавейке, в опорках, сквозь дыры которых сверкали голые красные пятки... Вокруг себя он распространял атмосферу некоторой неестественности и напряжения. Все эти подпитавшиеся и приодевшиеся художники, поэты и „просто граждане“ чувствовали себя неуютно рядом с лохматым, бородатым поэтом».^[120]

Начиная с 1919 года, с харьковского периода, Хлебников всегда и перед всеми представал в подобном виде. «Приодеться» и даже «подпитаться» ему не удалось уже до конца жизни. Друзья, конечно, что-то

делали для него. Вячеслав Иванов выхлопотал ему студенческий паек в университете, Городецкий взял его на работу в РОСТА писать подписи к плакатам. За это Хлебникову предоставлялся паек и ночлег. Спал он тут же, в комнате, на огромном столе, среди неоконченных плакатов, красок и всяческого хлама. Имущества, как всегда, у него не было никакого. Были только рукописи. Художница К. Клементьева вспоминает, что однажды к Городецкому «пришли аскеры (азербайджанская милиция) и сказали, что ночью на улицу с третьего этажа КавРОСТА был спущен на веревке шкаф, что вызвало даже переполох». Оказалось, что шкаф мешал Хлебникову работать. «Он был громоздкий и все время торчал у него на глазах. Шкаф больше „обживал“ комнату, чем сам Хлебников, и он решил его „выселить“». [\[121\]](#)

У Хлебникова не возникло близких отношений с сослуживцами, но все же несколько раз он читал им свои стихи. Однажды такое чтение состоялось у секретарши отдела Сары Богот. У нее собралось несколько человек. Хлебников читал свои стихи, сидя на полу. Тихим голосом он прочел «Смехачей». Сара Богот попала в один из экспромтов Хлебникова. «Это злой воли ком за письменным столиком» — так отозвался о ней поэт.

Поначалу Хлебников с энтузиазмом взялся за работу в РОСТА. Он рад был попробовать себя в новом, незнакомом жанре; думал, что тем самым принесет пользу рабочим, крестьянам, матросам. Так родилось стихотворение «От зари и до ночи...»:

От зари и до ночи
Вяжет Врангель онучи.
Он готовится в поход
Защищать царев доход.

Чтоб, как ранее, жирели
Купцов шеи без стыда,
А купчих без ожерелий
Не видать бы никогда.
Чтоб жилось бы им как прежде,
Так, чтоб ни в одном глазу,
Сам Господь, высок в надежде,
Осушал бы им слезу.
Чтоб от жен и до наложницы
Их носил рысак,
Сам Господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.
Есть волшебная овца,
Каждый год дает руно.
«Без содействия Творца
Быть купцами не дано».
Кровь волнуется баронья:
«Я спаситель тех, кто барин».
Только каркает воронья
Стая: «Будешь ты зажарен!»
Тратьте рати, рать за ратью,
Как морской песок.
Сбросят в море вашу братью:
Советстяг — высок.

Это стихотворение было опубликовано в газете «Коммунист». Хлебников очень ответственно подошел к работе. Он постоянно интересовался, так ли он делает, правильно ли. И все же, не проработав там и месяца, Хлебников ушел. Он поступил на службу в Политпросвет Волжско-Каспийской флотилии вольнонаемным лектором школьно-библиотечной части. Нелепое занятие, если вспомнить о его слабом голосе и неспособности выступать. Кроме того, темы, обычно

предлагаемые поэтом, тоже не соответствовали текущему моменту, но это начальство поймет позже.

Пока же Хлебников переехал жить в общежитие Политпросвета. Общежитие помещалось неподалеку от Народного университета. Хлебников жил в проходной комнате, пустой и нетопленной. Кроватью поэту служили три ящика. Один из них — клетка из-под кур — стал хранилищем рукописей. Укрывался Хлебников куском расписного холста. Но там ему было приятнее, чем в РОСТА. Он близко сошелся и с матросами, и с художниками. Некоторые матросы почувствовали в Хлебникове человека особенного. «Это, должно быть, человек великий», — высказался один из них. Другой, по фамилии Курносов, подарил ему шапочку-кубанку, с которой Хлебников потом не расставался. Матросу Солнышкину Хлебников даже пытался покровительствовать. Солнышкин увлекался театром, играл в Морском военном клубе матросов. Однажды Солнышкин прочел там со сцены стихотворение Хлебникова «Ты же, чей разум...». Он читал с пафосом, с драматическим подвыванием. Матросы были довольны и дружно аплодировали. Вскоре Солнышкин отправился в Москву, и Хлебников дал ему рекомендательные письма к Маяковскому и Мейерхольду, где очень хорошо отзывался о драматическом таланте Солнышкина.

Тогда же Хлебников подружился с семьей Самородовых, старых бакинцев. Квартира их была обжитой, жили в ней Евгений Степанович Самородов, художник, преподаватель Художественной студии, его жена Сусанна и младшая сестра Самородова, тоже художница — Юлия. В городе жили еще старшая сестра Ольга с матерью и брат Борис. Квартира была двухкомнатной, просторной, с большой застекленной верандой, служившей гостиной и столовой. Здесь было много вьющихся растений, пестрый абажур с кистями

висел низко над длинным столом. Юлия работала копиисткой плакатов, Борис, бывший моряк, был художником-декоратором политотдела. Довольно скоро Хлебников влюбился в младшую сестру Юлию. Их стали часто видеть на бульваре, где они медленно прогуливались, причем видно было, что им обоим прогулки доставляют огромное удовольствие. Юлии Самородовой Хлебников посвятил несколько стихотворений. В одном из них поэт обращается к девушке так:

Детуся! Если устали глаза быть широкими,
Если согласны на имя «браток»,
Я, синеокий, клянуся
Высоко держать вашей жизни цветок.
Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда нелюдим,
Везде нелюбим.
Хочешь, мы будем брат и сестра,
Мы ведь в свободной земле свободные люди,
Сами законы творим, законов бояться не надо,
И лепим глину поступков.
Знаю, прекрасны вы, цветок голубого.
И мне хорошо и внезапно,
Когда говорите про Сочи
И нежные ширятся очи.
Я, сомневавшийся долго во многом,
Вдруг я поверил навеки:
Что предначертано там,
Тщетно рубить дровосеку.
Много мы лишних слов избежим.
Просто я буду служить вам обедню,
Как волосатый священник с длинною гривой,

Пить голубые ручьи чистоты,
И страшных имен мы не будем бояться.

(«Детуся! Если устали глаза быть широкими...»)

В Юлии Самородовой Хлебников почувствовал родственную душу. Она была намного моложе и, возможно, поэтому не пыталась его превратить в добропорядочного буржуа и добытчика, что делали многие знакомые женщины Хлебникова, в том числе старшая сестра Юлии Ольга.

Хлебников также сблизился с Борисом Самородовым. Этот человек прославился тем, что в апреле 1920 года, будучи матросом, возглавил восстание на крейсере «Австралия». Для Хлебникова самым главным в этой истории было то, что во время этого восстания не пролилось ни капли крови. Всех офицеров посадили в шлюпки, дали им запас продовольствия и отпустили с миром. Вот такая революция прилась Хлебникову по душе! Борис Самородов становится не только другом, но и героем хлебниковских стихотворений. Одно называется «Моряк и поец». Речь идет соответственно о Самородове и самом Хлебникове.

Как хижина твоя бела!
С тобой я подружился!
Рука морей нас подняла
На высоту, чтоб разум закружился.
Иной открыт пред нами выдел.
И, пьяный тем, что я увидел,
Я Господу ночей готов сказать:
«Братишка!» —
И Млечный Путь

Погладить по головке.
Былое — как прочитанная книжка.
И в море мне шумит братва,
Шумит морскими голосами,
И в небесах блестит братва
Детей лукавыми глазами.
Скажи, ужели святотатство
Сомкнуть, что есть, в земное братство?
И, открывая умные объятия,
Воскликнуть: «Звезды — братья! Горы — братья!
Боги — братья!»

Кроме семьи Самородовых Хлебников подружился с художником Мечиславом Доброковским, тоже военным моряком. С ним у Хлебникова сложились наиболее близкие отношения, вместе им предстояло отправиться в Персию и пройти с Красной армией весь Гилянский поход. Доброковский, талантливый художник-график, не получил никакого художественного образования, и встреча с Хлебниковым была для него чрезвычайно важна. Разговоры с поэтом имели для него большое просветительское значение. Довольно скоро Доброковский, который тогда заведовал художественной мастерской, переселил Хлебникова из проходной комнаты к себе. Новое жилище тоже было не самым комфортабельным. Ольга Самородова так его описывает:

«Повсюду кучами были свалены дрова, книги, сундуки, старые табуретки, холст для плакатов. Посреди комнаты лепилась „буржуйка“, на которой варили клей, кипятили прямо в ведерке чай. Неподалеку приткнулся стол, заваленный книгами, красками, кусками глины для лепки. Тут же саженный подрамник с неоконченным плакатом. В потолке

тусклая электрическая лампочка. В воздухе вечный запах клеевых красок.

Вскоре после водворения Хлебникова весь этот своеобразный инвентарь покрылся ворохами его рукописей. Они валялись всюду — на дровах, на сундуках, под столом, у печки. Но Хлебников неизменно утверждал, что этот беспорядок для него есть величайший порядок. И действительно, прекрасно в нем ориентировался».

Там была та рабочая обстановка, которая необходима поэту. И там свершилось главное событие в его жизни. Вот как сам Хлебников об этом пишет в «Досках судьбы»: «Чистые законы времени мною найдены 20 года, когда я жил в Баку, в стране огня, в высоком здании морского общежития, вместе с Доброковским. Громадная надпись „Доброкузня“ была косо нацарапана на стене, около ведер с краской лежали кисти, а в ушах неотступно стояло, что если бы к нам явилась Нина, то из города Баку вышло бы имя Бакунина. Его громадная, лохматая тень висела над нами. Художник, начавший лепить Колумба, неожиданно вылепил меня из зеленого куса воска. Это было хорошей приметой, доброй надеждой для плывшего к материку времени, в неведомую страну. Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего».

Итак, свершилось то, к чему Хлебников шел с 1905 года, шел через все лишения и трудности. «Теперь, — пишет он, — так же легко предвидеть события, как считать до 3». Как же это получилось и что это за «законы»? В начале декабря 1920 года в журнале «Военмор» Хлебников опубликовал статью «В мире цифр». Там он обращался к событиям революции и Гражданской войны, искал повторяемость этих событий и опять оперировал знакомыми по его старым работам

числами 365, 48, 317. В то же время все чаще в его формулах встречается число 243. Из интересных свойств этого числа Хлебников отмечает то, что $243 = 3^5$. Это число оказывается «чертой обратности событий», например: 25 мая 1918 года чехословацкий корпус выступил против большевиков. Это было самым крупным вмешательством союзников во внутренние дела России. Через 35 дней было 23 января 1919 года — «приглашение участвовать в мирных переговорах на Принцевых островах, как отказ от воздействия грубой силой». Значит, число 35 разделяет противоположные события, «меняет знак события». Надо было сделать еще один шаг, и вот «закон» найден, Хлебников формулирует его: «Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через $3n$ дней и положительный через $2n$ дней; события, дух времени становится обратным через $3n$ дней и усиливает свои числа через $2n$... Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает, и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством».

Хлебников чувствовал себя совершенно счастливым. Дело его жизни почти завершено — остается только рассказать об этом людям, опубликовать свои труды. Конечно, он был наивен. «Англичане дорого бы дали, чтобы эти вычисления не были напечатаны!» — таинственно говорил Хлебников Алексею Крученых. Крученых смеялся и говорил, что англичане гроша не дадут. Но Хлебников не верил. О своем открытии он пишет друзьям в Москву и Харьков и теперь уже собирается приложить все усилия к напечатанию своих трудов. Пока же он как штатный лектор читает доклад «Коран чисел». Доклад получился неудачным. Он пишет сестре:

«...От меня вдруг улетели все мои мысли, и мой очарованный мир покинул меня, точно я изменил ему. Все видения будущего вдруг покинули меня, точно ненужное дерево стоя отдыхавших голубей.

Это случилось после того, как я в последний раз в жизни поверил людям и прочел доклад в ученом обществе при университете „Красная Звезда“.

Правда, я утонченно истязал их: марксистам я сообщил, что я Маркс в квадрате, а тем, кто предпочитает Магомета, я сообщил, что я продолжение проповеди Магомета, ставшего немым и заменившего слово числом.

Доклад я озаглавил „Коран чисел“.

Вот почему все те, чье самолюбие не идет дальше получения сапог в награду за хорошее поведение и благонамеренный образ мысли, шарахнулись прочь и испуганно смотрят на меня».

А в письме к своему харьковскому знакомому В. Ермилову Хлебников с горечью сообщает, что, если люди не захотят научиться искусству предвидеть будущее, он будет обучать ему лошадей.

Вскоре после этого доклада Хлебников уволился с должности лектора. Опубликовать «Законы времени» в Баку практически не было никакой возможности. Ни Городецкий, ни Крученых такой материал не взяли бы, тем более не взяли бы его в университетском издательстве, где печатался Вячеслав Иванов.

Самым интересным из всех новых бакинских изданий был журнал «Военмор», где появилась статья Хлебникова «В мире цифр». Своими лучшими качествами журнал был обязан главному редактору Андрею Журбенко. Моряки, знакомые Хлебникова, А. Лоскутов, Н. Солнышкин публиковали там свои стихи; М. Доброковский — свои рисунки. Рядом публиковались стихи У. Уитмена, строки Ф. Ницше. Главный редактор писал о текущих событиях. В преддверии Съезда

народов Востока Журбенко опубликовал передовицу «Освобождение Ближнего Востока», а эпиграфом взял строки Уитмена, под которыми мог бы подписаться и Хлебников.

Что это за топот, о страны, идет между вами,
проносится в пучине морской?
Все народы беседу ведут —
не создается ли у шара земного единое сердце?
Человечество стало единое тело,
сплотилось в единый народ.
Тираны дрожат; их короны, как призраки, тают.

Тогда, в первые революционные годы, Хлебникову, и не только ему одному, казалось, что такое братство людей — дело недалекого будущего и скоро Правительство земного шара будет управлять всем человечеством, а войны уйдут в прошлое. Хлебников даже присмотрел место, где можно было бы устроить резиденцию Правительства. Ему понравились рассказы Бориса Самородова про остров Ашур-Аде в Каспийском море. Там даже в декабре цвели дикие нарциссы и кактусы — замечательное место для Председателей земного шара. Останавливало только то, что там нет радио. Самородов часто рассказывал Хлебникову про эти острова на Каспии, про Персию, где он недавно побывал. Хлебников с интересом слушал эти рассказы и сам мог говорить о Персии часами. Но пока никакой возможности попасть туда не предвиделось.

Несмотря на то что в Баку у Хлебникова было много друзей и знакомых, опубликовать найденные «законы времени» он не мог. Более того, никто серьезно к ним не относился и не хотел про это слушать. Единственным

человеком, который относился к хлебниковским идеям серьезно и внимательно, был Вячеслав Иванов, но и он ничего не мог сделать для поэта. Хлебников часто заходил к Иванову и рассказывал о своих открытиях. Иванов даже защищал Хлебникова от нападков своих учеников, не желавших слушать математические вычисления поэта. Он объяснял, что в воззрениях Хлебникова об угадывании грядущих событий ничего невероятного нет. «„И Ангел вострубит, что времени больше не будет“, — может, вы, Велимир, этим ангелом и будете», — сказал он Хлебникову.

Иванов и дальше поддерживал Хлебникова. «Детерминизм полный совершенно вяжется с моим мировоззрением, — объяснял он М. Альтману, — я полагаю, что мы, будучи существами вообще свободными, здесь, в жизни, именно несвободны. Мы были до рождения вольны в своем выборе, но выбрали — пропало: назвался груздем — полезай в кузов. Так что с этой стороны опыты Хлебникова мне не враждебны, что же касается „закона достаточного основания“, то мы всегда эмпирически ограничиваемся конечным числом причин, хотя для каждого явления причин бесконечно много. Но Велимир не причины хочет отыскать, а только временную связь аналогичных событий, а аналогичность есть та единая, назовем ее красная, нить, которая в многообразных явлениях среди всех множеств других нитей явно выделяется».

Впрочем, Альтмана, как сторонника «здорового смысла», такие объяснения учителя все равно не удовлетворяли. Альтман видел перед собой безумца, страдавшего навязчивыми идеями. И все же позже, когда до Альтмана дошла весть о смерти Хлебникова, он запишет в своем дневнике: «Косматый, лохматый, немытый, с длинными нечесаными волосами, со спутанной бородой, высокого роста — он показался мне необычайным. Было что-то в нем детски-трогательное,

среди всех кругом себя выпячивающих он один был воплощением начала полного забвенья себя. Каратаев Платон был в сравнении с ним человеком с претензиями».

Все попытки друзей приучить Хлебникова к нормальной, с их точки зрения, жизни были напрасны; с потрясающим упорством он шел ему одному ведомым путем. Однажды Хлебников отправился в татарскую лавочку, чтобы обменять на табак единственную оставшуюся у него пригодную вещь — мешок из плотной ткани. Он вертел перед татаринком мешок и говорил: «Мешок крепкий... хороший мешок...» Татарин брезгливо потрогал мешок и возвратил владельцу со словами: «На што такой мэшок? Пилахой мэшок... совсем пилахой...» И Хлебников тут же согласился: «Да? Плохой? Пожалуй, он действительно неважный».

Ольга Самородова вспоминает, что осенью 1921 года, с приближением холодов, она стала допытываться у Хлебникова, что он собирается делать. «Буду пробираться в Горскую республику, — ответил поэт, — там, говорят, дают всем даром обувь, одежду». — «Да где же вы видели такие республики, где людям что-нибудь даром дают? Нет их, таких республик, забудьте об этом!» — воскликнула Ольга. Хлебников покорно согласился: «Да? Вы думаете, нет таких?»

Но если поездка в Горскую республику была из области фантастики, то Персия была вполне реальна. Об этой удивительной стране Хлебникову рассказывали Буданцев в Астрахани, Ермилов в Харькове. Здесь, в Баку, о Персии рассказывали побывавшие в этой стране Городецкий, Б. Самородов и многие другие. Сам Хлебников еще раньше провозгласил: «В струны великих, поверьте, ныне играет Восток». Берега Каспия давно уже были «населены» героями его произведений. Теперь Хлебникова больше всего привлекает образ реформатора ислама Мирзы Баба и его

последовательницы, поэтессы Гурриэт эль Айн, убитой по приказу шаха в 1852 году. В них он видит близких себе по духу людей, к ним обращены его помыслы и замыслы. Под впечатлением Съезда народов Востока Хлебников восклицает:

Видите, персы, вот я иду
По Синвату к вам.
Мост ветров подо мной.
Я Гушедар-мах,
Я Гушедар-мах, пророк
Века сего и несу в руке
Фрашокёрети (мир будущего).
Ныне, если целуются девушка и юноша, —
Это Матия и Матиян, первые вставшие
Из каменных гробов прошлого.
Я Вогу Мано — благая мысль.
Я Аша Вбгиста — лучшая справедливость.
Я Кшатра Вайрия — обетованное царство.
Клянемся волосами Гурриэт эль Айн,
Клянемся золотыми устами Заратустры —
Персия будет советской страной.
Так говорит пророк!

(«Видите, персы, вот я иду...»)

Это были не пустые слова. В Персии в это время происходили бурные события. В 1920 году в провинции Гилян возникла Гилянская республика, сбросившая иго англичан. Во главе ее стал Мирза Кучук-хан, которого поддерживала советская власть в Баку. М. Альтман записывает в своем дневнике: «В Персии сейчас Кучук-хан, он дружит с коммунистами, коммунисты — с ним, но эта дружба вражды опасней. Друг с другом

заигрывают, но игра эта — с огнем, и каждую минуту можно обжечься. Может, уже кто-нибудь собирает хворост, и скоро затрещит он сухим огоньком. Он отдаленно напоминает Махно».

Альтман оказался прав: уже через месяц Кучук-хан действительно ссорится с коммунистами, ведет переговоры с шахскими войсками и уходит из Решта (столицы Гилянской республики), а к власти в Гиляне приходит Национальный комитет во главе с Эхсаноллой-ханом. В течение 1920–1921 годов революционная армия Гиляна то одерживает победы, то терпит поражения; большевики за спиной Эхсаноллы вновь ведут переговоры с Кучук-ханом, Решт несколько раз переходит из рук в руки. И все же Гилянская республика, поддерживаемая Персидской красной армией (Персармией), представляет собой серьезную угрозу для Тегерана.

О трагической судьбе первого вождя Гилянской республики, Мирзы Кучук-хана, Хлебников вспоминает в 1922 году, незадолго до смерти:

«Я узнал, что Кучук-хан, разбитый наголову своим противником, бежал в горы, чтобы увидеть снежную смерть, и там, вместе с остатками войск, замерз во время снеговой бури на вершинах Ирана.

Воины пошли в горы и у замороженного трупа отрубили жречески прекрасную голову и, воткнув на копье, понесли в долины и получили от шаха обещанные 10 000 туманов награды.

Когда судьбы выходят из береговых размеров, как часто заключительный знак ставят силы природы!

Он, спаливший дворец, чтобы поджечь своего противника во сне, хотевший для него смерти в огне, огненной казни, сам погибает от крайнего отсутствия огня, от дыхания снежной бури».

Сформированная в Баку Персармия в начале 1921 года идет на помощь Гилянской республике. С нею

отправляются не только военные, но и художники, лекторы, другие гражданские лица, прикомандированные к Персармии. Вместе с нею отправляется в Персию друг Хлебникова художник Мечислав Доброковский. Для Хлебникова поездка в Персию тоже становится вполне реальной. Его планы идут еще дальше: он собирается через Персию попасть в Индию. (До Индии он, впрочем, так и не добрался.) И вот 13 апреля 1921 года на пароходе «Курск» из Баку Хлебников отправляется в Энзели в качестве лектора Персидской красной армии. На следующий день он на месте.

«Энзели, — пишет Хлебников родным, — встретило меня чудным полднем Италии. Серебряные видения гор голубым призраком стояли выше облаков, вознося свои снежные венцы.

Черные морские вороны с горбатыми шеями черной цепью подымались с моря. Здесь смешались речная и морская струя и вода зелено-желтого цвета.

Закусив дикой кабаниной, сабзой и рисом, мы бросились осматривать узкие японские улицы Энзели, бани в зеленых изразцах, мечети, круглые башни прежних столетий в зеленом мху и золотые сморщенные яблоки в голубой листве.

Осень золотыми каплями выступила на коже этих золотых солнышек Персии, для которых зеленое дерево служит небом.

Это многоокое золотыми солнцами небо садов подымается над каменной стеной каждого сада, а рядом бродят чадры с черными глубокими глазами.

Я бросился к морю слушать его священный говор, я пел, смущая персов, и после 11/2 часа боролся и барахтался с водяными братьями, пока звон зубов не напомнил, что пора одеваться и надеть оболочку человека — эту темницу, где человек заперт от солнца и ветра и моря».

Обязанностей у Хлебникова практически никаких нет. Отряду необходимо было добраться до Решта, чтобы оттуда вместе с войском Эхсаноллы выступить на Тегеран. Пока же Хлебников совершенно счастлив в Энзели. Он с увлечением рассказывает в письме к родным, как он стрелял из ружья в судаков, пугал по вечерам стаи белых цапель. Ему даже порезал руки большой судак, которого он хотел удержать. Эту привольную жизнь Хлебников описывает и в стихах.

Как по речке по Ирану,
По его зеленым струям,
По его глубоким сваям,
Сладкой около воды,
Вышло двое чудаков
На охоту судаков.
Они целят рыбе в лоб,
Стой, голубушка, стоп!
Они ходят, приговаривают.
Верю, память не соврет,
Уху варят и поваривают.
«Эх, не жизнь, а жестянка!»
Ходит в небе самолет
Братвой облаку удалой.
Что же скатерть-самобранка,
Самолетова жена?
Иль случайно запоздала,
Иль в острог погружена?
Верю сказкам наперед:
Прежде сказки — станут былью,
Но когда дойдет черед,
Мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
Пронесет толпа, ликуя,
Я проснусь, в землю втопан,

Пыльным черепом тоскуя.
Или все мои права
Брошу будущему в печку?
Эй, черней, лугов трава!
Каменей навеки, речка!

(«Иранская песня»)

Вторым «чудаком» был М. Доброковский, с которым Хлебников встретился в Энзели и с которым вместе они отправляются в Решт. Хлебников чувствовал себя счастливым не только оттого, что наконец-то был сыт и не замерзал, но и по другой причине. В России его так называемые чудачества вызывали в лучшем случае жалость, а чаще — презрение и насмешку. Здесь же странствующий нищий монах был уважаемым человеком, дервишем. Таким русским дервишем становится для персов Хлебников. Его стали называть Гуль-мулла. Сам Хлебников переводит это имя как Священник цветов. «Нету почетнее в Персии — быть Гульмуллоу», — с гордостью говорит он. Гуль-мулла — желанный гость в любом доме, с него не берут денег. «Лодка есть, товарищ Гуль-мулла! Садись, повезем! Денег нет? Ничего. Так повезем, садись!» — наперебой говорили киржимы (перевозчики), когда Хлебникову надо было из порта Энзели попасть в Казьян (район, расположенный на берегу). Хлебникову кажется, что не только люди, но и вся природа здесь признала в нем своего.

«Наш», — запели священники гор,
«Наш», — сказали цветы —
Золотые чернила,
На скатерть зеленую

Неловкой весною пролитые.
«Наш», — запели дубровы и рощи —
Золотой набат, весны колокол!
Сотнями глаз —
Зорких солнышек —
В небе дерева
Ветвей благовест.
«Наш» — говорили ночей облака,
«Наш» — прохрипели вороны моря,
Оком зеленые, клювом железные,
Неводом строгим и частым,
К утренней тоне
Спеша на восток.

(«Тиран без Тэ»)

Хлебников совершенно серьезно собирается остаться в Персии. Более того, он зовет к себе всю семью — и маму, и папу, и Катю, и в особенности Веру. С ней вместе он собирается рвать лотосы, когда они зацветут в июле. Он с восторгом описывает город: «Энзели состоит из множества черепичных домиков, покрытых коврами зеленого моха, милovidными красными цветочками. Золотые нарынчи и портахалары унижают ветки деревьев. Дервиши с узловатыми посохами, похожими на клубящихся змей, суровыми лицами пророков — своим пением оглашают улицы».

Однажды местный дервиш пригласил Хлебникова к себе. На ковре, постеленном на полу сакли, они просидели друг против друга всю ночь. Дервиш читал Коран, а Хлебников слушал и кивал в знак внимания. Утром дервиш подарил Хлебникову посох, шапку и цветные шерстяные носки — джурапки. Но все вещи у Хлебникова украли, как это с ним нередко случалось и раньше.

Из Энзели Персармия двигается в столицу Гилянской республики Решт, с тем чтобы потом идти на Тегеран. Командовал Волжско-Каспийской флотилией Федор Раскольников. Революционная армия, собравшаяся в Реште, была многонациональной. Там были русские, азербайджанцы, персы, курды, армяне, грузины, горцы Дагестана и Северного Кавказа. В Реште на русском языке выходила газета Персармии «Красный Иран», а к ней раз в неделю приложение — «Литературный листок». Сотрудником этой газеты стал Хлебников. Член редколлегии Алексей Костерин вспоминал:

«Поздним утром, когда солнце уже изрядно прогрело лабиринт узких улиц, переулков и тупиков, я шел к себе в редакцию газеты „Красный Иран“ — орган Персидской красной армии. На площадке-пятачке, где узелком перехлестнулись пять червеобразных улочек, заметил я очень странного человека: высокий, плечистый, с обнаженной головой. Спутанные, нечесанные волосы ниспадали почти до плеч. На нем длиннополый сюртук, а из-под сюртука выглядывали длинные ноги в узких штанах из рыжей персидской домоткани. Человек что-то рассматривал на булыжной мостовой. На ней, кроме яркой зеленой травы, пробивающейся меж булыжников, я ничего не заметил.

Всех русских в правительстве Эхсаноллы и в Реввоенсовете армии я знал. А этот странный человек с массивной головой и по-монашески длинными волосами, с лицом, чемто напоминающим мудрую морду верблюда, мне незнаком. Что же он ищет в былинках трав или среди гладких булыжников? <...>

На другой день в редакцию неожиданно вошел тот странный человек, которого я увидел в узле рештских улиц. Высокий и сутуловатый, он молча, неторопливо прошагал босыми ногами по ковру, положил на стол несколько листиков бумаги и сказал:

— Вот... стихи...

Повернулся и так же неторопливо вышел.

Мы оба — редактор и секретарь — удивленно переглянувшись, тотчас же взяли листки. Под стихами была краткая и не менее странная, чем сам посетитель, подпись — „Хлебни“. И даже без точки». [\[122\]](#)

Костерин к тому времени хорошо знал фамилию Хлебникова и настоял на том, чтобы стихи были опубликованы. Более того, Хлебникову стали выплачивать гонорар. Правда, далеко не всем сотрудникам редакции нравилось то, что делал Хлебников. Как пишет Костерин: «Командующий Николай Гикало был более резок и категоричен. Его поддерживал рационалистически настроенный начальник политотдела Александр Носов. Они требовали быть более экономными в использовании места в нашей маленькой газете». Тем не менее стихи Хлебникова стали регулярно появляться в газете. «Я сотрудник русского еженедельника на пустынном берегу Персии», — сообщает он родным.

Здесь, в Персии, Хлебников испытывает небывалый творческий подъем. Стихотворения складываются одно за другим, а ведь еще недавно он жаловался: «В чернильнице у писателя сухо и муха не захлебнется от восторга, пустившись вплавь по этой чернильнице... вместо сердца у меня какая-то щепка или копченая селедка, не знаю. Песни молчат». Теперь совсем не то. «Навруз Труда», «Кавэ-кузнец», «Иранская песня», «Курильщик шири», «Дуб в Персии», «Ночь в Персии» — вот только несколько названий из большого персидского цикла.

Стихотворение «Кавэ-кузнец» было опубликовано в «Литературном листке». Непосредственным поводом к написанию явился плакат Доброковского. И стихотворение, и плакат связаны с иранской легендой о

кузнеце, который поднял восстание против завоевателя Зуххака. Кавэ сделал знамя из своего кожаного рабочего фартука. Теперь Кавэ-кузнец становится символом национально-освободительной борьбы персов.

Хлебников создает грандиозный образ созидательного труда:

 Был сумрак сер и заспан.
 Меха дышали наспех,
 Над грудой серой пепла
 Храпели горлом хрипло.
 Как бабки повивальные
 Над плачущим младенцем,
 Стояли кузнецы у тела полуголого,
 Краснея полотенцем.
 В гнездо их наковальни,
 Багровое жилище,
 Клещи носили пищу —
 Расплавленное олово...

Тогда же Хлебников начинает писать поэму «Труба Гульмуллы», посвященную его персидским впечатлениям. Хлебников всю жизнь искал встречи со своим героем. Осуществление хлебниковского идеала человека — это суровые северные охотники Уса-Гали и житель Павдинского завода на Урале Попов из ранних рассказов. Это Сын Выдры, действующий на протяжении всей истории человечества; это Поэт из одноименной поэмы и многие другие. Однако до 1921 года этот образ почти совсем не автобиографичен. И вот, наконец, Гуль-мулла, священник цветов, русский

дервиш. Хлебников нашел своего героя и на практике осуществил этот идеал.

Дальнейшей разработкой образа положительного героя явится сверхповесть «Зангези». Зангези — пророк, мудрец, проповедник. Образ тоже во многом автобиографичный. Над сверхповестью Хлебников будет работать в 1922 году, подготовит ее к печати, но уже не увидит эту книгу. То, что некоторые стихотворения персидского цикла сразу удастся опубликовать, — небывалый случай для Хлебникова. Такого не было ни в Москве, ни в Петербурге.

1 июня в гарнизонном клубе Решта Хлебников, который все еще числится лектором, читает доклад «Чет и нечет во времени — Правда о времени — Судьба в мышеловке — Измерение бога». Клуб был новый, только что отстроенный, его украшали фрески политотдельского художника Давиденко. Фрески изображали шествие народов к мировой революции. Впереди шел перс, рядом с ним индус в чалме и грузин в папахе. Эти фрески вдохновляли Хлебникова, и он с большим подъемом прочел доклад. Аудитория была своеобразная, это Хлебников прекрасно понимал. «Общество — искатели приключений, авантюристы шаек Америго Веспучи и Фердинанда Кортеса» — так он отзывается о своих товарищах-красноармейцах.

Чаще же всего Хлебников и Доброковский, как вспоминает Костерин, сидели или возлежали в какой-нибудь чайхане, курили терьяк и пили крепкий чай... Доброковский рисовал портреты всем желающим, не торгуясь и даже не спрашивая платы. Заказчики сами клали около «русских дервишей» серебро. Доброковский с презрительным равнодушием так же легко выбрасывал это серебро на терьяк или водку. Он обладал прекрасной памятью и очень быстро научился говорить по-персидски. Во время болтовни Доброковского с персами Хлебников, углубившись в

себя и беззвучно шевеля губами, обычно молчал... Такое поведение создало и Хлебникову, и Доброковскому славу «русских дервишей», священных людей. Накурившись терьяку, оба так и оставались ночевать в чайхане... «Несмотря на странность этих штатных агитаторов, Реввоенсовет армии справедливо считал их совершенно необходимыми работниками. В религиозных и бытовых условиях того времени, при настороженном внимании к русским революционерам, несущим на своих знаменах совершенно необычайные лозунги, „русские дервиши“ каким-то трудно объяснимым образом усиливали наши политические позиции», — пишет Костерин.

Тем временем правительство Ирана не дремало. В Тегеране был сформирован новый кабинет, который направил все силы на борьбу с Гилянской республикой. Вожди же республики военную дисциплину не соблюдали. Эхсаноллахан, на помощь которому шла Персармия и который в соответствии с достигнутыми соглашениями должен был находиться в Лахиджане, самовольно двинул свои войска на Тегеран и занял деревню Шахсевар на берегу моря. Ревком постановил отозвать Эхсаноллу в Решт, но тот не подчинился. Вслед за отрядами Эхсаноллы двигалась и Персармия с Хлебниковым и Доброковским. Курдские части и пехота (режиманцы) шли по тропам меж рисовых полей и садов, а части Персармии и штаб прибыли в Шахсевар морем в начале июля. В составе штаба были и «русские дервиши». Хлебников и Доброковский поселились в доме, где помещалась охрана штаба. «Живется здесь очень скучно, дела никакого», — пишет Хлебников родителям. Свои совещания штабные работники часто проводили на берегу моря.

В Шахсеваре, как и в Реште, «русские дервиши» — длинноволосые, босые, в живописных лохмотьях, тотчас же привлекли к себе внимание крестьян.

«Доброковский и Хлебников, — вспоминает Костерин, — обосновались в чайхане, где их бесплатно кормили, поили крепким чаем и давали курить терьяк. Около них всегда толпился народ. Доброковский рисовал портреты, карикатуры на Реза-хана, на англичан и на языке фарси разъяснял слушателям программу Эхсаноллы.

Хлебников или сидел тут же, присматриваясь к посетителям и прислушиваясь к разговорам Доброковского, или же бродил по ближайшим окрестностям».

Неожиданно «дело» для Хлебникова нашлось. Поэт, прибывший в Иран в качестве лектора революционной армии, поступает на службу к Талышскому хану в качестве воспитателя его детей. В этой должности он проработал около месяца. Жизнь в ханском дворце произвела на Хлебникова сильное впечатление. Особенно ему запомнилась комната, где в полу был вмонтирован аквариум с золотыми рыбками; потолок над аквариумом состоял из большого зеркала, отражавшего его целиком. Хан лежал на подушках, смотрел в потолок и любовался отражавшимися золотыми рыбками. В поэме «Труба Гуль-муллы» Хлебников так описывает этого хана-мечтателя:

Хан в чистом белье
Нюхал алый цветок, сладко втягивал в ноздри
запах цветка,
Жадно глазами даль созерцая.
«Русски не знай — плёхо!
Шалтай-балтай не надо, зачем? Плёхо!
Учитель давай
(50 лет) — столько пальцев и столько — Азия
русская.
Россия первая, учитель — харяшо.

Толстой большой человек, да, да, русский
дервиш!
А! Зардешт, а! Харяшо!»
И сагиб, пьянея, алый нюхал цветок...

Вспоминает Хлебников и «ханночку», к которой был
приставлен учителем:

Ханночка как бабочка опустилась,
Присела на циновку и водит указкой по
учебнику.
Огромные слезы катятся из скорбных больших
глаз.
Это горе.
Слабая, скорбная улыбка кривит губы.
Первое детское горе.
Она спрятала книжку, чтобы пропустить урок,
Но ее большие люди отыскивали и принесли...

Русский учитель, русский дервиш и поэт пришелся
по душе хану, да и Хлебников не возражал против этой
работы, но долго ему служить во дворце не пришлось.
Саад-эд-Доуле, главком революционных войск, тоже
двигавшихся на Тегеран, совершил измену. Утром 25
июля его сторонники разоружили охрану и захватили
работников штаба, в том числе Доброковского и
Хлебникова. Впрочем, «русские дервиши» под арестом
фактически не были. Их под условной охраной держали
в чайхане, где они беспрепятственно продолжали свою
деятельность, — Доброковский так же рисовал

карикатуры на ханов, а Хлебников сочинял стихи. Ели плов, курили терьяк.

Эхсанолла приостановил наступление на Тегеран. Два конных отряда кавказских партизан и курдов выбили Саадэд-Доуле из Шахсевара, полностью восстановив положение. «Мы вернули свое имущество, — пишет Костерин, — освободили арестованных. Но Хлебников накануне нашего наступления один ушел в Решт, и никто — ни ханы, ни офицеры Реза-хана — не посмели задержать „русского дервиша“. Его охраняло всенародное почтение и уважение. Босой, лохматый, в рваной рубаше и штанах с оторванной штаниной до колена, он спокойно шествовал по берегу моря от деревни к деревне. И крестьяне охотно оказывали ему гостеприимство».

Русскому дервишу не хотелось покидать эту землю. Его странствия продолжались. Спать приходилось на голой земле, под деревом. По дороге он встречал разных людей: и местных жителей, и дервишей, и бандитов, но со всеми находил общий язык.

«Ты наше дитю! Вот тебе ужин, ешь и садись!»

—

Мне крикнул военный, с русской службы бежавший, —

Чай, вишни и рис.

Целых два дня я питался лесной ежевикой,

Ей одолжив желудок Председателя Земного
Шара

(Мариенгоф и Есенин).

«Пуль» в эти дни не имел, шел пеший.

(«Ты наше дитю! Вот тебе ужин, ешь и садись!..»)

Хлебников учит персидский язык, вводит в свои стихи персидские слова: «пуль» — деньги, «портахалары» — апельсины.

Однажды утром, когда Хлебников проснулся, он увидел вокруг себя целую дюжину персидских воинов. Они стояли над спящим, курили и размышляли, кто перед ними. Из имущества у Хлебникова была винтовка и рукописи. Винтовку персы у него отобрали и повели куда-то. Его привели в селение, накормили, дали табак и отпустили, даже вернув при этом ружье. «Ломоть сыра давал мне кардаш, жалко смотря на меня», — заключает Хлебников. Ему очень хотелось остаться, но все же он решил догонять своих. Как объяснял Хлебников позже, он решил уехать, потому что Персия давила его древностью своей многовековой культуры. Он ощущал ее как колыбель человечества, и тяжесть ее зрелости чувствовалась ему во всем, даже в красных цветах граната. Ему необходимо было передохнуть от ощущения этой тяжести, надо было набраться сил. Поэтому Хлебников отложил свой первоначальный план пробираться в Индию и вернулся в Россию.

«На одном переходе, — вспоминает Костерин, — я с командиром Марком Смирновым опередил отряд. На пустынной отмели, по пояс в море, мы увидели голого человека. Он стоял неподвижно и смотрел в опаловую даль моря. Легкий ветерок трепал длинные волосы. Смирнов придержал коня и с усмешкой сказал:

— А ведь это наш поэт. Смотри-ка, идет, как по лугам своей деревни. И никто его не тронет, и везде кормят... <...>

— Товарищ Хлебников, — сказал я с вежливым холодком, — о вас очень беспокоятся Доброковский и Абих. Вы ушли и ничего им не сказали. Так друзья не делают. Подождите здесь — часа через два отряд подойдет сюда. И советую от отряда не отставать и вперед не забегать.

Хлебников, избегая смотреть мне в глаза, сел на песок, показав затылок со спутанными волосами и худую спину. Мы молча отъехали от него...»

Наконец отряд, потерявший Хлебникова из виду, достиг Рудессера, откуда решено было морем пробираться в Энзели, а оттуда в Баку. Отряд уже погрузился на киржимы (плоскодонные лодки), когда вдали замаячила высокая фигура Хлебникова. В результате в тот день лодки не отплыли. На следующий день отступавшие решили переправляться не на киржимах, а захватить какое-нибудь судно. Им это удалось, и пароход «Опыт» принял на борт весь отряд вместе с Хлебниковым. Из Рудессера они переправились в Энзели и на следующий день были в Баку. Так закончился Гилянский поход, так закончилась для Хлебникова его поездка в Персию.

В конце жизни Хлебников составил список: «Что я изучил». Начинается он так: «Звери. Азбука. Числа». Замыкают список «Ночи в Персии» и «Ночи в Астрахани». Одно из лучших стихотворений Хлебникова персидского цикла так и называется: «Ночь в Персии».

Морской берег.
Небо. Звезды. Я спокоен. Я лежу.
А подушка — не камень, не перья:
Дырявый сапог моряка.
В них Самородов в красные дни
На море поднял восстанье
И белых суда увел в Красноводск,
В красные воды.
Темнеет. Темно.
«Товарищ, иди, помогай!» —
Иранец зовет, черный, чугунный,
Подымая хворост с земли.
Я ремень затянул

И помог взвалить.
«Саул!» («Спасибо» по-русски.)
Исчез в темноте.
Я же шептал в темноте
Имя Мехди.
Мехди?
Жук, летевший прямо с черного
Шумного моря,
Держа путь на меня,
Сделал два круга над головой
И, крылья сложив, опустился на волосы.
Тихо молчал и после
Вдруг заскрипел,
Внятно сказал знакомое слово
На языке, понятном обоим.
Он твердо и ласково сказал свое слово.
Довольно! Мы поняли друг друга!
Темный договор ночи
Подписан скрипом жука.
Крылья подняв, как паруса,
Жук улетел.
Море стерло и скрип и поцелуй на песке.
Это было!
Это верно до точки!

В другом стихотворении он так говорит про ночи в Персии:

Ночи запах — эти звезды
В ноздри буйные вдыхая,
Где вода легла на гвозди,
Говор пеной колыхая,
Ты пройдешь в чалме зеленой

Из засохнувшего сена —
Мой учитель опаленный,
Черный, как костра полено.
А другой придет навстречу,
Он устал, как весь Восток,
И в руке его замечу
Красный сорванный цветок.

(«Ночи запах — эти звезды...»)

В Баку Хлебников возвращается к привычной жизни. Снова те же знакомые, снова голод и бесприютность. Повсюду разруха. М. Альтман описывает впечатление от Баку этого времени: «Душно жить при Советской власти. Отвешивают воду и хлеб, отмеряют воздух — и недовешивают, и недомеривают. Всеобщее равенство в нищете и, хуже этого, вопиющее неравенство. Скучно и скудно».

Несмотря на то что Хлебников неприхотлив в быту, в это время ему крайне трудно живется. Ночевки в Персии на голой земле не прошли даром. Теперь и до конца жизни его мучает лихорадка. Лихорадка меньше чем через год сведет его в могилу. От голода Хлебников ослаб до того, что едва мог перейти улицу, и ходил, как он сам признавался, шатаясь, бледный как мертвец. У родственников тоже далеко не все в порядке. В Астрахани жизнь не менее тяжелая, чем в Баку, кроме того, давно нет вестей с фронта от Шуры. Виктор наводит справки. Возможно, Шура попал в плен при осаде Варшавы. Родители, со своей стороны, тоже пытаются что-то выяснить о судьбе младшего сына, но тщетно. В Баку Хлебникова застало еще одно горестное известие: умер Коля Рябчевский, двоюродный брат Хлебникова. Ему было всего двадцать четыре года.

Хлебников решает покинуть Баку. В столицу он пока возвращаться не хочет, к родителям в Астрахань — тоже. Несмотря на плохое самочувствие, «голод пространства» попрежнему одолевает поэта. Он уже был в Азербайджане, в Дагестане, но на Кавказе еще столько интересных, неосвоенных мест! Хлебников мог поехать и туда, где у него не было ни одного знакомого, а тут даже представился случай поехать к друзьям. Дело в том, что, вернувшись в Баку, Хлебников не застал там семью Самородовых. Куда они уехали, никто не мог ему сказать. И вот однажды на улице он встретил Бориса Самородова. Они обрадовались друг другу. Хлебников выглядел после поездки в Персию отдохнувшим, даже помолодевшим, был в хорошем настроении. Друзья пили чай, и Хлебников рассказывал о своих приключениях в Персии. От Бориса Хлебников узнал, что сестры Ольга и Юлия перебрались на дачу в Железноводск. Туда же вскоре уехал и Борис.

Хлебников решает тоже ехать в Железноводск. Собрался он быстро — вещей, как всегда, не было, был только ящик с рукописями. Через несколько дней он предстал перед семейством Самородовых в старом, длиннополом сюртуке, воротник которого был поднят и закрывал шею, так как под сюртуком не было рубашки. На босых ногах — деревянные сандалии с ремешками. (Хлебников пишет, что из-за своей деревянной обуви он ходил по улицам, гремя и стуча, как острожник.) В руках поэт держал ящик, в котором обычно по железным дорогам перевозят кур. Ящик был плотно набит рукописями. Устроиться жить он собирался в заброшенном, полуразрушенном санатории. Более практичная Ольга поняла, что это невозможно, и забрала Хлебникова к Самородовым на дачу. Ей удалось уговорить старушку-хозяйку пустить еще одного жильца в свободную комнату.

Ольга долго хлопотала, обустроивая эту комнату. Она постелила постель, повесила полотенце, разложила на письменном столе ручки, перья и чернила. Получилось, с ее точки зрения, очень уютно. Ольга надеялась, что Хлебников оценит ее старания, но никакой реакции не последовало. Хлебников попросту ничего не заметил, кроме письменного стола. Он так отвык от бытовых удобств, что просто не мог поверить в такую роскошь — иметь свой письменный стол для работы.

Он перестал замечать всё кругом и сосредоточился на своих рукописях. Надо было заканчивать «Доски судьбы» и готовить к публикации написанные за последнее время стихи и поэмы. Когда все это будет готово, Хлебников собирался поехать в Москву устраивать дела с напечатанием своих вещей. Пока что он мирно жил рядом с Самородовыми. Сестры как могли заботились о поэте, подкармливали его. Хлебников не смущался, когда ему приносили горячую лепешку или бобовую похлебку. Брал он эти «подавания» спокойно, непринужденно и равнодушно. Так же принимал вообще все заботы о разных насущных мелочах. Он никогда не жаловался, не ворчал на тяжелые условия жизни, не высказывал желаний их изменить. Можно было подумать, что он вообще их не замечает. В этом не было ни смирения, ни, наоборот, бравадения — Хлебников действительно равнодушно относился к житейским проблемам.

Но если Самородовы вполне понимали поэта, то старушка-хозяйка никак не могла простить такого равнодушия. Она считала, что Хлебников ей кровно обязан за комнату, и пыталась добиться от него благодарности. Она заставляла Хлебникова таскать вязанки хвороста из леса, и он таскал их, сгибаясь под тяжестью. Хозяйка ворчала: «И не стыдно. Добро бы был доктором или инженером, а то бо-звать что, — так,

блаженный какой-то». Хлебников в ответ спокойно подтвердил: «Да, меня еще в гимназии называли блаженным».

Жизнь в Железноводске была трудной, полуголодной. Один раз Хлебников пришел из леса и принес домой лесные груши. «Оказывается, ими можно отлично питаться», — серьезно сказал он. Хозяйка зло засмеялась: «Куда уж лучше! Встал утром: есть у нас что поесть? — А как же, целый лес груш!» Но Хлебникову действительно больше и не надо было. Хозяйка ворчала и из-за того, что Хлебников изводит огромное количество бумаги для своих черновиков. Эти листочки белели всюду: на кустах, в траве, под деревьями. «И на что только человек время тратит!» — говорила она, но Хлебникова это не тревожило.

Он полюбил в лесу нарзанный источник. К этому источнику по утрам обитатели дачи ходили купаться, а вечером около него собирались коровы и козы, возвращавшиеся с пастбища. Хлебников долгие часы проводил в лесу, однажды он принес домой выпавших из гнезда бельчат. Бельчат пытались поить молоком из соски, но безуспешно. Хлебников очень расстроился, когда узнал, что бельчата погибли.

Наступила осень, и Самородовы собирались возвращаться в Баку. У Хлебникова не было никого и ничего, никаких источников существования, к тому же он был сильно болен. У него тряслись руки, когда он приносил из леса хворост для хозяйки. Как-то утром Ольга увидела, что Хлебников выходит из дома, шатаясь и держась за стену. «Что с вами? Вам нездоровится?» — спросила она. Тот прислонился к стене и испуганно и беспомощно забормотал: «Да, но я уйду, уйду, здесь есть больница...» Конечно, ни в какую больницу он не ушел, но к вечеру слег, у него поднялась температура, и неделю он пролежал не вставая. Самородовы стали уговаривать его поехать в

санаторий в Пятигорске. Хлебников согласился и даже съездил туда якобы о чем-то хлопотать. Через некоторое время он пешком отправился в Пятигорск. Самородовы думали, что теперь не скоро встретятся с поэтом, однако ночью в окно постучали. Это был Хлебников. «Я пришел проститься с нарзаном», — просто сказал он. На следующий день он все-таки ушел окончательно.

Он отправился не прямо в Пятигорск, а поехал в Баку, оттуда же через несколько дней в Пятигорск. Эта обратная дорога для Хлебникова была ужасна. Он провел в пути целую неделю. Около Хасавюрта его ограбили и выбросили из вагона. Еле живой он добрался до Пятигорска. Ни о каком санатории, конечно, речи не было. Едва ли Хлебников о чем-то с кем-то договаривался. Прямо с поезда он пришел в местное отделение РОСТА — в рваной солдатской шинели, опорках на босу ногу, в белье, но без костюма. Сохранить удалось только сверток с рукописями.

Ему повезло — сотрудники РОСТА знали его фамилию. Сразу на столе оказался чайник с кипятком, молоко, арбузный мед. Хлебникова накормили и предложили ему занять должность ночного сторожа. Он ничуть не обиделся и согласился. «Ночным сторожем я поступил в шутку, — писал он домой, — после того как несколько раз приходил ночевать на столе в чужое, но гостеприимное учреждение». Сторожить там было особенно нечего, но эта должность давала право на паек.

В письме к отцу Хлебников расхваливает Пятигорск и свою работу: «Условия службы в ТерРОСТЕ (Терской РОСТЕ) прекрасны, настоящие товарищеские отношения; я только по ночам сижу в комнате, кроме того, печатаю стихи и статьи, получаю около 300 000 р., но могу больше (лень-матушка); этого мне хватает. Здесь можно быть сытым за 10 т. р. в день, а тем более

за 20. Хлеб черн. 3 т., белый 4 т., виноград 5 т., обед 5 т.».

Хлебников пишет, что РОСТА выдала ему «превосходные американские ботинки, черные, прочные — фу-ты, ну-ты, как говорили раньше. Теперь сию и люблюсь ими». На самом деле Хлебников сильно приукрасил условия жизни в Пятигорске. Они были совсем не такие замечательные. Действительно, ему выдали не только ботинки, но и гимнастерку с шапкой. Хуже обстояло дело с пищей. Паек чаще всего выдавался натурой: крупа, мясо, соль, овощи, хлеб. Коммунальной столовой в Пятигорске не было, а в частных — цены были почти недоступны. Двухнедельного жалованья хватало не более чем на два-три обеда. Поэтому Хлебникову приходилось питаться в основном чаем и хлебом. Иногда кто-нибудь из товарищей приглашал его к себе пообедать.

Поселился Хлебников там же, где находилась РОСТА, Центропечать, Госиздат и редакции двух газет — «Терек» и «Стенная РОСТА» — на улице Карла Маркса, 4, в маленькой комнате на втором этаже. В это время не только Хлебникову приходилось трудно. На Тереке начинался голод. Из-за сильной засухи всё выгорело, и запасов продовольствия оставалось только до зимы. Когда Хлебников появился в Пятигорске, там уже на улицах стали находить умерших от голода. Усиливался бандитизм. Одновременно с этим страшные вести приходили с голодающего Поволжья. Настроение жителей было близко к панике. В это время Хлебников, сам голодный и оборванный, пытается как-то помочь людям. Но что он мог сделать для голодающих? И все же он отводил беспризорных в питательные пункты, принял активное участие в «Неделе помощи голодающим Поволжья». В однодневной газете «Терек — Поволжью», выпущенной по этому случаю, Хлебников опубликовал стихотворение «Голод».

Вы! поставившие ваше брюхо на пару толстых
свай,
Вышедшие, шатаясь, из столовой советской,
Знаете ли вы, что целый великий край,
Может быть, станет скоро мертвецкой?
Я знаю, кожа ушей ваших, как у буйволов
мощных, туга,
И ее можно лишь палкой растрогать,
Но неужели от «Голодной недели» вы ударитесь
рысачками в бега,
Если над целой страной повис смерти коготь?
Это будут трупы, трупы и трупики
Смотреть на звездное небо.
А вы пойдете и купите
На вечер кусище белого хлеба?!
Вы думаете, что голод — докучливая муха
И ее можно легко отогнать,
Но знайте — на Волге засуха:
Единственный повод, чтобы не взять, а — дать!
Несите большие караваны
На сборы «Голодной недели»,
Ломоть еды отдавая,
Спасайте тех, кто поседел!
Волга всегда была нашей кормилицей,
Теперь она в полугробу.
Что бедствие грозно и может усилиться —
Кричите, <трубите>, к устам взяв трубу!

Характерно, что Хлебников призывает помогать не Тереку, где тяжело, а Поволжью, где еще хуже. Эта газета расклеивалась по всей Терской губернии. Было опубликовано только это стихотворение, но Хлебников

пишет еще множество стихотворений на эту тему, в которых рисует апокалипсические картины голода. Даже в это время Хлебников не перестает мечтать о грядущем «Ладомире» и о том, что когда-нибудь, а может быть, очень скоро человечество будет жить в соответствии с открытыми им, Хлебниковым, «законами времени».

Хлебников в Пятигорске часто бывает на радиостанции при Доме печати. Тогда же он написал статью «Радио будущего», где очень проницательно сказал о роли радио.

«Задача приобщения к единой душе человечества, к единой ежесуточной духовной волне, проносящейся над страной каждый день, волне, орошающей страну дождем научных и художественных новостей, — эта задача решена Радио... <... >

Землетрясение, пожар, крушение в течение суток будут печатаны на книгах Радио... Вся страна будет покрыта станами Радио...»

Здесь Хлебников выступает не как фантаст, не как утопист, а как прозорливый ученый. Фантастичность и утопичность его проектов сказались только в том, что он думал, будто радио объединит человечество для добрых дел, для мирного строительства, «скует непрерывные звенья мировой души и сольет человечество».

Об этом, о своих вычислениях и о многом другом Хлебников рассказывал на лекциях в Народном Пятигорском университете, где находил благодарных слушателей. Одним из таких слушателей был Дмитрий Козлов, заведующий ТерРОСТА. Он несколько лет прожил в Америке и оказался интересным собеседником для Хлебникова. «Заведующий Ростой Дм. Серг. Козлов — американец по нескольким годам, проведенным в Америке, и прекрасно относится ко мне.

Я с ним сильно подружился и просто полюбил его», — сообщает Хлебников родным.

К тому времени Хлебников уже давно знал и любил Уитмена, теперь Козлов читает ему Уитмена по-английски. «Уитмен был космическим психоприемником!» — сказал Хлебников, а затем развил свою мысль: этот поэт — медиум эпохи, он, как радиоприемник, принимает и отображает идеи, чувства, волевые волны человечества.

С Козловым они часто сидели в кабинете заведующего ТерРОСТА. Через окно виден был Эльбрус. Хлебников и Козлов пили чай с арбузным медом, смотрели на Эльбрус и разговаривали. Хлебников, разумеется, поражал своего собеседника энциклопедичностью знаний, неожиданностью выводов, остротой формулировок. Он говорил на самые разные темы. У него была своя теория «жизнеустойчивости» организма, сводившаяся к тому, что «волевым центром организма является солнечное сплетение, управляющее всей лимфатической и нервной системой». (Через пять лет медициной действительно была доказана огромная роль поджелудочной железы.)

В другой раз речь зашла об идеализме и материализме. Хлебников сказал, что он — безусловный материалист, поскольку признает единое начало всего существующего: материя распадается на электроны, радиоэнергию, психоэнергию, последняя материализуется, и «кольцо замыкается»: «Змея кусает свой хвост». И, как всегда, Хлебников размышлял о судьбах поэта и поэзии. Этому способствовали внешние обстоятельства: рядом находилось место гибели Лермонтова.

На родине красивой смерти — Машуке,
Где дула войскового дым

Обвил холстом пророческие очи,
Большие и прекрасные глаза,
И белый лоб широкой кости, —
Певца прекрасные глаза,
Чело прекрасной кости
К себе на небо взяло небо,
И умер навсегда
Железный стих, облитый горечью и злостью.

(«На родине красивой смерти — Машуке...»)

В судьбе Лермонтова Хлебников находит много общего со своей собственной судьбой. Подобно Лермонтову и его пророку, Хлебников — также непонятый и непризнанный, гонимый людьми. «Русские десять лет меня побивали камнями», — с горечью констатирует Хлебников в стихах, явно вспоминая строки Лермонтова: «Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья: / В меня все ближние мои / Бросали бешено камнями».

Все чаще в стихах Хлебникова звучат разочарование и просто усталость.

Я вышел юношей один
В глухую ночь,
Покрытый до земли
Тугими волосами.
Кругом стояла ночь,
И было одиноко...

(«Я вышел юношей один...»)

Печальным размышлениям поэта способствовали события лета и осени 1921 года. 7 августа умер Александр Блок. «Когда пришло известие о смерти Блока, — вспоминает Ольга Самородова, — он был страшно поражен и опечален. Все его разговоры в эти дни сводились в конце концов к Блоку. Он переживал его утрату как утрату очень близкого человека». А 1 сентября в газетах появилось сообщение о том, что в Петрограде раскрыт контрреволюционный заговор (так называемое «Таганцевское дело») и участники заговора (61 человек) расстреляны. Среди расстрелянных был давний знакомый Хлебникова Николай Гумилёв. Надо ли говорить, что Хлебников был принципиально против смертной казни. Еще год назад он собирался делать доклад об этом в Ростове-на-Дону, но его не захотели слушать. А тогда Хлебников собирался сказать следующее:

«Современность знает два длинных хвоста: у кино и у пайка. Породистые петухи измеряются длиной их хвоста. Тот, кто сидит на стуле и видит всадника, скачущего по степи, ему кажется, что это он сам мчится в дикой пустыне Америки, споря с ветром. Он забывает про свой стул и переселяется во всадника. Китай сжигает бумажные куклы преступника вместо него самого. Будущее теневой игры заставит виновного, сидя в первом ряду кресел, смотреть на свои мучения в мире теней. Наказание не должно выйти из мира теней! Пусть тот, кто украл простую булку, смотрит на полотне дикую улюлюкающую толпу, преследующую его, и себя, сидящего за решеткой. И, посмотрев, спокойно возвращается в свою семью...

Пусть люди смотрят на себя в темнице, вместо того чтобы сидеть в ней. Смотрят на свой теневой расстрел, вместо того чтобы быть расстрелянными. Что это будет так, в этом ручается длина очереди перед теневой игрой».

К сожалению, здесь Хлебников ошибся. В последующие годы смертная казнь не только не была отменена, но стала в Советском Союзе обычной практикой.

В своем поэтическом творчестве Хлебников все чаще в эти годы обращается к теме настоящего. Одна из его поэм так и называется: «Настоящее». Эта поэма, а вместе с ней «Ночь перед Советами», «Прачка» и «Ночной обыск» были задуманы как грандиозное театральное действо со множеством персонажей. Здесь и Великий князь, и барыня, и господское семейство, и «братва», и нищие с Горячего поля (так называлась свалка в Петербурге), и прачка, и старухаслужанка, и еще много, много других.

Драматизм накален до предела в поэме «Ночь перед Советами». Сталкиваются старуха-барыня и старуха-прислуга. У каждой из них своя правда, причем весьма убедительная. Поэма во многом автобиографична. Как мы указывали ранее, в барыне угадываются черты матери Хлебникова, Екатерины Николаевны. Барин, которого в окончательном тексте поэмы нет, в черновиках назван по имени: Владимир Алексеевич. Поэма начинается с того, что прислуга радостно сообщает: «Барыня, а барыня!.. /...Вас завтра повесят!» Барыня вспоминает свою жизнь и не может понять, что же она сделала такого, что прислуга так ее ненавидит. Напротив, она никогда не жила для себя, всегда — для других. Она даже рисковала своей жизнью ради народа, который теперь проявляет черную неблагодарность! Она рассказывает, как ухаживала за ранеными во время Русско-турецкой войны, посещала собрания «Народной воли».^[123]

Но после этого свою историю рассказывает старуха-прислуга, выросшая в деревне. Это страшная история о

том, как ее бабке, крепостной крестьянке, барин велел выкармливать грудным молоком щенка.

Черный шелковый комок на плечо ей слез.
И зараз чмок да чмок.
Собачье дитя и человечье,
А делать нечего!
Захиреешь в плетях,
Засекут, подашь если в суд! — штаны снимай!
Сдерут с кожи алый лоскут, положат на лавку!
Здесь выжлец, с своим хвостищем —
А здесь мой отец, возле матери нищим!
Суседские дети мух отгоняли.
Барыня милая!
Так-то в то время холопских детей
С нечистою тварью равняли.
Так они вместе росли — щенок и ребенок.

В деревне ее прозвали Собакевной. Однажды, когда щенок уже вырос и стал красивым псом, сын Собакевны решил отомстить за мать и удавил пса. Барин после этого засек мальчика до полусмерти. Собакевна, оплакивая свою загубленную молодость, спилась и рано умерла. «Правду скажу, — завершает свой рассказ внучка Собакевны. — Когда были господские — / Были мы ровно не люди, а скотские! / Ровно корова!»

Может быть, подобное действительно происходило и Хлебников слышал такие рассказы. В более раннее время этот сюжет неоднократно использовался и в литературе, и в живописи. Например, в повести А. Бестужева-Марлинского «Замок Эйзен» (другое название «Кровь за кровь», 1827), в картине художника-передвижника Н. Касаткина «Крепостная актриса в

опале, сосланная на конюшню кормить своей грудью брошенных щенят (Талант и цепи рабства)» (1910).

Теперь у Хлебникова готовы к печати «законы времени», объединенные в «Доски судьбы», несколько поэм и большое количество коротких стихотворений. Осень 1921 года была для него периодом самого большого творческого подъема. Понимая, что ни Козлов, ни все остальные сотрудники ТерРОСТА, при всем их добром отношении, не могут опубликовать его произведения, Хлебников решает ехать в Москву. Там все же была надежда на Маяковского, на Брика, на Каменского. В то же время Хлебников не хочет надолго оставаться в Москве. Он собирается поселиться на Кавказе и время от времени посещать Персию. Настойчиво зовет родственников переехать к нему. «Вы слишком неподвижны и малолюбопытны», — упрекает он отца и мать.

Как обычно, решение ехать в Москву пришло к нему внезапно и в самый, казалось бы, неподходящий момент. Когда Хлебников еще только приехал в Пятигорск, Дмитрию Козлову удалось устроить его на амбулаторное лечение. Болезнь не отступала, и в ноябре Хлебникова положили в одну из больниц Пятигорска. Оттуда, прервав курс лечения, Хлебников и уезжает в Москву. Незадолго до отъезда он записал в дневнике: «Я чувствую гробовую доску над своим прошлым. Свой стих кажется чужим». С таким настроением он сел в поезд. В дороге ему пришлось очень тяжело. Он попал в вагон к эпилептикам. «Ехал в Москву в одной рубашке: юг меня раздел до последней нитки... Ехал в теплом больничном поезде месяц целый», — сообщает Хлебников родителям. Он был очень рад, когда добрался наконец до Москвы.

Хлебников вспоминал Кавказ с благодарностью. Уезжая из Пятигорска, он и подумать не мог, что

больше никогда не увидит этот край. Только ради устройства своих издательских дел и ради общения с новыми людьми Хлебников покидал эти столь любимшиеся ему места.

Глава восьмая

«Я УМЕР И ЗАСМЕЯЛСЯ...»

1922

28 декабря 1921 года поезд прибыл в Москву. У Хлебникова было несколько адресов друзей, однако, опасаясь не застать их дома, он первым делом отправился искать «Кафе поэтов». Хлебников точно не знал, где оно находится, поэтому проплутал до вечера, пока нашел его на Тверской улице, 18.

Собственно, называлось это заведение Клуб Всероссийского союза поэтов, но чаще его называли «Домино» (до революции в этом помещении находилось кафе «Домино»). Оно открылось еще в январе 1919 года, так что Хлебников мог застать самое начало деятельности Клуба. К концу 1921 года это было главное место встреч поэтов всех направлений, подобно петербургской «Бродячей собаке». В охранной грамоте, выданной Наркомпросом, говорилось: «Всероссийский союз поэтов и функционирующая при нем эстрадастоловая преследует исключительно культурно-просветительные цели и является организацией, в которую входят членами все видные современные поэты».

Это действительно было так. «Домино» продолжало традиции литературных кафе 1910-х годов. Здесь можно было встретить В. Маяковского, С. Есенина, А. Белого, М. Цветаеву, Б. Пастернака, Н. Клюева и многих, многих других. Сюда заходил нарком просвещения А. Луначарский. В «Домино» читали стихи, устраивали лекции и диспуты. Там же неимущие поэты могли получить бесплатный обед. Одним из главных

действующих лиц в «Кафе поэтов» был старый друг Хлебникова Василий Каменский. Под его руководством интерьер был приведен в надлежащий вид, столики покрыты оранжевой бумагой, поверх которой установлены стекла. Под стекло посетители могли положить свои стихи и рисунки.

Как вспоминает один из постоянных посетителей и организаторов кафе Иван Грузинов, «приспособить кафе „Домино“ для выступлений поэтов было чрезвычайно легко: художник Анненков в первом зале кафе повесил на стену пустую птичью клетку, а рядом с ней — старые черные штаны Василия Каменского. На стенах и плафонах обоих залов кафе Анненков написал масляной краской несколько строк стихов Василия Каменского... Для эстрады кафе поэтов был изготовлен чрезвычайно яркий занавес. Яркость занавеса обуславливалась взаимодополнительными тонами: он состоял из зеленых и алых полос. На цветных полосах занавеса были прикреплены замысловатые геометрические фигуры. Общее впечатление от занавеса, имевшего весьма важное значение при выступлениях поэтов, было гротескно-футуролоубочное. Это же впечатление посетитель получал и от всего прочего декоративного убранства кафе поэтов».^[124]

Когда Хлебников туда наконец добрался, был уже вечер и нужно было позаботиться о ночлеге. Хлебников собирался остаться ночевать прямо там, в Клубе, но администрация не разрешила. К счастью, скоро в кафе заглянул Алексей Крученых, тоже недавно вернувшийся с Кавказа. Увидев своего приятеля, Крученых, конечно, проявил заботу. Прежде всего он повел Хлебникова на ночлег туда, где жил и он сам: в общежитие студентов ВХУТЕМАСа, на Мясницкую, 21. ВХУТЕМАСом сокращенно назывались Высшие художественно-технические мастерские. Это учебное заведение открылось недавно,

но уже стало популярным. В последующие годы там преподавали и учились многие выдающиеся художники. Во ВХУТЕМАСе Хлебников переночевал, а утром они с Крученых пошли к Маяковскому и Брикам в Водопьяный переулок.

Собственно, это была квартира Романа Гринберга, филолога, друга Романа Яacobсона. После революции Бриков вселили к нему в квартиру как «уплотнителей». Вместе с Бриками в квартире поселился Маяковский, но у него была еще и своя комната в Гендриковском переулке. Лили Брик тогда не было в Москве, и, поскольку квартира почти пустовала, Хлебников даже несколько раз там ночевал.

Маяковский, как и Крученых, проявил по отношению к Хлебникову радушие и заботливость. Крученых по дороге купил продуктов. Маяковский отдал Хлебникову один из своих костюмов и старое теплое пальто. Хлебников, казалось, был рад этому. В письме к Лиле Брик Маяковский сообщает: «Приехал Витя Хлебников: в одной рубашке! Одели его и обули. У него — длинная борода — хороший вид, только чересчур интеллигентный».^[125]

Хлебников, растроганный таким приемом, приписывает:

«Лидия Юрьевна! Эта приписка — доказательство моего пребывания в Москве и приезда к милым дорогим друзьям на Мясницкую.

Я нашел в Баку основной закон времени, то есть продел медведю земного шара кольцо через нос — жестокая вещь, — с помощью которого можно дать представление с нашим новым Мишкой.

Это будет весело и забавно. Это будет игра в сумасшествия: кто сумасшедший — мы или он».

Крученых отвел Хлебникова в парикмахерскую. Там, как вспоминает Крученых, «бороду Зевса» обкорнали с

боков и сделали бородку лопатой — слишком коротко остригли на щеках.

Друзья моментально вовлекли Хлебникова в бурную литературную жизнь Москвы. В тот же день, 29 декабря, Маяковский, Хлебников, Крученых и Каменский вместе выступали с чтением своих стихов на вечере студентов ВХУТЕМАСа. Каменский некоторое время был председателем Союза поэтов да и теперь играл там не последнюю роль. А поэтов было в Москве великое множество: действовали сорок девять литературных школ, и почти две тысячи человек называли себя поэтами. Среди них были такие группы, как ничевоки, экспрессионисты, презантисты, биокосмисты, конструктивисты, ерундисты (правда, в эту «группу» входил лишь один поэт — Серафим Огурцов) и т. д.

Сам Хлебников тоже в январе 1922 года вступает в Союз поэтов. Он по всем правилам заполняет анкету и, став членом Союза, получает бесплатные обеды. Таким запомнил его Иван Грузинов: «Он проходил во второй зал СОПО и садился за миниатюрный столик, стоявший у окна. Сидел один. Ему подавали обед. Он молча съедал его... Хлебников носил шубу. Шапку. Ни шубу, ни шапку он в СОПО почти никогда не снимал. Шуба на Хлебникове была с чужого плеча... Цвет лица Хлебникова в тон цвету его шубы: лицо бледно-серое, с зеленоватым оттенком...»

В кафе «Домино» были организованы два вечера Хлебникова. Как обычно, успеха у публики они не имели. Хлебников вышел на эстраду в шубе и тихим голосом начал читать. Сначала он читал вполне четко, но постепенно голос становился все глуше и глуше, и под конец уже совсем ничего нельзя было разобрать. К концу вечера в зале оставались только два-три человека из числа друзей Хлебникова да дежурный член Президиума Союза поэтов.

Хлебников мог быть доволен тем, как начала складываться его жизнь в столице. Он одет, он почти сыт, у него есть хотя бы временная крыша над головой все там же, во ВХУТЕМАСе, он участвует в литературной жизни, рядом находятся друзья.

Он пишет бодрое письмо домой:

«Я в Москве. В Москве дороговизна. И поворот в прошлое + будущее, деленные пополам.

Черный хлеб 11 тысяч, средний проигрыш зеленого стола шестизначное число, иногда девятизначное.

Давно не было чисто славянского разгула, как эти святки. Москва стоит твердо на ногах, и нет оголения, гибели и одичания, как в других городах. <...> Пока я одет и сыт».

Правда, этот «славянский разгул» начинает настораживать Хлебникова. Даже после ужаса Гражданской войны Хлебников оставался сторонником революции, которая, как полагал поэт, несет освобождение человеку труда. Но в 1921 году большевики провозгласили новую экономическую политику, начинался недолгий период нэпа. Вновь была разрешена частная торговля, открылись рестораны и увеселительные заведения. Появилась и новая знать. Мечта Хлебникова о том, что поэты будут бродить и петь, а их за это будут кормить, и о том, что труд будет измеряться ударами сердца, явно не сбывалась. Недовольство Хлебникова Москвой проявилось в одном из его стихотворений того времени.

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,

В соболях-рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою —
Буду плыть, буду петь
Доном — Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые устрugi.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

(«Эй, молодчики-купчики...»)

Этому стихотворению повезло: в марте Маяковский поместил его вместе со своими «Прозаседавшимися» в газете «Известия». Это была одна из очень немногих публикаций Хлебникова и единственная, которую помог ему устроить Маяковский.

С Маяковским был связан один неприятный для Хлебникова эпизод. В 1919 году, когда в ИМО собирались издавать том произведений Хлебникова, Велимир отдал Маяковскому часть своих рукописей для издания. О том, что рукописи были отданы именно ему, пишет сам Маяковский. Поскольку редактором книги был Р. Якобсон, то уже в отсутствие Хлебникова Маяковский передал ему эти рукописи. В 1921 году Якобсон уехал в Прагу и, как оказалось, покинул Россию навсегда. Друзья думали, что Якобсон забрал рукописи с собой. Позже выяснилось, что он никуда рукописи не увозил, а оставил их в Московском лингвистическом кружке. Там в сейфе они и лежали в целости и

сохранности. Это выяснилось уже после смерти Хлебникова, и он умер, думая, что рукописи потеряны.

К весне нэпмановская Москва окончательно перестает нравиться Хлебникову. Ему неприятно и то, что лучший друг, Маяковский, вполне успешно вписался в эту новую реальность. В письме к родным Хлебников, о котором говорили, что он не замечает ничего вокруг, дает удивительно меткую характеристику происходящему: «Москву не узнать, она точно переболела тяжелой болезнью, теперь в ней нет ни „замоскворечья“, ни чаев и самоваров и рыхлости и сдобности прежних времен! Она точно переболела „мировой лихорадкой“ и люди по торопливой походке, шагам, лицам напоминают города Нового Света. <...> Около Рождества средним состоянием делового москвича считалось 30-40 миллиардов; крупные проигрыши в карты были 7 миллиардов, свадьба 4 миллиарда. Теперь все в 10 раз дороже, 2 миллиона стоит довоенный рубль, на автомобиле 5 миллионов в час». Раньше ни «деловые москвичи», ни тем более карточные выигрыши Хлебникова не интересовали.

Правда, в новой экономической политике могли оказаться для Хлебникова и выгодные стороны. Кроме частной торговли, разрешены были также частные издательства, и Хлебников с несвойственной ему энергией пытается осуществить публикацию своих произведений. Заметим сразу, что почти все попытки не увенчались успехом. Хлебников обращается к самым разным людям: к С. Абрамову в журнал «Москва», к П. Когану в журнал «Красная новь», к А. Воронскому, И. Аксенову, А. Оголевцу, Е. Шемуруну и другим. Помня о том, что Есенин издал его «Ночь в окопе», Хлебников ведет переговоры и с ним.

В это время Есенин тоже находился в Москве вместе со своей женой Айседорой Дункан. Он готовился к отъезду за границу и собирался сначала остановиться в

Берлине, а оттуда ехать дальше в Америку. Совместные планы издания книг с Есениным казались Хлебникову вполне реальными. «Мы затеваем заграничное издательство», — говорил Хлебников друзьям, но эти планы не сбылись.

И все же некоторые произведения Хлебникова увидели свет. Одно стихотворение, как мы уже упоминали, напечатал Маяковский в «Известиях», два стихотворения — В. Каменский в журнале «Библиотека поэтов». Три стихотворения опубликовал в журнале «Маковец» поэт Николай Барютин, писавший под псевдонимом Амфиан Решетов. Как вспоминает Барютин, он познакомился с Хлебниковым в кафе «Домино» и вскоре решил пригласить его в свой новый журнал. Хлебникова он нашел на квартире у Бриков.

«Он встретил меня, — пишет Барютин, — в просторной белой комнате с большим черным роялем. Вид у него был смущенный и рассеянный. Озираясь, он прислушивался к голосам, доносившимся из-за закрытых дверей. Разговор о поэзии, о журнале, долженствующем объединить все виды современного русского искусства, оживил его. Я просил Хлебникова дать для журнала последнюю законченную работу. Он присаживается и пишет своим детским почерком, кривыми, сходящими вниз строчками две вещи: „Ночь в Персии“ и „Сегодня Машук, как борзая...“ (по его словам, это — последняя вещь, написанная им на Кавказе). Я прошу поставить дату. В разговор развязно вмешивается оказавшийся здесь Ф. Богородский:

— Как это надоело: даты и подписи. Ставьте вместо набившего всем оскомину 1921 года что-нибудь более интересное, например... — Богородский называет какое-то астрономическое число.

Хлебников колеблется.

— Ну, пометьте рукопись хоть 1925 годом, — не унимается Богородский.

— Правда? — робко соглашается Хлебников и выводит на рукописи 1925 г., затем подписывается: Волеполк Хлебников.

Я протестую против устаревших выходов футуристической практики, и Хлебников 1925 год переправляет на 1921». [\[126\]](#)

Стихотворение «Сегодня Машук, как борзая...», напечатанное Барютиным, пронизано трагическим мироощущением:

Сегодня Машук, как борзая,
Весь белый, лишь в огненных пятнах берез.
И птица, на нем замерзая,
За летом летит в Пятигорск.
Летит через огненный поезд,
Забыв про безмолвие гор,
Где осень, сгибая свой пояс,
Колосья собрала в подол.
И что же? Обрато летит без ума,
Хоть крылья у бедной озябли.
Их души жестоки, как грабли,
На сердце же вечно зима.
Их жизнь жестока, как выстрел.
Счет денег их мысли убыстрил.
Чтоб слушать напев торгашей,
Приделана пара ушей.

Упоминаемый Барютиным Федор Богородский — молодой пролетарский художник, которому Хлебников благоволил и видел в нем продолжателя дела футуристов. В 1922 году Богородский издал сборник своих стихотворений. Хлебников написал к нему послесловие:

«Творчество — это искра между избытком счастья певца и несчастьем толпы.

Творчество — разность между чьим-нибудь счастьем и общим несчастьем. И тогда, когда чье-нибудь счастье треплется, как последний лист осени или первый всход весной, оно спешит пропеть свое „кукареку“.

Я — здесь!

Я счастлив.

А вы как?

Такова и книга Федора Богородского. Он — продавец с корзиной счастья, кричащий не „огурцы“, а „даешь, берешь счастье!“».

Такими словами Хлебников приветствовал своего ученика.

Кроме упомянутых публикаций у Хлебникова было напечатано еще несколько стихотворений в случайных изданиях. Конечно, он рассчитывал совсем на другой результат, отправляясь зимой 1921 года с Кавказа в Москву. Прежде всего Хлебников хотел опубликовать «Доски судьбы», а об этом никто и слышать не хотел. Как ни парадоксально, имя Хлебникова по-прежнему у всех на слуху, о его творчестве пишут серьезные исследователи, опираясь, естественно, на то, что было опубликовано до революции, но для всех Хлебников оставался по-прежнему автором «Смехачей» и «Бобэоби». Нового Хлебникова ни издатели, ни критики не замечали.

В Праге Якобсон выпускает целую книгу: «Новейшая русская поэзия. набросок первый. В. Хлебников». Это было расширенное предисловие к невышедшему тому произведений поэта 1919 года. обстоятельную рецензию на книгу Якобсона вскоре опубликовал Жирмунский в петроградском журнале «Начала». Стихи Хлебникова цитирует А. Воронский в статье «Литературные отклики»; о Хлебникове пишет И. Аксенов в статье «К ликвидации футуризма».

По поводу издания своих произведений Хлебникову удалось договориться даже с Луначарским, и тот в целом положительно отнесся к проекту книги, но так ничего и не сделал. Эта встреча произошла на квартире у Маяковского 1 мая 1922 года. Там же в тот вечер были Брик, Каменский, Асеев, Пастернак, Крученых, Борис Кушнер и другие. Это была и последняя встреча Хлебникова с Маяковским. Вскоре после этого Маяковский уехал в Ригу, а когда вернулся, Хлебникова уже не было в Москве.

Помощь пришла с неожиданной стороны. В это время у Хлебникова появился горячий поклонник, преданный ученик, художник Петр Васильевич Митурич. С Митуричем Хлебников познакомился еще в 1916 году, в квартире № 5 в Академии художеств. Митурич в начале 1910-х годов учился там в мастерской батальной живописи Н. Самокиша. Тогда знакомство не переросло в сколько-нибудь прочные дружеские отношения. Вскоре пути поэта и художника надолго разошлись. В 1916 году Митурич, как и Хлебников, был призван в армию. Там он учился в военно-инженерной школе, воевал на польском фронте. После революции солдаты избрали Митурича начальником связи дивизии. Продолжая служить в Красной армии, Митурич следил в то же время за художественной жизнью столиц. Только в 1921 году его участь немного смягчилась: он был переведен в Москву художником-инструктором Пуокра (Политическое управление военного округа).

Митурич поселился у молодого художника Сергея Исакова, родственника петербургских Исаковых — обитателей квартиры № 5. Тогда же они заинтересовались творчеством Хлебникова, а вслед за тем — и его судьбой. Узнав, что Хлебников может приехать в Москву, где у него нет никого и ничего, Митурич с Исаковым решили позаботиться о поэте. Действительно, вскоре приехал Хлебников, и друзьям

удалось доказать на деле свою приверженность «будетлянству» и Правительству земного шара.

Митурич и Исаков взялись помочь Хлебникову с публикацией его произведений. Исаков раздобыл литографский станок, получил разрешение, и все вместе принялись изготавливать «Вестник Велимира Хлебникова», где предполагалось опубликовать основной «закон времени». «Я надеюсь отпечатать закон времени и тогда буду свободен», — сообщает Хлебников Митуричу.

Хлебников прекрасно понимал, что на большой тираж, а тем более на гонорар рассчитывать не приходится. Наоборот, пришлось еще заплатить за бумагу. Но Хлебников был готов на все, лишь бы увидеть наконец дело своей жизни завершённым. «Мне, — говорил он, — важно иметь сотню экземпляров печати да себе 2-3 экземпляра». Митурич и Исаков переписали «Вестник» на литографический камень, и в феврале он был напечатан тиражом сто экземпляров.

«Вестник» представляет собой большой, сложенный вдвое лист некачественной бумаги. Там опубликовано стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...» и «Приказ Председателей земного шара». В этом приказе Король Времени обращается не к людям, а к планетам: «Чтобы старшие солнечные миры, с ниспадающим весом, Юпитер, Сатурн, Уран обращались по закону А, дабы их годовые времена переходили одно в другое по уравнению, построенному на основе тройки, как энного корня из числа дней». Далее приводится это уравнение. Подобный приказ был отдан и «младшим звездам», а завершался текст следующим образом: «Мы с удивлением видим, что солнца без несогласий и крика выполняют наши приказания. Мы, предземшары, предпочли бы мятеж и восстание, товарищ Солнце! Скучно на свете». Подписано было так — «Верно: Велимир Первый».

Несмотря на ошибки в формулах, допущенные Митуричем при переписывании, Хлебников был чрезвычайно рад этому изданию. У него появилась мысль сделать «Вестник» периодическим изданием, чтобы регулярно информировать человечество о своих достижениях. Митурич и Исаков старались изо всех сил и тут же приступили к выпуску «Вестника № 2». Как обычно, нужны были деньги, а денег ни у кого не было. Второй «Вестник» поэтому получился совсем жалкий: удалось напечатать всего двадцать пять экземпляров. Выглядел он в виде сложенной вдвое листовки. Там Хлебников опубликовал «Воззвание Председателей земного шара», написанное еще в 1917 году, и «Взор на 1923 год». Надо ли говорить, что эти публикации остались незамеченными.

Когда первый «Вестник» вышел, Хлебников, чтобы ознакомить с ним человечество, стал рассылать его по адресам. Первый экземпляр был послан в Астрахань родителям. Один экземпляр отправился Ф. Нансену с такой надписью: «Председателю земного шара Фритьофу Нансену от русских председателей Велимира Хлебникова и Петра Митурича». Митурич вспоминает: «У Велимира оказалось много адресов. „Вестник“ понесся во все стороны земли и, может быть, даже достиг дальних стран. Но ни одного отклика мы не получили».

Поняв, что таким кустарным способом ничего не сделаешь, Митурич стал вести переговоры с Государственным издательством. Ему удалось заключить договор на издание «Досок судьбы». Предполагалось, что эта работа будет выходить отдельными брошюрами, или «листами». Когда будет продан первый «лист», можно будет на вырученные деньги печатать второй «лист» и т. д. К сожалению, удалась только малая часть этой затеи. Вышло всего три «листа», причем Хлебников успел увидеть напечатанным лишь первый.

Это шестнадцатистраничное издание выглядело гораздо солиднее по сравнению с «Вестником»: типографская печать, тираж пятьсот экземпляров... Пробивали его друзья с большими сложностями. Однако в 1924 году типография, в которой печатались «Доски судьбы», была неожиданно закрыта. Все книги, в том числе двести экземпляров третьего «листа», сданы в макулатуру, а карточка Главлита с разрешением на печатание всего труда уничтожена.

В начале первого «листа» Хлебников говорит о своем замысле: «Я не выдумывал эти законы, я просто брал живые величины времени, стараясь раздеться донага от существующих учений, и смотрел, по какому закону эти величины переходят одна в другую, и строил уравнения, опираясь на опыт».

А в том «листе», который так и не был издан, Хлебников подводит итоги своим трудам:

...

«I. Мир делится на два начала „2 и 3“, начало дела, души и начало труда и тела.

II. Времена — это логарифмы воли событий, с основанием 2 для рядов жизни и основанием 3 для рядов смерти.

III. Солнечный мир имеет одинаковый с человеческим обществом свод законов во времени.

IV. Предвидение будущего есть уже не греза, а труд, и мало отличный от труда сапожника.

V. В уравнениях пространства показатель степени не может быть больше 3, в уравнениях времени подстепенное количество не может быть больше 3 (мир чудес первых трех чисел).

*VI. Каждый человек имеет свое личное число... <... >
XV. Только те законы хороши, которые одновременно
издаются для солнц и для людей.*

*XVI. До сих пор издавались законы, для
существования которых требовались войска, которые
можно было нарушить. Заслуживают внимания только
те законы, которых нельзя нарушить.*

*XVII. Найти их удел, написавших на знамени: „хоти
невозможного“».* [\[127\]](#)

И хотя до полного осуществления хлебниковских идей еще очень далеко, все же сегодня, в начале XXI века, многое из того, о чем мечтал Председатель земного шара и что поднимали на смех его современники, уже не кажется таким невероятным.

В «Досках судьбы» были напечатаны и стихотворения на тему «законов времени»:

Трата и труд, и трение,
Теките из озера три!
Дело и дар — из озера два!
Трава мешает ходить ногам,
Отрава гасит душу, и стынет кровь.
Тупому ножу трудно резать.
Тупик — это путь с отрицательным множителем.
Любо идти по дороге веселому,
Трудно и тяжело тропюю тащиться.
Туша, лишенная духа,
Труп неподвижный, лишенный движения,
Труна — домовина для мертвых,
Где нельзя шевельнуться, —
Все вы течете из тройки,
А дело, добро — из озера два.

Дева и дух, крылами шумите оттуда же.
Два — движет, трется — три.
«Трави ужи», — кричат на Волге,
Задерживая кошку.

(«Трата и труд, и трение...»)

Когда Хлебников приехал в Москву, у него уже практически была готова сверхповесть «Зангези». Подобно «Доскам судьбы», эта сверхповесть вобрала в себя мысли и идеи Хлебникова последних лет. Зангези — главный герой произведения, *alter ego* автора. Он излагает «законы времени», учение о звездном языке, поет песни на звездном языке. Зангези — новый пророк. Подобно Заратустре у Ницше, он появляется на утесе, где каждое утро читает свои проповеди. Он говорит:

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника,
На строгих стеклах рока.
Так скучны и серы
Обои из человеческой жизни!
Окон прозрачное «нет»!
Я уж стер свое синее зарево, точек узоры,
Мою голубую бурю крыла — первую свежесть.
Пыльца снята, крылья увяли и стали прозрачны
и жестки.
Бьюсь я устало в окно человека.
Вечные числа стучатся оттуда
Призывом на родину, число зовут к числам
вернуться.

Судьба его близка судьбе многих пророков. Вначале люди, собравшиеся слушать Зангези, готовы поверить ему, они ждут нового пророка. Увидев Зангези, они спрашивают: «Он спасительный круг, брошенный с неба?» Слушатели быстро проникаются его учением и прославляют нового учителя: «Он божественно врет. Он врет, как соловей ночью». Люди готовы идти за новым пророком: «Мы — верующие, мы ждем. Наши очи, наши души — пол твоим шагам, неведомый». Но Зангези читает еще одну проповедь, и люди пугаются: «Боги улетели, испуганные мощью наших голосов. К худу или к добру?» Зангези продолжает свое дело, и вот уже ученики кричат: «Зангези! Что-нибудь земное! Довольно неба! Грянь „камаринскую“! Мыслитель, скажи что-нибудь веселенькое. Толпа хочет веселого. Что поделаешь — время послеобеденное». Но Хлебников-Зангези не мог усладить толпу, не мог «грянуть камаринскую», и толпа уже готова от слов перейти к делу: «Будет! Будет! Довольно! Соленым огурцом в Зангези! Ты что-нибудь мужественное! Поджечь его!» Но Зангези не прекращает проповеди. И вот — закономерный финал. Двое читают газету: «Как? Зангези умер! Мало того, зарезался бритвой... Поводом было уничтожение рукописей злостными негодяями с большим подбородком и чавкающей парой губ». Но эта развязка сверхповести оказывается ложной. Появляется сам Зангези и говорит: «Зангези жив. Это была неумная шутка».

К сожалению, финал земной жизни автора «Зангези» был уже очень близок, поэтому можно сказать, что здесь Хлебников или напороочил, или действительно предчувствовал свою смерть. Ему даже не пришлось увидеть эту свою вещь напечатанной, однако известно, что он держал в руках ее корректуру. Наборщики, совсем как слушатели Зангези, издевались

над непонятным для них текстом. Вместо «Перун и Изанаги» они набрали «Пердун из заноги»; слова от корня «мочь — могу» они набрали от корня «моча». Такие ошибки приходилось Хлебникову править. Он, как пишет Митурич, «ни словом не обмолвился на эти выходки». Так тяжело, со многими предвиденными и непредвиденными трудностями идеи Хлебникова пробивались к читателю.

Эйфория первых недель пребывания в Москве прошла. Хлебников со своими «законами времени» никому не был нужен, кроме нескольких друзей, таких же нищих и бесприютных, как он сам.

Осип Мандельштам, устроенный тогда в смысле бытовых условий не намного лучше, чем Хлебников, решил помочь ему получить комнату. Они случайно встретились в московском Госиздате, куда Хлебников приходил по делам издания «Зангези». Мандельштам предложил ему пообедать у уборщицы Дома Герцена. Уборщице кто-то сказал, что Хлебников — странник, и она почтительно называла его батюшкой. Хлебникову это понравилось. Пообедав, Хлебников и Мандельштам пошли в лавку «Книгоиздательства писателей». Там «работали» Н. Бердяев и критик В. Львов-Рогачевский. Как впоследствии Мандельштам рассказывал Харджиеву, ^[128] стоявший за прилавком критик спросил:

— Вы член писательской организации? Хлебников неуверенно пробормотал:

— Кажется, не состою...

Мандельштам сообщил Львову-Рогачевскому, что в левом флигеле Дома Герцена есть свободная комната. Тот ответил:

— У нас есть способные литераторы, которые тоже нуждаются в комнате.

Мандельштам запальчиво заявил, что Хлебников — самый значительный поэт эпохи. Хлебников слушал,

улыбаясь. Речь Мандельштама была безуспешна, свободную комнату получил другой «способный литератор».

Маяковский и Брики готовы были позаботиться о Хлебникове, но не настолько, чтобы поселить его у себя на длительный срок. «Он хуже маленького ребенка», — сказала Лиля Брик Митуричу, поручая ему «присматривать» за Хлебниковым. В Водопьяный переулок к Маяковскому и Брикам Хлебников и Митурич иногда заходили вместе. Им были рады, их кормили и усаживали играть в рулетку.

Жил Хлебников в это время все там же, в общежитии ВХУТЕМАСа, сначала в коридоре, а потом в комнате у художника Евгения Спасского, родного брата поэта Сергея Спасского. Зимой 1922 года они встретились вновь на литературном вечере, обрадовались друг другу, поговорили и расстались, а чуть позже, на том же вечере, Спасский узнал от кого-то из студентов, что Хлебников недоволен, что ему негде жить. У Спасского в это время уехала жена и он в комнате остался один. Через несколько дней, встретив Хлебникова, он предложил поэту перебраться к нему. Хлебников с радостью согласился.

«У меня, — пишет Спасский, — была комната с большим итальянским окном. Мебель не была изысканная, но было все, что необходимо, и ничего лишнего: столик, две табуретки, мольберт и соседское кресло, удобное для размышлений и отдыха, старенький диван, на котором спал я, и напротив поставили железную кровать с матрацем для Велимира. Единственное богатство мое составлял небольшой кавказский ковер, полученный мною в наследство, которым я и закрывал матрац на кровати, так как одеяла лишнего у меня не было, не было его и у Велимира. Так началась совместная наша трудовая жизнь. Главное, что обоим было и хорошо и спокойно.

Все имущество Велимира составлял белый узелок, с которым под мышкой он и пришел. С большой любовью и осторожностью он его развязал, вынул оттуда чернильницу, ручку и большую пачку неаккуратно, довольно беспорядочно сложенных листков бумаги, как чистых, так и испещренных мелким бисерным почерком в разных направлениях. Чернильницу и ручку он пристроил на табуретке, пододвинул ее к своей кровати, а все листки с поспешностью были брошены под кровать, откуда они извлекались по мере надобности. Причем как он в этом хаотическом хозяйстве разбирался и находил то, что ему было нужно, непонятно. Работал он быстро, стихийно, нервно и всегда словно прислушиваясь к витающим вокруг него мыслям и словам. Каждое утро, напившись чаю, устраивались мы по своим углам. Я пододвигал мольберт, а Велимир свой столик с бумагой и чернилами. Наступала тишина, та активная, наэлектризованная тишина — лучшая почва для творческой работы. Велимир, как всегда, работал порывами, то он быстро и мелко исписывал листик бумаги, потом с такой же быстротой и уверенностью все перечеркивал. Иногда сминал написанное и бросал под кровать. После этого молниеносно ложился, подтягивал к себе колени, натягивал шубу, которая лежала тут же, закрывался с головой и затихал, но ненадолго. Минут через 10–15 шуба откидывалась в сторону, он энергично бросался под кровать, и тут начинались поиски. Из-под кровати летели во все стороны исписанные листочки, покрывая, как снег, весь пол». [\[129\]](#)

Спасскому Хлебников посвятил стихотворение:

Так, душу обмакнув
В цвет розово-телесный,
Пером тончайшим выводить.

Как бисер, паучки блестят водою пресной.
Ты кистью, я пером
С тобой вдвоем,
И воробей подслушивает мысли
Летунчики, летящие за выси.

(«Евгению Спасскому»)

Митурич заботился о поэте, часто приносил ему от Исаковых обеды, снабжал табаком-самосадам. И все же чувствовалось, что Хлебников устал. Устал от постоянного безденежья, от невозможности напечатать свои произведения, от жизни у чужих людей, по чужим углам. Устал от мучившей его уже более полугода лихорадки. Устал от одиночества и непонимания. Одно из стихотворений этой поры имеет характерное название — «Одинокий лицедей». Еще в 1916 году в прозаической вещи «Ка» Хлебников написал: «Хорошо, — подумал я, — теперь я одинокий лицедей, а остальные — зрители. Но будет время, когда я буду единственным зрителем, а вы лицедеями». Образ «одинокого лицедея» прочно связывается Хлебниковым с его собственной судьбой.

И пока над Царским Селом
Лилось пенье и слезы Ахматовой,
Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп, влачился по пустыне,
Где умирала невозможность,
Усталый лицедей,
Шагая напролом.
А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кушало людей

В дыму угроз нескромных.
И волей месяца окутан,
Как в сонный плащ, вечерний странник
Во сне над пропастями прыгал
И шел с утеса на утес.
Слепой, я шел, пока
Меня свободы ветер двигал
И бил косым дождем.
И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
И у стены поставил.
Как воин истины я ею потрясал над миром:
Смотрите, вот она!
Вот то курчавое чело, которому пылали раньше
толпы!
И с ужасом
Я понял, что я никем не видим,
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!

В последних строках ясно чувствуется переключка с пушкинским стихотворением «Свободы сеятель пустынный...»:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Хлебников продолжал бороться за издание «законов времени». Ближе к лету, накопив денег, он собрался поехать в Астрахань, где жили родители и Вера. Там, несмотря на ссоры и споры с отцом, Хлебников чувствовал себя дома. Он понимал, что родители по-прежнему переживают за него, страдают от его бесприютности и неудавшейся, с их точки зрения, жизни. Хлебников рассказал Митуричу о своей семье, о сестре Вере, художнице.

Уже после смерти Хлебникова Митурич познакомился с Верой, и в 1924 году они поженились. В 1925 году у них родился сын Май, ставший, как и его родители, художником. Ныне Май Петрович Митурич-Хлебников является хранителем семейного архива. У других братьев и сестер Хлебникова детей не было. После смерти Екатерины Владимировны (старшей сестры) родители Хлебникова переехали в Москву к Вере, зятю и внуку. Там они и умерли: Владимир Алексеевич в 1934 году, Екатерина Николаевна — в 1936-м.

Хлебников, как и раньше, не умел распоряжаться деньгами. Получив гонорар, мог закупить на все деньги сладостей. Но весной 1922 года он попросил Митурича отправить немного денег в Астрахань Екатерине Николаевне. «Тогда, — сказал он, — у меня развяжется узелок». Эти деньги оказались последним приветом матери от сына.

Хлебникова начинает тяготить и то, что он носит одежду с чужого плеча. Изношенный серый костюм и такой же изношенный тулупчик, доставшиеся ему от Маяковского, теперь Хлебникову неприятны, хотя раньше он таких мелочей не замечал. Однажды они шли с Митуричем по Кузнецкому и Хлебников остановился у витрины с костюмами. «Я бы не отказался иметь такой костюм, — сказал он. — Мариенгоф хорошо одевается». Митурич принялся утешать друга, говоря,

что его костюм «соткан из нитей крайностей нашей эпохи», но Хлебникова это не утешало. Он стал все чаще раздражаться, причем раздражали его порой те самые люди, которые заботились о нем.

Он был совершенно измучен лихорадкой. Приступы становились все чаще и чаще. Спасский пишет, что во время приступов он наваливал на себя все, что возможно, но его так трясло, что кровать под ним начинала двигаться. Комната Спасского была в подвальном помещении, сырая и темная, и там больному человеку находиться было практически невозможно. Во время одного из самых сильных приступов больного приютили у себя на несколько дней супруги Куфтины. Оба они были образованные люди, не чуждые литературе и музыке. Они не побоялись взять к себе больного с лихорадкой, но через несколько дней, когда ему стало лучше, Хлебников сам отправился «домой», к Спасскому.

Прошло еще немного времени, и Хлебников вновь остался бездомным: к Спасскому приехала жена, и надо было освобождать комнату. На помощь вновь пришли Куфтины. Они предоставили свою комнату Хлебникову, а сами уехали. Он понимал: нужно принимать какое-то решение, долго так продолжаться не может. Больше всех переживал за своего друга и учителя Митурич. Он изо всех сил старался скрасить мрачное существование Председателя земного шара. С его помощью у Исаковых необычным образом справляли Пасху. Митурич рассказывает: «У Исаковых оживление. Достали творог, и сооружается творожная пасха. Я сделал для нее форму четырехгранной пирамиды, на каждой стороне которой вытеснены эмблемы вер: христианский крест, буддийский — след Будды, магометанский — серп месяца и „будетлянский“ — ветви двоек и троек. Было вино — всем по маленькой рюмочке — и пирог. Стараниями Анны Осиповны Велимир сидит в чистом

белье по обыкновению с поднятым воротником пиджака. За столом острит Петр Константинович, идет мирная праздничная при солнечном дне за большим столом со скатертью еда. Потом закурили, пили чай. Хороший был день в это ненастное время. Ах, если бы побольше таких деньков было в то время, и все было бы иначе».

Вскоре Митуричу удалось выхлопотать для Хлебникова бесплатный проезд до Астрахани, но ехать можно было только через две недели. В это время кардинально изменились обстоятельства у самого Митурича: он получил бессрочный отпуск и мог покинуть Москву в любое время. Он сразу же решает ехать в Новгородскую губернию, где жила его жена с двумя детьми. Жена, Наталья Константиновна, работала там учительницей, у нее были свой огород, корова, так что детям там жилось гораздо лучше, чем в полуголодной Москве. Но Митурич не мог оставить и Хлебникова: Куфтины должны были скоро вернуться, и жить больному поэту было больше негде. Митурич предложил Хлебникову ехать с ним в деревню, с тем чтобы недели через две вместе с ним ехать в Астрахань или же впоследствии отправить туда его одного.

Митурич начал действовать. Ему удалось достать два бесплатных билета до станции Боровенка, но оттуда до села Санталова, где учительствовала его жена, было еще сорок верст, которые, скорее всего, пришлось бы пройти пешком. Однако Митурич не ожидал, что дорога окажется настолько тяжелой. Он не учел, что начало лета бывает холодным, и не взял теплых вещей. Он не думал, что в Санталове не окажется врача, что они окажутся отрезаны от внешнего мира...

Когда путешественники пришли на вокзал, выяснилось, что поезд состоит только из товарных вагонов. Разруха чувствовалась повсюду. Митурич

записывает в своем дневнике (далее все события он фиксирует с точностью до дня): «Отбыли из Москвы в деревню. В полночь заняли место в товарном вагоне, сами принесли доски из соседнего вагона и строили нары. Дождь. Холодно. Велимир ежился в своем тулупе и дремал, полулежа на нарах. Раздражали его вновь приходящие пассажиры, требовавшие себе места, неохотно уступал напору. Все время идет дождь».

В наше время скорый поезд Москва—Петербург преодолевает расстояние до Боровенки часов за пять; пассажирский, конечно, идет медленнее, но не так, как в 1922 году. Митурич и больной Хлебников добирались до этой станции шестнадцать часов. Митурич, зная, что от станции, возможно, придется идти пешком, постарался взять как можно меньше вещей. Полагая, что весной теплая одежда уже не нужна, Митурич не взял ватника, а только один плащ. У Хлебникова был его старый тулупчик. В вагоне же было холодно. Хлебников вез с собой два мешка вещей. В основном это были рукописи. Митурич в Москве пытался уговорить его оставить рукописи у родственников жены, но Хлебников отказался. Он сказал, что сохранил их в Баку, на Кавказе, довез до Москвы и теперь не расстанется с ними.

Продрогшие, Хлебников и Митурич 15 мая прибыли наконец в Боровенку. Моросил дождь. Дороги, и без того отвратительные, окончательно развезло. Предстояла самая сложная часть пути: сорок верст (около сорока километров) по бездорожью. На станции Митуричу удалось нанять подводу «за 8 аршин сатина». Он рассказывает: «Мужик соглашается везти наши пожитки и кого-нибудь из нас (ехала еще сестра жены). Мы посадили Велимира, а сами идем рядом. Дорога скверная, после длительного дождя глинистая почва превращается в глубокое месиво, в котором колеса тонут по ступицу».

К вечеру путешественники, проехав двадцать верст, добрались до села Тимофеева. Там у Митурича был знакомый мужик, у которого они собирались переночевать. Возница подвез их к дому и уехал. К счастью, приняли гостей очень радушно. Велимир в дороге устал, но чувствовал себя неплохо. Друзей усадили за стол. Поставили самовар, молоко, яйца, хлеб. Хозяин дал лошадь, и путешественники начали последний переход в шестнадцать верст до Санталова. «Велимир почти половину пути ехал на двуколке на вещах, сам правя, но неудачно. Очень часто наезжал на камни и попадал в ямы, так что, наконец, упал с двуколки».

К вечеру 16 мая прибыли в Санталово. Наталья Константиновна с детьми жила в здании школы. Хлебникову устроили комнату. Вечером его трясло и знобило, он принимал хину. На следующий день затопили баню, помылись, переоделись.

Настала теплая солнечная погода. Жизнь стала налаживаться. Первые несколько дней прошли вполне благополучно, Хлебников с детьми гулял в лесу, собирал первые грибы, клюкву в болоте, собирал муравьев, чтобы потом сделать муравьиный спирт — лекарство от лихорадки. Он занимался разбором своих рукописей, приводил их в порядок, готовил новые подборки стихов. Митурич помогал ему, переписывал законченные произведения. Поскольку надежды на публикацию было мало, Митурич делал по несколько копий каждого произведения. Потом эти рукописные книги он дарил их общим друзьям «с условием сделать копии для друзей и последних снабдить под таким же условием». Так в «самиздате» распространялись произведения Хлебникова. Митурич переписал тогда две старые поэмы — «Ладомир» и «Разин» и новую вещь «Царапина по небу», где речь снова шла о «законах времени».

Хлебников строил планы на будущее, они обсуждали, как вместе поедут в Астрахань и Хлебников будет наблюдать за птицами, как в юности. Друзья не голодали, пища была простая, но сытная: каша, похлебка, хлеб, картофель, молоко.

Приступы лихорадки не возвращались, и на здоровье Хлебников не жаловался. Прослышав, что приехал столичный поэт, к Хлебникову потянулись местные жители. Митурич затеял с мужиками разговор о «законах времени». Он вспоминает: «Я сказал мужикам, что они беседуют с автором этих законов, которые пригодятся некогда и им. Они заинтересовались, как это может „касаться их как хлеборобов“. Да, и „урожаи будут вверены“ числам времени и их законам. Приходила к нам пара молодых парней, с которыми я и раньше беседовал о новой поэзии и искусстве. Велимир, помню, лежал у себя на кровати, я принимал их в нашей столовой. После некоторой пустой болтовни я предложил им послушать стихи, которые сложил Велимир. И начинаю им читать „Ладомира“. Стихи длинные, но мои слушатели внимательны. Слушал чтение и Велимир. После он заметил, что сначала ему показалось, что некоторые места „Ладомира“ растянуты, но теперь, прослушав его впервые в целом, этого не нашел». Так Митурич пытался нести идеи Хлебникова «в народ». И хотя мысль о том, что «урожаи будут вверены числам», вряд ли оказала на слушателей сильное воздействие, в целом местные жители хорошо относились к необычному гостю.

Митурич не забывал и свою собственную работу. В Санталове, отдохнув от московской суеты, он снова стал рисовать. Уезжая из Москвы, он уничтожил все свои пространственные композиции, которые негде было хранить. Хлебников его за это ругал, Митурич же думал, что легко сможет восстановить их. К сожалению, он так

и не восстановил эти работы. Это сделал гораздо позже его сын, художник Май Митурич-Хлебников. После смерти отца он по фотографиям реконструировал десять из утраченных композиций.

В Санталове Митурич стал делать этюды с натуры. Однажды, когда он рисовал баню, стоявшую неподалеку от школы, к нему подошел Велимир. «Мне страшно хочется порисовать самому...» — вопрошающе заявил он. «Я тут же предложил ему, — рассказывает Митурич, — свой начатый рисунок и говорю: „Продолжайте, вот вам все оружие, и садитесь“. И он, обрадованный таким быстрым решением вопроса, сел и продолжал рисовать. Нарисовав бревнышки сруба двух углов бани, через 10-15 минут работы он отдает мне обратно рисунок. „Спасибо“, — говорит он и, удовлетворенный, отходит. Я, проведя две темные полосы по этим углам бани, выправил рисунок, как мне надо было, и продолжал работу. Потом Велимир увидел рисунок, и в глазах улыбка, говорившая: „Вот как надо было просто сделать углы бани, миновав перечисление бревен“».

Рисунок Митурича, к которому приложил руку Хлебников, сохранился. Сейчас он, вместе с другими работами «санталовского цикла», находится в Третьяковской галерее. Этот рисунок бани приобрел мемориальную ценность еще и потому, что именно здесь, в этой бане, через месяц Хлебников скончался. На рисунке надпись П. Митурича: «Банька, в которой умер Велимир Хлебников», а ниже приписано: «средний угол бани рисовал В. Хл.».

Но не прошло и недели, как Митурич стал замечать, что Хлебников старается не уходить далеко от дома, а больше сидит за столом и пишет, несмотря на хорошую погоду. Да и все домашние стали замечать, что Хлебников, когда идет, странно пошатывается, как будто нетвердо держится на ногах. 23 мая он еще смог

пойти погулять на речку, посидел на берегу с удочкой, но к вечеру уже стало окончательно ясно, что у него отнимаются ноги. Дочка Митурича, трехлетняя Маша, сказала: «Хлебик больная». Сначала решили полечить больного домашними средствами: жарко натопили баню — в баню больного пришлось уже нести на руках — парили ему ноги в сене. Но домашние средства не помогли. Надо было что-то делать, и прежде всего — вызвать врача. Но ближайший врач находился в Крестцах, в пятнадцати верстах от Санталова. Никто из мужиков не захотел ехать за доктором: разгар сева, а ехать в Крестцы — терять целый день и лошадиную силу. Наконец 26 мая один парень согласился съездить в Крестцы за доктором. Вечером он вернулся один. В Крестцах ему наотрез отказали, сказав, что Санталово — не их участок.

Надо было ехать совсем в другую сторону, в больницу, расположенную в двадцати верстах, за деревней Борки. Положение становилось угрожающим. «Не было ребенка, не было существа такого на свете, которого я бы так нежно, так страстно любил, и — о, ужас! в каком он угрожающем положении. Что делать?!» — восклицает Митурич. Он собирается просить помощи у друзей, а кроме того, спрашивает Хлебникова, сообщить ли о его болезни родным в Астрахань. «Родным хорошо сообщать о здоровье. А кроме того, это очень далеко», — ответил Хлебников.

Митурич решил написать и московским, и петроградским друзьям о болезни Хлебникова. Если они с Хлебниковым решат куда-то ехать и доберутся до железной дороги, то окажутся примерно на середине пути между Москвой и Петроградом. Сам Хлебников пока просит никого не беспокоить. Ему становится с каждым днем и с каждым часом все хуже.

Надо ехать в больницу, но в какую? Митурич пишет: «В Крестцах большая больница, при ней два врача —

один хирург, другой терапевт — и несколько опытных фельдшеров. В больнице нашего участка — одна врачиха, больница маленькая. Если мы двинем в последнюю больницу, то будем на 20 километров ближе к железнодорожной станции и, в случае необходимости, нам легче будет переехать оставшиеся 20 километров, чтобы следовать дальше, в Москву или Ленинград, но в этой больнице нет хирурга. Велимир решает ехать в Крестцы, так как, возможно, понадобится хирургическая помощь. Крестцы же и ближе на 5 километров к нам. Дело теперь за возницей. Где и как его найти в такое горячее посевное время? Но один санталовский старик, хорошо нам знакомый, обещал на послезавтра в воскресный день свезти Велимира в Крестцы. Все попытки нанять на более раннее время не увенчались успехом».

В воскресенье 28 мая подъехала телега. Хлебникова одели в его костюм, накрыли тулупом и повезли. Через четыре часа прибыли в Крестцы. Поначалу, увидев, в каком состоянии больной, его вообще не хотели принимать в больницу. Потом смилостивились, положили в палату, раздели, дали больничное белье. Митурич — с ним была и его жена — остались ждать врача. Они прождали довольно долго, но никто так и не появился. Остановив врача в коридоре на выходе из больницы, Петр Васильевич спросил, почему он не идет осматривать больного, которому срочно нужна помощь. «Я знаю, его будет смотреть другой врач», — сказал тот и ушел. Но другой врач тоже не появился. На все расспросы больничные няньки ответили, что и врачи, и фельдшеры уже ушли — воскресенье! — и будут только завтра. Хлебников чувствовал себя очень плохо.

Деревенский врач появился только на следующий день утром. Это была женщина. Митурич рассказал ей о ходе болезни и о том, какие были приняты меры. Она

могла только констатировать то, что и так было ясно: у Хлебникова паралич.

Причину болезни она установить не смогла и сказала, что больного надо везти в городскую клинику. Заметим сразу, что диагноз Хлебникову так и не был поставлен. Правда, врач утверждал, что смертельной опасности нет и торопиться не стоит. Хлебникову даже на несколько дней стало лучше, температура упала. Митурич делал все возможное. Он понимал, что пока он напишет друзьям, пока те примут меры, пока пришлют деньги или сами приедут, пройдет недели две-три.

Хлебников по-прежнему не хочет, чтобы кого-либо беспокоили. Единственный, кому он написал сам, — это врач Александр Петрович Давыдов, московский знакомый Хлебникова, у которого он когда-то жил. «Александр Петрович! — пишет Хлебников. — Сообщаю Вам, как врачу, свои медицинские горести. Я попал на дачу в Новгородск. губерн., ст. Боровенка, село Санталово (40 верст до него), здесь я шел пешком, спал на земле и лишился ног. Не ходят... Меня положили в Коростецкую „больницу“ Новгор. губ. гор. Коростец, 40 верст от железной дороги. Хочу поправиться, вернуть дар походки и ехать в Москву и на родину. Как это сделать?» Эту записку Хлебников отдал Митуричу, с тем чтобы тот отправил ее в Москву.

Сам Митурич, несмотря на просьбы Хлебникова, пишет в Петроград Николаю Пунину. Пунин — давний друг Митурича. Учась в Академии художеств, Митурич регулярно бывал в квартире № 5. С Пуниным они вели постоянную переписку, от Пунина Митурич узнавал новости петроградской художественной жизни и сообщал ему московские. В последние два года Хлебников, его учение, его творчество, его отклики стали одной из постоянных тем в переписке двух друзей, так что на помощь Пунина Митурич очень рассчитывал. Пунин мог быть полезен еще и потому, что

его жена, Анна Евгеньевна Аренс, работала врачом и как медик могла поспособствовать, если бы Хлебникова привезли в Петроград. Рядом с Пуниным были и другие друзья, неравнодушные к судьбе Хлебникова: это брат Анны Аренс Лев Евгеньевич Аренс, биолог, увлекавшийся поэзией и философией, это молодой языковед Евгений Полетаев, это художники Павел Филонов и Владимир Татлин.

Митурич также решил сообщить о болезни Хлебникова в Москву Сергею Городецкому, который всегда занимал какие-либо официальные должности и казался очень влиятельной фигурой. В 1922 году он работал в литературном отделе газеты «Известия ВЦИК», одной из главных газет советского времени. Кроме того, Митурич пишет в Москву Александру Андриевскому, «председателю чеки», харьковскому знакомому Хлебникова. К 1922 году Андриевский уже обосновался в Москве, и Хлебников познакомил Митурича с ним незадолго до отъезда в Санталово. Для Митурича Андриевский был одним из немногих, кто любил и ценил Хлебникова, кто верил в его идеи. Уже после смерти Хлебникова Андриевский стал редактором «Досок судьбы». К Маяковскому, Брикам и Крученых Митурич, по настоянию Хлебникова, обращаться не стал.

Пунину Митурич пишет письмо следующего содержания: «Дорогой Николай Николаевич! Беда большая, Велимир разбит параличом, пока что отнялись у него ноги, парез живота и мочевого пузыря... Мы его свезли в Крестецкую больницу и там положили. Врач говорит, что его еще можно поставить на ноги, но... необходимо следующее: оплата за уход, лечение и содержание больного, так как больница переведена на самоснабжение, и потом необходимые медицинские средства... Итак, нужна немедленная реальная скромных размеров помощь, иначе ему грозит остаться

без медицинской помощи, мы же можем скудно кормить здорового человека. Сообщите об этом Исакову, Матюшину, Татлину и Филонову. Если можно, в печати сделайте сообщение».

Не следует забывать про реальные условия жизни в глухой деревне в 1922 году. Написать письма — еще не значит их отправить. Для этого необходимо идти к железнодорожной станции, то есть опять проделать сорок верст туда и обратно. Только 4 июня Ольга (сестра Натальи Константиновны) вместе с еще одной женщиной пошли на станцию, чтобы отправить письма и по возможности купить билеты на поезд, если больного придется везти в Москву или Петроград.

Вернулись они через три дня расстроенные: им удалось только отправить письмо в Петроград Пунину. Московские письма не взяли, и они так и остались лежать на станции. Билеты по тем документам, что у них были, тоже не дали. Поэтому на помощь рассчитывать практически не приходилось. Митурич готовит новые письма в столицы, хотя к тому времени ему уже стало ясно, что ничего сделать не удастся. Он всё же повторяет просьбы о помощи в письме Сергею Константиновичу Исакову в Петроград и Городецкому в Москву.

Состояние больного тем временем ухудшается. У него высокая температура, мрачное душевное состояние, появляются пролежни, развивается гангрена. Вскоре он перестал есть. Он упрекает Митурича в своей болезни. «Вы завезли меня в малярийное место», — говорит Хлебников. На вопрос о том, чего бы он хотел, отвечает, что хотел бы поскорее умереть. Митурич разрывался между домом, откуда он приносил продукты, и больницей. Его мучила неопределенность — неизвестно было, дошли письма или нет, сделают друзья что-нибудь или нет, беспокоится ли о них кто-нибудь в городе. Мучило

сознание своего бессилия и то, что действительно это он предложил Хлебникову ехать в Санталово.

И Хлебников, и он сам склоняются к переезду. Чтобы поговорить о возможном переезде, Митурич отправляется к лечащему врачу домой. Врач заявляет, что положение безнадежное и что если раньше и говорили о том, что его нужно везти лечить, то это лишь из желания избавиться от такого тяжелого больного. «Больница тут ничем помочь не может, не может дать даже бинты, — говорит она. — Имеется все в очень ограниченном количестве». Хлебникову Митурич о подробностях этого разговора, конечно, не рассказал.

Тем временем в Петрограде Николай Пунин, получив письмо Митурича и оценив всю серьезность ситуации, начинает действовать. Уже 10 июня, то есть буквально сразу по получении письма, Пунин отправляет в Санталово продукты и медикаменты. Он сообщает о болезни Хлебникова Аренсу, и вместе они принимают энергичные меры для переезда Хлебникова в Петроград. Через несколько дней для больного поэта было готово место в Мариинской больнице, обеспечен академический паек и АРА (американское пособие). Митурича Пунин мог приютить у себя в квартире на Инженерной улице. Этим известием Митурич еще успел обрадовать Хлебникова.

Чуть позже Пунин, Аренс и другие собрали деньги. 17 июня деньги были отправлены в Крестцы, но Хлебникову они уже не понадобились. Получив письмо, Митурич сообщает в Петроград последние свои новости: «Спасибо, дорогой Николай Николаевич! Вы первый откликнулись на мои письма, и за Вашу помощь. Письмо я получил в Санталове и завтра иду в Крестцы к Хлебникову с приятными для него вестями. Но, кажется, уже поздно его везти, он очень плох. 4 дня тому назад мне говорила врач, что у него началась гангрена от

пролежней, и сам он, указывая на черные пятна на ногах, сказал: „гангрена“. Но если он захочет ехать, мы его все-таки повезем к Вам в Петербург. Последнее время у него все время высокая температура и очень раздраженное состояние. Он всех от себя гнал, чем очень затруднил за собой уход, что, может быть, еще ускорило его раздражение. Мнение врача — положение безнадежно, и теперь только вопрос в неделях, сколько протянет. Больница отказывается его дольше держать, и я хочу завтра перевезти Велимира к себе».

Итак, безнадежного больного «выписывают» из больницы, отправляя умирать домой. Митурич опять с большим трудом находит подводу, чтобы везти умирающего обратно в Санталово. К тому времени всякое движение причиняет Хлебникову нестерпимую боль. 23 июня приехала подвода.

Больного одели, завернули в одеяло и двинулись в путь. Хотя старались ехать медленно и осторожно, при каждом толчке Хлебников стонал. К вечеру они прибыли в Санталово. Вся деревня сбежалась смотреть.

Хлебникова положили в предбаннике той самой бани, которую недавно они рисовали вдвоем с Митуричем. Теперь на окне стоит кувшин с цветами. Маленький Вася приносит еще букет васильков. «В цветах вижу знакомые лица...» — говорит Хлебников. Он ослаб и вскоре заснул. Наутро его речь делается затрудненной, едва можно было разобрать слова. «Мне снились папаша и мамаша. Мы были в Астрахани... Пришли домой к двери, но ключа не оказалось», — говорит он. Днем он сам выпил настойки. После этого заметил: «Я знал, что у меня дольше всего продержится ум и сердце». Ночью прилетала ворона и стучала в окно.

26 июня Митурич написал письмо Л. Аренсу: «С Хлебниковым вот как: 23-го в больнице окончательно решили безнадежность положения Велимира и сомневались даже, что я его доведу до деревни (15

верст). Но сам он желал очень этого и с трепетом ждал часа отъезда из больницы. Я его помыл, переодел в свое, причем он настаивал, чтобы ему надели брюки и сапоги, что, конечно, не было осуществимо, т. к. не на что одевать, у него уже выпало мясо около тазобедренного сустава и обнажена кость. Вообще разлагается невероятно быстро, так что думать о приостановке процесса нельзя (мнение врача больницы Бассон). Сегодня третий день, как он проводит у нас. Головы не поднимает. Распухли шея, язык. Речь совершенно непонятная, едва пьет, дышит с трудом, в горле клокочет. „Уже ходит хорохоль“, — сказал один старик-мужик — предсмертное дыхание. Ему уже ничего, конечно, не нужно. Но теперь наступит другая задача: собрать все его творчество, которое потерпело „страшный разгром“, как он говорит, за весь его жизненный путь». [\[130\]](#)

27 июня на вопрос: «Трудно ли тебе умирать?» — он ответил: «Да». «Когда утром я пришел к нему, — записывает в дневнике Митурич, — то Велимир уже потерял сознание. Я взял бумагу и тушь и сделал рисунок с него, желая хоть что-нибудь запечатлеть. Правая рука у него непрерывно трепетала, тогда как левая была парализована. Ровное короткое дыхание с тихим стоном и через большие промежутки времени полный вздох. Сердце выдерживало дольше сознания. В таком состоянии Велимир находился сутки и наутро в 9 часов перестал дышать».

Но на этом земные мытарства Хлебникова еще не кончились. Митурич не хотел хоронить своего друга по православному обряду, со священником. Кладбище было в деревне Ручьи, за 12 верст от Санталова.

Митурич вспоминает:

«Узнав, что похороны намерены совершать без церковного обряда, <священник> сказал, что не

допустит покойника на православное кладбище. Тогда я отправился в Борок, в сельсовет за 3-4 версты. Там мне говорят, запинаясь, что де тоже не знают, как поступить, у них первый случай, когда хоронят „гражданским браком“. И это была не оговорка случайная, а все присутствующие там мужики принимали участие в обсуждении вопроса и не однажды употребляли выражение „гражданским браком“. Очевидно, оно имело у них универсальный смысл действия вне церковных обрядов, чего бы вопрос ни касался.

Я им заявил, что с большой охотой похороню товарища в лесу, пусть только председатель сельсовета укажет, где это можно сделать, и даст свое письменное разрешение. Тогда он сдался и решил, что нужно похоронить тело на кладбище в Ручьях, и пишет резолюцию. Когда я обратно являюсь к священнику — привезли Велимира и ждут меня. Я показываю письменное разрешение. Священник соглашается на похороны, но ни за что не позволяет пронести гроб через ворота погоста. Вокруг погоста каменная ограда. Священник указывает, что с задней стороны ограда низкая и можно легко перенести гроб через нее.

Там гроб переносится, и тут же у задней стены ограды с левой стороны роется могила. За рытьем могилы я рассказываю парням о некоторых больших идеях Велимира, заключенных в его сочинениях, чтобы они лучше знали, кого они хоронят. Вырыли небольшую могилу (глубже был гроб) между елью и сосной. Опустили гроб и засыпали. Сделав засечку на ели, обнажив древесину ее, я сделал надпись о покойнике».

В конце 1950-х годов, после смерти Петра Васильевича Митурича, его сын Май Петрович Митурич-Хлебников побывал в Ручьях на месте захоронения поэта. В те годы имя Хлебникова было в забвении и могилой никто не интересовался, никто за ней не

следил. Кладбище разрасталось, и через несколько лет могила Хлебникова была бы полностью уничтожена новыми захоронениями. Тогда еще были живы местные жители, которые принимали участие в похоронах Хлебникова. С их помощью могилу нашли. Комиссия по литературному наследию Хлебникова во главе с Борисом Слуцким и Май Митурич стали вести переговоры с Литфондом о перезахоронении Хлебникова в Москве.

На все формальности ушло несколько лет, и в 1960 году разрешение на вскрытие могилы было получено. В присутствии приезжих из Москвы, местных представителей власти и жителей Санталова и Ручьев могилу вскрыли, составили акт, и останки Хлебникова были перевезены в Москву на Новодевичье кладбище. Туда же подхоронили урну с прахом матери Велимира — Екатерины Николаевны, сестры — Веры Владимировны, а также Петра Васильевича Митурича. На надгробии решено было установить «каменную бабу». Такие изваяния ставили древние народы на вершинах курганов. Их можно встретить и в степях Причерноморья, и в Средней Азии, и в Сибири. «Каменная баба» стала одним из центральных образов в поэзии Хлебникова. Есть у него и поэма с таким названием:

Стоит с улыбкою недвижной,
Забывая неведомым отцом,
И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосцом...

И хотя «каменных баб» до наших дней сохранилось довольно много, оказалось, что увезти какую-нибудь в

Москву практически невозможно. Писатель и археолог Г. Федоров, к которому обратились за помощью Слуцкий и Митурич, вспоминает: «...выяснилось неожиданное обстоятельство. Все „каменные бабы“, стоящие на вершинах курганов, пользуются у местных жителей большой популярностью и находятся под их охраной. Перед праздниками их даже частенько моют и белят».

Казалось, поиски зашли в тупик, и все же через несколько лет «баба» была найдена. Она когда-то давно упала с кургана, на котором стояла, и стала погружаться в землю. К тому времени, когда ее нашли археологи, она ушла в землю уже по самую макушку. «„Баба“ оказалась удивительно выразительной, — пишет Г. Федоров. — Черты лица ее явно тюркские. В правой руке — нечто, напоминающее круглый сосуд, имеющий форму плода граната, который на всем Востоке является символом вечной цикличности, взаимосвязанности и взаимоперехода жизни и смерти. Скульптор, изваявший ее около полутора тысяч лет тому назад, был подлинным художником».^[131]

Эта «каменная баба» теперь установлена на Новодевичьем кладбище в Москве на надгробии Велимира Хлебникова.

Борис Слуцкий откликнулся на перезахоронение Хлебникова такими стихами:

Нет, покуда я живу,
Сколько жить еще ни буду,
Возвращения в Москву
Хлебникова
Не забуду:
Праха — в землю,
Звука — в речь.
Буду в памяти беречь.

Впрочем, сам Хлебников к смерти относился с философским спокойствием. Открытые им «законы времени» позволяли «смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия». В 1922 году, уже, вероятно, предчувствуя близкую кончину, он написал о своих будущих ощущениях: «Я умер и засмеялся. Просто большое стало малым, малое большим. Просто во всех членах уравнения бытия знак „да“ заменился знаком „нет“. Таинственная нить уводила меня в мир бытия, и я узнавал вселенную внутри моего кровавого шарика. Я узнавал главное ядро своей мысли как величественное небо, в котором я нахожусь... И я понял, что всё остается по-старому, но только я смотрю на мир против течения».

Так завершились земные странствия поэта.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через два дня после похорон, 1 июля 1922 года, за Хлебниковым из Москвы приехали С. Исаков, художник Н. Пеленкин и врач, чтобы везти его в Москву в больницу. Оказывается, москвичи только из писем Пунина узнали о болезни Велимира, а письма Митурича до них так и не дошли. Городецкий, как и Пунин, тоже постарался сделать все, что мог. Распоряжением Троцкого была приготовлена специальная палата в больнице, собраны деньги. Литерный поезд должен был специально остановиться на станции Боровенка, чтобы забрать больного. Художники также привезли в Санталово только что напечатанную книгу «Зангези», чтобы порадовать автора. Но Хлебников к тому времени уже был в могиле. В тот же день московские гости уехали, увозя с собой записи Митурича о его болезни и смерти и рисунок с умирающего Хлебникова.

Узнав о смерти Велимира Хлебникова, и в Москве, и в Петрограде друзья решили отдать дань памяти умершему товарищу. Появились некрологи за подписью Маяковского, Городецкого, других людей, знавших поэта. Даже такой непримиримый литературный противник Хлебникова, как Валерий Брюсов, откликнулся на его смерть стихотворением «Взводень звонов». На выставке «Обзор новых течений искусства» в петроградском Музее художественной культуры Татлин устроил отдел «памяти Хлебникова». Там были выставлены огромные плоскости, покрашенные в черный цвет, и на них написано: «Хлебников. Умер 28 июня 1922 года». Это производило сильное впечатление на посетителей.

Несмотря на то что «законы времени» и практически все поздние вещи Хлебникова оставались в рукописях, стараниями Митурича они стали известны друзьям. Кроме того, уже была опубликована сверхповесть «Зангези», поэтому можно было начать осмысление сделанного Хлебниковым. В сентябре 1922 года одно из своих заседаний посвящает Хлебникову Вольфила (Вольная философская ассоциация), действовавшая в Петрограде с 1919 года. Николай Пунин прочел в Вольфиле доклад на тему «Хлебников и государство времени. Время — мера мира», а Лев Аренс — «Хлебников и бюджетляне». Второй доклад вскоре был опубликован в журнале «Книга и революция».

И Пунин, и Аренс говорили о гениальных прозрениях Хлебникова, о том, что его идеи можно поставить в один ряд с открытиями Эйнштейна и Минковского, что идеи Хлебникова непонятны потому, что они смелые, слишком смелые, и только со временем человечество оценит их по заслугам. Теперь друзья не боялись сравнивать Хлебникова с выдающимися мыслителями. «Уверенность в преодолении смерти сблизает Хлебникова с Бергсоном и Федоровым», — писал Аренс.

В Москве, а затем в Петрограде состоялась выставка работ Петра Митурича «Памяти Хлебникова». Митурич показал работы санталовского цикла, «пространственную азбуку» и свои иллюстрации к произведениям Хлебникова. Статью о Хлебникове и об этой выставке опубликовал тогда же художник Николай Лапшин. Он вспоминает строки Хлебникова:

Люди изумленно изменяли лица,
Когда я падал у зари.
Одни просили удалиться,
А те молили: «Озари!»

(«Гонимый — кем, почему я знаю?..»)

Лапшин пишет: «И Хлебников удалился — умер, умер от истощения и голода, оставил свое дело незавершенным, но путь — показал, „озарил“ тех, кто мучился в бездорожье и смутно чувствовал какую-то другую правду, чем та, которой мы живем сейчас».

Старый друг Хлебникова Владимир Татлин к первой годовщине со дня смерти поэта осуществил постановку «Зангези» в Музее художественной культуры в Петрограде. Сам Татлин являлся и режиссером, и художником, и исполнителем главной роли в спектакле. Хотя спектакль большого успеха у публики не имел, дело Хлебникова таким образом продолжалось, друзья не позволяли предавать забвению его имя. С каждым годом делать это было все труднее и труднее. В стране «победившего социализма» «законы времени» и проповеди Зангези были не нужны. Хлебников оставался в глазах многих чужаком, бормотавшим непонятные слова на заумном языке и таскавшим в наволочке свои рукописи.

Горьким предостережением потомкам звучат строки Хлебникова, написанные им незадолго до смерти. В них поэт говорит не только о своей судьбе, но и о судьбе каждого творца, не понятого и не признанного современниками:

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.

Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

(«Еще раз, еще раз...»)

И все же мы закончим рассказ о Хлебникове не этими строками, а иными — его стихотворением тоже о смерти, или, скорее, о бренности нашего мира, но в то же время — о разумности, целесообразности, взаимосвязанности и в конечном счете — о торжестве бытия:

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. В. ХЛЕБНИКОВА

1885, 28 октября^[132] — в улусной ставке Малодербетовского улуса (Калмыкия) в семье попечителя улуса Владимира Алексеевича Хлебникова и его жены Екатерины Николаевны (урожденной Вербицкой) родился сын Виктор, третий ребенок в семье (в 1883-м родилась Екатерина, в 1884-м — Борис).

1886, 1 августа — крещен в Вознесенской церкви села Тундутово (Калмыкия).

1887, 25 августа — у В. А. и Е. Н. Хлебниковых родился сын Александр.

1891 — семья переезжает в село Подлужное Волынской губернии на реке Горыни, куда отец назначен управляющим Подлужанским удельным имением Ровенского уезда.

17 марта — у В. А. и Е. Н. Хлебниковых родилась дочь Вера.

1892 — Виктор подолгу с матерью, братьями и сестрами живет в Петербурге у родственников матери.

1895, 27 июля — В. А. Хлебников назначен управляющим Помаевским удельным имением Буинского уезда Симбирской губернии. Семья переезжает в село Помаево.

1897, 6 апреля — написано стихотворение «Птичка в клетке».

Август — Виктор поступает в Симбирскую классическую гимназию, в третий класс. Родители остаются в Помаеве.

1898, 7 января — В. А. Хлебников перемещен в Казанское имение Алатырского удельного округа, назначен управляющим I Казанским имением.

Лето — семья переезжает в Казань, Виктор поступает в четвертый класс Третьей казанской гимназии.

1902 — вольнослушателем посещает рисовальный класс Казанской художественной школы.

1903, май — сдает выпускные экзамены в гимназии.

7 июня — получает свидетельство о приписке к 1-му призывному участку г. Казани по отбытию воинской повинности. *Лето* — отдыхает в деревне Белая неподалеку от Казани; занимается живописью. Вероятно, участвует в экспедиции в Дагестан.

25 июля — получает аттестат зрелости.

7 августа — подает прошение о приеме в Казанский университет на математическое отделение.

22 августа — получает свидетельство на проживание в Казани как студент университета.

Осень — поступает в Казанский университет на математическое отделение физико-математического факультета.

5 ноября — участвует в студенческой демонстрации в годовщину Казанского университета (повод — смерть арестованного студента С. Л. Симонова).

6 ноября — арестован на один месяц.

3 декабря — пишет письмо родителям из пересыльной тюрьмы. После освобождения из тюрьмы на два месяца уезжает с товарищем по заключению в деревню Ярославской губернии.

1904, февраль — подает прошение об увольнении из числа студентов.

Март — апрель — живет в селе Бурмакине Ярославской губернии.

2 августа — подает прошение о зачислении в число студентов физико-математического факультета на

отделение естественных наук Казанского университета.

Август — поездка в Москву, посещение Третьяковской галереи, Исторического музея, Тургеневской читальни, Румянцевского музея.

25 августа — посылает письмо и свою пьесу «Елена Гордячкина» М. Горькому из Москвы в Петербург на адрес издательства «Знание» с надеждой на публикацию.

28 августа — зачислен на первый курс естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета. С сентября приступил к занятиям.

Середина сентября — М. Горький из Ялты возвращает рукопись с отказом в публикации.

24 ноября — написана статья «Пусть на могильной плите прочтут...».

Ведет орнитологические наблюдения. Написаны: «Посвящение русскому крестьянству», стихотворения «Как во лодочке...», «Странник, ты видел...»; статьи и прозаические фрагменты «На даче», «Нас не била плеть...», «Отчего мне сделалось...», «Была уже ночь...», «Опять смерть...», «Была тьма...», «Новое. О будущем человека», «Мысли об этике»; драматические фрагменты «Телепнев-Оболенский», «Снимки», «Комментарии». *1905* — пропустил весеннее и осеннее полугодие в университете. Университет закрыт в связи с революционными событиями.

5 апреля — на заседании Совета Общества естествоиспытателей Казанского университета решается вопрос об «ассигновании студенту В. Хлебникову 100 рублей для орнитологических сборов в Павдинской даче (Северная часть Среднего Урала)».

Начало мая — выезжает на Павдинский завод; вскоре к нему присоединяется младший брат Александр.

11 мая — 18 октября — экспедиция на Павдинский завод. Орнитологические наблюдения.

1906, 29 октября — на заседании Общества естествоиспытателей делает доклад о находке нового вида кукушки. Доклад опубликован в Приложении к протоколам общества.

3 декабря — на заседании Общества естествоиспытателей отчитывается о поездке на Урал. Незадолго до этого по предложению профессора Остроумова принят в члены-сотрудники общества. Написана проза: «Еня Воейков», «Песнь мраков», «И тогда захотелось уйти...».

1907, лето — живет на Волге в деревне Ташовке, встречается с Дамперовыми.

Начинается «словотворческий период» в творчестве. *1908* — опубликована статья «О нахождении кукушки, близкой к *siculus intermedius vachl.* в Казанском уезде Казанской губернии».

31 марта — посылает письмо Вячеславу Иванову и 14 стихотворений: «Желанье-смеяние...», «Снегич узывный...», «Там, где жили свиристели...», «Неголи легких дум...», «Негошь белых дней...», «В яробе немоты...», «И чирья чирков...», «Любоч бледности уст...», «Прамен невиностей мора...», «Вот струны...», «Я любоч жемчужностей смеха...», «Облакины плыли и рыдали...», «В золоте борона вечера...», «Охотник скрытных долей...».

22 апреля — подает прошение о переводе на пятый семестр естественного отделения Санкт-Петербургского университета.

Весна — лето — отдыхает в Судаче с матерью, сестрой Верой и братом Александром. Знакомится с Вяч. Ивановым и Б. Григорьевым. Написано «Таинство дальних», «Крымские стихи».

Начало июня — смерть старшего брата Бориса.

15 сентября — отец выходит в отставку в чине статского советника.

18 сентября — Виктор зачислен в Санкт-Петербургский университет на третий курс естественного отделения физико-математического факультета. Переезжает в Петербург.

Сентябрь — знакомится с В. Каменским в редакции журнала «Весна».

11 октября — посещает вечер «Северной свирели», где выступают Городецкий, Ремизов, Рославлев, Новицкий.

16 октября — в газете «Вечер» без подписи опубликовано «Воззвание учащихся славян», автор которого В. Хлебников.

17 октября — в журнале «Весна» (№ 9) опубликовано «Искушение грешника».

28 ноября — письмо к матери: «...Веду жизнь „Богемы“. Петербург действует как добрый сквозняк и все выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства».

Декабрь — уезжает в Москву; посещает Кремль, Третьяковскую галерею. Оттуда едет в Святошино под Киевом.

28 декабря — письмо к матери из Москвы: «...Москва — первый город, который победил и завоевал меня».

Конец декабря — написаны пьеса «Снежимочка», статья «Курган Святогора».

1909, 5 января — переезжает в Святошино под Киевом, где регулярно встречается с двоюродными братом и сестрой, Колей и Марусей Рябчевскими.

10 января — в письме В. Каменскому из Святошина посылает «Скифское», «Крымское», «Курган Святогора».

Март — в Петербурге открываются выставки левых художников: «Импрессионисты» (организована Кульбиным, участники: Бурлюки, Каменский, Матюшин,

Гуро, Григорьевы, Ларионов, Гончарова и др.) и «Венок — Стефанос».

14 апреля — на «башне» Вяч. Иванова начинает работу Поэтическая Академия (Про-Академия).

Май — Хлебников возвращается из Святошина в Санкт-Петербург.

31 мая — в письме отцу из Санкт-Петербурга сообщает, что виделся с Вяч. Ивановым: «Он весьма сочувственно отнесся к моим начинаниям».

3 июня — Вяч. Иванов посвящает Хлебникову стихотворение «Подстерегателю».

10 июня — в письме Вяч. Иванову посылает «Зверинец». В этот же день уезжает в Святошино.

Лето — семья Хлебниковых вместе с Виктором живет в Святошине под Киевом.

Роман с Марусей Рябчевской. Написаны «Внучка Малуши», «Велик день». Складывается замысел «Детей Выдры». Поездка в Баку.

8 августа — письмо Каменскому в Пермь из Святошина. Задумано «сложное произведение „Поперек времен“». Защищает А. Ремизова, обвиненного в плагиате.

Осень — посещает Пушкинский семинарий Венгерова. Регулярно бывает на «башне» у Вяч. Иванова, общается с М. Кузминым.

17 сентября — подает заявление в Санкт-Петербургский университет о переводе на факультет восточных языков в разряд санскритской словесности.

Сентябрь — семья Хлебниковых переезжает в Лубны, брат Александр — в Одессу.

15 октября — Хлебников зачислен на первый курс славяно-русского отделения историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

16 октября — в письме матери из Санкт-Петербурга сообщает, что познакомился с Гумилёвым, Ауслендером,

Кузминым, Гофманом, гр. Толстым, Гюнтером. «Я подмастерье, и мой учитель — Кузмин».

13 ноября — письмо отцу из Санкт-Петербурга: «Я член Академии стиха, очень поглупел, два раза читал свои стихи на вечерах...»

30 ноября — смерть И. Ф. Анненского.

Осень — написаны сатиры: «Передо мной варился вар», «Карамора № 2-й», посвященные жизни литературной богемы Петербурга.

4 декабря — М. Кузмин записывает в дневнике, что Хлебников в отчаянии <из-за смерти Анненского>.

30 декабря — письмо семье из Санкт-Петербурга: «...Итак, я — Ричард Львиное Сердце. Меня зовут здесь Любек и Велимир».

Конец года — читает у А. А. и Н. Е. Экстер «Журавля», на «башне» у Вяч. Иванова — «Зверинец».

В течение года — написаны: поэмы «Мария Вечора», «Журавль», пьесы «Чертик», «Госпожа Ленин», «Маркиза Дээес», проза «Происшествие в помещичьей усадьбе», «Суровая прелесть гор», «Заметка о детском рисовании», «Заметки по психологии». Задумывает автобиографическую повесть в стихах.

1910, начало года — В. Каменский приводит Хлебникова к М. Матюшину и Е. Гуро.

Январь — февраль — живет в доме купца Михайлова (Волкова деревня), где дает уроки дочери хозяина Лиде.

Февраль — знакомство с Бурлюками (у Матюшина). Переезжает из Волковой деревни к Бурлюкам на Каменноостровский проспект. Родители переезжают в Алферово Ардатовского уезда Симбирской губернии.

Март — в Санкт-Петербурге открывается выставка «Треугольник»; среди участников: Бурлюк, Кульбин, Евреинов, Экстер, Гуро, Матюшин. Экспонируется рукопись и рисунок Хлебникова. Выходит сборник

«Студия импрессионистов» (с участием Хлебникова), приуроченный к выставке «Треугольник».

15 марта — в журнале «Вести студенческой жизни» (СПб.) опубликована статья «Метабиоз» [«Опыт построения...»] без подписи. *Весна, лето* — гостит в Чернянке у Бурлюков в одно время с М. Ларионовым. Ларионов пишет портрет Хлебникова.

Лето — отдыхает у Рябчевских в Одессе.

Сентябрь — брат Александр перешел на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

Декабрь — в письме отцу из Санкт-Петербурга сообщает, что намерен выйти из университета. Поездка в Москву. Оттуда едет к родителям в Алферово. Туда же приезжает сестра Вера.

В течение года — написаны: поэма «Змей поезда», стихотворения «Алферово», «Мы желаем звёздам тыкать...» и др.

1911, 25 февраля — письмо брату Александру из Алферова: «Я усердно занимаюсь числами и нашел довольно много <закономерностей>».

11 апреля — в Санкт-Петербурге открывается II выставка «Союза молодежи», на которой показан портрет Хлебникова работы В. Бурлюка.

Апрель — в письме из Алферова М. В. Матюшину посылает «Велик день», «Аспарух», «Смерть Паливоды», «Девий бог».

17 июня — исключен из Санкт-Петербургского университета за невзнос платы.

Лето — в Алферове написана поэма «Любовь проходит страшным смерчем...».

Сентябрь — едет на теплоходе по Волге в Астрахань. Письмо к родным: «...пишу на пароходе... читаю Келлера „Семь легенд“... Скоро Самара».

5 сентября — письмо матери из Астрахани. Живет у Бориса Лаврентьевича (двоюродный брат) и Зинаиды

Семеновны Хлебниковых.

Осень — письмо Хлебникова министру А. А. Нарышкину «Очерк значения чисел и о способах предвидения будущего».

Декабрь — в журнале «Природа и охота» (№ 12) выходит статья А. В. и В. В. Хлебниковых «Орнитологические наблюдения на Павдинском заводе».

31 декабря — в Петербурге открывается литературно-художественное кабаре «Бродячая собака», завстегдатаем которого около года будет Хлебников.

В течение года — написаны: поэмы «Лесная дева», «Медлун и Лейли», «Песнь мне»; проза «Белой земли люди...».

1912, 11 марта — В Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества открылась выставка «Ослиный хвост». На обороте пригласительного билета Хлебников записал стихотворение «Размышление развратника».

Весна — лето — Хлебников гостит в Чернянке у Бурлюков. Пишет повесть о России времен Петра I.

Май — в Херсоне издана книга Хлебникова «Учитель и ученик. Разговор» с рисунками В. Бурлюка.

Начало лета — недолго гостит у Рябчевских в Одессе. Читает Шиллера, Боккаччо, Байрона, Мятлева.

Вторая половина июля — возвращается из Одессы в Чернянку. Письмо А. Белому о «Серебряном голубе»; посылает ему книгу «Учитель и ученик».

Август — в Москве издана поэма «Игра в аду» А. Крученых и В. Хлебникова с рисунками Н. Гончаровой.

В Чернянке написано стихотворение «Где прободают тополя жуть...», посвященное Надежде Бурлюк.

Ноябрь — в Москве издана книга А. Крученых и В. Хлебникова «Мирсконца». Ненадолго приезжает в

Петербург. В Тенишевском училище на диспуте «Союза молодежи» знакомится с В. Маяковским.

Конец ноября — начало декабря — в Москве Хлебников принимает участие в написании манифеста для сборника «Пощечина общественному вкусу» (выйдет 18 декабря).

22 декабря — в Москве переписана поэма «Любовь приходит страшным смерчем».

31 декабря — Хлебников читает свою новую поэму «Суд над старым годом» у Г. Кузьмина; поэма посвящена матери Г. Кузьмина. *В течение года* — написаны: поэмы «Напрасно юноша кричал», «Шаман и Венера»; рассказы «Око», «Жители гор»; статьи «Мы обвиняем», «О бродниках», «Образчик словоновшеств», «Каким образом в со», «Ухо словесника», «Изберём 2 слова», «Мы хотим»; «Открытое письмо Вяч. Иванову».

1913, январь — в Москве издана книга А. Крученых «Помада», включающая три стихотворения Хлебникова с подписью Е. Лунев.

Февраль — в Москве издана листовка «Пощечина общественному вкусу».

13 февраля — ко дню рождения Надежды Бурлюк Хлебников пишет стихотворение «Утренняя прогулка». Переезжает из Москвы в Петербург.

16 февраля — на заседании Цеха поэтов в состав Цеха кооптированы В. Хлебников, Н. Пунин и др.

6 марта — группа поэтов «Гилея» (Хлебников, Каменский, Крученых, Бурлюки, Маяковский, Лившиц, Гуро) объединилась с обществом художников «Союз молодежи».

Март — в Москве издан сборник стихов и рисунков «Требник троих» (В. Хлебников, В. Маяковский, Д. Бурлюк). Встречается с Янко Лавриным — словенским литератором и переводчиком. *21 марта* — в петербургской газете «Славянин» (орган духовного, политического и экономического сближения славян)

опубликована статья «О расширении пределов русской словесности».

24 марта — в газете «Славянин» опубликован рассказ «Закаленное сердце» за подписью В-кий (воскресный тематический номер, посвященный зарубежной Руси и Черногории). Диспут «Союза молодежи» в Троицком театре «О современной литературе». Доклад В. Маяковского «Пришедший сам», на котором присутствует Хлебников.

28 марта — в газете «Славянин» опубликована статья «Кто такие угророссы?».

Апрель — уезжает к родителям в Астрахань.

23 апреля — смерть Елены Гуро в Уусикиркко.

Май — в Петербурге вышла книга А. Крученых и В. Хлебникова «Бух лесиный».

Лето (?) — написана статья «Бесплатные советы» в связи с учреждением Земства в Астрахани.

7 июля — в газете «Славянин» опубликована статья «Западный друг».

Сентябрь — переезд из Астрахани в Петербург.

Октябрь — в Москве издана книга А. Крученых и В. Хлебникова «Слово как таковое» (написана Крученых при участии Хлебникова).

3 ноября — в Петербурге в зале Тенишевского училища проходит лекция Д. Бурлюка «Пушкин и Хлебников».

11 ноября — в Москве в Политехническом музее Д. Бурлюк читает лекцию «Пушкин и Хлебников». Хлебников выступает. Возвращается в Петербург.

27 ноября — в «Бродячей собаке» проходит вечер поэтов. Ссора с Мандельштамом.

Декабрь — в Петербурге издана книга «Ряв! Перчатки 1908-1914 гг.».

7 декабря — запись в дневнике: «Провёл сутки в Куоккала у Пуни. Ссора».

30 декабря — знакомство с Р. Якобсоном. Якобсон дает Хлебникову книгу Сахарова «Сказания русского народа», отразившуюся позже в «Ночи в Галиции».

31 декабря — Хлебников и Якобсон встречают Новый год в «Бродячей собаке». Хлебников читает «Кузнечика».

В течение года — написаны: поэмы «Марина Мнишек», «ХаджиТархан»; рассказы «Чернея макушкой стриженной», «Лубны — своеобразный глухой город», «Коля был красивый мальчик»; статьи «Памятники», «А Китай растет в землю», «Болтовня около красоты» (Песни 13 весен), «Ряв о железных дорогах».

1914, 11 января — в Петербурге выходит дополненное издание поэмы «Игра в аду» с рисунками К. Малевича и О. Розановой и предисловием С. Городецкого.

10 января — на заседании Цеха поэтов Хлебников читает стихотворение, состоящее из знаков препинания.

20 января — самоубийство поэта-эгофутуриста Н. В. Игнатьева. Хлебников откликнулся стихотворением-листовкой «И на путь...».

Февраль — выходит сборник «Рыкающий Парнас» (В. Хлебников, Д. Бурлюк, В. Каменский, В. Маяковский и др.), тут же конфискованный.

1 февраля — первая лекция Ф. Маринетти о футуризме в Петербурге, в зале Калашниковой биржи. Хлебников откликнулся листовкой «Сегодня иные туземцы...» (опубликована 2 февраля в газете «Биржевые ведомости»). Ссора с Н. Кульбиным и футуристами.

4 февраля — вторая лекция Ф. Маринетти, на которой Хлебников не присутствует. Посещает выставку Ционглинского, оттуда с Чуковским уезжает в Куоккалу.

11 февраля — участвует в вечере «Наш ответ Маринетти», который проходит в Концертном зале при

Шведской церкви.

15 февраля — открытое письмо-протест, осуждающее издательскую деятельность Д. Бурлюка.

1 марта — запись в дневнике: «Я уехал из Петербурга в первый день Весны. В Москве 10 дней — подохну от скуки».

15 марта — письмо Д. Бурлюка Хлебникову с предложением издать второй том собрания сочинений.

Середина марта — уезжает из Москвы в Астрахань, где проводит весну и лето.

Апрель — май — письмо к А. Крученых из Астрахани с просьбой издать «Девий бог» или «Дети Выдры» у Матюшина.

4 мая — запись в дневнике: «Предложение руки З. С. Хлебниковой».

Май — письмо В. Каменскому из Астрахани: «Мы образуем Правительство Председателей Земного Шара. Готовь список».

19 июля — начало Первой мировой войны.

Лето — написаны поэмы «Жуть лесная», «Как быстро носятся лета...».

31 августа — запись в дневнике: «...приехала Зинаида Семеновна. Я расстался с домом предков. Родителями изгнан».

Осень — переезд в Петроград.

Октябрь — письмо А. В. Хлебникова отцу из Москвы о Викторе: «Он к жизни был привязан одной футуристической идеей. Теперь, когда она блекнет и рвется, он должен себя чувствовать плохо».

11 октября — письмо Хлебникова Н. В. Николаевой: «Я должен разорвать с прошлым и искать нового для себя».

Ноябрь — переезд в Астрахань. Письмо Матюшину из Астрахани: «Ехал из Санкт-Петербурга 5 дней... <...> Роюсь в Брокгаузе». Примечания к «Новому учению о войне». Живет у родителей. В Петрограде изданы

«Битвы 1915–1917 гг. Новое учение о войне» с предисловием А. Крученых.

1915, февраль — в Петрограде выходит сборник «Стрелец», объединивший символистов и футуристов.

22 февраля — 10 марта — написана повесть «Ка». *Весна* — письмо издателю «Стрельца» А. Е. Беленсону из Астрахани; посылает рассказ «Сон» для второго выпуска «Стрельца». *Май* — в Москве вышел сборник «Весеннее контрагентство муз» с участием Хлебникова.

Июнь — июль — живет в Михалево у Бурлюков или в деревне Акулова Гора. Работает над биографией Пушкина, изучает «Дневник» М. Башкирцевой. Написана статья «Он сегодня».

Конец июля — приезд в Петроград.

21 августа — письмо семье из Куоккалы: «Таким я уйду в века — открывшим законы времени...» Ожидает призыва в армию. *Сентябрь* — знакомство с Верой Александровной Будберг и с семьей Бриков.

24 октября — запись в дневнике: «Маяковский назвал меня королем русской поэзии».

14 ноября — в Москве в студии искусства театра С. Вермеля «Башня» состоялась лекция В. Хлебникова «Прошлое, настоящее и будущее языка».

Декабрь — в Петрограде издан сборник «Взял: Барабан футуристов» (В. Маяковский, В. Хлебников, В. Каменский, Б. Пастернак, В. Шкловский, О. Брик). В Москве издан сборник «Пета» с участием Хлебникова. Встречи с Ф. Платовым.

17 декабря — присутствовал на «Последней футуристической выставке картин 0,10», где К. Малевич представил «Черный квадрат».

28 декабря — написано стихотворение «Старый скрипач играл для друзей...».

В течение года — написаны: «Ка», «Я пошел к Асоке», «Сон», «Мы и дома», «О пользе изучения сказок», «З и его околица».

1916, начало года — в Академии художеств Хлебников читает стихотворение «Где волк воскликнул кровью...», где присутствуют О. Мандельштам, Г. Иванов, Н. Бруни, А. Лурье, Л. Бруни, П. Митурич.

Январь — живет в Москве с братом. В студии С. Вермеля делает доклад «Прошлое, настоящее и будущее языка». Знакомится с Дм. Петровским.

Февраль — в Петрограде издан сборник «Очарованный странник», в Москве — сборник «Четыре птицы», в обоих участвует Хлебников.

21 февраля — на квартире Георгия Золотухина в Москве основан «Союз 317».

29 февраля — Хлебников и Дм. Петровский посещают Вяч. Иванова (в Москве), который дает подпись, удостоверяющую его вступление в Президенты земного шара.

Через несколько дней посещают о. Павла Флоренского в Сергиевом Посаде.

Весна — в Москве издан сборник «Московские мастера» с участием Хлебникова.

Март — в Петрограде издана брошюра Хлебникова «Время мера мира».

Март — начало апреля — уезжает в Астрахань.

5 апреля — в Москве вышел «Второй сборник Центрифуги» с участием Хлебникова.

8 апреля — призван на военную службу и отправлен из Астрахани в Царицын. Написана «Труба марсиан».

15 мая — воинская комиссия в Царицыне: назначен в Казанский военный госпиталь на испытание.

19 мая — написано стихотворение «Где, как волосы девицыны...».

25 мая — в Царицыне проходит лекция футуристов «Чугунные крылья»; Хлебников присутствует нелегально.

Конец мая — написано стихотворение «Татлин, тайновидец лопастей...».

Июнь — июль — письмо Н. Кульбина Хлебникову: констатирует его «состояние психики, которое никоим образом не признается врачами нормальным» (в связи с хлопотами по освобождению поэта от воинской службы).

Июль — в Петрограде вышел второй сборник «Стрелец» с участием Хлебникова. В Харькове издана «Труба марсиан».

Начало августа — письмо Матюшину из Астрахани, где сообщает, что получил отпуск до 15 сентября, до 15 августа будет в Астрахани.

20 августа — уезжает в Харьков к Н. Асееву, Г. Петникову, живет у Синяковых.

Сентябрь — пишет «Письмо двум японцам». Ждет в Астрахани второй комиссии. В письме Матюшину сообщает, что находится еще в отпуске.

Ноябрь — декабрь — письмо Петникову из Царицына: «3 недели среди сумасшедших, и опять комиссия впереди». В Харькове издана «Ошибка Смерти». Хлебников переведен из Астрахани в Саратов (из письма Г. Петникову: «Я рядовой 90 зап. пех. полка, 7 роты I взвода»). Написаны «Ляля на Тигре», поэма «Олег Трупов».

1917, 17 февраля — подает докладную записку на имя начальника учебной команды с ходатайством о переводе в действующую армию (резолюция: отказать).

Начало марта — получает пятимесячный отпуск, едет в Харьков, затем вместе с Г. Петниковым в Москву.

10 марта — написано стихотворение «Народ поднял верховный жезел...».

19 апреля — написано «Воззвание Председателей Земного Шара».

Вторая половина апреля — получает в Харькове воинскую повестку, проходит 10-дневную проверку на «Сабуровой даче» (психиатрическая лечебница),

получает 5-месячный отпуск. Открытое письмо М. Горькому о «Правительстве Земного Шара».

12 мая — по дороге из Москвы в Петроград задержан на станции Тверь.

Май — поселяется у Дм. Петровского в селе Смоленском на окраине Петрограда. Участвует в работе Литературной курии Союза деятелей искусств; в Празднике Искусств (в честь Займа свободы).

Начало августа — приезжает в Астрахань, побывав в Киеве, Харькове, Таганроге, Царицыне.

Октябрь — возвращается в Петроград. Пишет стихотворения «Огневоду», «Воин морщинистолобый...». Пишет «Письмо в Мариинский дворец» («Правительство Земного Шара постановило: считать Временное правительство временно не существующим...»).

Ноябрь — в числе других 11 человек выходит из Блока левых Союза деятелей искусств. Переезжает в Москву. Готовит к печати прозаические произведения и пьесу «Тринадцать в воздухе», которые предполагает издать Н. Д. Филиппов.

Конец декабря (или начало января 1918-го) — переезжает в Астрахань.

1918, январь — наблюдает революционные события в Астрахани.

Февраль — в Харькове выходит «Северный сборник» с участием Хлебникова.

Весна — переезжает в Москву. Живет на квартире у московского врача А. П. Давыдова.

7 мая — выступает на открытии московского поэтического кафе «Венок искусств».

Конец мая — июль — посещает Нижний Новгород. Выходит нижегородский журнал «Без муз» (№ 1) с участием Хлебникова. Посещает Казань, возвращается в Нижний Новгород. Публикует стихотворение «Нижний» в «Рабоче-крестьянском Нижегородском листке».

Август — приезжает в Астрахань.

12-13 сентября — отъезд экспедиции для выбора места под заповедник в дельте Волги (среди участников, кроме Хлебникова, Н. Подъяпольский, Р. Ивнев). На теплоходе диктует Ивневу два манифеста: «Индорусский союз» и «Азосоюз».

21 сентября — участвует в заседании Союза изобретателей в Астрахани. Пишет статью «Союз изобретателей».

Октябрь — в Петрограде издан сборник «Ржаное слово: Революционная хрестоматия футуристов» с участием Хлебникова. Задумано издание произведений Хлебникова: подписан договор между литературно-издательским отделом Наркомпроса в Петрограде и объединением футуристов ИМО. Публикует в астраханской газете «Красный воин» заметку «Школа поэтов» (здесь же до конца года опубликованы: заметки «Октябрь на Неве», «Открытие народного университета», «Открытие художественной галереи», «Астраханская Джиоконда»; стихотворение «Ты же, чей разум стекал...»).

Конец декабря — написана статья «Лебедия будущего».

1919, январь — сотрудничает в Информационном отделе Политотдела 11-й Армии и возглавляет при нем литературную комиссию.

Конец февраля — начало марта — выезжает из Астрахани в Москву, где решается вопрос об издании его сочинений.

9 марта — в харьковских «Известиях» опубликовано стихотворение «Свобода приходит нагая».

10 марта — написана поэма «Каменная баба».

Апрель — в Москве в гостях у Бриков написано стихотворение «Случай». Получает прописку в Москве. На заседании Международного бюро отдела ИЗО Наркомпроса выступает с предложением «обращаться

по делам искусств по радио». Написаны: статья «Свояси» как предисловие для Собрания сочинений, статья «Художники мира!» для журнала «Интернационал искусств», для него же — статьи «Ритмы человечества», «Голова вселенной», «Колесо рождений». Отъезд из Москвы в Харьков, где встречается с сестрами Синяковыми, Р. Райт, молодой поэтессой Е. Неймайер.

9 мая — написано стихотворение «Туда, туда, где Изанаги...».

11 мая — в Московском лингвистическом кружке обсуждение доклада Р. Якобсона «О поэтическом языке произведений Хлебникова».

25 июня — Харьков занимает Добровольческая армия А. И. Деникина.

Лето — Хлебников спасается от призыва в Добровольческую армию в психиатрической клинике на «Сабуровой даче» под Харьковом. Врач В. Я. Анфимов изучает по Хлебникову «закономерности творческой фантазии».

Осень — на «Сабуровой даче» написаны поэма «Лесная тоска» (переработана в 1921-м), рассказ «Охота», стихотворение «Лунный свет», поэма «Поэт».

11 декабря — войска Красной армии заняли Харьков.

В течение года — написаны: повесть «Есир», статьи «Говорят, стихи должны быть понятны...», «Когда-нибудь человечество...».

1920, начало года — при содействии А. Н. Андриевского переезжает в Харьков, поселяется (до весны) в общежитии. Посещает литературную студию «Грядущее».

23 февраля — письмо О. М. Брику из Харькова, где сообщает, что болел тифом.

Весна — написаны поэма «Ночь в окопе», «Азы из узы» (основные тексты).

30 марта — закончена поэма «Три сестры».

Апрель — написано стихотворение «Москвы колымага». В Харькове издан сборник «Харчевня зорь» (С. Есенин, А. Мариенгоф, В. Хлебников).

19 апреля — в Харьковском городском театре имажинисты устраивают вечер с шутовским посвящением Хлебникова в «Председатели земного шара».

Май — написаны стихотворение «Праздник труда», поэма «Ладомир» (издана в Харькове в июне).

Июнь — написаны поэма «Горе и смех», стихотворение «Дикий хорон».

Июль — написана поэма-палиндром «Разин».

Август — записи в дневнике: «...совершенно исчезли чувства к значениям слов. Только числа»; «Найдено „уравнение смерти“»; «зацвело дерево мысли».

22 августа — Хлебникову выдано Харьковским политпросветом удостоверение о командировке в Баку и аналогичное удостоверение о командировке в Астрахань.

Август (?) — сентябрь — поездка в Ростов; постановка «Ошибки смерти» в местном театре. Присутствует в Баку на Первом съезде народов Востока. В качестве делегата принимает участие в Первой конференции Пролеткультов кавказско-донецких организаций в Армавире.

Конец сентября — начало октября — поездка в Дагестан. *Октябрь* — возвращение в Баку: приглашен к сотрудничеству в «Кавказской коммуне»; поступает на службу в БакКавРОСТА; зачислен вольнонаемным лектором школьно-библиотечной части политпросвета Волжско-Каспийской флотилии. Встречается с Вяч. Ивановым, преподававшим в Бакинском университете. В бакинской газете «Коммунист» (29 окт.) опубликовано стихотворение «От зари и до ночи».

2 ноября — письмо к родным: «...провел две недели в ауле около Дербента, среди горцев».

Декабрь — в бакинском журнале «Военмор» (5 дек.) опубликована статья «В мире цифр». В Бакинском матросском университете «Красная звезда» читает доклад «Опыт построения чистых законов времени в природе и обществе», «Коран чисел». Написаны стихотворения «Кто-то дикий, кто-то шалый...», «Замороженный Озирис».

1921, январь — в Москве издан сборник «Лирень» с участием Хлебникова. В Баку выходит сборник «Биель» (совместно с А. Крученых). Сообщает в письме к В. Д. Ермилову об открытии законов времени. Написано стихотворение «Самострел любви».

16 февраля — написано стихотворение «Тайной вечера глаз...».

Март — в Москве издан сборник В. Хлебникова «Ночь в окопе».

13 апреля — получает право выезда в Персию.

14 апреля — на судне «Курск» прибывает в Энзели как участник Гилянского похода Красной армии (на помощь Гилянской республике в Персии).

Май — написано стихотворение «Пасха в Энзели». Живет в селении Халхал (Зоргам), выполняя обязанности домашнего учителя в семье талышского хана. В газете «Красный Иран» публикуются стихотворения «Навруз труда» (5 мая), «Кавэ-Кузнец» (15 мая), «Иранская песня» (29 мая).

Июнь — читает доклады в гарнизонном клубе г. Решта: «Правда о времени», «Судьба в мышеловке». В газете «Красный Иран» (19 июня) опубликовано стихотворение «Курильщик Ширы». Написаны стихотворения «С утробой медною» (1 часть), «Юноша».

Июль — прибывает в Шахсевар, сообщает семье, что служит «сотрудником русского еженедельника на пустынном берегу Персии». Написаны стихотворения

«Ночи запах — эти звезды...», «Воздушный воздух...», «Стеклянный шест покоя...», «О, единица...», «Видите персы...», «Был черен стол речилища...», «Паук мостов опутал...», «И вот зеленое ущелье Зоргама...».

Конец июля — на пароходе «Опыт» вместе с отступающим красным отрядом прибывает в Энзели, оттуда — в Баку.

Август — уезжает из Баку в Железноводск. Живет на даче у Самородовых. Пишет стихотворение «Детуся!..», посвященное Юлии Самородовой.

Сентябрь — октябрь — сообщает в письме отцу из Пятигорска: «По дороге ограбили и около Хасавюрта выбросили из вагона». Служит ночным сторожем в ТерРОСТА.

Читает лекции в Пятигорском университете. Бывает на радиостанции при Доме печати.

В бакинском журнале «Искусство» (№ 2-3) опубликованы стихи Хлебникова и некрологи А. Блоку и Н. Гумилёву, написанные С. Городецким. Написаны: стихотворения «Голод», «Грубый язык», «Судьба закрыла сон зевком...», «Громадным кулачищем шаря...»; поэмы «Ночь перед Советами», «Председатель чеки»; статьи «Знаки равенства», «Радио будущего».

Ноябрь — в пятигорской газете «Правда молодежи» опубликовано стихотворение «Союзу молодежи». Написаны: стихотворения «В тот год, когда девушки...», «Сегодня Машук, как борзая...», «Перед закатом в Кисловодск...»; поэмы «Настоящее», «Берег невольников», «Шествие осеней Пятигорска», «Прачка», «Переворот в Владивостоке», «Ночной обыск».

Декабрь — прервав курс лечения, уезжает из Пятигорска в Москву. Поселяется в общежитии ВХУТЕМАСа. Вместе с В. Маяковским, А. Крученых, В. Каменским выступает с чтением стихов на вечере студентов ВХУТЕМАСа. В Москве выходит сборник «Заумники» с участием Хлебникова. Написаны:

стихотворения «На глухом полустанке...», «Москва, ты кто?..»; поэмы «Труба Гульмуллы», «Взлом вселенной»; рассказ «Малиновая шашка».

1922, январь — некоторое время живет в квартире Бриков в Водопьянном переулке с В. Маяковским (пока Брики за границей). В Москве выходит сборник «Часы: Час первый» с участием Хлебникова. Написаны: черновое предисловие к «Доскам судьбы»; стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...»; поэмы «Уструг Разина» (закончена), «Вы, привыкшие видеть жизнь...»; рассказ «Перед войной».

Февраль — в Москве выходит в виде листовки «Взор на 1923 год», издан «Вестник Велимира Хлебникова» (№ 1) (издатели С. Исаков и П. Митурич). Хлебников присутствует на лекции Маяковского «Чистка поэтов» в Политехническом музее. Написаны стихотворения «Ну, тащися, Сивка...», «Я призываю вас шашкой...».

Март — издан «Вестник Велимира Хлебникова» (№ 2). В «Известиях ВЦИК» (№ 5) опубликовано стихотворение «Эй, молодчикикупчики...» (по настоянию Маяковского, там же его «Прозаседавшиеся»). В Москве выходят журналы «Маковец» (№ 1), «Наш журнал» (№ 2) с участием Хлебникова. Написана поэма «Синие оковы».

Апрель — живет у Е. Д. Спасского, переселяется к Куфтиным. Встречает Пасху у Исаковых с П. Митуричем. Написаны: статья «Ветка вербы»; рассказ «Железное перо на ветке вербы».

1 мая — встреча у В. Маяковского: В. Хлебников, В. Каменский, Б. Пастернак, Н. Асеев, А. Крученых, Кушнер, О. Брик, А. Луначарский.

Май — в Москве издан лист 1 из «Досок судьбы».

14 мая — П. Митурич увозит Хлебникова из Москвы в Санталово Новгородской губернии (где живет семья Митурича) в надежде его подлечить.

16 мая — прибывают в Санталово. У Хлебникова начинается лихорадка.

26 мая — состояние Хлебникова ухудшается. Посылают подводу за доктором в Крестцы, он отказывается ехать.

28 мая — Хлебникова привозят в Крестцы в больницу.

Июнь — Хлебников находится в больнице, у него развивается гангрена. Врач констатирует его состояние как безнадежное.

22-23 июня — возвращение в Санталово.

27 июня — состояние больного всё ухудшается. П. Митурич делает портрет умирающего Хлебникова.

28 июня — в девять утра Велимир Хлебников скончался.

29 июня — похоронен на погосте в деревне Ручьи Новгородской губернии.

В 1960 году прах В. В. Хлебникова перенесен на Новодевичье кладбище в Москве.

БИБЛИОГРАФИЯ [\[133\]](#)

I. Основные издания произведений В. В. Хлебникова
Прижизненные издания

Студия импрессионистов / Н. Кульбин, Д. и Н. Бурлюки, В. Хлебников, Н. Евреинов; Ред. Н. Кульбин. СПб., 1910.

Садок судей / В. Каменский, Е. Низен, Н. Бурлюк, Е. Гуро, С. Мясоедов, Д. Бурлюк, В. Хлебников. Сб. 1. СПб.: Журавль, 1910.

Крученых А., Хлебников В. Мирсконца / Обл. Н. Гончаровой; Рис. М. Ларионова, Н. Роговина, Н. Гончаровой, В. Татлина. М., 1912.

Хлебников В. Учитель и ученик: Разговор / Рис. В. Бурлюка. Херсон, 1912.

Крученых А., Хлебников В. *Игра в аду: Поэма* / Рис. Н. Гончаровой. М., 1912.

Пощечина общественному вкусу: Стихи, проза, статьи / Д. и Н. Бурлюки, А. Крученых, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников. М., 1912.

Садок судей / Б. Лившиц, В. Хлебников, Д. и Н. Бурлюки, В. Маяковский, А. Крученых, Е. Гуро, Е. Низен, Милица. Сб. 2. СПб.: Журавль, 1913.

Требник троих: Сб. стихов и рис. / В. Хлебников, В. Маяковский, Д. Бурлюк. М., 1913.

Хлебников В. Ряв!: Перчатки 1908–1914 гг. / Рис. К. Малевича, Д. Бурлюка. СПб.: ЕУЫ, 1913.

Дохлая луна: Стихи, проза, статьи, рисунки, офорты / В. Хлебников, В. Маяковский, А. Крученых, Б. Лившиц, Д., Н. и В. Бурлюки. М., 1913.

Трое: Сб., посвященный памяти Е. Гуро / В. Хлебников, А. Крученых, Е. Гуро. СПб.: Журавль, 1913.

Крученых А., Хлебников В. Игра в аду / Рис. К. Малевича, О. Розановой. 2-е изд., доп. СПб.: ЕУЫ, 1914.

Хлебников В. Творения, 1906-1908 гг. / Рис. В. и Д. Бурлюков. Т. 1. М., 1914. Прил.: статьи Д. Бурлюка и В. Каменского о Хлебникове.

Хлебников В. Изборник стихов, 1907-1914 гг. / Рис. П. Филонова, К. Малевича, портрет Хлебникова работы В. Маяковского. СПб.: ЕУЫ, 1914.

Молоко кобылиц: Рисунки. Стихи. Проза / А. Экстер, В. Хлебников, Д., В. и Н. Бурлюки, А. Крученых, Б. Лившиц, В. Маяковский, И. Северянин, В. Каменский. М.: Гилея, 1914.

Рыкающий Парнас / Д. Бурлюк, В. Каменский, В. Маяковский, В. Хлебников и др. СПб.: Журавль, 1914.

Крученых А., Хлебников В. Тэ ли лэ / Рис. О. Розановой, Н. Кульбина. СПб.: ЕУЫ, 1914.

Старинная любовь. Бух лесиный / Рис. М. Ларионова, О. Розановой, Н. Кульбина. 2-е изд., доп. СПб.: ЕУЫ, 1914.

Первый журнал русских футуристов / В. Маяковский, В. Шершеневич, В. Хлебников, И. Северянин и др. № 1/2. М.: Гилея, 1914.

Хлебников В. Битвы 1915-1917 гг. Новое учение о войне / Предисл. А. Крученых. Пг.: Журавль, 1914.

Стрелец / А. Блок, Д. Бурлюк, В. Каменский, А. Крученых, М. Кузмин, А. Ремизов, Ф. Сологуб, В. Хлебников и др. Сб. 1. Пг.: Стрелец, 1915.

Взял: Барабан футуристов / В. Маяковский, В. Хлебников, В. Каменский, Б. Пастернак, Н. Асеев, В. Шкловский, О. Брик. Пг., 1915.

Очарованный странник: Альманах весенний / Е. Гуро, Р. Ивнев, В. Хлебников и др. Пг., 1916.

Четыре птицы: Стихи / Д. Бурлюк, Г. Золотухин, В. Каменский, В. Хлебников. М., 1916.

Московские мастера: Журнал искусств / В. Хлебников, Д. Бурлюк, Н. Асеев, Т. Чурилин и др. М.,

1916.

Второй сборник Центрифуги / С. Бобров, Божидар, Р. Ивнев, Б. Пастернак, В. Хлебников и др. М.: Центрифуга, 1916.

Стрелец / М. Кузмин, В. Розанов, Ф. Сологуб, В. Маяковский, В. Хлебников, Н. Евреинов. Сб. 2. Пг.: Стрелец, 1916.

Хлебников В. Время мера мира. Пг.: Журавль, 1916.

Хлебников В. Ошибка смерти. М.: Лирень, 1917.

Временник / В. Хлебников, Божидар, Г. Петников, Н. Асеев. Вып. 1. М., 1917.

Временник / В. Каменский, Г. Петников, В. Хлебников. Вып. 2. М., 1917.

Без муз: Худож. — периодич. изд. / В. Хлебников, Н. Асеев, В. Шершеневич, Б. Лавренев и др. (Нижний Новгород). 1918. № 1.

Пути творчества (Харьков). 1919. № 5.

Сборник нового искусства / Е. Гуро, Б. Пастернак, Г. Петников, В. Хлебников, Н. Асеев, В. Маяковский, А. Гастев. Харьков, 1919.

Военмор: Орган политотдела Касп. флота (Баку). 1920. № 49 (4 дек.).

Лирень / Н. Асеев, Е. Гуро, В. Маяковский, Б. Пастернак, Г. Петников, В. Хлебников. М.: Лирень, 1920.

Хлебников В. Ночь в окопе. М.: Имажинисты, 1921.

Искусство: Орган Отд. Искусств Наркомпроса АССР (Баку). 1921. № 2/3.

Заумники / А. Крученых, Г. Петников, В. Хлебников. М.: ЕУЫ, 1922.

Маковец: Журнал искусств / Н. Асеев, С. Бобров, С. Буданцев, П. Флоренский, В. Хлебников и др. (М.). 1922. № 1, 2.

Вестник Велимира Хлебникова / Портрет Хлебникова работы П. Митурича. М., 1922. № 1.

Вестник Велимира Хлебникова. М., 1922. № 2. В виде листовки, сложенной вдвое.

Хлебников В. Отрывок из «Досок судьбы» / Обл. А. Борисова. Лист 1-3. М., 1922-1923.

Посмертные издания

Собрание произведений: В 5 т. / Под общ. ред. Ю. Тынянова, Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928-1933.

Собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001.

Собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. Р. В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000.

Зангези / Обл. П. Митурича. М., 1922.

Стихи / Обл. А. Борисова. М., 1923.

Записная книжка Велимира Хлебникова / Собрал и снабдил примечаниями А. Крученых. М., 1925.

Неизданный Хлебников: Вып. I-XXX / Под ред. А. Крученых. М.: изд. «Группы друзей Хлебникова», 1928-1935.

Избранные стихотворения / Ред., биогр. очерк и примеч. Н. Степанова. М.: Советский писатель, 1936.

Стихотворения / Вступ. статья, ред. и примеч. Н. Степанова. Л.: Советский писатель, 1940 (Малая серия «Библиотеки поэта»).

Неизданные произведения / Под ред. Н. Харджиева, Т. Грица. М.: Художественная литература, 1940.

Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, ред. и примеч. Н. Степанова. Л.: Советский писатель, 1960 (Малая серия «Библиотеки поэта»).

Ладомир: Поэмы. Стихотворения / Предисл. Д. Кугультинова; Примеч. Р. Дуганова. Элиста, 1984.

Войско песен. Рига: Лиесма, 1985.

Ладомир: Поэмы. М.: Современник, 1985.

Стихотворения и поэмы / Сост. и примеч. Р. Дуганова. Волгоград, 1985.

Избранное / Предисл., хроника жизни и коммент. В. Смирнова. М.: Детская литература, 1986.

Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Р. Дуганова. М.: Советская Россия, 1986.

Творения / Сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева, А. Е. Парниса. М.: Советский писатель, 1986.

Стихотворения / Худож. В. М. Хлебникова. М.: Советская Россия, 1988.

Утес из будущего: Проза, статьи / Вступ. статья и примеч. Р. Дуганова. Элиста, 1988.

Проза. М.: Современник, 1990.

Стихи. Поэмы. Ставрополь, 1991.

«Я для вас звезда...»: Стихотворения / Сост. Н. В. Алехина. М., 1996. Избранное: Стихотворения, поэмы / Предисл. Г. С. Выдревич. СПб.: Диамант, 1998.

Избранные сочинения. СПб.: Азбука, 1998 (Серия «Азбука-классика»). Доски судьбы / Реконструкция текста, сост. и коммент. В. В. Бабкова. М., 2000.

Избранное / Вступ. статья М. Латышева. М.: Кн. клуб «Терра», 2000 (Народная поэтическая библиотека).

Проза / Предисл. и сост. Е. Р. Арензона. М.: Вагриус, 2001 (Проза поэта).

Поэзия. Проза. Драматические произведения. Публицистика / Сост., коммент. А. Е. Парниса; Предисл. Ю. Н. Тынянова. М.: Слово/Slovo, 2001 (Пушкинская библиотека).

II. Воспоминания о В. В. Хлебникове

Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.

Андриевский А. Н. Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов. 1985. N 12.

Анненков Ю. Велимир Хлебников // Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. М., 1991.

Анфимов В. Я. К вопросу о психопатологии творчества: Хлебников в 1919 году // Труды 3-й Краснодарской клинической гор. больницы. Вып. 1. Краснодар, 1935.

Асеев Н. Н. Велимир Хлебников // *Асеев Н.* Родословная поэзии: Статьи, воспоминания, письма. М., 1990.

Березарк И. Встречи с Хлебниковым // *Звезда.* 1965. № 12.

Брик Л. Ю. Из воспоминаний // *Дружба народов.* 1989. № 3.

Брик О. М. О Хлебникове // *День поэзии.* М., 1978.

Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994.

«В Хлебникове есть всё!»: Из воспоминаний современников // *Литературная газета.* 1992. 1 июля (№ 27).

Ивнев Р. Избранное. М., 1988.

Ивнев Р. Образ, временем сожженный. М., 1991.

Ивнев Р. У подножия Мтацминды. М., 1981.

Каменский В. Жизнь с Маяковским. М., 1940.

Каменский В. Путь энтузиаста. Пермь, 1968.

Катаев В. П. Алмазный мой венец. М., 1994.

Козлов Д. Новое о Велимире Хлебникове // *Красная новь.* 1927. № 8.

Костерин А. «Русские дервиши» // *Москва.* 1966. № 9.

Крученых А. Наш выход: К истории русского футуризма. М., 1996 (Архив русского авангарда).

Лейтес А. Хлебников — каким он был // *Новый мир.* 1973. № 1.

Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989.

Лурье А. Детский рай // *Воспоминания о Серебряном веке / Сост. В. Крейд.* М., 1993.

Мариенгоф А. Роман без вранья. Л., 1995.

Матюшин М. Воспоминания футуриста // *Волга.* 1994. № 9/10.

Матюшина-Громозова О. Воспоминания // *Звезда.* 1973. № 3-4.

Митурич П. Записки сурового реалиста эпохи авангарда: Дневники, письма, воспоминания, статьи. М., 1997 (Архив русского авангарда).

Неймайер Е. О Велимире Хлебникове // Радуга (Киев). 1965. № 11.

Петровский Д. Воспоминания о Велемире Хлебникове. М., 1926.

Пророческая душа: Воспоминания о Хлебникове // Литературное обозрение. 1985. № 12. Отрывки из воспоминаний о поэте Д. Бурлюка, Я. Лаврина, А. Бруни-Соколовой, К. Томашевского, Е. Спасского, П. Митурича.

Райт Р. «Все лучшие воспоминанья...» // Труды по русской и славянской филологии. Т. 9. Тарту, 1966 (Ученые записки ТГУ. Вып. 184).

Самородова О. Поэт на Кавказе // Звезда. 1972. № 6.

Спасский С. Хлебников // Литературный современник. 1935. № 12.

Толстая (Вечорка) Т. Воспоминания о Хлебникове // Арион. 1996. № 2.

Хлебникова В. «Что нужно душе...»: Стихи. Проза. Письма. М., 2000. *Якобсон Р.* Воспоминания о Велимире Хлебникове // Независимая газета. 1992. 9 сентября.

III. Литература о В. В. Хлебникове

Адамович Г. Хлебников // *Адамович Г.* С того берега. М., 1996. *Александров А.* Октябрьский хронограф Велимира // Звезда. 1985. № 12.

Альфонсов В. А. «Чтобы слово смело пошло за живописью»: (Хлебников и живопись) // Литература и живопись. Л., 1982.

Амелин Г., Мордерер В. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.; СПб., 2000.

Аннинский Л. А. Велимир Хлебников: «Мой белый божественный мозг я отдал, Россия, тебе» // *Аннинский Л. А.* Серебро и чернь: русское, советское, славянское, всемирное в поэзии Серебряного века. М., 1997.

Арензон Е. К пониманию Хлебникова: Наука и поэзия // Вопросы литературы. 1985. № 10.

Арензон Е. Хлебников и вивекананда // Диалог. 1988. № 3.

Аристов В. В. В. В. Хлебников в Казани, 1898–1908. Казань, 2001.

Арская И, Любославская Т. Постановка В. Е. Татлиным сверхповести Велимира Хлебникова «Зангези» (1923 г.) // Советская графика: Сб. науч. трудов. Л., 1991.

Асеев Н. Зачем и кому нужна поэзия. М., 1961.

Бабков В. В. Между наукой и поэзией: «Метабиоз» Велимира Хлебникова // Вопросы истории естествознания и техники (М.). 1987. № 2.

Баевский В. С. История русской литературы XX века. Компендиум. М., 1999.

Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993.

Баран Х. О Хлебникове: Контексты, источники, мифы. М., 2002.

Башмакова Н. Слово и образ: О творческом мышлении Хлебникова. Хельсинки, 1987.

Берковский Н. Я. Велимир Хлебников // *Берковский Н. Я.* Статьи о русской литературе. Л., 1985.

Бернштейн Д. Опыт истолкования символики «Башни Татлина» // Россия. Франция. Проблемы культуры первых десятилетий XX века. М., 1988.

Бернштейн Д. Изображение города как форма его средового осознания: (Образ города в творчестве Хлебникова) // Городская среда. Сборник материалов всесоюзной научной конференции. Ч. 1. М., 1989.

Бирюков С. Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М., 1994.

Бирюков С. Е. Теория и практика русского поэтического авангарда. Тамбов, 1998.

Бирюкова А. С. Миф, диалог и сравнение как доминанты образного мышления Велимира Хлебникова: Автореф... канд. дис. М., 1995.

Богомолов Н. А. Об источнике диалога Хлебникова «Учитель и Ученик» // Терентьевский сборник. Вып. 2. М., 1998.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1-2. М., 1963.

Бухштаб Б. Я. Фет и другие. СПб., 2000.

Ваншенкин К. Поэт для читателя // Литературная газета. 1985. 13 ноября.

Васильев С. А. Поэтический стиль Хлебникова: (Словесно-звуковая образность): Автореф... канд. дис. М., 1997.

Вараввин Д. О стихе В. Хлебникова // Московские мастера. М., 1916.

Вел [Лев Аренс]. Хлебников — основатель бюджетлян // Книга и революция. 1922. № 9—10.

Велимир Хлебников и мировая художественная культура на рубеже тысячелетий. Седьмые международные Хлебниковские чтения. Астрахань, 2000.

Велимир Хлебников и художественный авангард XX века. Шестые международные Хлебниковские чтения. Астрахань, 1998.

Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 1. М., 1996. *Содержание: Хлебников В. В.* Еня Войков. [Предисл., публ. и примеч. С. Старкиной]; *Хлебников В. В.* Западный друг. [Предисл., публ. и примеч. Е. Арензона]; *Хлебников В. В.* Колесо рождений. [Предисл., публ. и примеч. Р. Дуганова]; Велимир Хлебников в размышлениях и воспоминаниях современников (по фонодокументам В. Д. Дувакина 1960-1970 годов) / Подгот. текстов М. Радзишевской, В. Тейдер; Предисл. и примеч. Е. Арензона; *Старкина С.* Казанские друзья В. В. Хлебникова; *Митурич-Хлебников М.* Где умер и где

похоронен Велимир Хлебников; *Григорьев В.* О квазигильбертовских проблемах велимироведения; *Гаспаров М.* Стих поэмы Хлебникова «Берег невольников»; *Орлицкий Ю.* Стиховое начало в прозе Хлебникова (к постановке проблемы); *Бирюков С.* Фонема и уровень звука в поэтических системах XX века. Путь к мировому заумному языку (два взгляда); *Перцова Н, Рафаева А.* «Звучаль славянина»: сказочные мотивы в ранних произведениях Хлебникова; *Дуганов Р., Перцов Н.* О классических мотивах у позднего Хлебникова (вступление к поэме «Поэт»); *Вроон Р.* Генезис замысла «сверхповести» «Зангези»: (К вопросу об эволюции лирического «я» у Хлебникова); *Соливетти К.* Опыт перевода Хлебникова на итальянский (IX плоскость «Зангези»); *Бёмиг М.* Время в пространстве: Хлебников и «философия гиперпространства»; *Ястремский С.* От словесного пейзажа к словесному ландшафту: проблема пространства в поэзии Хлебникова на примере поэмы «Тиран без Тэ»; *Никитаев А.* Хлебников и начало супрематизма; *Гервер Л.* Музыкальная культура Хлебникова; *Енукидзе Н.* Несколько замечаний к теме: Хлебников и опера; *Сулимова В.* Библиография произведений В. В. Хлебникова, изданных при его жизни.

Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 2. М., 1999. *Содержание:* *Дуганов Р. В.* Материалы к последним статьям о Хлебникове; *Гервер Л. Л.* Мифология звука: Хлебников и другие; *Терехина В. Н.* Велимир Хлебников в художественном мире Бориса Григорьева; *Бирюкова А. С.* Специфика карнавального миросозерцания в поэме Хлебникова «Поэт»; *Исаев Г. Г.* Поэма Хлебникова «Уструг Разина»: проблемы интерпретации; *Глинина О. Г.* О некоторых вариациях тематического инварианта «любовь» в произведениях В. Хлебникова (поэмы «И и Э», «Лесная дева», «Любовь приходит страшным смерчем...») и И. Бунина (книга

рассказов «Темные аллеи»); *Хлебников В.* Медные доски / Публ. и примеч. А. Никитаева; *Перцова Н. Н., Рафаева А. В.* О последней записной книжке Велимира Хлебникова; *Владычина Г. Л.* О Велимире Хлебникове / Публ. Е. Р. Арензона; «Жизнеописание» Владимира Алексеевича Хлебникова / Публ. и вступл. Е. Р. Арензона; *Спешнев Г. В.* «Личное дело, или Пир во время чумы» / Публ. и вступ. статья Е. Р. Арензона; Библиография опубликованных работ Р. В. Дуганова; *Радзишевский В. В.* Рудик и вокруг. Групповой портрет в интерьере музея; *Арензон Е. Р.* Он любил бюджетлян: [Некролог Р. В. Дуганову]; *Мамаев А. А.* Р. В. Дуганов: [Некролог]; *Лесневский* [Некролог Р. В. Дуганову]; *Holden S.* [Schmidt P.: Некролог].

Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 3. М., 2002. *Содержание:* *Бирюков С.* Статья Хлебниковым; *Григорьев В. П.* В защиту Будетлянина. [Оппонирую О. А. Седаковой]; *Бернштейн Д. К.* Вновь о «последнем стихотворении» Велимира Хлебникова; *Баран Х.* О текстах и источниках Хлебникова; *Евдокимова Л. В.* Функции загадки в мифопоэтическом мире стихотворений В. Хлебникова; *Пашкин Д. А.* Эволюция урбанистических мотивов в текстах В. Хлебникова; *Арензон Е. Р.* Еще раз о хлебниковской «зауми»; *Hacker A.* Mathematical Poetics in Velimir Khlebnikov's *Doski Sud'by*; Хлебников в памяти неизвестного поляка / Публ. и примеч. Е. Р. Арензона; *Мамаев А. А.* «Они похожи на старые деревья...»; *Мамаев А. А.* Музей Будетлянина; *Биряльцева А. Р.* По казанским следам Велимира Хлебникова; *Старкина С. В.* Библиография произведений Велимира Хлебникова, 1923–1940.

Винокур Г. О. Хлебников // Русский современник. 1924. № 4.

Винокур Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990.

Виролайнен М. Н. «Сделаем себе имя»: Велимир Хлебников и М. П. Погодин: миф числа // Имя — сюжет — миф. СПб., 1996.

Вроон Р. О семантике гласных в поэтике В. Хлебникова // Поэтика. История литературы. Лингвистика. М., 1999.

Второй Терентьевский сборник. М., 1998.

Выгодский Д. Велимир I // Москва. 1922. № 6.

Гарбуз А. В. В. В. Хлебников и А. Н. Афанасьев // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1984.

Гарбуз А. В. Карнавальная природа поэмы В. Хлебникова и А. Крученых «Игра в аду» // Фольклор народов РСФСР. Эпические жанры, их межэтнические связи и национальное своеобразие. Уфа, 1986.

Гарбуз А. В. Велимир Хлебников: Мифопоэтическая основа творчества. Автореф... канд. дис. Свердловск, 1989.

Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974.

Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1-3. М., 1997.

Гервер Л. Л. Музыкально-поэтические открытия Велимира Хлебникова // Советская музыка. 1987. № 9.

Гервер Л. Л. «А небо синее, моцарты!»: Моцарт и Хлебников // Моцарт — XX век: Сборник статей. Ростов н/Д., 1993.

Гервер Л. Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М., 2001.

Гик А. В. Словоупотребление М. Кузмина и В. Хлебникова: (Функционально-типологический анализ некоторых образных микросистем): Автореф...канд. дис. М., 1998.

Гончаров Б. П. Маяковский и Хлебников: К проблеме концепции слова // Филологические науки. 1976. № 3.

Гор Г. Из архива: Песни лесного Петрарки // Звезда. 1982. № 1.

Горелова Т. Поэтическое слово в художественной системе вокального цикла Н. Сидельникова на тексты В. Хлебникова «В стране осок и незабудок» // Интерпретация музыкального произведения в контексте культуры. М., 1994.

Гофман В. Языковое новаторство Хлебникова // Гофман В. Язык литературы. Л., 1936.

Григорьев А. Л. Велимир Хлебников и Герберт Уэллс // ХХ11 Герценовские чтения. Л., 1969.

Григорьев В. П. Ономастика Велимира Хлебникова. Индивидуальная поэтическая норма // Ономастика и норма. М., 1976.

Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.

Григорьев В. П. Собственные имена и связанные с ними апеллятивы в словотворчестве Хлебникова // Ономастика и грамматика. М., 1981.

Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. В. Хлебников. М., 1983. Григорьев В. П. Лобачевский слова // Русская речь. 1985. № 5. Григорьев В. П. Свобода и необходимость поэта // Литературная учеба. 1985. № 4.

Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.

Григорьев В. П. Будетлянин. М., 2000. Данин Д. Улетавль // Дружба народов. 1979. № 2. Дуганов Р. В. Проблема эпического в эстетике и поэтике Хлебникова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 35. 1976. № 5.

Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: Природа творчества. М., 1990. Дуганов Р. В. В. Хлебников // День поэзии. М., 1982. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников // День поэзии. М., 1985. Дудин М. Вольные птицы Велимира Хлебникова // Аврора. 1985. № 11. Жадова Л. «Толпа прозрачно-чистых сот» // Наука и жизнь. 1967. № 8. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.

Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Bern etc., 1991. *Зубкова Н.* Надежда Новицкая и Велимир Хлебников // Рукописные памятники. Вып. 1: Публикации и исследования. СПб., 1996.

Иванов Вяч. Вс. Хлебников и наука // Пути в незнаемое. Сб. 20. М., 1986.

Иванов Вяч. Вс. Славянская пора в поэтическом языке и поэзии Хлебникова // Советское славяноведение. 1986. № 3.

Иванов Вяч. Вс. О воздействии «эстетического эксперимента» Андрея Белого: (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак) // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988.

Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М., 2000.

Исаев Г. Г. «Мечеть и храм несет низина...»: Волго-Каспий и его народы в творчестве В. Хлебникова. Астрахань, 1999.

Искусство авангарда: Язык мирового общения: Материалы междунар. конф. 10-11 декабря 1992 г. Уфа, 1993.

Калашникова Р. Б. Обэриуты и В. Хлебников (звуковая организация стиха) // Проблемы детской литературы: Межвуз. сборник. Петрозаводск, 1984.

Кацис Л. Ф. Велимир Хлебников и Лев Карсавин: (Об одной философской параллели к «языку богов») // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 55. 1996. № 4.

Кедров К. «Звездная азбука» Велимира Хлебникова // Литературная учеба. 1982. № 3.

Кедров К. Столетний Хлебников // Новый мир. 1985. № 11.

Клинг О. Хлебников и символизм // Вопросы литературы. 1998. Вып. 5.

Ковтун Е. Ф. Филонов и Хлебников // Волга. 1989. № 8. *Костецкий А. Г.* Лингвистическая теория В. Хлебникова // Структурная и математическая

лингвистика. Вып. 3. Киев, 1975. *Кравец В.* Разговор о Хлебникове. Киев, 1998.

Красильникова Е. Русская авангардистская драма: человек отчужденный // Русская литература. 1998. № 3.

Крученых А. Записная книжка Велимира Хлебникова. М., 1925.

Кудрявцев О. К. Велимир Хлебников и концепция каркаса расселения // Известия АН СССР. Серия географическая. 1987. № 2.

Культура русского модернизма. В приношение В. Ф. Маркову. М., 1993.

Лакоба С. Бодхисаттва, Хлебников и Восток // Сб. работ молодых ученых и специалистов Абхазии. Сухуми, 1980.

Ланн Ж.-К. В поисках классицизма: Хлебников и Мандельштам // Русская мысль. 1988. 24 июня. Лит. приложение № 6.

Ланн Ж.-К. Велимир Хлебников // История русской литературы: XX век: Серебряный век. М., 1995.

Ланцова С. А. Мифологизм В. Хлебникова: Некоторые аспекты проблемы: Автореф...канд. дис. М., 1991.

Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.

Левитина А. О природе неологизмов В. Хлебникова // Материалы XXIII науч. студ. конф. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1971.

Левитина А. О словотворческой традиции В. Хлебникова в поэзии А. Вознесенского // Сб. студенч. работ. Тарту, 1973.

Лекманов О. А. Человек и природа в стихотворении В. Хлебникова «Слоны бились бивнями так...» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 57. 1998. № 4.

Леннквист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. СПб., 1999.

Лощиц Ю. М, Турбин В. Н. Тема Востока в творчестве Хлебникова // Народы Азии и Африки. 1966. № 4.

Максимова Н. В. Поэзия Велимира Хлебникова 1917–1922 гг.: Проблематика и поэтика: Автореф. дис... канд. филол. наук. Астрахань: Изд. АГПУ, 2004.

Мамаев А. А. Астрахань Велимира Хлебникова. Астрахань, 1996. *Мандельштам О.* О поэзии. Сборник статей. Л., 1928. *Маринчак В. А.* «Самовитое слово» В. Хлебникова // Русская речь. 1978. № 2.

Маркин П. Ф. Мифопоэтика древесно-растительного кода в поэтических текстах В. Хлебникова // Культура и текст: Миф и мифопоэтика. СПб., 2004.

Марков В. Ф. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб., 1994.

Марков В. Ф. История русского футуризма: Пер. с англ. СПб., 2000.

Масленников Д. Б. Опыт лингвистического толкования окказионализмов поэтического языка В. Хлебникова // Семантика и функционирование единиц языка и речи. Уфа, 1996.

Материалы IV Хлебниковских чтений. Астрахань, 1992. *Содержание: Старкина С. В.* В. Хлебников и эмпириокритицизм; *Черняк М.* Велимир Хлебников и Всеволод Иванов: Некоторые аспекты творческих взаимосвязей; *Бирюкова А. С.* Ритмическое воплощение метаморфозы у Хлебникова; *Григорьев В. П.* От самовитого слова к самовитому словосочетанию (А. Белый, В. Хлебников, О. Мандельштам); *Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В.* Ритм и синтаксис свободного стиха; *Гервер Л.* Хлебниковская мифология музыкальных инструментов; *Дуганов Р. В.* Текстология Хлебникова (применительно к изданию собрания сочинений); *Енукидзе Н.* К прочтению «Победы над солнцем» Крученых; *Киктев М. С.* Хлебников и Вл. Соловьев; *Никитаев А. Т.* Хлебниковские мотивы в «Лапе» Даниила Хармса; *Федотов О. И.* Канонические строфы у В.

Хлебникова (терцины); *Орлицкий Ю. Б.* Свободный стих В. Хлебникова: Опыт типологии; *Бурцева Т. А.* Прочтение одного стихотворения Хлебникова; *Бирюков С.* «Гамма бюджетлянина»: анаграмматизм и переразложение слова; *Емельянов В. А.* Роль реминисценций в стихотворениях В. Хлебникова «Одинокий лицедей» и И. Бродского «По дороге на Скирос» («К Ликомеду, на Скирос»); *Ланцова С. А.* О лирическом герое у Хлебникова; *Подольская Г. Г. В.* Хлебников и У. Уитмен; *Чебыкин В. А.* В. Хлебников в русской критике 80-х и начала 90-х годов; *Чуйков Ю. С.* Велимир Хлебников и Рюрик Ивнев. Астрахань, 1918.

Маяковский В. В. Хлебников // Красная новь. 1922. Кн. 4.

Мейлах М. «Турчанка обморока»: Пример ирано-славянской грамматической интерференции в поэтическом языке Хлебникова // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.

Мир Велимира Хлебникова: Статьи и исследования 1911–1998 гг. М., 2000. *Содержание:* *Гумилёв Н. С.* Из «Писем о русской поэзии» [1911; 1914]; *Якобсон Р. О.* Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову [1919]; *Якобсон Р. О.* Из статьи «Подсознательные вербальные структуры в поэзии» [1970]; *Якобсон Р. О.* Из воспоминаний [1977]; О поэтическом языке произведений Хлебникова: Обсуждение доклада Р. О. Якобсона в Московском лингвистическом кружке / Вступ. ст., публ. М. И. Шапира; Вокруг «Новейшей русской поэзии»: По материалам переписки Р. О. Якобсона, Н. С. Трубецкого / Вступ. ст., публ. М. И. Шапира; *Асеев Н. Н. В. В.* Хлебников [1920]; *Асеев Н. Н.* Велемир Хлебников [1936]; *Асеев Н., Крученых А.* Велемир Хлебников. К десятилетию со дня смерти (1922—28 июня— 1932); *Крученых А.* О Велимире Хлебникове [1932–1934; 1964]; *Городецкий С. М.* Велемир Хлебников (28 октября 1885—

28 июня 1922): [Некролог]; *Маяковский В. В. В. В.* Хлебников: [Некролог]; *Пунин Н. Н.* <Хлебников и государство времени> [1922]; *Парнис А. Е.* Хлебников и Малевич: В поисках значимых элементов; *Малевич К. С. В.* Хлебников; *Мандельштам О.* <О Хлебникове> [1922; 1923]; *Шапир М. И.* Язык вне времени и пространства: Г. О. Винокур о лингвистической утопии Хлебникова; *Винокур Г. О.* Хлебников [1924]; *Винокур Г. О.* Хлебников: <Вне времени и пространства> [1945]; *Тынянов Ю. Н.* Из статьи «Промежуток» [1924]; *Тынянов Ю. Н.* О Хлебникове [1928]; *Святополк-Мирский Д. П.* Хлебников (Ж 1922) [1928]; *Парнис А. Е. Т. С.* Гриц — исследователь русского кубофутуризма; *Гриц Т. С.* Проза Велемира Хлебникова [1933]; *Брик О. М.* О Хлебникове [1944]; *Иванов Вяч. Вс.* Заумь и театр абсурда у Хлебникова и обэриутов в свете современной лингвистической теории; *Гаспаров М. Л.* Считалка богов. О пьесе В. Хлебникова «Боги»; *Силард Л.* Карты между игрой и гаданьем: «Зангези» Хлебникова и Большие Арканы Таро; *Панов М. В.* Сочетание несочетаемого [1987]; *Гарбуз А. В., Зарецкий В. А.* К этнолингвистической концепции мифотворчества Хлебникова; *Шапир М. И.* О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фоническая структура); *Левинтон Г. А.* Об одном ударе у Хлебникова; *Перцова Н. Н.* О «звездном языке» Велимира Хлебникова; Прил. № 1: Значковый язык (РНБ. Ф. 1087. Ед. хр. 24); Прил. № 2. РО ИРЛИ. Ф. 656. Ед. хр. 318; *Данилевский А. А.* Велимир Хлебников в «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова; *Баевский В. С.* Хлебников и Пастернак: Прелиминарии к теме; *Эткинд Е. Г.* Заболоцкий и Хлебников; *Гинзбург Л. Я.* Николай Олейников и хлебниковская традиция; *Никольская Т. Л.* Заместитель Председателя земного шара; *Самойлов Д.* Хлебников и «поколение сорокового года»: Из литературных воспоминаний [1987]; *Скуратовский В. Л.*

Хлебников — культуролог; *Дравич А.* Хлебников — mundi constructor [1969]; *Ларцев В. Г.* Мифотворчество или фантастика-предвидение; *Арензон Е. Р.* «Задача измерения судеб...»: К пониманию историософии Хлебникова; *Баран Х.* Поэтическая логика и поэтический алогизм Велимира Хлебникова [1983]; *Седакова О.* Контуры Хлебникова: Некоторые замечания к статье Х. Барана; *Тартаковский П. И.* «Колумб новых поэтических материков»; *Сигов С. В.* Пьесы Велимира Хлебникова: Некоторые наблюдения; *Гримберг Ф. И.* «Аспарух»: болгарский контекст и подтекст; *Сарабьянов Д. В.* НеопрIMITивизм в русской живописи и поэзия 1910-х годов [1979–1990]; *Парнис А. Е.* О метаморфозах мавы, оленя и воина: К проблеме диалога Хлебникова и Филонова; *Молок Ю. А.* Последний портретист поэта; *Кон Ю. Г.* Стравинский и Хлебников: Некоторые принципы подхода к проблеме ритма; *Паперный З. С.* Бой за время; *Владимирский Б. М.* «Числа» в творчестве Хлебникова: Проблема автоколебательных циклов в социальных системах; *Кузьменко В. П.* «Основной закон времени» Хлебникова в свете современных теорий коэволюции природы и общества.

Мирский Д. Литературно-критические статьи. М., 1978. *Мурсалиева Х. А.* Восточная тематика в творчестве В. Хлебникова: Автореф...канд. дис. Баку, 1991.

Нагибин Ю. О Хлебникове // Новый мир. 1983. № 5.

Очерки истории языка русской поэзии XX века. Т. 1–5. М., 1990–1995.

Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века // Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX веков. Л., 1971.

Парнис А. Е. Хлебников в революционном Гиляне // Народы Азии и Африки. 1967. № 5.

Парнис А. Е. «И войско песен поведу...» // Литературная газета. 1975. 12 ноября.

Парнис А. Е. Встреча поэтов // Литературная Россия. 1975. 12 декабря. *Парнис А. Е. В. Хлебников в БакРОСТА* // Литературный Азербайджан. 1976. № 7.

Парнис А. Е. «В Одессе, а это было в Одессе...» // Вечерняя Одесса. 1976. 23 октября.

Парнис А. Е. «Конецарство, ведь оттуда я...» // «Теегин герл» [«Свет в степи»] (Элиста). 1976. № 1.

Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова: Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978.

Парнис А. Е. Хлебников — сотрудник «Красного воина» // Литературное обозрение. 1980. № 2.

Парнис А. Е. Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конф. (15–17 мая 1990 г.) Л., 1990.

Парнис А. Е. Вячеслав Иванов и Хлебников: К проблеме диалога, или Ницшевский подтекст «Зверинца» // De visu. 1992. № 0.

Парнис А. Хлебников в Баку: (Маргиналии к портрету поэта) // Арион. 1996. № 2.

Парнис А. Е. «Евразийские» контексты Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М., 2003.

Парнис А, Тименчик Р. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. Л., 1985.

Пекарский Ф. В. Социальная философия В. Хлебникова и постмодернистский стиль философствования: Автореф...канд. дис. Минск, 1999.

Перцов В. О Велимире Хлебникове // Вопросы литературы. 1966. № 7.

Перцова Н. Н. Об «уравнениях рока» Велимира Хлебникова // Понятие судьбы в контекстах разных культур. М., 1994.

Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. М., 1995.

Перцова Н. Н. Куда идет слон из стихотворения Хлебникова «Меня проносят на слоновых...» // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М., 2003.

Перцова Н. Н., Рафаева А. В. О славянских древностях у Вяч. Иванова и В. Хлебникова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Поляков В. Книги русского кубофутуризма. М., 1998.

Поступальский И. В. Хлебников и футуризм // Новый мир. 1930. № 5.

Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000.

Поэзия русского футуризма: Антология. СПб., 1999.

Поэтика русского авангарда: Спец. выпуск журнала «Кредо». Тамбов, 1993. № 3-4.

Поэтический мир В. Хлебникова: Научно-методические проблемы изучения. Волгоград, 1990. *Содержание: Григорьев В. П.* Вопросы велимироведения; *Гарбуз А. В.* Хлебников и народные традиции в творчестве будетлян; *Емельянов В. А.* Человек и природа в поэзии Хлебникова; *Струнин В. Ж.* Поэма «Ночной обыск» — миф и действительность; *Ланцова С. А.* Фольклорные истоки ранних поэм Хлебникова; *Киселев А. Л.* Хлебников и традиции русской поэзии; *Манко И. Г.* Поэтика словообразования у Хлебникова; *Глинин Г. Г.* Творчество Хлебникова и преподавание литературы в высшей школе; *Аламдарова Э. Н.* Велимир Хлебников и Лариса Рейснер; *Бурдина С. В.* Маяковский и Хлебников — эпика первых лет революции; *Корниенко Н. В.* Философский диалог Хлебникова и Платонова; *Бирюков С. Е., Двинянов Б. Н.* Уроки Хлебникова: палиндромические поэмы Николая Ладыгина; *Травушкин Н. С.* Хлебников и Астраханский край; *Шнайдштейн Е. В.* Исторический комментарий к поэме

«Хаджи-Тархан»; *Копылова Э. В.* Общенародное и местное в языке поэта; *Бирюков С.* Читаю поэта поэзией. Белый ворон; *Велимир Хлебников.* Неизданное: Бесплатные советы; Индо-русский союз; Азосоюз; На съезде; *Дудин М.* Современник завтрашнего дня; *Либединская Л. Б.* Время его — настало; *Квливидзе М. Г.* Поэт на все века; *Садыг Ф.* Его интерес к Востоку; *Курдов В.* Волновало молодое революционное искусство.

Поэтический мир В. Хлебникова. Вып. 2. Астрахань, 1992. *Содержание: Тартаковский П. И.* «Единая книга» В. Хлебникова в структуре поэмы «Азы из Узы»; *Никитаев А. Т.* Мнимые числа в творчестве Велимира Хлебникова; *Митурич М. П.* В. Хлебников и П. Митурич; *Емельянов В. А.* Проблема образа автора в рассказе В. Хлебникова «Николай»; *Ланцова С. А.* «Некарнавальный» карнавал В. Хлебникова: «Горе и Смех»; *Кожевникова Н. А.* О тропах В. Хлебникова; *Романенко А. П.* Теория языка Велимира Хлебникова в аспекте истории лингвистики; *Гарбуз А. В., Зарецкий В. А.* О мотивации некоторых текстов Хлебникова; *Викторин В. М.* Мотивы шаманства в поэзии Хлебникова; *Гервер Л.* Несколько замечаний по поводу спектакля «Настоящее» (группа «Чет и нечет», 7 марта 1990); *Стахова Е.* Еще раз к проблеме соотношения слова и музыки: «Театр размеров» В. Хлебникова как музыкальный театр; *Колесова И. В.* Рождественская сказка «Снежимочка» Велимира Хлебникова и весенняя сказка «Снегурочка» Александра Островского (к вопросу о сценичности); *Лоцилов И. Е.* О принципах работы Н. Заболоцкого с хлебниковской поэтической традицией; *Адаменко В. А.* Новый мифологизм в русском искусстве начала века: Хлебников и Стравинский; *Подольская Г. Г. Б.* Пастернак и В. Хлебников; *Аламдарова Э. Н. В.* Хлебников и Н. Асеев; *Спесивцева Л. В.* Образ Разина в поэме В. Хлебникова «Устрруг Разина»

и в стихотворении М. Цветаевой «Стенька Разин»; Глинин Г. Г. «Борис Годунов» А. С. Пушкина и поэма В. Хлебникова «Марина Мнишек»; Поляков Н. Н. Нижневолжские мотивы в прозе Велимира Хлебникова.

Рабинович В. Л. «Мирсконца» — книга, пьеса, мироздание // Русский авангард 1910—1920-х годов и театр. СПб., 2000.

Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.

Романенков И. Д. Творчество Велимира Хлебникова. М.: МАКС Пресс, 2003.

Россомахин А. Кузнечики Велимира Хлебникова, собранные Андреем Россомахиным, с приложением иллюстрированной библиографии прижизненных отдельных изданий Хлебникова. СПб.: Красный матрос, 2004.

Русский авангард в кругу европейской культуры: Тезисы и материалы. М., 1993.

Савченко Т. Хлебников и Заболоцкий: К проблеме метрического своеобразия // Русская и зарубежная литература. Вып. 2. Алма-Ата, 1971.

Самовитое слово. Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А — А-ю-рей. М., 1998.

Седакова О. Образ фонемы в «Слове о Эль» Велимира Хлебникова // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.

Седакова О. Велимир Хлебников — поэт скорости // Русская речь. 1985. № 5.

Сигов С. В. О драматургии Велимира Хлебникова // Русский театр 1907-1917 годов. Л., 1988.

Слинина Э. В. В. Хлебников о Пушкине // Пушкин и его современники. Псков, 1970.

Слинина Э. В. Тема природы в поэзии Хлебникова и Заболоцкого // Вопросы методики и истории литературы. Псков, 1970.

Смирнов Вл. Звонкий вестник добра // Знамя. 1985. № 11.

Старкина С. В. Роль города в пьесе Хлебникова «Чертик (Петербургская шутка на рождение „Аполлона“»)» // Филологические записки. Воронеж, 1995. Вып. 5.

Старкина С. В. Творчество Велимира Хлебникова 1904–1910 годов (дофутуристический период): Автореф... канд. дис. СПб., 1998.

Степанов Н. Велимир Хлебников. Жизнь и творчество. М., 1975.

Струнин В. И. Осмысление событий революции в поэмах Хлебникова // Проблемы советской поэзии. Вып. 2. Челябинск, 1974.

Струнин В. И. «Чтоб в двух словах был водопад...»: В. Хлебников о поэзии // Советская поэзия 20—30-х годов. Вып. 5. Челябинск, 1977.

Струнин В. Поэма глаз Велимира Хлебникова // Литературная учеба. 1985. № 5.

Тартаковский П. Поэт. Революция. Восток: Творчество Велимира Хлебникова и ирано-таджикское художественное наследие // Памир. 1977. № 7.

Тартаковский П. «Горят две яркие звезды...» // Звезда Востока. 1985. № 3.

Тартаковский П. Русские поэты и Восток: Бунин. Хлебников. Есенин. Ташкент, 1986.

Тартаковский П. Социально-эстетический опыт народов Востока и поэзия Хлебникова: 1900—1910-е годы. Ташкент, 1987.

Тартаковский П. Поэзия Хлебникова и Восток. 1917–1922 годы. Ташкент, 1992.

Татлин В. О «Зангези» // Жизнь искусства. 1923. № 18.

Тезисы докладов III Хлебниковских чтений. Астрахань, 1989.

Тезисы докладов V Хлебниковских чтений. Астрахань, 1995.

Турбин В. Свободный ум // Октябрь. 1985. № 11.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка: Статьи. М., 1965.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Урбан А. Философская утопия: Поэтический мир В. Хлебникова // Вопросы литературы. 1979. № 3.

Урбан А. Мечтатель и практик: Хлебников и Маяковский // Звезда. 1983. № 4.

Успенский Б. А. К поэтике Хлебникова: Проблемы композиции // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1983.

Филиппов Г. В. Русская советская философская поэзия: Человек и природа. Л., 1984.

Харджиев Н. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997.

Хлебниковские чтения. Материалы конф. 27–29 ноября 1990 г. СПб., 1991.

Цыб Е. А. Художественная речь в словарях разных типов (на материале поэзии В. Хлебникова и Н. Заболоцкого): Автореф...канд. дис. М., 1995.

Чегодаева М. Заповедный мир Митуричей-Хлебниковых: Вера и Петр. М.: Аграф, 2004.

Чоботько А. В. Гоголевские традиции в творчестве Хлебникова (на примере сверхповести «Дети Выдры») // Язык и культура. Т. 4. Киев, 1997.

Чуйков Ю. Почему тускнеют жемчужины. Астрахань, 1996.

Чуковский К. Футуристы. Пг., 1922.

Шапир М. И. Об одном анаграмматическом стихотворении Хлебникова. К реконструкции «московского мифа» // Русская речь. 1992. № 6.

Явинская Ю. В. В. Хлебников и М. Цветаева. Сопоставительный анализ образных систем «человек», «вещь», «природа»: Автореф...канд. дис. М., 1999.

Язык как творчество. М., 1996.

Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Виктор Хлебников. Прага, 1921.

Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

Cooke R. F. Image and Symbol in Khlebnikov's «Night Search» // Russian Literature Triquarterly. 1975, spring. № 12.

Cooke R. Magic in the Poetry of Velimir Khlebnikov // Essays in poetics (Journal of the Neo-Formalist Circle). 1980. Vol. V, № 2.

Cooke R. Velimir Khlebnikov: A Critical Study. Cambridge etc., 1987. (Cambridge Studies in Russian Lit.)

Faryno J. W poszukiwaniu istoty podobienstwa miedzy poetickimi tworami jezykowymi Welimira Chlebnikowa a s ownictwem dzieci // Slavia orientalis. 1967. № 2.

Fieguth R. Der Hafer und der Wortzauber (Oves i volxvovanie slovom) Bemerkungen zu V. Chlebnikovs «kryptischer Metrik» // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd. 21.

Flaker A. Zur Charakterisierung der russischen Avantgarde als Stilformation // Barck, Schlenstedt, Thierse (Hg.): K?nstlerische Avantgarde Ann?herungen an ein unabgeschlossenes Kapitel. Berlin (Ost), 1979.

Flaker A. Die Strasse: Ein neuer Mythos der Avantgarde: Majakovski, Xlebnikov, Krleza // Mythos in der slawischen Moderne. Wien, 1987. (Wien Slawistische Almanach. Bd. 20).

Goldt R. Sprache und Mythos bei V. Chlebnikov. Mainz: Liber Verl., 1987. (Mainzer slavistische Ver?ffentlichungen. Slavica Moguntiacae. Bd. 10).

Grygar M. Remarques sur la denomination poetique chez Khlebnikov // Poetics: International review for the Theory of Literature / Ed. Teun, A. Van Dijk. Vol. IV. The Hague: Mouton, 1972.

Hansen-L?ve A. A. Velimir Chlebnikovs Poetischer Kannibalismus // Poetica. Zeitschrift f?r Sprach und Literaturwissenschaft. Bd. 19. 1987. Heft 1-2.

Hansen-L?ve A.A. Velimir Chlebnikovs Onomatopoetik. Name und Anagramm // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd. 21. (Kryptogramm. Zur Aesthetik des Verborgenen).

Hansen-L?ve A.A. Krucenych vs. Chlebnikov. Zur Typologie zweier Programme im russischen Futurismus // Avant Garde. Interdisciplinary and International Review. Amsterdam; Atlanta, 1990. № 5-6.

Hansen-L?ve A.A. Predmet — stvar — bezpredmetnost — postvarenje // Pojmovnik ruske avangarde. Zagreb, 1990. Bd. 8.

Janecek G. The Look of Russian Literature: Avantgarde Visual Experiments, 1900-1930. Princeton, New Jersey, 1984.

Janecek G. Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego: State Univ. Press, 1996.

Kazakova S. Slovo i smysl v poetike V. Chlebnikova // Bolgarskaja rusistika. 1991. № 5-6.

Langer G. Chlebnikov's Monodrama im Stile Maeterlincks: «Gospoza Lenin» // Gattungen in den slavischen Literaturen. K?ln, Wien, 1988. (Bausteine zur Geschichte der Lit. bei den Slaven. Bd. 32).

Lanne J.-C. V. Chlebnikov — po?te futurien. Paris: Inst. d\ ?tudes slaves, 1983. Vol. I-II. (Bibl. russe de l'Inst. d\ ?tudes slaves. Vol. XLIV).

Lanne J.-C. Pavel Florenskij et Velimir Xlebnikov // Essais sur le discours de l'Europe?clat?e. 1993. № 11.

Lanne J.-C. Xlebnikov et l'imaginaire // Rev. des?tudes slaves. Paris, 1995. T. 67, fasc. 1.

Lanne J.-C. La repr?sentation du «je» dans l'oeuvre de V. Xlebnikov // Rev. des?tudes slaves. Paris, 1998. T. 70, fasc. 1.

Lanne J.-C. La po?sie comme fable du monde: La mythopo?sie dans l'oeuvre de V. Hlebnikov // Rev. des?tudes slaves. Paris, 1998. T. 70, fasc. 3.

Lanne J.-C. «ASTSU»: Tentative de topographie futurienne // Modernit?s Russes 3. Les lieux de la modernite.

Lyon, 2001.

Lanne J.-C. L'histoire dans la pensée et l'œuvre de Khlebnikov // La geste russe: Comment les Russes écrivent — ils l'histoire au XX-e siècle. Aix-en-Provence, 2002.

Lodge K. Translating Velimir Khlebnikov's early poetry. Joensuu, 1998. (Learning by Doing 1. Working Papers from the Russian Department University of Joensuu. 1998).

Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Berkeley and Los Angeles, 1962. (Univ. of California publications in modern philology. Vol. 62).

Mignot Yvan. Le champ Khlebnikov // Action poétique. Paris, 1975. Vol. 63.

Nilsson N. A. Velimir Chlebnikov and his poem ZOO // Avant Garde: Revue interdisciplinary and international. Amsterdam-Atlanta. 1991. № 5/6.

Schmidt P. Towards the Meaning of a «Zaum» Word in Chlebnikov // Russian Literature. 1989. Vol. XXVI, № 3.

Thomson R. Khlebnikov and 36 + 36 // Russian and Slavic Literature / Ed. R. Freeborn, R. R. Milner-Gulland, and Ch. A. Ward. Cambridge, Mass.: Slavica Publishers Inc., 1976.

Vroon R. «Seashore» and the Rasin Constellation // Russian Literature Triquarterly. 1975. № 12.

Vroon R. Velimir Khlebnikov's «Rasin: The Trinities»: a Reconstruction // Slavic review. 1980. Vol. XXXIX, № 1.

Vroon R. Four analogues to Khlebnikov's «Language of the Gods» // The Structure of the Literary Process: Studies Dedicated to the Memory of Felix Vodicka. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1982. (Ling. and Lit. Studies in East Europe. 8).

Vroon R. V. Khlebnikov's «И если в Харьковские птицы...»: Manuscript Sources and Subtexts // Russian Review (Stanford). 1983. Vol. 42, № 3.

Vroon R. Velimir Khlebnikov's Shorter Poems: a Key to the Coinages. Ann Arbor, 1983. (Michigan Slavic materials. Vol. 22).

Vroon R. «Puti tvorchestva»: The Journal as a Metapoetic Statement // Russian Literature and American Critics: In Honor of Deming Brown. Ann arbor, 1984. (Papers in Slavic Philology. 4).

Vroon R. Velimir Xlebnikov's Krysa: A Commentary. Stanford, 1989. (Stanford Slavic Studies. Vol. II).

Vroon R. The Old Belief and Sectarianism as Cultural Models in the Silver Age // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. II: Russian Culture in Modern Times / Ed. R. Hughes & I. Paperno. Univ. of California Press, 1994. (California Slavic Studies, 17).

Vroon R. Velimir Khlebnikov's Otryvki iz dosok syd'by: Notes on the Publication History and Three Rough Drafts // Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).

Vroon R. A Poet's Abdiction: V. Khlebnikov's Otkaz and its Pretexts // The Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78, № 4.

Vroon R., Hacker A. V. Khlebnikov's Perevorot v Vladivostoke: History and Historiography // Russian Review. 2001. № 60.

Weststeijn W. Velimir Chlebnikov and the Development of Poetical Language in Russian Symbolism and Futurism. Amsterdam, 1983. (Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. 4).

Weststeijn W. Die Mythisierung des lyrischen Ich der Poesie V. Chlebnikov // Wiener Slawistischer Almanach. 1987. Sbd. 20. (Mythos in der slavischen Moderne).

Russian Literature (Amsterdam). Спец. выпуск, посвященный В. Хлебникову. 1981. Vol. IX. № I. *Содержание: Baran H.* Xlebnikov's «Vesennego Korana»: An Analysis; *Holthusen J.* Die Sphjre der Metaphern in Velimir Xlebnikovs Gedicht «Derevo»; *L?nnqvist B.* Xlebnikov's «Imagunist» Poem; *Брик О. М.* О Хлебникове / Публ. Б. Янгфельдта; *Weststeijn W. G.* Simile in

Xlebnikov's «Zuravl»; *Baran H.* The Problem of Composition in Velimir Xlebnikov's Texts; *Vroon R.* Velimir Xlebnikov's «Xadzhi-Tarxan» and the Lomonosovian Tradition.

Russian Literature (Amsterdam). Спец. выпуск, посвященный В. Хлебникову. 1995. Vol. XXXVIII, № IV. *Содержание: Бирюкова А. С.*

Метаморфоза в ритмическом воплощении В. Хлебникова; *Klanderud Paul A.* The River of Time as Thematic Archetype in Chlebnikov's «Sajan» [Река времени как тематический архетип в стихотворении Хлебникова «Саян»]; *Константинова М.* Поэтическая прелюдия к «Доскам судьбы»; *Ланцова С. А.* Морфология и исторические корни хлебниковской метаморфозы («Змей поезда»); *Лоцилов И. Е, Богданец И. К.* К интерпретации стихотворения Велимира Хлебникова «Из мешка...»; *Мамаев А. А.* Письма Веры Хлебниковой; *Старкина С. В.* Драма В. Хлебникова «Госпожа Ленин» в свете экспериментальной психологии В. Вундта: (К постановке проблемы «Хлебников и позитивизм»); *Черняк М.* «Новое зрение в литературе»: (К вопросу о творческих взаимосвязях В. Хлебникова и Вс. Иванова); *Weststeijn W.* Велимир Хлебников и четвертое измерение.

Russian Literature (Amsterdam). Спец. выпуск, посвященный В. Хлебникову. 2001. Vol. L, № III. *Содержание: Баран Х.* О текстах и источниках Хлебникова: Новые заметки; *Гервер Л. Л.* «Просто музыка» и «музыка сфер» в поэме Хлебникова «И вот зеленое ущелье Зоргама...»; *Григорьев В. П.* Три оппозиции в идиостиле В. Хлебникова: славь / немь, Восток / Запад, зангезийство /?; *Лоцилов И.* «Приятно видеть...» Велимира Хлебникова (1922): ритмическая организация и фоника; *Ораич-Толич Д.* Авангард как утопическая культура: Велимир Хлебников; *Перцова Н. Н.* О сценическом варианте «Детей Выдры» Хлебникова; *Тырышкина Е.* Источник инспирации в русском

литературном авангарде (1910—1920-е гг.); *Vroon R.* Qurrat al-'Ayn and the Image of Asia in Velimir Xlebnikov's Post-Revolutionary Oeuvre; *Вестстейн В.* Трубецкой и Хлебников.

Russian Literature. 2004. Vol. LV, № I-III. *Содержание:* *Weststeijn W.* Хлебниковедение: прошлое, настоящее, будущее; *Baran H.* О подтекстах, об источниках и о поэтике Хлебникова; *Bashmakoff N.* Гуро и Хлебников: формы фрагментарного высказывания; *Бирюков С.* Рецепции творчества Хлебникова в современной русской поэзии; *Цивьян Т. В.* Хлебниковская лингвистика: предварительные заметки; *Flaker A.* Сверхповесть или сверхзрелище? (Пространство «Детей Выдры»); *Гервер Л. Л.* «Вероисповедание — православный»; *Greve Ch.* Writing as an «Imagetext» in the Poetic Universe of V. Chlebnikov; *Григорьев В. П.* Цитаты дня в творчестве В. Хлебникова; *Грыгар М.* Самовитое слово Хлебникова с точки зрения семиотики; *Hacker A.* Novalis\ Fragments and V. Chlebnikov's «Doski sud\by»; *Hansen-L?ve A.* Казимир Малевич между Крученых и Хлебниковым; *Константинова М.* «Син(ь)» В. Хлебникова: наметка пути; *Lanne J.-C.* Mesure du destin (sud\boomerie) et poesie chez V. Chlebnikov; *L?nnqvist B.* Муха у Толстого и у Хлебникова; *Мамаев А. А.* Родословная В. Хлебникова; *Ораич-Толич Д.* Хлебников и женщина. К андрогинной мифопоэтической системе; *Парнис А. Е.* К дешифровке одной мифологемы Хлебникова: От «острова высокого звездного духа» к «священному острову Ассу» (2); *Перцова Н. Н.* О рисунках в словотворческих рукописях Хлебникова; *Перцова Н. Н.* О столкновении двух пластов словотворчества Хлебникова; *Solivetti C.* Лингвистические прозрения В. Хлебникова; *Старкина С. В.* Хлебниковская текстология, или О циклизации поэтических произведений Хлебникова; *Вестбрук Ф.* «Чертик» Хлебникова — петербургская фантазмагория.

Velimir Chlebnikov. A Stockholm symposium. Stockholm, 1985. (Stockholm Studies in Russian Literature. 20).
Содержание: Baran H. Chlebnikov's Poetic Logic and Poetic Illogic; *Hansen-L?ve A. A.* Die Entfaltung des «Welt-Text» — Paradigmas in der Poesie V. Chlebnikov; *L?nnqvist B.* Chlebnikov's Plays and the Folk-Theater Tradition; *Faryno J.* Chlebnikovs Gedicht «Ra — vidjascij oci svoi...»; *Nilsson N. E.* How to Translate Avant-Garde Poetry. Some Attempts with Chlebnikov's Incantation by Laughter.

Velimir Chlebnikov: Myth and Reality. Amsterdam, 1986.
Содержание: Markov V. On the prelest\ of Chlebnikov; *Baran H.* Chlebnikov's Poetics and its Folkloric and Ethnographic Sources; *Vroon R.* The Calendar Poems of V. Chlebnikov: A Textual Critique; *Faryno J.* Несколько наблюдений над поэтикой Хлебникова («В этот день, когда вянет осеннее...»); *Hansen-L?ve A. A.* Der «Welt-Schadel» in der Mythopoesie V. Chlebnikov's; *Cooke R F.* Chlebnikov's Grid: (Reshetka): A Missing Key to Nochnoj obysk?; *Weststeijn W.* The Role of the '\l' in Chlebnikov's Poetry (on the Typology of the Lyrical Subject); *Vroon R.* Metabiosis, Mirror Images and Negative Integers: Velimir Chlebnikov and his Doubles; *L?nnqvist B.* Chlebnikov's «Double Speech»; *Grigorjev V. P.* К диалектике воображаемой филологии; *Grygar M.* Парадокс «Самовитого слова» Хлебникова (к проблематике внетекстовых связей); *Sola A.* Словесность и комбинаторное искусство у Хлебникова; *Stobbe P. V.* Chlebnikov's My i doma: Language and Architecture. An Iter disciplinarian Approach; *Dietsch V.* Some Notes on Chlebnikov's Relation to Contemporary Art; *Gr?bel R.* The Montage of Codes and Genros as Secondary Syncretism in Chlebnikov's «Zangezi». The Construction of a Synthetical Text and the Problem of «Gesamtkunstwerk»; *Flaker A.* Хлебников на выставке; *Lanne J.-C.* Le conte dans la pens? et l'oeuvre de V. Khlebnikov; *Uijterlinde A.* Зверинец: проза или поэзия? *Matejka L.* Chlebnikov and Jakobson's «Noveji?

аја русскаја роџија»; *Эткинд Е.* Заболоцкий и Хлебников; *Жолковский А. К.* Графомания как прием: Лебядкин, Хлебников, Лимонов.

Velimir Chlebnikov. 1885–1985 / ed. J. Holthusen et al. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1986. (Sagners Slavistische sammlung. Bd. 11). *Содержание: Döring-Smirnov J. R and Smirnov I. P.* Der Futurismus Chlebnikovs; *Scholz F.* Bild, Wort und Laut als Elemente der Mythenbildung in V. Chlebnikovs Poesie; *Hansen-Løve A. A.* Metamorphosen der truba in der mythopoetischen Welt V. Chlebnikov; *Koll-Stobbe A.* Cognition and construction: Chlebnikov's — 1 as a Metaphoric Process; *Stobbe P.* «Повесть строится из слов, как строительной единицы здания» (Зангези).? berlegungen zu Konstruktivismus in Chlebnikovs «Мы и дома» und bildener Kunst; *Orai? H D.* Die «?bergeschichte» V. Chlebnikovs; *Drews P.* Esir; *Cooke R.* Chlebnikov's Padu? aja Texts: A Vision of War; *Weststeijn W.* Chlebnikov and the First World War; *Etkind E.* В поисках человека. Путь Николая Заболоцкого от неофутуризма к «поэзии души»; *M??t'an A.* Vladimir Holan, zaum und V. Chlebnikov.

notes

Примечания

1

Основные издания последних лет указаны в разделе «Библиография» (с. 321–338).

Кочетов А. Н. Ламаизм. М., 1973. С. 137.

О месте рождения В. В. Хлебникова см.: *Парные А. Е.* «Конецарство, ведь оттуда я...» // Теегин герл (Свет в степи). Лит. — худ. альманах Союза писателей Калмыцкой АССР. 1976. № 1. Ныне на месте рождения поэта ему поставлен памятник работы калмыцкого скульптора Степана Ботиева.

См.: Жизнеописание Владимира Алексеевича Хлебникова / Публ. Е. Р. Арензона // Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 2. М., 1999.

Цит. по: *Митурич П.* Записки сурового реалиста эпохи авангарда. М., 1997. С. 31.

Письма хранятся в Доме-музее В. Хлебникова в Астрахани. Музей находится в бывшей квартире родителей Хлебникова. Семейный архив передал в музей племянник поэта Май Петрович Митурич-Хлебников, сын Петра Митурича и Веры Хлебниковой.

О детских и юношеских годах В. Хлебникова см.: *Аристов В.* Страницы славной истории: Рассказы о Казанском университете. Казань, 1987 (глава «Виктор становится Велимиром»); *Чуйков Ю.* Первая заповедь. Астрахань, 1992; *Биряльцева А. Р.* По казанским следам Велимира Хлебникова // Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 3. М., 2002.

Цит. по: *Харджиев Н. Ж.* Статьи об авангарде. М., 1997. Т. 2. С. 274.

Цит. по: *Андриевекий А.* Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов. 1985. № 12. С. 242-243.

10

Отдел рукописей Российской национальной
библиотеки. Ф. 1087. Ед. хр. 10.

С. Л. Симонов — студент, социал-демократ. В 1903 г. был арестован, четыре месяца содержался в психиатрической лечебнице и в октябре того же года скончался. Эта гибель вызвала взрыв негодования.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977.
Оп. «Совет». Д. 10826.

Цит. по: *Парные А. Е.* Неизвестная пьеса Хлебникова «Елена Гордячкина»: К истории литературного дебюта // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века. Астрахань, 2003. Ч. I. С. 193–194.

Цит. по: *Хлебников В.* Избранные стихотворения. М., 1936. С. 12.

Протоколы заседаний Общества
естествоиспытателей при Имп. Казанском
университете, 1906–1907. Казань, 1908. Приложение
233.

Лавров С. Систематический Каталог позвоночных животных Зоологического Музея Императорского Казанского Университета. Часть II. Птицы (Aves). Казань, 1907.

Хлебников А. Письма к родным / Публ. и коммент. И. Ермаковой и Р. Дуганова // Волга. 1987. № 9.

Обратим внимание на возражения Спинозе, идущие из другого источника. Незадолго до того, как В. Хлебников написал «Еню Воейкова», в журнале «Новый путь» был опубликован роман Д. Мережковского «Петр и Алексей». Один из героев, Тихон Запольский, занят тем, что ищет истинного Бога, истинную веру. Искания приводят его в библиотеку архиерейского подворья в Петербурге, где он принимается изучать философию. Как и Еня Воейков, он читает Декарта, Лейбница, Спинозу, но чтение Спинозы вызывает у героя Мережковского совсем иные мысли: «Но всех страшнее, потому что всех яснее, был Спиноза. Он договаривал то, что другие не смели сказать. <...> Он вернулся в библиотеку, сел у окна, рядом со стеною, уставленной ровными рядами книг в одинаковых кожаных и пергаментных переплетах, взглянул на ночное, белое, над черными елями, пустое, мертвое, страшное небо и вспомнил слова Спинозы: „Между Богом и человеком так же мало общего, как между созвездием Пса и псом, лающим животным. Человек может любить Бога, но Бог не может любить человека“. Казалось, что там, в этом мертвом небе — Бог, который не может любить. Уж лучше бы знать, что совсем нет Бога. А может быть, и нет?..» То, что вызывает страх у героя Мережковского, у героя Хлебникова вызывает только восхищение.

19

Восходит к суффиксу — *ырь*, ср.: *пустырь*, *пузырь*.

«Музыки прежде всего...» (фр.).

Цит. по: *Чуйков Ю.* Почему тускнеют жемчужины.
Астрахань.
1996. С. 88.

Хлебников В. Ряв! Перчатки, 1908-1914 гг. СПб., 1914.

См. об этом: *Парнис А. Е.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова: Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978; *Иванов Вяч. Вс.* Славянская пора в поэтическом языке и поэзии Хлебникова // Советское славяноведение. 1986. № 3. Хлебников был хорошо знаком с идеями славянофилов. Имена Аксакова, Киреевского, Хомякова неоднократно упоминаются в его работах как «ряд осуждающих Запад». В этот ряд он ставит М. Щербатова. Книга «О повреждении нравов в России» — одна из любимых у Хлебникова.

Каменский В. Путь энтузиаста. Пермь, 1968. С. 78.

Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 335.

Каменский В. Его — моя биография великого футуриста. М., 1918.

Белый А. Начало века. М.; Л., 1933. С. 321.

Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 100.

Об Академии стиха см. также: *Гаспаров М. Л.* Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. № 10; Лит. наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 492 и след.; Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 34. М., 1973. Хроника событий печаталась в журналах «Вестник литературы» и «Русская художественная летопись».

Цит по: *Каменский В.* Путь энтузиаста. Пермь, 1968.
С. 85.

См.: *Каменский В.* Путь энтузиаста. С. 84-86.

Этот первоначальный вариант, посланный в письме Вяч. Иванову, был переработан В. Хлебниковым в 1910 г. Текст опубликован в сборнике «Садок судей» (1910). В 1911 г. автор вновь перерабатывает этот текст, окончательный вариант опубликован в 1940 г. в «Неизданных произведениях».

Бердяев Н. Самопознание. М., 1991. С. 139.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53212.

И. фон Гюнтер и его воспоминания // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1993. С. 352 (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 5).

Цит. по: *Парнис А. Е.* Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская литература XX века. Л., 1990.

О происхождении псевдонима В. Хлебникова см. также в работе: *Шишкин А.* Велимир Хлебников на «башне» Вяч. Иванова // Новое лит. обозрение. 1996. № 17. Интересно, что Хлебников часто писал свой псевдоним латиницей: Velimir.

Валерий Брюсов. М., 1976. С. 523 (Лит. наследство. Т. 85).

Елена Гуро — поэт и художник: Каталог выставки.
СПб., 1994. С. 38

Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста.
СПб., 1994. С. 51.

Каменский В. Путь энтузиаста. С. 97.

Брюсов В. Среди стихов. М., 1990. С. 336.

Цит. по: Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. М., 1999.

Это стихотворение было написано в 1912 г., когда В. Хлебников вновь проводил лето в Чернянке.

Бурлюк Д., Бурлюк М. Канва знакомства с Хлебниковым. 1909-1918 // Color and Rhyme. 1965. № 55. P. 35-39.

Подробнее о названии и о самой выставке см.:
Поспелов Г. Г. Бубновый валет. М., 1990.

Крученых А. Наш выход. М., 1996. С. 49.

Цит. по: Харджиев Н. Статьи об авангарде. М., 1997.
Т. 1. С. 157.

Подробнее о названиях книг кубофутуристов см. в работе: *Поляков Вл.* Книги русского кубофутуризма. М., 1998.

Ср. известную гравюру А. Дюрера «Иоанн, глотающий книгу» из серии «Апокалипсис».

Цит. по: *Каменский В.* Путь энтузиаста. С. 145.
Реакцию газет на диспуты о современном искусстве см.
в книге: *Крусанов А. В.* Русский авангард. СПб., 1996. Т.
1. Боевое десятилетие. С. 50–51.

Крученых А. Наш выход. С. 47-48.

Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста.
СПб., 1994. С. 275.

Цит. по: Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 784.

Об увлечении В. Хлебникова мифологией орочей см.:
Баран Х. Хлебников и мифология орочей // Баран Х.
Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993.

Цит. по: *Капелюш Б. Н.* Архивы М. В. Матюшина и Е. Г. Гуро // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 17.

Гуро Е. Небесные верблюжата. Ростов н/Д., 1993. С. 128.

Подробнее об этом см.: *Топоров В.* Миф о воплощении юнош и сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро // *Топоров В.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.

Цит. по: *Хлебников В.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. III. С. 436.

См. об этом: *Парнис А. Е.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова: Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978.

Подробнее о В. Хлебникове и Астрахани см.: *Мамаев*
А. А. Астрахань Велимира Хлебникова. Астрахань, 1996.

Цит. по: Поэтический мир В. Хлебникова. Волгоград, 1990. С. 118-119.

Цит. по: Русский футуризм. М., 1999. С. 234.

Цит. по: *Крусанов А.* Русский авангард. СПб., 1996. С.
141

О деятельности «Бродячей собаки» см.: *Парнис А., Тименчик Р.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1985. Ныне кабаре «Бродячая собака» воссоздано на прежнем месте.

Мандельштам О. Заметки о поэзии // Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 70. См. также статьи О. Мандельштама «Литературная Москва» (1922), «Буря и натиск» (1923).

Есть другой вариант этого прозвища: «Вспоминаю, что Хлебников называл его „муха в янтаре“» // *Перцов В. Современники. М., 1980. Т. 2. С. 365.*

Цит по: Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 83

См. об этом: Чукоккала: Рукописный альманах
Корнея Чуковского. М., 1979. С. 128, 133.

Цит по: *Харджиев Н.* Статъи об авангарде. Т. 1. С. 167.

Цит. по: *Крусанов А.* Русский авангард: 1907-1932. Т. 1. СПб., 1996. С. 148.

Цит. по: *Капелюш Б. Н.* Архивы М. В. Матюшина и Е. Г. Гуро // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 17.

Подробнее об акмеизме и футуризме см.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме. II // Russian Literature. 1977. Vol. III, № 5.

Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 263. Вероятно, на разных выступлениях Гнедов «читал» эту поэму по-разному. Другой современник, М. Зенкевич, пишет, что автор «вместо чтения делает кистью правой руки широкий похабный жест» (Зенкевич М. Сказочная эра. М., 1994. С. 437).

Подробнее о Н. Николаевой и ее взаимоотношениях с В. Хлебниковым см.: *Зубкова Н. А.* Надежда Новицкая и Велимир Хлебников // *Рукописные памятники. Вып. 1. Публикации и исследования.* СПб., 1996.

При публикации этого письма в томе «Неизданных произведений» В. Хлебникова (1940) фамилия Лившица была пропущена по цензурным соображениям.

В Доме-музее В. Хлебникова в Астрахани хранится ряд книг с его пометами и записями вычислений. Это, в частности, «Наши соседи и некоторые другие главнейшие государства: Обзор их военной мощи» (М., 1913); «Прошлое, настоящее и будущее Вселенной» (СПб., 1900) Клейна; «Физика земного шара» — книга, написанная дядей поэта — П. А. Хлебниковым.

Цит. по: Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 480.

Цит по: Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 117.

См. об этом: Крученых А. Наш выход. С. 158.

Воспоминания М. Бурлюк о В. Хлебникове см. в журнале «Color and Rhyme» (N. Y.), № 49 (1961), № 55 (1965), № 60 (1966).

Цит по: Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. М., 2001. С. 99—100.

Брик Л. Ю. Из воспоминаний // Дружба народов.
1989. № 3.

В. Ходасевич приписывает «композицию с вентилятором» В. Маяковскому.

Цит по: Ходасевич В. Портреты словами. Очерки. М., 1987.

Петровский Д. Повесть о Хлебникове. М., 1926. С. 6-7.

Там же. С. 8.

Цит по: Харджиев Н. Статъи об авангарде. Т. 2. С. 285.

Спасский С. Хлебников // Петрополь. 1999. № 8. С. 46.

Об архитектурных идеях В. Хлебникова см.: Жадова Л. «Толпа прозрачно-чистых сот» // Наука и жизнь. 1976. № 8; Ковтун Е. Ф., Повелихина А. В. «Утёс из будущего» (Архитектурные идеи Велимира Хлебникова) // Техническая эстетика. 1976. № 5-6.

Цит. по: Русский футуризм. М., 1999. С. 384.

Об этом вспоминает жена С. Исакова — А. А. Бруни-Соколова. Цит. по: Пророческая душа // Литературное обозрение. 1985. № 12.

Золотой век художественных объединений в России и СССР. СПб., 1992. С. 273.

Подробнее см. об этом: Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.

Цит. по: *Евсевьев М. Ю.* Из истории художественной жизни Петрограда в 1917 — начале 1918 года // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 2. Л., 1982.

Отдел рукописей Российской национальной
библиотеки. Ф. 1126. № 306.

Цит. по: Ахматова А. Поэма без героя. М., 1989. С. 344.

Дм. Петровский указывает, что хурул находился в поселке Черепаха. На самом деле местонахождение хурула — поселок Калмыцкий Базар на Волге (ныне — Приволжье). См. об этом: Мамаев А. Астрахань Велимира Хлебникова. Астрахань, 1996.

Цит. по: Хлебников В. Избранные стихотворения. М., 1936. С. 52.

См. об этом: Андриевский А. Н. Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов. 1985. № 12.

Владычина Г. Л. О Велимире Хлебникове // Вестник
Общества Велимира Хлебникова. Вып. 2. М., 1999.

Подъяпольский Н. Н. В устье Волги. М.; Л., 1927.

Цит. по: Поэтический мир Велимира Хлебникова.
Волгоград, 1990. С. 120.

Цит. по: Парнис А. Е. Хлебников — сотрудник «Красного воина» // Литературное обозрение. 1980. № 2.

См.: Якобсон Р. Воспоминания о Велимире Хлебникове // Независимая газета. 1992. 9 сентября.

См. об этом в публикации А. Е. Парниса «Уложится ли в строчку слово?» (Литературная газета. 1985. 13 ноября).

В 1921 г. в Праге эта статья вышла отдельным изданием под названием «Новейшая русская поэзия. набросок первый: Виктор Хлебников».

Пунин Н. Н. Коммунизм и футуризм // Искусство коммуны. 1919. № 17. 30 марта.

Маяковский В. В. В. Хлебников [Некролог] // Красная
новь. 1922. № 4.

Перцов В. О. Современники // Новый ЛЕФ. 1927. № 8-9.

Анфимов В. Я. К вопросу о психопатологии творчества: В. Хлебников в 1919 году // Труды 3-й Краснодарской клинической городской больницы. Вып. 1. Краснодар, 1935.

Подробнее об этом см. в статье: Дуганов Р., Перцов Н. О классических мотивах у позднего Хлебникова (вступление к поэме «Поэт») // Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 1. М., 1996.

См. об этом: Андриевский А. Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов. 1985. № 12. Далее в этой главе рассуждения В. Хлебникова, высказанные в беседах с Андриевским, цитируются по этой публикации. Мемуары были написаны Андриевским более чем через 50 лет после всех событий. Возможно, он говорил тогда с другим врачом, а не с Анфимовым, который к тому времени покинул Харьков.

Лейтес А. Хлебников — каким он был // Новый мир.
1973. № 1. С. 231.

115

РГАЛИ. Ф. 527. Ед. хр. 93. Л. 16.

116

Там же. Л. 23 об.

Цит. по: Киктев М. С. Хлебниковское «Б» и его околица (к типологии хлебниковских заклятий) // Велимир Хлебников и мировая художественная культура на рубеже тысячелетий: VII Международные Хлебниковские чтения: Научные доклады. Статьи. Тезисы. Астрахань, 2000.

Березарк И. Встречи с Хлебниковым // Звезда. 1965.
№ 12.

Альтман М. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 226.

Самородова О. Поэт на Кавказе // Звезда. 1972. № 6.
С. 186.

Клементьева К. А. «...Бережно сохранять первое впечатление» // Нева. 1985. № 10.

Костерин А. Русские дервиши // Москва. 1966. № 9. С. 217-218.

123

Монолог старухи-барыни приведен нами на странице 14 настоящего издания.

Из воспоминаний И. В. Грузинова «Маяковский и литературная Москва» // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1980. С. 180.

Цит. по: Новое о Маяковском // Литературное наследство. Т. 65. М., 1958. С. 126.

Цит. по: «В Хлебникове есть всё!» / Публ. Н. И. Харджиева // Литературная газета. 1992. 1 июня.

Цит. по: Vroon R. Velimir Khlebnikov's Otryvki iz dosok syd\by: Notes on the Publcation History and Three Rough Drafts // Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. P. 326-342. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).

См. об этом: «В Хлебникове есть всё!» // Литературная газета. 1992. 1 июня.

Цит. по: «Пророческая душа»: Хлебников в воспоминаниях современников / Публ. А. Е. Парниса // Литературное обозрение. 1985. № 12. С. 101.

Цит. по: Мирзаев А. Летописец бюджетлянский // Хлебниковские чтения. Л., 1990. С. 136.

Федоров Г. «С улыбкою недвижимой...» // Юность.
1975. № 7.

Даты до 1918 г. приводятся по старому стилю.

Первый раздел Библиографии составлен по хронологическому принципу, второй и третий — по алфавитному.